

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

**СССР—КНДР: курсом взаимовыгодного
сотрудничества**

**Об участии дальневосточных районов
Советского Союза в торгово-
экономическом сотрудничестве
СССР с Вьетнамом**

**Некоторые вопросы японо-индийских
отношений**

**Антивоенный, антиимпериалистический
форум в Дели**

**Труды советских ученых
по новой истории Китая**

Вопреки исторической правде

3

1983

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Стержневая проблема мировой политики

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

СССР — КНДР: курсом взаимовыгодного сотрудничества

- 8
- В. И. Андреев,*
-
- В. И. Осипов*

Об участии дальневосточных районов Советского Союза в торгово-экономическом сотрудничестве СССР с Вьетнамом

- 23
- М. Е. Тригубенко*

Борьба прогрессивных сил Японии за демократизацию законодательства и юстиции

- 32
- В. Н. Еремин*

Важное событие в политической жизни КНР

- 43
- В. В. Новозыбков*

Некоторые вопросы японо-индийских отношений

- 56
- О. А. Столярова*

Топливо-энергетическая проблема в КНР

- 65
- А. П. Морозов*

ИДЕОЛОГИЯ

Этические категории конфуцианства: современные оценки и толкования

- 72
- Л. С. Переломов,*
-
- Э. В. Никогосов*

КОММЕНТАРИИ

Антивоенный, антиимпериалистический форум в Дели

- 81
- К. А. Крутиков*

ИСТОРИЯ

Маневры американской дипломатии в Китае в конце 40-х годов

- 90
- А. М. Малухин*

Труды советских ученых по новой истории Китая

- 101
- В. И. Никифоров*

НАУКА И КУЛЬТУРА

Наука о Востоке

- 108
- В. М. Алексеев*

- 127 Творческое наследие академика Е. М. Жукова
А. М. Шарков
- 135 Цюй Юань: достоверность существования и авторства
Н. Т. Федоренко
- 145 Социологические аспекты реформы образования в КНР
Н. Е. Боревская

ПО СТРАНИЦАМ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКИ

- Вопреки исторической правде
Г. С. Садвакасов,
156 У. Х. Шалекенов

СООБЩЕНИЯ. СПРАВКИ

- 163 Славный город на Амуре
В. С. Яснев
- 167 По поводу одной исторической истины
Е. И. Кычанов
- 169 Латинноамериканская литература в КНР
М. Ю. Ким
- 175 О переписи населения в КНР
Е. С. Баженова

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 178 Воспоминания ради будущего
Э. Ф. Дроздов
- 181 МНРП на современном этапе
А. С. Железняков
- 182 Торговые монополии в Японии
Ю. Е. Евгеньев
- Японцы: национальный характер как социальный феномен
В. Б. Рамзес,
185 В. Н. Хлынов
- 188 Милитаризм: цифры и факты
В. Н. Усов

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор), В. А. АР-
ХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ,
Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Б. Г. ГРЕБЕН-
НИКОВ (зам. главного редактора), М. С. КАПИЦА,
И. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРИВЦОВ, О. Б. РАХМА-
НИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛН-
ЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО,
В. И. ШАБАЛИН.

Стержневая проблема мировой политики

В настоящее время на международной арене противостоят силы, которые отличаются принципиально разным подходом к вопросам мировой политики. С одной стороны, это силы империализма и войны во главе с США, которые нагнетают гонку вооружений, подталкивают человечество к ядерной пропасти и используют переговоры об ограничении ядерных вооружений только в качестве прикрытия для наращивания своих арсеналов смерти. С другой — это силы мира и прогресса: СССР, другие социалистические государства, многие нейтральные и не-присоединившиеся страны, выступающие с позиций сохранения мира и разрядки, разоружения, обеспечения безопасности народов.

Империализм изо дня в день усиливает международную напряженность в различных регионах нашей планеты, деятели НАТО роют землю под стартовые площадки в Западной Европе для новых американских ядерных ракет средней дальности — оружия первого удара. В США идут испытания межконтинентальной баллистической ракеты «МХ». Гонка вооружений приобретает космические масштабы.

«Империалистическая реакция, прежде всего правящая верхушка США, вынашивая бредовые планы мирового господства, своей агрессивной политикой подталкивает человечество на грань ядерной катастрофы», — указывается в постановлении июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС.

Проблема сохранения и упрочнения мира, обуздания стремительной гонки вооружений стала стержневой проблемой мировой политики сегодня.

* * *

Милитаристские приготовления Вашингтона прикрываются вымыслами о советской военной угрозе, разглагольствованиями о «гибкости» на переговорах о контроле над вооружениями и т. п. На деле на всех переговорах позиция США целиком ориентирована на получение односторонних преимуществ. Политика Вашингтона — это политика авантюризма, нацеленная на установление мирового господства с помощью военной силы. Американский империализм нагнетает до предела международную напряженность, представляет серьезную угрозу для всего человечества.

В сговоре с японской и южнокорейской военщиной империализм США все более активно стремится укрепить свои стратегические позиции, в частности на Дальнем Востоке и в регионе Южной и Юго-Восточной Азии, превратить эти обширные районы в постоянный источник дешевого сырья, в плацдарм для осуществления агрессивных замыслов против суверенных государств.

Вашингтон замышляет передать Токио и Сеулу часть жандармских функций на Дальнем Востоке и в ЮВА, одновременно форсируя здесь гонку вооружений путем оснащения 7-го флота США крылатыми ра-

кетами, увеличения численности авианосцев, атомных подводных лодок, размещения в Южной Корее нейтронного оружия, а в Японии — новых средств доставки ядерных боеприпасов.

Руководствуясь тезисом о «жизненно важных интересах» в Азии и бассейне Тихого океана, США стремятся использовать интеграционные тенденции в данном регионе в целях своей имперской стратегии. Просматривается намерение США придать сколачиваемому «Тихоокеанскому сообществу» функции империалистического военного блока, где главную роль играл бы Вашингтон, причем страны Азии и Тихого океана подстегиваются в этой опасной политической игре жупелом пресловутой «военной угрозы» со стороны СССР.

В этой милитаристской политической деятельности администрацией Р. Рейгана приоритет отдается дальнейшему упрочению американо-японских военных связей. Что касается правительства Я. Накасонэ, то оно открыто подыгрывает Вашингтону. На встрече «большой семерки» в Вильямсберге Я. Накасонэ полностью поддержал «ракетную политику» Соединенных Штатов и в Западной Европе, и в Восточной Азии.

Правящая верхушка Японии охотно идет навстречу требованиям Вашингтона превратить страну в мощную военную державу, рассчитывая в свою очередь обеспечить себе не только экономическое, но и военно-политическое господство в регионе. В японских портах будут базироваться американские военные корабли, в том числе оснащенные крылатыми ракетами. Токио дал согласие разместить на авиабазе Мисава (остров Хонсю) американские истребители-бомбардировщики «Ф-16», способные доставить ядерное оружие на расстояние более 1000 км, и т. д.

В своих ответах на вопросы корреспондента «Правды» Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов отмечал, что американские вооружения средней дальности находятся не где-нибудь, а буквально у нашего порога. И это касается не только Европы. «По всему периметру СССР, — подчеркивал он, — сосредоточены многие сотни американских носителей, могущих нанести ядерный удар по нашей территории».

Система военных баз США на чужих территориях — эти «осиные гнезда» Пентагона, как их именуют международные обозреватели, — служит обеспечению постоянного присутствия военно-морских, военно-воздушных сил США в различных районах планеты, является важнейшим элементом экспансионистского курса США. «Базовая стратегия» американского империализма занимала ранее и занимает ныне важное место в арсенале агрессивных средств Пентагона. «Завтрашнее поле битвы, — писал в свое время американский политолог Дж. Киффер, — весь мир. Сегодня задача состоит в том, чтобы обеспечить себе на земном шаре как можно больше стратегически важных пунктов и готовить наши войска к тому, чтобы они удерживали эти территории».

И в Азии, в частности на территории Японии, как уже упоминалось, разбросаны «осиные гнезда» Пентагона. В Белом доме, в Пентагоне продолжают рассматривать не только Европу, но и Азию как плацдарм для агрессии против Советского Союза. Как говорил в этой связи А. А. Громыко, «Япония и воды, окружающие Японию, начинены ядерным оружием и соответствующими носителями. Остров Окинава — огромная база ядерного оружия. Южная Корея — огромная база, а точнее, комплекс баз ядерного оружия. Индийский океан, особенно база Диего-Гарсия, начинен ядерным оружием, достающим Советский Союз...»

Густой сетью американских военных баз окутана территория Южной Кореи. Особую опасность представляет размещение там американского ядерного оружия. По некоторым данным, в Южной Корее находится более 700 единиц ядерных зарядов, авиационных бомб, гаубич-

ных и фугасных снарядов. Пентагон планирует значительно расширить свои «арсеналы смерти» в Южной Корее.

В текущем году на дальнейшую милитаризацию Южной Кореи сеульский режим намерен выделить более одной трети всех бюджетных ассигнований. Совместно с американскими воинскими подразделениями сеульские власти проводят провокационные военные маневры вблизи границ КНДР (например, недавние крупные маневры «Тим спринт-83» с участием 200 тысяч военнослужащих США и Южной Кореи).

Напряженность в регионе Дальнего Востока и в ЮВА, таким образом, все более усиливается, поскольку идет лихорадочное сколачивание американским империализмом трехстороннего милитаристского альянса «Вашингтон — Токио — Сеул». Мало того, Вашингтон активизирует свою деятельность в целях подчинить своему экспансионистскому курсу ряд других стран региона ЮВА. Речь идет о пресловутом «Тихоокеанском сообществе», в которое США хотели бы вовлечь и членов АСЕАН (включая Индонезию).

На очередной конференции министров иностранных дел АСЕАН (в которой участвовали на определенном этапе главы внешнеполитических ведомств США, Японии, ФРГ, Канады, Австралии, Новой Зеландии) Соединенные Штаты и их союзники, как и в Вильямсберге, подняли шумиху по поводу «укрепления безопасности» стран АСЕАН, с тем чтобы подтолкнуть их к превращению ассоциации в военно-политическую группировку.

В ноябре нынешнего года Р. Рейган намерен посетить Японию, Южную Корею и Индонезию. По мнению японской «Майнити», сам маршрут «подразумевает в конечном итоге создание антисоветского блока». Милитаризация Японии, а точнее, «натоизация» этой страны, то есть вовлечение ее в глобальную стратегию Пентагона, стремление замкнуть двусторонние военные соглашения Вашингтона с Токио и Сеулом, попытки «пристегнуть» АСЕАН к курсу Вашингтона — это все ступени к сколачиванию еще одной военно-политической коалиции, направленной против СССР, других социалистических государств.

Все более угрожающие размеры приобретает наращивание военно-морских сил США в Индийском океане. По вине империалистических держав, в первую очередь Соединенных Штатов, неоднократно срывались решения о проведении международной конференции по Индийскому океану. Используя тактику проволок, Вашингтон и его союзники продолжают наращивание военной мощи в бассейне Индийского океана.

Проводимая Вашингтоном политика наращивания вооружений, создания новых и расширения существующих военно-воздушных и военно-морских баз в регионах Азиатского континента и в ряде других регионов вызывает растущее беспокойство в странах Азии, Африки, в частности в государствах, расположенных в бассейне Индийского океана. Многие политические и государственные деятели зоны Индийского океана отвергают попытки США втянуть их страны в орбиту американской политики конфронтации с силами мира и прогресса.

Милитаризация Индийского океана является препятствием на пути создания в регионе Южной Азии зоны сотрудничества и добрососедства. Индия выражает серьезную озабоченность по поводу превращения острова Диего-Гарсия в военную базу США. Большую тревогу у общественности стран Южной Азии вызывают планы использования территории Пакистана в качестве «перевалочной базы» для американских «сил быстрого развертывания». Учреждение Вашингтоном так называемого «Сенткома» (Центрального командования) — это серьезное препятствие образованию зоны сотрудничества семи стран Южной Азии, поскольку сфера действия «Сенткома» включает часть района будущей зоны сотрудничества южноазиатской «семерки». Учреждение амери-

канского «Сенткома» — угроза и политическому и экономическому суверенитету участников южноазиатского регионального сотрудничества.

* * *

Импернализм во главе с США был и остается главным источником военной опасности и международных конфликтов. Сама природа импернализма такова, что в силе он видит главное средство достижения своих политических целей. Важной тенденцией международных отношений является процесс неуклонного изменения соотношения сил в ущерб импернализму как системе, в пользу социализма, сил прогресса и национально-освободительного движения. И именно ослабление общих позиций импернализма вызвало крутой поворот в военно-политической стратегии имперналистического лагеря, в особенности в стратегии его ведущей силы — США. Реакционные силы во главе с США взяли курс на нагнетание напряженности, на обострение отношений со странами социализма, на усиление агрессивности по всему фронту международных отношений. И в политическом и в идеологическом плане американский импернализм во все большей степени выступает как главный очаг милитаризма, агрессии и подготовки ядерной войны.

Позиция импернализма была сформулирована на совещании «большой семерки» в Вильямсберге и на сессии совета НАТО в Париже. Ни «большая семерка» в Вильямсберге, ни сессия НАТО в Париже не предложили ничего реально-позитивного, лидеры Запада отвергают все то, что им предлагает социализм. Импернализм не идет на ослабление и прекращение ядерного противостояния.

Июньский Пленум ЦК КПСС, восьмая сессия Верховного Совета СССР уделили большое внимание узловым вопросам международной жизни. Состоялась в Москве и встреча руководящих партийных и государственных деятелей НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, СССР и ЧССР, которые приняли Совместное заявление. На всех трех этих форумах была определена позиция социализма на современном этапе развития международных отношений.

КПСС, братские партии социалистических стран исходят из того, что отстоять мир — самая важная задача всех народов планеты. Борьба за решение вопросов войны и мира в интересах народов, прогресса всего человечества определяет содержание и важнейшие особенности современного этапа развития международных отношений.

Идеологическая борьба по проблемам войны и мира, безусловно, затрагивает сферу внешней политики государства. Но если западные державы переносят борьбу идей в область межгосударственных отношений, блокируют нормальное развитие этих отношений и препятствуют практическому решению назревших международных проблем, то позиция СССР такова: «при переговорах по военным вопросам, — подчеркнул член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, — будь то стратегическое оружие, или оружие средней дальности, или обычное оружие, или химическое оружие — идеологические расхождения, так же, как разница в общественном строе государств, должны отступить на второй план. Они не должны сюда привноситься. Мы выражаем это краткой, но четкой, математически четкой формулой: искать решения проблем и жить в мире, независимо от различий в социальном строе». Принцип мирного сосуществования остается важнейшей основой внешнеполитического курса СССР в отношениях между странами с различным общественным строем, указывал А. А. Громыко в докладе «О международном положении и внешней политике Советского Союза».

В современной острой международной обстановке должно быть сделано все, чтобы остановить гонку вооружений, вернуться на путь разрядки, упрочить мир. «Произошло небывалое обострение борьбы двух мировых общественных систем. Между тем попытка решить исторический спор между этими системами путем военного столкновения была бы губительной для человечества», — отметил в своей речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов.

С удовлетворением встретила мировая общественность недавние программные заявления и конструктивные действия СССР. Милитаристской программе Вашингтона по мобилизации усилий крупнейших западноевропейских стран и Японии во имя осуществления целей империализма, попыткам США повернуть историю вспять, объявлению войны освободительным движениям, неоколониалистской угрозе независимости стран Азии, Африки и Латинской Америки противостоит советская программа мира, готовность Страны Советов продолжать борьбу за мир, за коренное оздоровление международных отношений. Миротворческая политика и конструктивные действия КПСС, Советского государства одобряются и поддерживаются социалистическими странами, всеми миролюбивыми силами. Так, участники июньской встречи в Москве руководящих партийных и государственных деятелей НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, СССР и ЧССР в Совместном заявлении отметили, что империалистическая политика силы и диктата находится в глубоком противоречии с коренными интересами и стремлениями народов Европы и всего мира, которые ярко проявляются в многочисленных массовых антивоенных демонстрациях.

Верный социалистическому идеалу мира и разоружения, Советский Союз последовательно и настойчиво добивается позитивного исхода женевских переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе. Свидетельство тому — еще один крупный шаг, о готовности к которому заявил товарищ Ю. В. Андропов. Отвечая на вопросы газеты «Правда», он подчеркнул: «В случае достижения взаимоприемлемого соглашения, включая отказ США от развертывания в Европе новых ракет, Советский Союз при сокращении своих ракет средней дальности в европейской части страны до уровня, равного числу ракет у Англии и Франции, ликвидировал бы все сокращаемые ракеты. В этом случае ликвидировано было бы и значительное количество самых современных ракет, известных на Западе под названием СС-20».

Исключительная важность этого нового проявления доброй воли Советским Союзом очевидна. Выбита всякая почва из-под распространяемых в странах НАТО утверждений о том, будто СССР намеревается сохранить подлежащие сокращению ракеты СС-20, просто перебазировав их из Европы на Восток. Лишается каких-либо оснований и высказываемая сейчас Китаем и Японией озабоченность по поводу такой возможности.

Миллионы простых людей, тысячи политических и общественных деятелей, сотни национальных и международных организаций втягиваются в борьбу против ядерного милитаризма США и НАТО.

Народы в странах всех континентов поднимаются на защиту мира, защиту жизни на нашей планете.

СССР — КНДР: курсом взаимовыгодного сотрудничества

В. И. Андреев,
кандидат экономических наук
В. И. Осипов,
кандидат юридических наук

Т ридцать пять лет тому назад, 9 сентября 1948 г., была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика. Рождение КНДР связано с разгромом Советской Армией милитаристской Японии в августе 1945 г. и освобождением Северной Кореи.

Нелегким был путь трудового народа Кореи к созданию своего национального государства. Более 40 лет японские колонизаторы с «неслыханным зверством»¹ угнетали и грабили Корею, превратив ее в свою вотчину. Япония всячески пыталась законсервировать реакционные колониально-феодалные отношения в Корее. Страна была лишена политической самостоятельности, грубо попраны национальное достоинство, культура и гражданские права корейцев. Однако ни жесточайшие репрессии, ни полицейский террор не смогли сломить стремление корейского народа к свободе и независимости.

Широкий размах освободительное движение в Корее приобрело после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Идея Октября оказала революционизирующее воздействие на борьбу корейского народа за национальное и социальное освобождение. «Современная история корейского народа и его судьба, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК ТПК, Президент КНДР Ким Ир Сен, — непосредственно связаны с революционными историческими событиями, возникшими под влиянием Октября. Слившись с великим потоком революционной борьбы мирового пролетариата, став на путь, начертанный Октябрем, корейский народ нашел путь к своему освобождению»².

За годы народной власти трудящиеся КНДР, преодолевая огромные трудности, возникшие в результате войны 1950—1953 гг. и искусственного раскола страны, сумели с помощью Советского Союза, других социалистических государств восстановить народное хозяйство, превратить свою страну, бывшую некогда отсталым колониальным придатком Японии, в одно из развитых индустриальных государств Азии.

* * *

Определяя направления и формы сотрудничества с Корейской Народно-Демократической Республикой, так же как и с другими социалистическими странами, Советский Союз исходил и исходит из конкретных задач того или иного этапа строительства социализма в стране, внутренних политических и экономических установок, наличия собственных ресурсов и возможностей, общих задач, стоящих перед странами социализма, международной обстановки.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 61.

² Ким Ир Сен. Избранные статьи и речи. М., 1962, с. 324.

Сотрудничество с социалистическими странами не является для СССР каким-то абстрактным явлением. Оно зиждется на незыблемых принципах марксизма-ленинизма и пролетарского социалистического интернационализма, подразумевает наличие доброй воли у партнера, а также способность адаптировать в местных условиях предоставляемую помощь — будь то опыт социалистического строительства или экономическое содействие. Особенно большое значение экономическое сотрудничество с СССР имело и имеет для стран, вступивших, подобно КНДР, на путь строительства социализма в условиях слаборазвитой колониальной экономики, отсутствия собственной научно-технической базы. Развиваемое на началах полного равенства и взаимопомощи, это сотрудничество в значительной степени способствует подтягиванию экономически отсталых стран до уровня передовых, преодолению односторонности экономики, ликвидации последствий колониализма, ускорению темпов создания материально-технической базы социализма и развитого социалистического общества.

Взаимное стремление к сотрудничеству между советским и корейским народами было полностью реализовано после обретения корейским народом своей государственности — образования Корейской Народно-Демократической Республики и подписания соответствующих документов, регулирующих это сотрудничество. Однако было бы абсолютно неправильно не учитывать огромную помощь Советского Союза корейскому народу, корейским патриотам, боровшимся против японских захватчиков, в политической, дипломатической и военной областях в период, предшествующий освобождению Кореи Советской Армией, сам факт ее освобождения советскими вооруженными силами, большую и всестороннюю созидательную работу, которая была проделана при помощи Советского Союза и при непосредственном участии советских граждан в годы после освобождения и до образования первого в истории корейского народа государства рабочих и крестьян.

Советская Армия, выполнив свою освободительную миссию в Корее, сделала все от нее зависящее, чтобы создать народным массам страны благоприятные условия для преобразования общества в соответствии с их стремлением и интересами. В первые же дни на территории Северной Кореи была полностью ликвидирована японская колониальная администрация. Советские войска взяли под охрану фабрики, заводы, шахты, железные дороги, средства связи и другое имущество японской буржуазии и корейских компрадоров, которое в 1946—1947 гг. было передано Временному народному комитету Северной Кореи³. Советские военнослужащие участвовали в восстановлении разрушенных отступающими японцами и их пособниками народнохозяйственных объектов, делились опытом мирного строительства, помогали готовить национальные кадры. В Советской гражданской администрации работали специалисты по вопросам промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, юстиции, торговли, здравоохранения и культуры.

Отмечая заслуги советских воинов в восстановлении разрушенного народного хозяйства, тов. Ким Ир Сен писал: «Великая Советская Армия, находившаяся в северной части нашей республики, протянула руку бескорыстной помощи при восстановлении заводов, предприятий, железнодорожного транспорта, рудников, шахт. Бойцы и командиры Советской Армии во всех уголках северной части нашей республики с энтузиазмом трудились рядом с нашими рабочими и специалистами и оставили нам ценные плоды самоотверженного труда»⁴.

С целью нормализовать жизнь населения и обеспечить необходимые условия для налаживания новой жизни Советский Союз оказывал на-

³ См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945—1980. Документы и материалы. М., 1981, с. 25—27, 31—32.

⁴ «Минчжу чосон», 17.III.1950.

родной Корее в эти годы широкую материальную поддержку, предоставляя безвозмездно продовольствие, товары народного потребления, автотранспорт, топливо и многие другие товары, несмотря на то что советские люди в то время сами испытывали тяготы и лишения, восстанавливая разрушенное гитлеровскими захватчиками народное хозяйство.

Тогда же было положено начало и развитию торговли между нашими странами, которая велась на основе ежегодных протоколов о взаимных поставках товаров. Так, за три года — с 1946 по 1948 — взаимный товарооборот вырос в 4,7 раза и достиг почти 90 % всего внешнеторгового оборота Северной Кореи⁵. Основу советского экспорта составляли машины и оборудование, необходимые для восстановления и реконструкции промышленности, прокат черных металлов, сырье, топливо; импорта — черные и цветные металлы, руды и концентраты, продукция химической промышленности и сельского хозяйства.

В марте 1949 г. во время визита в Москву правительственной делегации КНДР во главе с тов. Ким Ир Сенем было заключено Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР. Основанное на принципах полного равенства и взаимной выгоды, товарищеской взаимопомощи и поддержки, оно явилось первым равноправным соглашением суверенной Кореи с иностранным государством, определило основные принципы и положило начало широкому плану сотрудничеству Советского Союза с КНДР в различных областях экономики и культуры. «Корейский народ, — писала газета «Минчжу чосон», — впервые в своей истории заключил равноправное соглашение»⁶.

В соответствии с подписанным документом, который действует и поныне, СССР и КНДР, исходя из уверенности, что укрепление и развитие экономических связей отвечает жизненным интересам народов обеих стран и будет наилучшим образом содействовать народнохозяйственному развитию, договорились предоставить друг другу режим наиболее благоприятствуемой нации в отношении всех вопросов торговли и мореплавания между обеими странами, деятельности физических и юридических лиц одной стороны на территории другой стороны. Было решено заключить соглашения, определяющие объем и номенклатуру взаимопоставляемых товаров как на годовые, так и на более длительные периоды, а также условия, «обеспечивающие бесперебойный и возрастающий товарооборот между обеими странами в соответствии с потребностями развития народного хозяйства каждой из них»⁷. Соглашение не ограничивало советско-корейское экономическое сотрудничество торговлей. Стороны обязались также содействовать обмену опытом в области промышленного и сельскохозяйственного производства путем посылки специалистов и оказания технической помощи.

В развитие Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве были одновременно подписаны и другие документы, призванные регулировать конкретные области торгово-экономических отношений между нашими странами: соглашение о товарообороте и платежах, предусматривающее значительное увеличение товарооборота в 1949 и 1950 гг., соглашения о предоставлении КНДР долгосрочного кредита в сумме 212 млн. руб., товарного кредита на 47,7 млн. руб., об оказании технической помощи КНДР в сооружении народнохозяйственных объектов, о помощи в подготовке кадров. Несколько позже было подписано соглашение об оказании помощи КНДР в проведении на ее территории геологоразведочных работ⁸.

⁵ См.: «Внешняя торговля СССР», 1958, № 9, с. 8.

⁶ «Минчжу чосон», 23.III.1949.

⁷ Отношения Советского Союза с народной Кореей, с. 67.

⁸ См. там же, с. 69; Корея: Север и Юг. М., 1965, с. 68.

Подписанные документы, таким образом, были нацелены на предоставление КНДР Советским Союзом широкой помощи в восстановлении и реконструкции национальной экономики, в создании экономической базы независимого демократического корейского государства.

Опираясь на помощь Советского Союза, корейский народ в первые годы после освобождения добился весомых успехов. Объем промышленной продукции в 1949 г. увеличился по сравнению с 1946 г. в четыре раза, а производство оборудования увеличилось по сравнению с 1944 г. примерно в полтора раза. В том же году валовой сбор зерновых составил 121 % сбора 1944 г.⁹

Однако планы мирного созидательного труда были нарушены войной, навязанной КНДР в 1950—1953 гг. американским империализмом и южнокорейской реакцией. Верный принципам пролетарского интернационализма, Советский Союз и в этот период пришел на помощь корейскому народу в его справедливой борьбе. Наряду с политической и дипломатической поддержкой советский народ оказывал народной Корее большую помощь оружием, боеприпасами, транспортными средствами, горючим, промышленным оборудованием, строительными материалами, продовольствием, медикаментами, товарами первой необходимости. В распоряжение Корейской народной армии был предоставлен богатый боевой опыт наших вооруженных сил, накопленный в годы Великой Отечественной войны. В частях КНА находились советские военные советники, в боевых операциях принимали участие опытные советские летчики, в Маньчжурии располагались советские авиационные дивизии, прикрывая тыл корейских воинов и частей китайских народных добровольцев. В тылу были развернуты советские госпитали для раненых военнослужащих и пострадавшего мирного населения. На случай ухудшения обстановки СССР готовился отправить в Корею пять бронетанковых дивизий¹⁰.

Война серьезно осложнила социально-экономическое положение в республике: встали заводы и фабрики, крестьяне лишились возможности работать на полях, надвигался голод. В этих условиях Советское государство вновь оказало помощь КНДР. «Мне стало известно, — телеграфировал И. В. Сталин Ким Ир Сену в апреле 1952 г., — что корейский народ нуждается в хлебе. У нас в Сибири 50 тыс. т готовой пшеничной муки. Мы можем послать эту муку в подарок корейскому народу»¹¹. КНДР получила этот дар советского народа, а также десятки тысяч тонн минеральных удобрений, 400 тракторов, несколько тысяч различных сельскохозяйственных машин, автомобилей, большое количество товаров широкого потребления¹².

В трудные для корейского народа годы послевоенного восстановления и строительства с особой силой проявилась действенность братской помощи Советского Союза. Война причинила республике огромный ущерб. В 1953 г. валовая продукция промышленности сократилась по сравнению с довоенным 1949 г. на 36 %, сельского хозяйства — на 24 %, национальный доход упал на 30 %¹³.

Учитывая, что собственные источники финансирования восстановления в КНДР крайне ограничены, и стремясь максимально способствовать ускорению нормализации положения в народной Корее, Советский Союз уже через несколько недель после подписания перемирия, в августе 1953 г., предоставил правительству КНДР безвозмездную помощь в 1 млрд. руб. для восстановления разрушенного войной народного

⁹ См.: «Правда», 12.IV. 1949.

¹⁰ См.: М. С. Каплиц а. КНДР: три десятилетия — три политики. М., 1979, с. 53.

¹¹ Отношения Советского Союза с народной Кореей, с. 87.

¹² См.: История Кореи, т. 2. М., 1974, с. 235.

¹³ См.: Развитие народного хозяйства и культуры КНДР в 1946—1957 гг. Статистический сборник. Пхеньян, 1958, с. 35 (на кор. яз.).

хозяйства¹⁴. Одновременно была уменьшена более чем наполовину сумма задолженности КНДР по ранее полученным кредитам, а также отсрочены платежи по оставшейся сумме и предоставлены более льготные условия ее погашения¹⁵.

Конкретные вопросы использования предоставленной Советским Союзом помощи обсуждались в ходе визита в Москву в сентябре 1953 г. правительственной делегации КНДР во главе с тов. Ким Ир Сеном. Была достигнута договоренность об использовании этих средств для восстановления и строительства заводов черной и цветной металлургии, химической и цементной промышленности, предприятий текстильной и пищевой промышленности. Советские организации выполняли проектные работы, поставляли оборудование и материалы, оказывали техническую помощь, передавали лицензии и техническую документацию для организации производства продукции на указанных предприятиях и готовили национальные корейские кадры¹⁶.

В августе 1956 г. правительство СССР вновь выделило КНДР на цели восстановления 300 млн. руб.¹⁷. На все эти средства общей суммой 1,3 млрд. руб. в КНДР в 1954—1960 гг. при технической помощи советских организаций и специалистов были восстановлены, реконструированы или построены заново 20 народнохозяйственных объектов. Так, были восстановлены и реконструированы Супхунская ГЭС (первая очередь), Сончжинский сталелитейный завод, Чхончжинский металлургический завод им. Ким Чака, завод цветных металлов в Нампхо, завод азотных удобрений в Хыннаме; построены цех соляной кислоты в Понгуне, Мадонский цементный завод (400 тыс. т цемента в год), шиферный цех на цементном заводе в Чхоннэри, мастерская по ремонту 300 тракторов в год в Саривоне, фанерный завод в Кильджу и мебельная фабрика в Пхеньяне, две железнодорожные тяговые подстанции, железнодорожный мост через реку Туманган, текстильный комбинат (65 млн. пог. м тканей в год), шелкопрядельно-ткацкая (10 млн. пог. м тканей в год) и красильно-отбелочная (45 млн. пог. м тканей в год) фабрики в Пхеньяне, рыбоконсервный завод в Синпхо, Пхеньянский мясокомбинат, радиоцентр и городская больница в Пхеньяне на 600 коек¹⁸.

Выполнив взятые на себя обязательства, Советский Союз тем самым заложил в народной Корее основы тяжелой и легкой промышленности, промышленной и социальной инфраструктуры, создал предпосылки для успешного развития сельского хозяйства и повышения уровня жизни корейских граждан. О значении этих предприятий для народного хозяйства КНДР свидетельствуют следующие цифры: в 1960 г. они дали 36 % общего производства электроэнергии, 33 % чугуна, 50 % кокса, 90 % аммиачной селитры, 60 % хлопчатобумажных тканей¹⁹.

В счет этой же безвозмездной помощи в 50-е годы, после корейской войны, из СССР в КНДР поставлялись оборудование и машины на предприятия, восстанавливаемые и строящиеся силами корейских специалистов, а также промышленное сырье, материалы и оборудование для восстановления железнодорожного транспорта и связи, сельскохозяйственные машины, удобрения, племенной скот, лошади, рыболовные суда, оборудование для восстановления жилищно-коммуналь-

¹⁴ См.: «Внешняя торговля СССР», 1975, № 8, с. 10.

¹⁵ См.: Ким Ир Сен. Об итогах работы правительственных делегаций КНДР, посетивших СССР, КНР и страны народной демократии. Доклад на шестой сессии ВНС КНДР 20 декабря 1953 г. Пхеньян, 1954, с. 12.

¹⁶ См.: «Правда», 20.IX.1953.

¹⁷ См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей, с. 405.

¹⁸ См. там же, с. 407.

¹⁹ См.: Корея: Север и Юг. М., 1965, с. 72.

ного хозяйства, больниц, учебных заведений, продовольственные и потребительские товары²⁰.

Решение поставленных задач сотрудничества между нашими странами предопределило более чем двукратный рост в эти же годы советско-корейской торговли. Около 40 % советского экспорта составляли машины и оборудование. КНДР поставляла в СССР металлические руды и концентраты, черные и цветные металлы, строительные материалы, продукцию сельского хозяйства.

К концу 50-х годов в КНДР при решающей помощи Советского Союза был в целом закончен период восстановления и реконструкции народного хозяйства, в основном преодолены экономические последствия разделения страны и японского колониального ига, построены основы социализма. Республика уверенно двигалась вперед по пути индустриализации и строительства нового общества, опираясь на заложенный в предыдущие годы экономический фундамент, что давало возможность перехода к качественно новому этапу торгово-экономического сотрудничества между СССР и КНДР.

Если в 40—50-е годы народная Корея могла выступать и выступала главным образом лишь как объект оказания помощи, то с начала 60-х годов советско-корейское сотрудничество стало постепенно подниматься на более высокий, взаимовыгодный уровень и строиться в основном на базе предоставления КНДР Советским Союзом долгосрочных кредитов, взаимоувязывания торговых интересов.

С учетом этой тенденции, а также все еще имевшихся у КНДР народнохозяйственных трудностей в июле 1960 г. между нашими странами был подписан протокол, согласно которому КНДР освобождалась от платежей по ранее предоставленным кредитам на сумму 171 млн. руб., а уплата ее долга в 31,5 млн. руб. была отсрочена²¹.

Новый этап в советско-корейских экономических отношениях потребовал и соответствующей правовой основы сотрудничества. Подписав ряд важных договоров и соглашений, СССР и КНДР юридически оформили и закрепили сложившиеся между нами отношения сотрудничества и взаимопомощи, определили их основные принципы и направления на будущее.

Особое место среди этих документов занимает Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР, заключенный 6 июля 1961 г. во время визита в Москву партийно-правительственной делегации КНДР во главе с тов. Ким Ир Сенем.

Этот договор является главным документом, определяющим весь комплекс советско-корейских отношений. Он в первую очередь имеет цель обеспечить условия для мирного созидательного труда корейского народа, оградить его социалистические завоевания, плоды труда от возможных посягательств извне. «Заключением этого договора,— говорил член Политкомитета ЦК ТПК, первый заместитель председателя Кабинета министров КНДР Ким Ир,— народы Кореи и Советского Союза выразили твердую решимость, крепко сплотившись в борьбе против империализма и во имя общего дела мира, социализма и коммунизма, еще теснее сотрудничать и оказывать взаимную поддержку и помощь, ясно продемонстрировали всем, что никакая сила не может поколебать дружбу и сплоченность народов наших двух стран»²².

Что касается экономических отношений между нашими странами, то в договоре нашли подтверждение и развитие основные положения советско-корейского Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве, подписанного в марте 1949 г. В его статье 4 указывает-

²⁰ См.: «Правда», 20.IX.1953.

²¹ См.: Корея: Север и Юг, с. 69.

²² «Нодон синмун», 6.VII.1962.

ся, что стороны обязуются развивать и укреплять экономические связи и осуществлять необходимое сотрудничество в области экономики, оказывать друг другу всевозможную помощь в соответствии с принципами равноправия, взаимного уважения государственного суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела друг друга²³.

Большое значение для развития торгово-экономических связей между СССР и КНДР имел заключенный 22 июня 1960 г. и вступивший в силу в марте 1961 г. Договор о торговле и мореплавании. В соответствии с ним стороны обязались принимать все необходимые меры для развития и укрепления торговых отношений между обоими государствами в духе дружеского сотрудничества, на основе взаимной помощи и взаимной выгоды²⁴.

Советско-корейское торговое и экономическое сотрудничество нашло свое конкретное выражение в подписанных на рубеже 50—60-х годов соглашениях о взаимных поставках товаров на 1961—1965 гг. (от 24 декабря 1960 г.) и об оказании Советским Союзом технической помощи КНДР в строительстве и расширении промышленных и других предприятий (от 17 марта 1959 г.), в которых учитывались задачи, поставленные первым семилетним планом развития народного хозяйства КНДР на 1961—1967 гг.

Первое долгосрочное соглашение было значительно перевыполнено. В 1965 г. товарооборот между нашими странами увеличился в 1,6 раза по сравнению с 1960 г. Особенно возросли поставки машин и оборудования, в частности, поставки комплектного оборудования и материалов для строительства предприятий увеличились более чем в 14 раз²⁵.

По соглашению об оказании КНДР технической помощи Советский Союз брал на себя обязательство построить теплоэлектростанцию в Пхеньяне, заводы по производству аммиака и полихлорвинила, льнопрядильную фабрику, шерстяную прядильно-ткацкую фабрику, а также оказать помощь в расширении металлургического завода им. Ким Чака (до общей мощности 1 млн. т стали и 700 тыс. т проката в год) и шелкопрядильной и ткацкой фабрик. Кроме того, предусматривалась поставка из Советского Союза по спецификации корейских организаций отдельных видов электрооборудования, приборов и кабельных изделий для доменной печи № 2 металлургического завода в городе Хванхэ, восстанавливаемого корейской стороной; оказание технической помощи в разработке проектов предприятий по производству меламина и борной кислоты; предоставление консультаций для организации производства этих химикатов и комплексного использования нефелинового сырья²⁶.

В соответствии с соглашением об экономическом и техническом сотрудничестве в строительстве и расширении промышленных и других объектов от 20 июня 1966 г.²⁷ Советский Союз предоставил правительству КНДР кредит в сумме 160 млн. руб. из 2 % годовых для оплаты проектно-изыскательских работ и поставляемых из СССР оборудования и материалов, а также для возмещения расходов советских организаций, связанных с командированием в КНДР специалистов для оказания технического содействия в строительстве промышленных предприятий и объектов и приемом в СССР корейских специалистов для производственно-технического обучения и практики на советских предприятиях. Погашение кредита предусматривалось в течение 10 лет рав-

²³ См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей, с. 197.

²⁴ См.: Сборник торговых договоров и соглашений по торгово-экономическому сотрудничеству СССР с иностранными государствами, т. 1. М., 1977, с. 421—426.

²⁵ См.: «Внешняя торговля СССР», 1975, № 8, с. 11.

²⁶ См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей, с. 170, 171.

²⁷ См. там же, с. 240—245.

ными ежегодными долями, начиная с года, следующего за годом завершения поставок оборудования и материалов и соответственно завершения работ для каждого объекта.

Одновременно, идя навстречу пожеланиям правительства КНДР, правительство СССР выразило согласие отсрочить все платежи, причитающиеся Советскому Союзу в 1966—1970 гг. по долгосрочным кредитам, предоставленным по советско-корейским соглашениям от 17 марта 1949 г., 6 июля 1961 г. и 31 мая 1965 г.: указанные платежи должны производиться корейской стороной в течение 14 лет, начиная с 1 января 1971 г., равными ежегодными долями. На период отсрочки погашения кредитов КНДР была освобождена от начисления процентов.

21 октября 1967 г. между Советским Союзом и КНДР было заключено еще одно соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, а также подписан протокол к нему от 18 сентября 1968 г.

Нарастающий из года в год объем экономического и торгового сотрудничества, усложнение взаимных связей, требования координации усилий всех ведомств и организаций обеих стран, участвующих в нем, а также стремление как КНДР, так и СССР к дальнейшему развитию и расширению взаимного сотрудничества предопределили образование в октябре 1967 г. межправительственной советско-корейской консультативной комиссии по экономическим и научно-техническим вопросам, состоящей из советской и корейской частей, возглавляемых соответственно заместителями глав правительств²⁸. В функции комиссии входит систематическое изучение возможностей последовательного развития экономических связей между обеими странами и разработка мероприятий по дальнейшему их расширению; подготовка предложений по увеличению взаимного товарооборота; рассмотрение вопросов, связанных с сотрудничеством в поставках комплектного оборудования и других работами, и подготовка соответствующих мероприятий; разработка предложений по углублению научно-технического сотрудничества; контроль за ходом выполнения своих решений и соглашений по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, заключенных между СССР и КНДР, принятие мер к успешному выполнению решений и соглашений. На заседании Комиссии, проходившем в Пхеньяне в мае 1983 г., стороны рассмотрели вопросы, связанные с выполнением взаимных обязательств, состоянием и перспективами сотрудничества в строительстве и расширении в КНДР при техническом содействии Советского Союза промышленных предприятий и других народнохозяйственных объектов, выполнением Протокола о товарообороте и платежах между двумя странами в 1982 г., а также задачи в области торговли на 1983 г. Были рассмотрены, кроме того, вопросы дальнейшего развития научно-технического сотрудничества и некоторые другие вопросы²⁹. Принимая главу советской части Комиссии на этом заседании, заместитель Председателя Совета Министров СССР Талызина В. Н., премьер Административного совета КНДР Ли Ден Ок вновь отметил, что советско-корейские экономические и научно-технические связи вносят большой вклад в решение задач социалистического хозяйственного строительства, выдвинутых VI съездом ТПК. Он подчеркнул, что КНДР будет прилагать все усилия для укрепления отношений дружбы и сотрудничества с Советским Союзом³⁰.

Координации торгово-экономических связей между нашими странами служат также прямые контакты между Госпланом СССР и Госпланом КНДР. В 1975 и 1980 гг. по линии Госпланов обеих стран были проведены консультации по вопросам развития экономического сотруд-

²⁸ См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей, с. 250—254.

²⁹ См.: «Правда», 19.V.1983.

³⁰ См. там же, 20.V.1983.

ничества на 1976—1980 гг. и 1980—1985 гг., с тем чтобы придать ему долговременный плановый характер. В настоящее время проводится подготовительная работа для проведения консультаций по вопросам торгово-экономического сотрудничества на 1986—1990 годы³¹.

60-е и 70-е годы были весьма плодотворными в советско-корейском экономическом сотрудничестве. На основании вышеуказанных, а также некоторых других соглашений и протоколов за эти два десятилетия в КНДР при технико-экономическом содействии СССР было построено или реконструировано 38 народнохозяйственных объектов, в том числе кислородно-конверторный цех мощностью 1 млн. т стали и цех горячей прокатки стального листа мощностью 850 тыс. т листа в год на металлургическом заводе им. Ким Чака в городе Чхонджинне, Пхеньянская ТЭЦ мощностью 400 тыс. кВт, ТЭС в Пукчане мощностью 1,2 млн. кВт, нефтеперерабатывающий завод в Унги по переработке 2 млн. т сырой нефти, угольный карьер Енхын по добыче 1,5 млн. т угля в год, угольная шахта № 1 в районе Анджу по добыче 1,5 млн. т угля, среднесоволновая радиостанция мощностью 1 тыс. кВт, завод эмалированных проводов производительностью 550 т в год, магистральная радиорелейная линия связи от Пхеньяна до границы СССР с ответвлениями и телевизионными ретрансляторами и ряд других важных народнохозяйственных предприятий³².

Трудно переоценить значение этого вида экономического сотрудничества с СССР для развития народного хозяйства КНДР и укрепления ее мощи. Только предприятия, построенные в КНДР в 70-е годы при техническом содействии Советского Союза, обеспечили увеличение за эти годы производства электроэнергии на 40 %, угля — на 30, стали — на 30, проката — на 40, азотных удобрений — на 25 %³³. Расчеты показывают, что удельный вес продукции всех предприятий, сооруженных в народной Корее при помощи СССР, составлял в 1982 г. в общем объеме производства электроэнергии около 63 %, стали — 33, чугуна — 11, проката черных металлов — 38, нефтепродуктов — 50, тканей — 20, химических удобрений — 14, в добыче железной руды — 42 %³⁴.

В 1982 г. при техническом и экономическом содействии СССР в КНДР в строй действующих были введены Тэдонганский аккумуляторный завод мощностью 1,1 млн. автомобильных аккумуляторов различной емкости в Пхеньяне и завод аммиака в Аоджи производительностью 50 тыс. т.

В настоящее время содействие в строительстве и реконструкции предприятий осуществляется на основании подписанного 9 февраля 1976 г. в Москве соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, которое регулирует и расчетные отношения³⁵.

Расчетные отношения между нашими странами регулируются соответствующим межправительственным соглашением о погашении корейской стороной задолженности по предоставленным в свое время кредитам.

Очередное рефинансирование задолженности КНДР Советскому Союзу означало, что к ее выплате корейская сторона приступила практически лишь в 80-е годы, то есть через 35 лет после начала советско-корейского сотрудничества, когда КНДР превратилась в промышленно развитую социалистическую страну.

Таким образом, на конец 1982 г., то есть за весь период советско-корейского экономического сотрудничества, при непосредственном со-

³¹ См.: «Правда», 19.V.1983.

³² См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей, с. 407, 408.

³³ См.: «Экономическая газета», 1981, № 28, с. 20.

³⁴ См. там же, 1980, № 33, с. 20.

³⁵ См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей, с. 343—351.

действии СССР в Корейской Народно-Демократической Республике восстановлен, реконструирован и вновь построен 61 народнохозяйственный объект, в том числе 34 промышленных предприятия; еще 9 находятся в стадии строительства и реконструкции на условиях долгосрочного кредита, среди них металлургический завод им. Ким Чака, цех обескислороживания меди в городе Нампхо, завод микроэлектродвигателей в Пхеньяне производительностью 1 млн. шт., подшипниковый завод в городе Ренсоне мощностью 10 млн. шариковых и роликовых подшипников, Пукчанская ТЭС, расширяемая до мощности 1,6 тыс. МВт, Чхонджинская ТЭЦ мощностью 150 МВт, алюминиевый завод по выпуску 23 тыс. т алюминия, угольные шахты № 2 и 3 в районе Анджу для общей добычи 2,5 млн. т угля. Строительство ряда объектов находится на завершающей стадии³⁶.

Предприятия, сооруженные при содействии СССР, составляют костяк национальной экономики КНДР, материализуют политику индустриализации ТПК и охватывают практически все основные отрасли народного хозяйства: электроэнергетику, горнодобывающую промышленность, черную и цветную металлургию, машиностроение, химическую промышленность, промышленность стройматериалов, транспорт, связь, текстильную и пищевую промышленность. Они сконструированы с учетом последних достижений науки и техники и оснащаются новейшими образцами советского оборудования. На них рука об руку с корейскими рабочими трудились и трудятся сотни советских специалистов.

На современном этапе советско-корейское экономическое сотрудничество осуществляется на основе принципиально нового хозяйственного механизма с использованием наиболее эффективных форм. В практику вошла компенсационная форма сотрудничества, при которой в КНДР при содействии СССР создаются предприятия с целевым назначением для поставки в течение длительного времени их продукции в Советский Союз в погашение ранее предоставленных кредитов, в том числе в первые пять лет, начиная с года, следующего за годом пуска в эксплуатацию, в оплату стоимости поставленных в процессе строительства оборудования и материалов и оказания других видов технического содействия последовательными равными долями, соответственно 10, 15, 20, 25 и 30 % стоимости каждого объекта, а также по клирингу.

Эта форма сотрудничества развивается на основе заключенного между правительствами СССР и КНДР соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве от 15 сентября 1970 г., в соответствии с которым в КНДР сооружены аккумуляторный завод, заводы эмалированных проводов и микроэлектродвигателей³⁷, а также соглашения от 9 февраля 1976 г., по которому оказывается содействие в расширении конверторного цеха и цехов горячей и холодной прокатки листа на металлургическом заводе им. Ким Чака. Была зафиксирована договоренность о том, что корейская сторона обеспечит поставку в Советский Союз, а советская сторона — закупку в КНДР не менее 80 % производимых на этих предприятиях автомобильных аккумуляторов и эмалированных проводов и не менее 60 % микроэлектродвигателей. Поставками стали и горячекатаного и холоднокатаного листа будет погашен кредит, предоставленный на расширение мощностей соответствующих цехов.

Торгово-производственное сотрудничество на компенсационной основе позволяет расширить номенклатуру корейских товаров, поставляемых в СССР и другие страны, значительно облегчает КНДР погаше-

³⁶ См.: «Внешняя торговля СССР», 1982, № 6, с. 4, 16.

³⁷ См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей, с. 279—283.

ние задолженности Советскому Союзу, способствует диверсификации ее экономики и создает условия для более активного участия КНДР в международном социалистическом разделении труда. Так, микроэлектродвигатели предназначены для изготавливаемых в СССР холодильников, стиральных машин и других бытовых приборов. Тэдонганский аккумуляторный завод, подавляющая часть продукции которого поступает в СССР, вместе с тем получает из социалистических стран не производимые в КНДР сырье и материалы более 30 наименований (в том числе половину из Советского Союза), среди которых сера, сурьма, шинный регенерат и т. д.

Хорошие перспективы имеют выращивание и поставки в дальневосточные районы Советского Союза тепличных овощей в обмен на содействие в создании соответствующей производственной базы и инфраструктуры.

Успешно развивается советско-корейское экономическое сотрудничество и в других областях. В первую очередь следует сказать о заготовке леса на долевом участии силами корейских рабочих в районах Восточной Сибири. Заготовленный лес в определенной пропорции поступает и для нужд народного хозяйства СССР, и в КНДР. Это сотрудничество между нашими странами в полном объеме началось в 1967 г., а в 1975 г. в связи с накоплением положительного опыта и большим значением лесозаготовок для развития экономики обеих стран было признано целесообразным значительно расширить их, в результате чего в январе 1975 г. было подписано Соглашение между правительствами Советского Союза и КНДР об увеличении объемов заготовки леса на территории СССР силами корейских рабочих³⁸. В лесозаготовительных хозяйствах были сооружены цеха по производству технологической щепы из отходов древесины; попутно в лесонасаждениях, подлежащих вырубке, заготавливается живица.

Высокого уровня достигло сотрудничество в рыболовстве. Эта отрасль имеет исключительно важное значение для народного хозяйства КНДР, так как рыба и морепродукты являются основными источниками животного белка в рационе питания граждан этой страны, где животноводство и птицеводство не получили развития по ряду объективных причин. Поэтому повышение жизненного уровня трудящихся, решение продовольственной проблемы прямо увязывается с ростом добычи рыбы и морских продуктов.

Повышение требований к технической оснащенности в морском промысле, введение странами мира 200-мильной экономической зоны значительно осложнили для республики рыболовство, которое требует в настоящее время современных орудий лова, использования в полном объеме научных методов его ведения.

Решению этих проблем в значительной мере способствует подписанное между правительствами СССР и КНДР 18 января 1974 г. Соглашение о сотрудничестве в области рыболовства и протокол к нему от 28 июля 1977 года³⁹. Руководствуясь стремлением сотрудничать в развитии морского рыболовства, техники промысла и технологии обработки рыбных продуктов, в организации рыболовства на научной основе в целях максимального сохранения стабильных рыбных ресурсов для обеспечения устойчивых уловов, Советский Союз и КНДР на основе взаимности взяли на себя обязательства обмениваться опытом и проводить консультации по вопросам организации морского промысла и использования рыбных ресурсов; поисковой техники и техники промысла рыб; прудового рыболовства и биотехники разведения моллюсков

³⁸ См.: «Внешняя торговля СССР», 1975, № 8, с. 13; «Экономическая газета», 1980, № 33, с. 20.

³⁹ См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей, с. 317—322, 371—375.

и водорослей; технологии обработки объектов морского рыболовства, их хранения и транспортировки, производства тары и других упаковочных материалов; технической оснащенности, эксплуатации и ремонта рыбопромыслового флота; эксплуатации портов.

Предусматривается обмен специалистами рыбной промышленности и технической информацией по технике промысла и технологии обработки рыбы, биотехнике рыбоводства, разведению и выращиванию морских водорослей, проведение координируемых и совместных научно-исследовательских работ по определенным проблемам.

Советские и корейские рыболовные суда получили возможность заниматься промыслом в 200-мильных зонах соответственно КНДР и СССР в предусмотренных объемах, бункероваться в портах друг друга и проводить там в случае необходимости ремонтные работы.

Сотрудничество в оказании КНДР технико-экономического содействия в строительстве на ее территории народнохозяйственных объектов, а также некоторые другие виды экономического сотрудничества реализуются посредством торговли между нашими странами. По каналам внешней торговли КНДР не только получает оборудование, но и оплачивает его и другие виды содействия поставками своих товаров в оговоренные соглашениями сроки.

Ныне в торговле между нашими странами действует подписанное 12 июля 1981 г. межправительственное соглашение о взаимных поставках и платежах на 1981—1985 гг., которое предусматривает рост взаимного товарооборота за пятилетие примерно на 40 %⁴⁰. Первые два года действия этого соглашения показали, что оно успешно выполняется. В 1982 г. товарооборот между Советским Союзом и КНДР достиг рекордного объема за всю историю советско-корейских экономических отношений — 681 млн. руб., увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 28,7 %. При этом советский экспорт вырос на 14,2 %, а импорт — на 44,8 % (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика советско-корейской торговли в 70—80-е годы (в млн. руб.)

Год	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот в % к 1970 г.	Оборот в % к предыдущему году
1970	329,3	207,0	122,3	100,0	111,5
1975	338,2	186,8	151,4	102,7	102,7
1980	572,1	287,9	284,2	173,7	169,2
1981	529,2	278,9	250,3	160,7	92,5
1982	681,0	318,5	362,5	206,8	128,7

Составлено по: Внешняя торговля СССР. Статистические сборники за соответствующие годы.

Сложившаяся структура взаимных поставок товаров отражает достигнутый уровень экономических связей и отвечает потребностям развития народного хозяйства обеих стран. Наибольший удельный вес в поставках СССР занимают машины, оборудование и транспортные средства, твердое и жидкое топливо, сырье для производства пищевых и промышленных товаров, товары народного потребления (см. табл. 2). В целом номенклатура советских товаров насчитывает свыше 200 наименований.

В свою очередь СССР является самым крупным покупателем в КНДР традиционных товаров корейского экспорта: магнезитового порошка, талька, барита, цемента, черных и цветных металлов и проката из них, продукции химической промышленности, металлорежущих стан-

⁴⁰ См.: «Правда», 15.VII. 1981.

Таблица 2

Структура советского экспорта в КНДР в 70—80-е годы (в %)

Раздел*	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1982 г.
Экспорт, млн. руб.	207,0	186,8	287,9	318,5
I. Машины, оборудование и транспортные средства	43,5	40,5	28,5	23,5
II. Топливо, минеральное сырье, металлы	23,5	21,8	38,8	41,9
III. Химические продукты, удобрения, каучук	3,3	3,0	1,0	0,9
V. Сырье и продукты его переработки (непродовольственные)	4,8	3,2	2,9	4,6
VII. Сырье для производства пищевкусовых товаров	8,4	8,1	12,9	12,1
VIII. Пищевкусовые товары	2,7	0,7	...	...
IX. Промышленные товары народного потребления	2,8	3,3	3,0	2,6

* Наименование разделов и их нумерация здесь и в табл. 3 приведены по Единой товарной номенклатуре внешней торговли.

Составлено по: Внешняя торговля СССР. Статистические сборники за соответствующие годы

ков, сельскохозяйственной продукции, товаров широкого потребления (см. табл. 3).

Важную роль в советско-корейских экономических связях играет научно-техническое сотрудничество. Оно позволяет КНДР с наименьшими затратами и в максимально короткие сроки осваивать производство новой продукции, внедрять в промышленность и сельское хозяйство передовую технику и технологию, более рационально использовать имеющиеся материальные и людские ресурсы, ускорить и улучшить подготовку национальных кадров.

Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между СССР и КНДР было подписано 5 февраля 1955 г.⁴¹ Оно предусматривает об-

Таблица 3

Структура советского импорта из КНДР в 70—80-е годы (в %)

Раздел	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1982 г.
Импорт, млн. руб.	122,3	151,4	284,2	362,5
I. Машины, оборудование и транспортные средства	6,0	8,1	6,8	7,3
II. Топливо, минеральное сырье, металлы	39,3	40,5	28,4	25,9
III. Химические продукты, удобрения, каучук	1,7	2,4	1,2	1,5
IV. Строительные материалы и детали	14,8	17,4	25,1	21,4
V. Сырье и продукты его переработки (непродовольственные)	—	0,9	1,7	1,5
VII. Сырье для производства пищевкусовых товаров	3,3	2,2	1,8	3,3
VIII. Пищевкусовые товары	15,1	14,4	18,2	16,4
IX. Промышленные товары народного потребления	16,4	11,2	9,4	15,7

Составлено по: Внешняя торговля СССР. Статистический сборник за соответствующие годы.

⁴¹ См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей, с. 109—110.

мен опытом во всех отраслях народного хозяйства и в этих целях передачу друг другу технической документации, обмен соответствующей информацией, командирование специалистов для оказания технической помощи. Для координации усилий обеих сторон в этой области была организована советско-корейская комиссия по научно-техническому сотрудничеству, функции которой в 1967 г. перешли к подкомиссии, существующей в рамках образованной тогда же межправительственной советско-корейской консультативной комиссии по экономическим и научно-техническим вопросам.

За весь период научно-технического сотрудничества советская сторона передала КНДР около 2800 комплектов различной технической документации в области геологии, машиностроения, металлургии, химии, пищевой и рыбной промышленности, энергетики и сельского хозяйства⁴². Только в машиностроительной промышленности по советской технической документации освоено производство нескольких десятков видов продукции, среди них грузовые автомобили «Сынни-58» (типа «ГАЗ-51») и «Чачжухо» (типа «КРАЗ-214»), колесные тракторы «Чхольима» (типа «Владимирец-28»), экскаваторы, бульдозеры, перфораторы, компрессорные установки, а также различные виды оборудования⁴³. Во многих отраслях народного хозяйства КНДР применяется советская технология. Корейской стороне переданы, кроме того, образцы промышленных изделий и сельскохозяйственной продукции, свыше 5,3 тыс. различных стандартов, использованных для создания национальной службы стандартизации⁴⁴.

КНДР в свою очередь передала СССР около 30 комплектов технической документации, в том числе на производство железокоса, поливинилового спирта, о методах интенсификации пудового хозяйства, приемах ловли и переработка продуктов морского промысла, а также возделывания некоторых сельскохозяйственных культур и лекарственных растений, в частности женьшеня. Советской стороне были переданы образцы посадочного и посевного материала морозоустойчивых и высокоурожайных сортов плодово-ягодных культур⁴⁵.

Согласно заключенному в 1959 г. советско-корейскому соглашению СССР оказал КНДР техническое содействие в области использования атомной энергии в мирных целях: в оборудовании радиехимической лаборатории и лаборатории ядерной физики, строительстве кобальтовой установки, поставлено другое сложное научное оборудование⁴⁶.

За годы существования народной Кореи в вузах СССР подготовлено более полутора тысяч высококвалифицированных специалистов, свыше 250 граждан КНДР окончили аспирантуру в нашей стране. Около 40 студентов и стажеров из КНДР учились в советских высших учебных заведениях в начале 80-х годов. На советских предприятиях прошли производственно-техническую практику или ознакомились с достижениями советской науки и техники тысячи корейских специалистов. В Пхеньянском университете им. Ким Ир Сена на факультете корейской филологии постоянно обучаются советские студенты и стажеры⁴⁷.

С научно-техническим сотрудничеством между нашими странами тесно связано сотрудничество по линии Академий наук обеих стран, в основе которого лежат заключенное между ними 4 февраля 1969 г. Соглашение о научном сотрудничестве и регулярно подписываемые

⁴² См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей, с. 406; «Внешняя торговля СССР», 1975, № 8, с. 12.

⁴³ См.: Корея: Север и Юг, с. 76.

⁴⁴ См.: «Экономическая газета», 1980, № 33, с. 20.

⁴⁵ См.: Корея: Север и Юг, с. 76; «Экономическая газета», 1980, № 33, с. 20.

⁴⁶ См.: Ф. И. Шабшин и др. Социалистическая Корея. М., 1963, с. 178—179.

⁴⁷ См.: «Экономическая газета», 1981, № 28, с. 20.

с тех пор двухгодичные планы. 17 мая 1982 г. в Пхеньяне подписан очередной план научного сотрудничества на 1982—1983 гг.

* * *

Справедливая борьба корейского народа за объединение своей родины, за мир и безопасность на Корейском полуострове пользуется широкой поддержкой советского народа, братских социалистических стран, прогрессивной общественности всего мира. В условиях обострения международной обстановки, вызванного агрессивными силами империализма, возглавляемого США, заметно возросла напряженность и на Корейском полуострове. В меморандуме МИД КНДР, опубликованном в апреле 1983 г., разоблачаются попытки Соединенных Штатов создать новый агрессивный военный альянс Вашингтон — Сеул — Токио, направленный на подрыв мира и безопасности в Азии и во всем мире.

Общезвестно, что администрация Рейгана рассматривает Южную Корею в качестве «прифронтового государства», потенциального «театра военных действий». Исходя из этого, Вашингтон усиливает милитаристские приготовления в Южной Корее, укрепляет находящийся там свой 42-тысячный корпус. Пентагон готовится разместить на юге новые системы ядерного оружия средней дальности, в частности крылатые ракеты. Разрабатываются планы доставки в Южную Корею нейтронного оружия. Значительно возрастают военные кредиты США, предназначенные для модернизации южнокорейской армии. Так, в 1981 году Вашингтон предоставил 150 млн. долл., в 1982 г. — 170 млн., в 1983 г. предусмотрено 210 млн., а на 1984 г. запланировано 230 млн. долл.

Наращивание американским империализмом военных приготовлений в районе Тихого океана, все более тесное пристегивание Сеула к своей военной колеснице вызывают обоснованную озабоченность у народов региона Дальнего Востока. Вот почему друзья корейского народа — СССР, другие страны социалистического содружества, прогрессивная мировая общественность — поддерживают конструктивные усилия руководителей КНДР, направленные на мирное, демократическое объединение родины, без вмешательства извне. «Мы, — подчеркивалось на восьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва, — солидарны с борьбой Корейской Народно-Демократической Республики за мирное, демократическое объединение родины».

35 лет социалистического строительства в КНДР — это период самоотверженного труда корейского народа, период взаимовыгодного сотрудничества Советского Союза и народной Кореи. «Мы стремимся к тому, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, — чтобы сотрудничество и социалистическая взаимопомощь братских стран становились глубже и эффективнее, в том числе и в совместном решении научно-технических, производственных, транспортных, энергетических и других задач»⁴⁸. Именно в этом КПСС, Советское государство видят залог успешного продвижения вперед всего социалистического содружества.

⁴⁸ «Коммунист», 1982, № 17, с. 19—20.

Об участии дальневосточных районов Советского Союза в торгово-экономическом сотрудничестве СССР с Вьетнамом

М. Е. Тригубенко

Современные задачи развития экономического сотрудничества СССР со странами социализма определены в решениях XXVI съезда КПСС, в выступлениях и высказываниях по этому вопросу Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, других руководителей КПСС и Советского государства. Наряду с выделением социалистической экономической интеграции в качестве основного, приоритетного направления внешнеэкономической политики СССР в отношении социалистических стран неизменное внимание уделяется развитию сотрудничества с отдельными странами — членами СЭВ.

При согласовании перспектив развития внешнеэкономических связей СССР со странами — членами СЭВ, выработке конкретных программ сотрудничества, определении основных направлений экономической политики на длительный период учитываются специфические условия развития каждой братской страны. СССР руководствуется согласованными решениями стран — членов СЭВ о распространении на Вьетнам принципиального положения Комплексной программы о мерах по ускорению роста и повышению эффективности народного хозяйства в целях постепенного сближения и выравнивания уровня его экономического развития с уровнем других стран — членов СЭВ, как это предусмотрено в отношении МНР и Республики Куба (XXXIII заседание сессии СЭВ) и о применении по отношению к этим странам согласованных преимущественных условий сотрудничества (XXXVI заседание сессии СЭВ)¹.

На V съезде Коммунистической партии Вьетнама, состоявшемся весной 1982 г., глава советской партийно-правительственной делегации, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в одном из своих выступлений отметил: «Что касается Советского Союза, то наша страна будет и впредь оказывать социалистическому Вьетнаму решительную поддержку и помощь»².

В совместном советско-вьетнамском коммюнике, подписанном в связи с пребыванием в СССР в октябре 1982 г. с официальным дружественным визитом партийно-правительственной делегации СРВ во главе с членом Политбюро ЦК КПВ, Председателем Государственного Совета СРВ Чыонг Тинем, говорилось: «Более тесным стало экономическое сотрудничество, углубляется координация народнохозяйственных планов обеих стран, развиваются новые формы сотрудничества, неуклонно повышается его эффективность»³.

Советско-вьетнамское сотрудничество развивается на современном

¹ См.: «Правда», 11.VI.1982; «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1982, № 8, с. 16.

² «Правда», 31.III.1982.

³ Там же, 9.X.1982.

этапе на основе подписанных в конце 70-х — начале 80-х годов межправительственных соглашений и на основе Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ, заключение которого дало мощный импульс углублению и расширению всесторонних отношений двух братских государств. Среди наиболее важных торгово-экономических соглашений, подписанных в 1978—1981 гг., следует назвать Соглашение между СССР и СРВ о дальнейшем развитии и углублении экономического и научно-технического сотрудничества, соглашения об оказании содействия СРВ в обеспечении нормального движения по железной дороге Ханой — Хошимин, об оказании технического содействия СРВ в завершении строительства моста «Тханглонг» через реку Красную, реконструкции ханойского железнодорожного узла и расширении колес железной дороги Ханой — Хайфон. Соглашение о сотрудничестве в подготовке вьетнамских специалистов и квалифицированных рабочих (3 ноября 1978 г.) и в развитие его соглашение от 2 апреля 1981 г., советско-вьетнамское соглашение о сотрудничестве в проведении геологической разведки и добыче нефти и газа на континентальном шельфе СРВ (3 июля 1980 г.), соглашение о товарообороте и платежах на период 1981—1985 гг. между СССР и СРВ (30 июля 1981 г.). Важное значение имеет договоренность, достигнутая в ходе дружественного визита в СССР в сентябре 1981 г. партийно-правительственной делегации СРВ во главе с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном о расширении закупок Советским Союзом во Вьетнаме овощей и фруктов⁴.

Для развивающегося сотрудничества между СССР и СРВ в конце 70-х — начале 80-х годов наиболее характерны следующие особенности: концентрация усилий на строительстве ключевых объектов в различных отраслях народного хозяйства Вьетнама;

сохранение высоких темпов взаимного товарооборота, поиски путей преодоления несбалансированности советско-вьетнамской торговли, повышение ее эффективности;

внедрение различных форм промышленной кооперации;

ускорение научно-технического сотрудничества;

усиление помощи СССР в решении проблемы трудоустройства вьетнамских граждан, повышении уровня их квалификации.

Огромную роль на всех этапах социалистического строительства Вьетнама играло содействие Советского Союза в сооружении новых крупных объектов, составивших костяк развивающейся материально-технической базы и положивших начало формированию социалистического сектора в экономике СРВ.

При техническом содействии СССР в СРВ построено и строится 288 объектов⁵. Из них к началу 1982 г. было введено в эксплуатацию 194, в том числе в промышленности 101⁶. В текущей пятилетке (1981—1985), основные направления, цели и задачи которой утвердил V съезд КПВ, усилено внимание к более эффективному использованию капиталовложений за счет прекращения распыления ресурсов по многим объектам, сосредоточения их на главнейших. Совет Министров СРВ весной 1982 г. принял постановление, в котором утвержден список 42 объектов, объявленных первоочередными на период 1981—1985 гг. и на более отдаленный срок. Костяк их составляют предприятия в топливно-энергетических отраслях промышленности, на транспорте, крупные экспортные предприятия и ряд других, которые создаются при техническом содействии Советского Союза. Наиболее трудоемкими и капиталоемкими объектами строительства являются нефте- и газоразведка, их добыча, в основном на континентальном шельфе СРВ, строительство гидроузла Хоабинь и ГЭС

⁴ См.: «Правда», 8.IX.1981.

⁵ См.: «Внешняя торговля», 1982, № 6, с. 23.

⁶ См. там же, с. 4.

⁷ См.: «Азия и Африка сегодня», 1983, № 3, с. 20.

на реке Да (Черная) мощностью 1920 тыс. кВт⁸, ТЭС «Фалай» мощностью 640 тыс. кВт на севере Вьетнама и ГЭС «Чиан» мощностью 320 тыс. кВт — в южной части Вьетнама, моста «Тханглонг» через реку Хонгха (Красная), строящегося на безвозмездной основе, угольных шахт «Хетам», цементного завода «Бимшон» проектной мощностью 2 млн. т цемента в год (введены в эксплуатацию мощности по производству 0,6 млн. т цемента в год)⁹.

Усиливается комплексный подход к оказанию содействия Советским Союзом в строительстве новых объектов. К областям советско-вьетнамского сотрудничества, в которых стороны работают по-новому, на базе комплексного подхода, относятся согласованные мероприятия по дальнейшему улучшению технического обслуживания машин и оборудования, поставляемых из СССР в СРВ, и ремонт советских морских судов в доках города Хошимина.

Темпы развития советско-вьетнамской торговли в 1976—1981 гг. были наиболее высокими среди всех стран — членов СЭВ. В 1976—1981 гг. торговля СССР со странами — членами СЭВ возросла в два раза, в том числе с СРВ — в 4,9 раза¹⁰. При этом в 1976—1980 гг. среднегодовые темпы роста товарооборота СССР с СРВ составляли 24,3 %, в 1981—1982 гг. — 28,5 %. Объем взаимного товарооборота в 1982 г. достиг самого высокого уровня — 1011 млн. руб.¹¹

Отмечая успехи в развитии сотрудничества между СССР и СРВ, нельзя не сказать о проблемах, которые следует решить в этом и последующих пятилетиях. Необходимо преодолеть несбалансированность торговли. Доля покрытия советского экспорта импортом в 1980 г. составляла 34,6 %, в 1981 г. — 23 %. Объем торговли СССР с Вьетнамом пока ниже уровня других стран — членов СЭВ. Доля СРВ в торговле СССР с социалистическими странами (включая и страны — нечлены СЭВ) в 1982 г. составляла всего 1,5 %¹². Ныне на первый план выдвигается изыскание в СРВ дополнительных источников увеличения экспорта. Особое значение придается в этой связи всестороннему использованию ресурсов сельского и тропического лесного хозяйства, легкой промышленности, увеличению добычи полезных ископаемых, развитию морского промысла, постепенному переходу к экспорту некоторых видов продукции тяжелой промышленности и увеличению экспортных поставок сырьевых товаров.

Вьетнамские эксперты считают, что следует повышать в перспективе удельный вес многолетних культур (каучук, кофе, чай, фрукты), овощей, увеличивать экспортные поставки продукции легкой промышленности, изготовленной из сырья собственного и поставляемого в СРВ социалистическими странами (хлопок-волокно, хлопчатобумажная пряжа, шерсть-сырец). По мнению вьетнамских экономистов, необходимо также расширить экспорт некоторых видов промышленного сырья и топлива: угля, олова, хромитов, апатитов¹³.

Внеэкономическая стратегия СРВ на современном этапе характеризуется борьбой за постепенный переход от использования преимущественно помощи социалистических стран, предоставляемой в форме дол-

⁸ На этом ключевом объекте пятилетки уже проведен большой объем строительных работ: в январе 1983 г. была перекрыта река Да, созданы современные производственная и ремонтная базы, мощный автопарк, жилой массив для строителей. — См.: «Правда», 28.11.1983.

⁹ См.: «Внешняя торговля», 1982, № 6, с. 14—15.

¹⁰ См.: «Экономическая газета», 1983, № 13, с. 20.

¹¹ См.: «Внешняя торговля», 1982, № 6, с. 20; «Экономическая газета», 1983, № 13, с. 20.

¹² Расчет произведен на основе данных «Экономической газеты», 1983, № 13, с. 20.

¹³ См.: «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1982, № 8, с. 15.

госрочных кредитов или безвозмездно, к развитию взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества. Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан в Политическом отчете ЦК КПВ V съезду партии, «необходимо уделять особое внимание экономической эффективности, эффективному использованию кредитов и помощи Советского Союза и других братских стран, добиваться выполнения своих обязательств, международного доверия, решительно бороться с нживенческими настроениями в отношении иностранной помощи»¹⁴.

Одним из важных направлений развития торгово-экономического сотрудничества СССР и СРВ на современном этапе становится расширение связей между советским Дальним Востоком и Вьетнамом.

Дальневосточные районы Советского Союза играют активную роль в едином народнохозяйственном комплексе и в сотрудничестве СССР с социалистическими странами. Здесь быстрыми темпами развиваются такие важные отрасли промышленности, как горнодобывающая, лесная и деревообрабатывающая, рыбная; вылавливается 40 % всей добываемой Советским Союзом рыбы, производится до 8 % деловой древесины, пиломатериалов, целлюлозы. Этот район — основной производитель сои в Советском Союзе. За последние годы на Дальнем Востоке получили значительное развитие обрабатывающие отрасли индустрии — нефтехимия, машиностроение и металлообработка, легкая и пищевая промышленность.

В соответствии с «Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1981—1985 гг. и на период до 1990 года» перед экономикой Дальнего Востока определены еще более широкие перспективы. На Дальнем Востоке предусматривается обеспечить дальнейшее развитие цветной металлургии, нефтеперерабатывающей, рыбной, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Увеличить производство сои, риса и другой сельскохозяйственной продукции¹⁵.

Осуществляются экономические мероприятия, направленные на комплексное освоение природных ресурсов, более эффективное использование сырья и энергии, совершенствуется работа всех видов транспорта. На территории Дальнего Востока создается ряд крупных минерально-сырьевых баз (нефтехимических, железорудных, угольных, цветных металлов, строительных материалов), которые представляют хорошую основу для создания территориально-производственных комплексов¹⁶. Дальний Восток вносит весомый вклад в решение продовольственной программы Советского Союза, развивает сельское хозяйство, рыбную и пищевую промышленность для все более полного удовлетворения запросов населения в продуктах питания.

Вместе с тем, имея разнообразные ресурсы для комплексного развития народного хозяйства, этот регион вследствие суровых климатических условий сталкивается с трудностями в производстве сельскохозяйственной продукции — овощей, фруктов, зерновых. Потребление основных продуктов питания на Дальнем Востоке превышает его производство. Так, в 1980 г. в расчете на душу населения в среднем по Дальнему Востоку: мяса и мясопродуктов было произведено 33 кг, а потреблено 65 кг, молока — соответственно 189 и 354 кг, овощей — 68 и 99 кг¹⁷. Требуется увеличить объем отдельных видов товаров массового спроса, расширить базы туризма и отдыха. Регион испытывает нехватку трудовых ресурсов, поэтому здесь затруднено расширение трудоемких видов производства, проведение строительных и других работ. Решению перечисленных проб-

¹⁴ «Нян Зан», 28.III.1982.

¹⁵ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 188.

¹⁶ См.: «Вопросы экономики», 1982, № 11, с. 33, 34, 37.

¹⁷ См. там же, 1983, № 1, с. 93.

лем может способствовать развитие торгово-экономического сотрудничества дальневосточных районов Советского Союза с Вьетнамом.

Значение дальневосточного региона СССР в этом плане определяют следующие факторы: относительная близость территории, дешевый короткий морской путь сообщения (от Хайфона до Владивостока он занимает 7 суток), заинтересованность советской стороны в закупках у СРВ продовольственных и промышленных товаров массового спроса, в налаживании трудовой кооперации в условиях нехватки трудовых ресурсов на советском Дальнем Востоке. Промышленность дальневосточных районов СССР в известной степени уже ориентирована на обслуживание хозяйственных нужд Вьетнама: над выполнением вьетнамских заказов работают около 20 дальневосточных промышленных предприятий. Они изготавливают для СРВ стальной прокат, энергетическое и подъемно-транспортное оборудование, металлорежущие станки, судовые двигатели, химические продукты, цемент, пиломатериалы. Значителен вклад советского дальневосточного региона в развитие транспортной системы СРВ.

Емкий рынок дальневосточного региона Советского Союза может стать потребителем традиционных и новых товаров вьетнамского экспорта. Сейчас же доля Дальнего Востока в торговле СССР с Вьетнамом составляет 12,5 % (в 1980 г. — 5 %).

Заинтересованность Вьетнама в расширении торгово-экономического сотрудничества с дальневосточными районами Советского Союза также обусловлена целым рядом факторов: желанием развивать промышленную кооперацию, получая заказы или сырье на изготовление изделий и загружая тем самым свободные производственные мощности и незанятую рабочую силу, осуществлять взаимный обмен продукцией по линии прямых связей, получая из дальневосточных районов СССР товары потребительского и производственного назначения, расширять контакты по линии научно-технического сотрудничества и по многим другим направлениям (организация баз туризма и отдыха, сотрудничество в области транспорта и пр.)¹⁸.

Сотрудничество дальневосточных районов Советского Союза с СРВ имеет давние традиции. Уже с 50-х годов оказывается помощь Вьетнаму в изучении запасов полезных ископаемых, морских ресурсов, развернулось интенсивное сотрудничество в проведении рыбохозяйственных, океанологических и лимнологических исследований в западной части Тихого океана с целью разработки научных основ интенсификации воспроизводства рыб, других морепродуктов, регулирования рыболовства. Тогда же был организован ряд совместных научно-исследовательских и поисковых исследований в водах, прилегающих к Вьетнаму.

К настоящему времени Советским Союзом накоплен положительный опыт в налаживании торгово-экономических и иных форм связей на региональном уровне со странами — членами СЭВ, а также с рядом определенных развитых капиталистических стран, например с Японией.

Сотрудничество СССР со странами — членами СЭВ, в том числе на региональном уровне, осуществляется в рамках социалистической экономической интеграции, поэтому оно направлено на планомерное развитие экономических районов СССР; сочетание их внутрисоюзной и международной специализации способствует рациональному размещению и формированию территориально-производственных комплексов, развитию экспортных производств интеграционного значения. Социалистическая экономическая интеграция как фактор регионального развития хозяйства СССР направлена, особенно в текущем десятилетии, на преимущественное развитие в восточных районах СССР совместных производств в добывающих (прежде всего в нефтяной, газовой, отчасти угольной) и

¹⁸ См.: Социалистическая Республика Вьетнам. Социально-экономические проблемы. М., 1982, с. 183.

энергоемких отраслях химии и металлургии, в лесохимической промышленности, в отдельных видах машиностроения. С европейскими странами — членами СЭВ приграничное сотрудничество ведется в западных районах, а с Монголией и КНДР — в восточных районах СССР. С Японией и Австралией развивается прибрежное сотрудничество. По мнению советских экономистов, приграничное сотрудничество уже стало самостоятельной проблемой мирового социалистического хозяйства, тесно связанной с развитием интеграции¹⁹.

Заслуживает внимания изучение проблемы прибрежной торговли СССР со странами Тихоокеанского бассейна, осуществляемой в рамках внешнеторгового объединения МВТ «Дальинторг». Как показывают подсчеты экономистов, Советскому Союзу подчас выгоднее закупать некоторые потребительские товары у соседей по Дальнему Востоку, чем доставлять их из европейской части страны²⁰.

Существенной стороной прибрежной торговли является то, что импортируемые товары реализуются через торговую сеть краев и областей в обмен на изготавливаемую в этих районах продукцию, что позволяет лучше мобилизовать экспортные возможности предприятий Дальнего Востока, включить в торговый оборот изделия народных промыслов, местной промышленности и прочих отраслей, производимые небольшими партиями.

Конечно, цели, характер и содержание сотрудничества СССР с СРВ на региональном уровне, возможности развития прибрежной торговли на современном этапе несколько отличаются от подобных форм сотрудничества СССР с европейскими странами — членами СЭВ.

СРВ находится на начальном этапе переходного периода и поэтому ставит перед собой задачи, характерные для этого этапа развития.

В экономической стратегии КПВ на 80-е годы, принятой V съездом партии, предусмотрено первоочередное развитие агропромышленной сферы, в том числе традиционных отраслей экономики, для скорейшего решения продовольственного вопроса и иных проблем, связанных с необходимостью повышения жизненного уровня народа. Одновременно получают развитие отрасли, обслуживающие агропромышленную сферу, а также отрасли промышленности и сельского хозяйства, продукция которых поставляется на экспорт. Будет продолжено строительство крупных объектов в топливно-энергетических отраслях. Выполнение экономической программы 80-х годов позволит Вьетнаму создать первоначальные собственные накопления, перейти в последующие годы к социалистической индустриализации.

Проблемы сотрудничества СРВ с СССР, в том числе на региональном уровне, то есть с дальневосточными районами Советского Союза, обсуждались во время пребывания партийно-правительственных делегаций СРВ в Москве в июле 1980 и сентябре 1981 г.²¹

Этой проблеме уделяют внимание партийные, хозяйственные руководители краев и областей Дальнего Востока, научные учреждения СССР и СРВ, разрабатывающие тематику сотрудничества между СССР и СРВ. Известный вклад в разработку и практическую реализацию задачи усиления участия дальневосточных районов Советского Союза в торгово-экономическом сотрудничестве с Вьетнамом внесли советско-вьетнамские научные симпозиумы, состоявшиеся в Хабаровске в октябре 1980 г. и в Хошимине в ноябре 1982 г.²²

Они проводились в рамках научного сотрудничества Академии наук СССР, включая ДВНЦ АН СССР, и Комитета общественных наук СРВ.

¹⁹ См.: СССР и социалистическая экономическая интеграция. М., 1981, с. 325.

²⁰ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 1, с. 32.

²¹ См.: «Правда», 4 и 8.IX.1981.

²² См.: «Вопросы экономики», 1981, № 3, с. 158; «Нян Зан», 10.XII.1982.

Оба научных симпозиума привлекли внимание научной общественности и государственных органов как Советского Союза, так и Вьетнама. Во встрече в Хошимине приняли участие руководители Приморского и Хабаровского крайисполкомов, Амурского, Камчатского и Сахалинского облисполкомов; с вьетнамской стороны — хозяйственные руководители общегосударственных и местных (городских и провинциальных) планово-экономических органов²³.

На симпозиумах отмечалась необходимость усиления хозяйственного взаимодействия СССР с СРВ в дальневосточном регионе по ряду направлений. Главное из них — это увеличение поставок из СРВ в дальневосточные районы СССР овощей, специй, тропических фруктов, технических культур в свежем и переработанном виде, как отмечалось на встречах советских и вьетнамских руководителей на высшем уровне.

Дальневосточные районы Советского Союза являются основными потребителями поступающих из СРВ свежих овощей и фруктов, ликероводочных изделий, более половины всего объема чая. Однако поставки этой продукции из Вьетнама пока ниже импортных потребностей дальневосточных районов Советского Союза, особенно в зимне-весенний период, и ниже экспортных возможностей СРВ. Так, в 1980 г. СРВ экспортировала в СССР 2,7 тыс. т свежих овощей, 15 т красного перца, 12,7 тыс. т свежих фруктов, в том числе 6,5 тыс. т бананов и 4,2 тыс. т ананасов²⁴. Доля поставок свежих фруктов из СРВ в общих закупках этой продукции СССР за границей составила в 1980 г. 1,2 %²⁵, что не соответствует ни потребностям советской стороны, ни возможностям вьетнамской.

Вьетнам может стать для дальневосточных районов Советского Союза важным источником снабжения овощами и фруктами. Завоз свежих овощей и фруктов из СРВ по сравнению с межрайонным завозом имеет ряд преимуществ. Доставка осуществляется наиболее дешевым видом транспорта — морским — в течение всего года; ассортимент овощей и фруктов, производимых в СРВ, велик; сейчас вывозится 7 наименований продукции из 40 видов, выращиваемых во Вьетнаме²⁶. Немалый интерес для дальневосточных районов СССР представляют закупки у СРВ арахиса, чая, красного и черного перца, овощных и фруктовых консервов. Эти продукты хорошо хранятся, легко поддаются упаковке и транспортировке, не требуют особых условий для реализации. Расширение объема закупок сельскохозяйственной продукции у Вьетнама предусмотрено в соглашении об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и СРВ в 1981—1985 гг.

В социалистическом Вьетнаме уделяется большое внимание расширению площадей и увеличению сбора овощей и фруктов. Так, в 1981 г. посевные площади, занятые под овощами, возросли по сравнению с 1975 г. со 147 тыс. до 202 тыс. га, а сборы овощей — с 1,76 млн. до 2,28 млн. т²⁷.

Вьетнамские экономисты считают, что СРВ имеет большие возможности для увеличения поставок свежих овощей и фруктов в СССР уже в этой пятилетке — до 100—130 тыс. т, а также может выделить под эти культуры дополнительно 10—20 тыс. га, ныне занятые под рисом²⁸. Однако это сопряжено с определенными трудностями. В настоящее время основные усилия и материальные ресурсы СРВ направляются на решение в текущем пятилетии продовольственной проблемы, в первую очередь на увеличение производства зерна.

²³ См.: «Нян Зан», 25.XI и 27.XII.1982.

²⁴ См.: Внешняя торговля СССР в 1980 г., с. 203.

²⁵ См. там же, с. 93.

²⁶ См.: «Нян Зан», 8.I.1981.

²⁷ См.: Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. 1982. М., 1982, с. 35.

²⁸ См.: «Нян Зан», 24.XII.1982.

В 1981—1982 г. благодаря применению комплекса мероприятий, в том числе по стимулированию развития сельскохозяйственного производства, валовые сборы продовольственных культур значительно возросли и составили в 1982 г. в пересчете на рис 16,2 млн. т, что превысило уровень 1980 г. на 13 %. Это создало предпосылки для прекращения начиная с 1983 г. импорта продовольствия²⁹. Однако, как отмечалось на V съезде КПВ, для полного решения продовольственной проблемы требуется комплексный подход, в рамках которого были бы увязаны воедино капиталовложения, перераспределение трудовых ресурсов, а также повышению уровня управления³⁰.

Наряду с решением продовольственной проблемы на общереспубликанском уровне в СРВ усилено внимание к созданию специализированных зон по выращиванию риса, технических культур, фруктов и овощей³¹. На встрече в Хошимине в 1982 г. вьетнамские экономисты поделились планами создания специализированных зон по выращиванию овощей и фруктов, в том числе поставляемых в дальневосточные районы СССР. Например, районы, прилегающие к Хайфону, а также провинции Ламдонг, Фукхань, Тхуанхай могут усилить специализацию по круглогодичному производству овощей, а восточная и западная часть Намбо — разнообразных тропических фруктов, район специализированного выращивания ананасов — центральная часть страны, бананов — северовьетнамская провинция Виньфу. Как считают вьетнамские экономисты, концентрация совместных усилий должна осуществляться в ближайшие 5—10 лет именно на развитии вышеназванных зон.

Для развития и совершенствования торгово-экономических связей советского Дальнего Востока и СРВ важнейшее значение имеет создание производственной инфраструктуры: производства унифицированной тары, сооружения складских помещений, поставки транспортных средств. Серьезный подход к этой проблеме, на наш взгляд, должен опираться на долгосрочную комплексную целевую программу производства овощей, фруктов и другой сельскохозяйственной продукции, импортируемой из Вьетнама, решение транспортной проблемы и связанных с ней вопросов (упаковка, доставка, выгрузка, прием, хранение, переработка рузов).

Все большую роль в снабжении овощами и фруктами дальневосточных районов СССР играет юг Вьетнама. Вьетнамские специалисты считают, что для более активного подключения южных районов к снабжению дальневосточного региона СССР овощами и фруктами, которые выращиваются на юге Вьетнама в большем объеме и значительно большем ассортименте, чем на севере, требуется совместно решить ряд вопросов: о реконструкции речных портов, об оказании помощи СССР СРВ в ремонте судов-сухогрузов с холодильными камерами, техническом оснащении имеющихся на юге предприятий по переработке овощей и фруктов, холодильных установок. Параллельно будут исследованы вопросы упаковки, транспортировки и хранения продуктов на территории Вьетнама.

Сотрудничество в отраслях, производящих разнообразные товары широкого потребления в СРВ для поставок на советский Дальний Восток, целесообразно налаживать в основном на принципах промышленной кооперации, которая получила развитие в прошлом и текущем пятилетиях между СРВ, СССР и некоторыми другими социалистическими странами³². Около половины вьетнамского экспорта в СССР составляет продукция легкой, кустарной промышленности, ремесленного производства.

²⁹ См.: «Нян Зан», 13.V.1983.

³⁰ См. там же, 30.III.1982.

³¹ См.: «Нян Зан», 30.III.1982.

³² См.: «Внешняя торговля», 1982, № 6, с. 21; «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1982, № 8, с. 15.

Она производится в основном из местного сырья — джута, тростника, бамбука, глины, кожи, морских раковин и пр. Из советского сырья производятся ковры, ткани, готовые хлопчатобумажные изделия (белье верхнее и нижнее, постельное, столовое, полотенца, трикотаж верхний и нижний, другие швейные изделия), матерчатая обувь, рабочая спецодежда и пр. В промышленную кооперацию по производству изделий по заказам может быть втянута армия мелких кустарей и ремесленников, число которых во Вьетнаме составляет 1,6 млн. человек³³. Вьетнамские экономисты считают, что в развитии этой формы сотрудничества особенно важную роль играет использование не занятой пока рабочей силы южных районов страны, особенно в Хошимине³⁴.

К производству потребительской продукции на условиях промышленной кооперации тесно примыкает сотрудничество Вьетнама с СССР в лесной и деревообрабатывающей промышленности. Дальний Восток обладает значительными лесными ресурсами. Заготовкой и переработкой древесины занято несколько десятков механизированных леспромхозов и несколько деревообрабатывающих предприятий. Вместе с тем дальневосточные районы заинтересованы в приобретении ценных пород древесины для нужд мебельной промышленности, в изготовлении деревянной тары, строгого шпона, мебельных заготовок, паркета. Все это можно было бы организовать на предприятиях Вьетнама с поставкой в дальневосточные районы. Заказы на производство в СРВ отдельных видов продукции лесоперерабатывающей промышленности могут быть налажены на основе сырья заказчика, как это делается в общесоюзном масштабе в отношении других отраслей вьетнамской промышленности.

На симпозиумах в Хабаровске и Хошимине отмечалась необходимость развития такой формы сотрудничества, как организация баз туризма и отдыха в СРВ для населения советского Дальнего Востока, в основном используя накопленный потенциал. Так, гостиничный потенциал Хошимина уже в настоящее время позволяет принимать в месяц сотни советских туристов. В пригороде Хайфона, живописном морском курорте Дошон, созданы условия для приема советских туристов. Красивые и благоустроенные курортные места имеются и в других местах Вьетнама: Нячанге, Хюе, Далате.

Вклад дальневосточных районов СССР в развитие связей Советского Союза с Вьетнамом может быть немалым. Кооперация экономического потенциала дальневосточных районов Советского Союза с СРВ поможет ускорению ее хозяйственного развития, увеличит экспортный потенциал страны. На основе производственной и трудовой кооперации могут решаться проблемы более полной загрузки производственных мощностей и использования трудовых ресурсов во Вьетнаме. Успешнее могут решаться и социальные проблемы переходного периода в СРВ: укрепление и расширение позиций социалистического сектора в промышленности, ускоренное внедрение в сельское хозяйство социалистических форм хозяйствования. Передача советскими дальневосточниками передового опыта, научно-технических знаний позволяет ускорить процесс научно-технической революции во Вьетнаме, что является одной из основных задач на современном этапе развития. Как отмечал тов. Ле Зуан, «научно-технический прогресс должен стать главной составной частью социально-экономических планов во всех отраслях и на всех уровнях. Необходимо должным образом использовать научно-техническое сотрудничество с Советским Союзом и другими братскими странами, а также получаемую от них в этой области помощь»³⁵.

³³ См.: «Азия и Африка сегодня», 1983, № 3, с. 19.

³⁴ См.: «Нян Зан», 25.V.1981; «Правда», 28.II.1983.

³⁵ «Правда», 28.III.1982.

Борьба прогрессивных сил Японии за демократизацию законодательства и юстиции

*В. Н. Еремин,
кандидат юридических наук*

По мере углубления общего кризиса капитализма становится более острым кризис буржуазного законодательства, в еще больший упадок приходит юстиция в капиталистических странах. Эти явления, общие для юридической надстройки буржуазного общества в любой стране капиталистического мира, присущи и современной империалистической Японии. Известно, что японское право фактически раздвоено, оно разделилось на систему, согласующуюся с конституцией, и систему, противоречащую ей (последняя является порождением японо-американского военно-политического союза); ведомственные распоряжения в Японии приобретают все больший вес в сравнении с законами, население этой страны нередко предпочитает не обращаться в суд за разрешением гражданских и уголовных дел. Правящие круги стремятся придать законодательству и юстиции более реакционный характер, превратить их в более эффективный инструмент реализации интересов финансово-монополистической буржуазии.

Реакционный поход против послевоенной конституции Японии

Ныне действующая конституция, принятая в 1946 г. и вступившая в силу в 1947 г., содержит ряд положений, в общем отвечающих интересам народа. Хотя эти положения «не выходят за рамки буржуазной демократии, отличаются декларативностью и не подкреплены какими-либо материальными, экономическими гарантиями»¹, благодаря их включению у демократических сил появилась юридическая опора в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс.

В послевоенной японской конституции особую важность представляет статья 9 следующего содержания: «...Японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные

¹ Современная Япония. М., 1973, с. 422. Верховный суд даже принял в 1967 г. решение о том, что конституция в первом абзаце статьи 25 лишь провозглашает обязанность государства обеспечивать минимальный уровень здоровой и культурной жизни всего народа, но не наделяет непосредственно отдельных граждан конкретными правами. Этот абзац гласит, что «все имеют право на поддержание минимального уровня здоровой и культурной жизни».

силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается»².

Сильный удар по этой статье нанесло формирование в 1951—1952 гг. Сан-францисской правовой системы и особенно заключение японо-американского «договора безопасности», закрепившего военно-политический союз Японии и США. Позднее образованное в 1955 г. правительство Хатояма открыто выдвинуло программу реакционного пересмотра конституции Японии.

Настроившись на пересмотр конституции в целом или хотя бы ее статьи 9, крайне реакционная, националистическая часть правящих кругов поначалу отложила реализацию этого замысла до разрешения задач экономического развития страны. Период конца 60-х — начала 70-х годов ознаменовался активным стремлением господствующей верхушки повысить роль Японии в международных делах, что мыслилось осуществить на основе резко укрепившегося экономического потенциала в сочетании с такими рычагами, как милитаризация страны и более тесное военно-политическое сближение с США. Ситуация 80-х годов свидетельствует о том, что правящая реакция в русле вышензложенного курса сейчас вплотную взялась за расшатывание основ конституции.

Можно выделить следующие основные направления в наступлении правящих кругов Японии на мирную конституцию страны:

— подкуп под основной закон государства путем неправомерного толкования важных конституционных положений, подготовки разного рода «поправок» к действующему законодательству и новых законов, принципиально противоречащих конституции, и осуществления внешнеполитических акций, несовместимых с духом конституции; практическая разработка конкретных изменений текста основного закона;

— демагогическое изображение якобы существующего общественного мнения, выступающего за пересмотр конституции; показное воздействие на правительство наиболее оголтелых противников конституции из рядов ЛДП; массированная идеологическая обработка широких масс населения в пользу конституционной реформы и создание видимости, будто народ склоняется к ней и даже требует ее;

— игра правительства в лицемерную «сдержанность», в стремление к созданию условий для «спокойного» обсуждения проблем пересмотра основного закона страны, периодически прерываемая антиконституционными заявлениями членов кабинета.

Практической разработкой конкретных изменений текста конституции занимается в первую очередь «комиссия по изучению конституции», созданная в центральном аппарате Либерально-демократической партии. Проязавшая в течение восьми лет комиссия активизировала свою деятельность с 1980 г., опубликовав проект изменения статьи 9, в случае реализации которого были бы узаконены и вооруженные силы, и ведение войны (наиболее реакционные силы в Японии требуют полного изъятия статьи 9).

В качестве примера принятия и действия законодательных положений, противоречащих конституции и подрывающих этим ее стабильность и авторитет, можно привести упоминавшуюся выше ветвь японского законодательства — «правовую систему договора безопасности» (ампо хотайкэй), включающую Особый уголовный закон, Закон об охране оборонной тайны и пр. Другим примером могут служить нормы о чрезвычайном положении, содержащиеся в Законе о полиции (статьи 71, 72) и в Законе о силах самообороны (статьи 78, 81), вопреки тому, что введение чрезвычайного положения не предусмотрено конституцией³. Конечно, принципиально расходится со статьей 9 конституции само

² Там же, с. 758.

³ Подробнее см.: В. Н. Еремин. Наступление реакции на права и свободы граждан Японии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 2, с. 73—74.

существование «сил самообороны» и принятие легализовавшего их Закона о силах самообороны. Но господствующим в Японии кругам не терпится придать этим «силам» характер, еще более несовместимый с мирной конституцией, внося соответствующие «поправки» в законодательство. Летом 1982 г. тогдашний министр иностранных дел Сакураути внес предложение изменить Закон о силах самообороны, с тем чтобы допустить участие японских контингентов в войсках ООН, то есть легализовать выход «сил самообороны» на международную арену.

Затуманивая ясные положения конституции путем их произвольного толкования, примысливая разного рода «правовые» обоснования для боевых действий вооруженных сил, изыскивая оправдания для вывода войск из-под «гражданского» контроля, представители агрессивных кругов зачастую оперируют понятиями «самообороны», «самозащиты» и т. п. Выступая в парламенте в феврале 1983 г., премьер-министр Я. Накасонэ заявил, что «силы самообороны» окажут боевую поддержку кораблям ВМФ США в случае возникновения «чрезвычайных обстоятельств» вокруг Японии. Он утверждал, что это будет лишь «актом самозащиты» и не будет противоречить конституции.

В основе рассуждений такого рода лежат недобросовестные попытки сослаться на нормы уголовного права, якобы допускающие начало боевых действий войсками до приказа премьер-министра о «выступлении в интересах обороны», предусмотренного статьей 76 Закона о силах самообороны. Осенью 1978 г. начальник штаба сухопутных «сил самообороны» Нагано, прикрываясь демагогическими фразами о «реагировании на внезапное нападение», настаивал на том, что войсковые части могли бы действовать на основе статьи 35 Уголовного кодекса, согласно которой «не подлежат наказанию деяния, совершенные на основании законов или в качестве правомерной профессиональной деятельности». От Управления национальной обороны Японии (УНО) исходили также предложения использовать в подобном случае статью 36 УК — о правомерной обороне, в которую включалось понятие «коллективной правомерной обороны». По этому поводу даже буржуазная газета «Асахи» писала: «Короче говоря, если будет признано, что меры против внезапного нападения — это правомерные действия, связанные с профессиональной деятельностью... то статья 76 Закона о силах самообороны... полностью превратится в клочок бумаги. Тормоз гражданского контроля совершенно перестанет действовать, сложится такое положение, когда силы самообороны будут действовать по своему усмотрению»⁴.

Антиконституционную направленность имеет также подготовка чрезвычайных законов на военное время (юдзи риппо)⁵, которая прямо связана с милитаризацией Японии и активизацией ее подключения к военно-стратегическим планам США в Азии и бассейне Тихого океана. В этой области наибольшую активность проявляет УНО. Еще в 1963 г. оно провело секретное исследование относительно использования законодательства в случае введения чрезвычайного положения, а в 1966 г. «дало указание развернуть программу по подготовке законодательства на чрезвычайный период, в том числе проектов законов о специальных мерах на чрезвычайный период, об охране оборонных тайн государства и др.»⁶. Подчеркивая опасность подобной деятельности для конституционного правопорядка в стране, японские прогрессивные юристы пишут: «Внутри Управления национальной обороны тайно осуществляются действия по созданию законов о чрезвычайном положении, полностью игнорирующие конституцию. Всяческие концепции такого рода, — указывают они, — не могут иметь права на существование

⁴ «Асахи», 15.IX.1978.

⁵ См. также упомянутую выше статью В. Н. Еремина (с. 74).

⁶ Ц. И н а к о. Современное право Японии. М., 1981, с. 107.

согласно конституции Японии. По-видимому, мы должны сказать, что эти концепции с начала и до конца пронизаны пренебрежением к конституции, поскольку над ними думал руководящий состав сил самообороны, само существование которых нарушает конституцию»⁷. С 1979 г. представителями правящих кругов Японии уже «открыто дебатруется вопрос о необходимости упорядочения законодательства о мероприятиях на случай войны»⁸, то есть о принятии чрезвычайного законодательства на военное время. Существует прямая связь между требованием о принятии такого законодательства, выдвинутом военным ведомством США на встрече с представителями УНО в 1970 г., и переходом правящих кругов Японии к открытой постановке вопроса о чрезвычайных законах в 1979 г. Весь этот период характеризовался нарастанием пропагандистской кампании против «советской угрозы» до уровня, позволившего начать обсуждение вопроса о чрезвычайном законодательстве.

Резко противоречащим духу конституции является решение японского правительства (декабрь 1982 г.) открыть Соединенным Штатам беспрепятственный доступ к новинкам японской технологии, имеющей военное применение (это решение было приурочено к поездке Я. Накасонэ в Вашингтон в январе 1983 г.). Очередной съезд ЛДП, состоявшийся в январе 1983 г. в Токио, впервые в одной из своих резолюций потребовал пересмотра конституции. Представители так называемой «Лиги за создание независимой конституции», объединяющей около 300 влиятельных деятелей ЛДП во главе с бывшим премьер-министром Киси, посетили Накасонэ и потребовали от него практических действий по пересмотру конституции. «Лига за создание независимой конституции» ведет активную работу по формированию своих филиалов в префектурах страны, инспирируется принятием местными муниципальными собраниями резолюций, призывающих к пересмотру конституции и замене отдельных ее положений.

Стремясь притушить накал народного движения в защиту конституции, Либерально-демократическая партия еще в 1981 г. поставила задачу добиться по вопросу о конституционной реформе «всенародного консенсуса» и зафиксировала эту задачу в курсе действий ЛДП. Путем разного рода натяжек при проведении опросов общественного мнения правительственные органы тшлятся доказать, будто все большее число японских граждан одобряют наличие «сил самообороны» и отказываются от идеи невооруженного нейтралитета страны. Этому способствует и разнузданная пропагандистская кампания против так называемой «угрозы с севера».

В разработанном ЛДП плане обработки общественного мнения страны в пользу пересмотра конституции утверждается, что она не отвечает «духу исторического развития японской нации» и что многие ее положения, устарев, стали препятствием для решения ряда важных внутренних проблем страны.

В чем же усматривают идеологи ЛДП «противоречие» между действующей конституцией и «духом исторического развития японской нации»? По их мнению, положениями послевоенной конституции подорваны «традиционные» для японского общества отношения между лицами, обладающими авторитетом (император, директор, отец, муж), и теми, кто уважает этот авторитет и подчиняется ему (Накасонэ, кстати, неоднократно давал императору обещание восстановить его статус, ограниченный конституцией). В качестве «аргумента», долженствующего подтвердить «несоответствие» конституции «духу исторического развития японской нации», приводится даже тот факт, что конституция была переведена на японский язык с английского текста, написанного в штабе

⁷ Ц. Кицукава, Т. Оданака. Тнан то дзинкэн (Общественное спокойствие и права человека). Кюто, 1974, с. 348, 352.

⁸ Ц. Инако. Современное право Японии, с. 260.

главнокомандующего оккупационными войсками американского генерала Макартура, и утверждается, что при этом не было возможности отразить особенности стиля японских юридических документов.

Под конкретными проблемами, позитивному разрешению которых якобы мешает действующая конституция, имеются в виду прежде всего проблемы «обороны», образования и финансовой политики. Конституция сдерживает рост милитаризации страны, мешает правящим кругам внедрять реакционные начала в обучение и воспитание подрастающего поколения. В части финансовой политики реакцию не устраивает принцип «финансовой демократии» (дзайсэй минсюсюги), воплощенный в ряде статей конституции, которые наделяют парламент определенными полномочиями по контролю за деятельностью правительства в сфере государственных финансов. Утверждается, что пересмотр конституции позволил бы кабинету оперативнее решать бюджетные вопросы, избегая, в частности, «проволочек» в бюджетных комиссиях палат парламента.

С исключительным упорством реакция проталкивает тезис о том, что действующая конституция якобы «навязана» японскому народу оккупационными властями. Таким образом, пересмотру конституции придается видимость борьбы за «самостоятельный» основной закон. Однако эти утверждения не выдерживают критики при анализе процесса принятия послевоенной конституции Японии как с точки зрения содержания этого процесса, так и с точки зрения его формы.

Главное в этом вопросе состоит в том, что «действующая конституция была принята... в обстановке невиданного в истории страны подъема демократического движения народных масс. При разработке конституции американские оккупационные власти и японские правящие круги вынуждены были считаться с волей японского народа и мировой демократической общественности»⁹. При этом оккупационные власти более реалистически оценивали ситуацию, чем мыслившие «по инерции» категориями прошлого представители японской реакции. Проект новой конституции, составленный комиссией японского правительства, был забракован штабом Макартура как одиозно реакционный и поэтому не могущий рассчитывать на успех в той внутриполитической обстановке, которая сложилась в стране. К тому же американские представители вынуждены были считаться с острыми критическими замечаниями по конституционной проблеме в послевоенной Японии, с которыми выступала советская сторона в Дальневосточной комиссии.

Что касается формального момента, то был строго выдержан порядок, зафиксированный в «конституции Мэйдзи» — довоенной конституции Японии. «В соответствии с процедурой изменения конституции, предусмотренной в конституции Мэйдзи, проект прошел через стадии выдвижения проекта императором, одобрения тайным советом, представления в парламент, одобрения парламентом и санкционирования императором»¹⁰.

Говоря о публичной позиции правительства, нельзя не отметить, что его члены уже нередко приравнивают основной закон страны, требующий особой стабильности, к прочим законодательным актам, могущим изменяться с большей зависимостью от потребностей момента. Хотя статья 99 конституции Японии обязывает государственных министров «уважать и соблюдать настоящую конституцию» и хотя министры при их назначении дают перед императором клятву защищать конституцию, еще при кабинете Судзуки в 1980 г. два министра высказались за ее пересмотр. Вызванное этим актом широкое возмущение в обществе вынудило главу правительства призвать членов кабинета к сдержанности

⁹ Современная Япония, с. 421.

¹⁰ Хогаку гайрон (Очерк юриспруденции). Под ред. К. Ямамото. Токио, 1972, с. 50—51.

в выступлениях и публично откреститься от намерения расправиться с конституцией. Нынешний же премьер-министр известен как рьяный противник конституции, не раз утверждавший, что в конституции, как и в любом другом документе, всегда есть место для улучшений в условиях изменяющегося общества.

В ежегоднике японского научно-исследовательского Института проблем мира и безопасности «Азиатская безопасность 1981» констатируется, что большинство политических деятелей из оппозиции по-прежнему считают конституцию неприкосновенной, они возражают даже против дискуссий на эту тему, расценивая их как опасные и милитаристские¹¹. Накасонэ же, выступая в парламенте, ратовал за создание «атмосферы свободного обсуждения» вопроса об изменении конституции, сожалел о том, что сейчас, мол, нет возможности высказываться по этому поводу.

Порядок изменения конституции Японии определен ее статьей 96, согласно которой для внесения поправок к конституции необходимо согласие не менее двух третей депутатов парламента; затем изменения подлежат всенародному одобрению. В перспективе правящая партия видит путь к достижению такого парламентского большинства, которое позволило бы перекроить конституцию, в изменении избирательной системы с переходом к так называемым «малым избирательным округам».

Реакционные тенденции в законодательстве и юстиции

Правящие круги Японии и в других областях, кроме конституции, стремятся проводить через парламент выгодные им законы и изменения законов.

Один из эффективных способов затыкания ртов всем, кто выступает за мир и против милитаризации, правительство Японии видит в создании сурового режима охраны тайны. Под рубрику «тайн» оно предполагает спрятать многое, относящееся к наращиванию военного потенциала страны, к совместным военно-стратегическим планам Японии и США и т. п. Еще в ноябре 1981 г. газета «Акахата» сообщала, что власти приняли решение разработать проект «Закона об охране тайн», который позволил бы подвергать уголовному наказанию тех, кто выступает с критикой военных приготовлений.

Проблема «тайн» с новой силой встала в последнее время в связи с тем, что кабинет Судзуки дал согласие на размещение в Японии на авиабазе Мисава американских самолетов Ф-16, способных нести ядерное оружие, радиус полета которых достигает советской территории. Предоставление авиабазы для Ф-16 сопровождается подготовкой правительством Японии законопроекта об изменении законодательства об охране тайны в сторону его ужесточения.

ЛДП — партия искусных и многоопытных политиканов — проводит через парламент законы, политическая значимость которых не лежит на поверхности и полностью выявляется лишь впоследствии. Так, существенную роль в восстановлении позиций ЛДП после ударов, нанесенных по ним в результате парламентских выборов 1977—1979 гг., сыграл нараставший эффект законов 1976—1977 гг., которыми предусматривались меры по защите мелких и средних предпринимателей.

¹¹ См.: В. Н. Бунин. Эволюция японского милитаризма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1982, № 3, с. 135.

Господствующая в стране верхушка поворачивает правоприменительную практику так, что закон, текстуально «нейтральный», в действии оказывается на стороне имущих, отворачиваясь от трудящихся.

В 1970 г. в Японии был принят закон, по которому коренное население страны за 10—12 лет должно было достичь полного равенства в социальном отношении. Однако в действительности продолжается дискриминация «буракуминов» — потомков неприкасаемых феодального времени.

В целом уголовно-процессуальная и гражданско-процессуальная практика в Японии находится сейчас в критическом состоянии. Вопиюще нарушаются, в частности, конституционные права граждан на быстрое рассмотрение дел и на помощь квалифицированного адвоката: самые низшие звенья системы судебных органов (наиболее близкие к населению) испытывают нехватку судейских кадров и завалены делами; это одна из причин затяжки судебных процессов; наименее обеспеченные в материальном отношении слои общества терпят трудности в оплате адвокатов и в расходовании средств на процесс в целом; государство выделяет явно недостаточные суммы на оплату адвоката, назначаемого им в соответствии с конституцией тогда, когда обвиняемый не в состоянии сделать это сам. Гипертрофированы полномочия председательствующего в судебном заседании по руководству процессом: он произвольно ограничивает предъявление доказательств, выступление защиты, водворяет «порядок» среди публики и т. п. Ограничены возможности повторного рассмотрения дел, приговоры по которым вступили в силу.

Если для простых людей Японии затяжка судебного разрешения касающихся их дел является ущемлением их интересов, то крупные дельцы видят в медлительности Фемиды отсрочку грядущего возмездия за свои махинации. Так, уже несколько лет слушается японским судом возбужденное в 1976 г. «дело Локхид» — о подкупе американским авиаконцерном «Локхид» ряда японских деятелей с целью продвижения своих самолетов на рынок Японии. Причастными к этой грандиозной афере оказались примерно двадцать человек — от крупных государственных деятелей, включая премьер-министра К. Танака, и бизнесменов до членов руководства ЛДП и представителей правых организаций. Общая сумма «локхидовских» взяток составила три миллиарда иен.

Танака, формально выйдя в связи с «делом Локхид» из ЛДП¹², остается «независимым» депутатом парламента, продолжает руководить в ЛДП мощной фракцией и активно участвовать в политической жизни. Как говорят в Японии, именно прожженный политикан Танака избрал «двойные выборы» в 1980 г., то есть невиданным в послевоенный период образом соединил по времени выборы в обе палаты парламента, что оказалось полной неожиданностью для оппозиционных сил. Фракция Танака в ЛДП непрерывно возрастает по численности. Заметно усилились ее позиции в правительстве после формирования кабинета Накасонэ — настолько, что оппозиция ввела в оборот выражение «кабинет Танакасонэ». «Человеком Танака» в этом кабинете является сам министр юстиции Хатано, формально «независимый».

Хотя Танака и не признался в совершении инкриминируемого ему преступления, он не смог поколебать доказательства, имеющиеся в распоряжении обвинения. В январе 1983 г. суд по делу Танака заслушал сторону обвинения, которая потребовала приговорить Танака к пяти годам лишения свободы и 500 млн. иен штрафа (максимальное наказание за инкриминируемое ему преступление).

¹² В отставку с поста премьер-министра Танака ушел в 1974 г.

Полиция, прокуратура, суд в Японии практически бессильны перед волной взяточничества, охватывающей и менее высокие уровни власти, управления и бизнеса. Нельзя сказать, что против этого преступления ничего не делается. По официальным данным, опубликованным в Японии, за период с 1977 по 1981 г. было арестовано 1084 публичных должностных лица в связи с получением ими взяток. В феврале 1982 г. японской полицией была арестована большая группа представителей местных органов власти, включая мэров городов Акита, Асо и Тэммэй, за получение ими взяток.

Однако распространенность взяточничества объясняется не столько особенностями самих преступных деяний и ухищрениями преступников, сколько пороками буржуазного общества, попустительством правоохранительных органов и разложением их персонала. В феврале 1983 г. Государственная комиссия общественной безопасности Японии объявила, что 120 чинов полиции привлекаются к уголовной ответственности как получатели взяток. При этом взяткодателями были владельцы игорных домов. За крупные денежные суммы полицейские передавали сведения об акциях, готовящихся органами полиции против игорных заведений.

Немалый «вклад» в преступность в Японии вносят находящиеся в этой стране американцы. По официальным данным, опубликованным в Японии, в 1981 г. органами прокуратуры этой страны были приняты к производству материалы на 1263 гражданина США в связи с совершением ими уголовных преступлений (сюда не включены данные о лицах, преступления которых связаны с дорожно-транспортными происшествиями). Как сообщает японская печать, за последние 30 лет персоналом войск США в Японии совершено свыше 150 тыс. преступлений.

При этом личный состав вооруженных сил США, дислоцирующийся на Японских островах, фактически огражден от правосудия. В привилегированном положении находятся и те американские военнослужащие, которых японский суд все же осудил за совершенные ими преступления. Они отбывают наказание в тюрьме, расположенной в окрестностях города Иокосука. Заключенным обеспечены там хорошее питание и культурный досуг. Расходы на содержание заключенного в этой тюрьме в три раза больше, чем в любой другой.

Это не единственные примеры того, что правящие круги Японии без тени смущения воспринимают ущемление суверенитета своей страны в области юстиции. Недавно об этом напомнил южнокорейский политический деятель Ким Тэ Чжун, похищенный разведкой Южной Кореи в 1973 г. из Японии. Помиллованный диктаторским режимом, в декабре 1982 г. Ким Тэ Чжун прибыл в Соединенные Штаты. Он выразил свое негодование позицией японских властей, которые содействовали его похищению и не потребовали от Южной Кореи его возвращения, хотя совершенная южнокорейской охранкой акция грубо нарушила суверенитет Японии.

Народная борьба за демократизм в законодательстве и юстиции

Можно без преувеличения сказать, что вся прогрессивная Япония поднялась на защиту конституции. Усилившиеся нападки на основной закон страны воспринимаются демократической общественностью в контексте общего ухудшения внутриполитической обстановки. В заявлении ЦК КПЯ, опубликованном в феврале 1983 г., указывается, что с приходом к власти кабинета Накасонэ в Японии сложилась чрезвычайно опасная обстановка. «Страна, — подчеркивается в документе, — переживает важнейший поворотный момент за всю свою послевоенную

историю». На многочисленных представительных форумах выражаются опасения за судьбы конституции, подтверждается необходимость отстояния ее демократических, миролюбивых положений. На 47-м съезде Социалистической партии Японии, состоявшемся в декабре 1982 г., был утвержден курс действий СПЯ, который предусматривает среди главных направлений деятельности СПЯ в 1983 г. защиту мирной конституции, а среди главных лозунгов на выборах 1983 г. в местные органы власти и верхнюю палату парламента — борьбу против наступления правящих кругов и монополий на права и жизнь трудящихся. Выступая на съезде, председатель ЦИК СПЯ И. Асуката отметил, что за истекший период усилились попытки превращения Японии в военную державу и пересмотра мирной конституции страны. Открывшийся в феврале 1983 г. внеочередной съезд Генерального совета профсоюзов Японии принял программу действий в ходе весеннего наступления трудящихся, в которой подчеркивается необходимость объединения всех демократических сил, профсоюзов и оппозиционных партий в борьбе против реакционной милитаристской политики кабинета Накасонэ, не скрывающего своего намерения пересмотреть мирные положения конституции. На массовом антивоенном митинге, прошедшем в Токио в феврале 1983 г., выступавшие призвали всех своих соотечественников усилить борьбу против курса правящих кругов, направленного на пересмотр мирной конституции.

Борьба народа Японии за демократизм в законодательстве и юстиции затрагивает и другие области социально-политической и социально-экономической жизни японского общества.

Важный аспект общественного правосознания в современной Японии представляет собой отношение тех или иных социальных групп к судебному процессу. Именно в этой области проявляется примечательный феномен: наряду с общеизвестным распространением своеобразной апатии трудящихся к суду возникает относительный рост интереса к нему, расчет на него как на почти единственную арену, где классовые возможности хотя бы формально «выравниваются».

Простые люди Японии стремятся использовать инструмент правосудия для борьбы с всевластием монополий, в том числе с игнорированием ими здоровья и самой жизни людей в безудержной погоне за сверхприбылями. Практика гражданского процесса в Японии в конце 60-х начале 70-х годов обогатилась обращениями граждан к суду в связи с тяжелыми заболеваниями среди населения из-за загрязнения окружающей среды предприятиями монополий, с созданием чрезмерного шума аэропортом Осака и сверхскоростной железнодорожной магистралью Синкансэн, а также с появлением жертв среди лиц, употреблявших пищевые продукты и медикаменты, в которые фирмы-производители добавили опасные химические вещества.

В активе борьбы народных масс Японии против реакции в законодательстве и юстиции — выступления против принятия новых антинародных законов, против внесения негативных изменений в действующее законодательство, массовые движения в связи с конкретными судебными делами и т. п. Выступая по поводу конкретных дел, представители демократических сил требовали реализации основных прав человека, начиная со свободы выражения мнений, защищали независимость судей при принятии судебных решений, настаивали на публичности судебного производства и т. п., используя такие формы поддержки обвиняемых и контроля за деятельностью судебных органов, как массовое присутствие публики в зале суда, сбор подписей под требованиями в адрес судебных властей и др.

Такая форма выражения народного мнения относительно деятельности судебных властей, как сбор подписей под обращениями в адрес суда, имеет историю, начинающуюся еще с оккупационного периода.

В 1948 г. в связи с делом филиала Всеяпонского профсоюза работников финансовых органов в городе Сага, по которому обвинялись сотрудники налоговой службы, предпринявшие забастовку, были собраны и переданы в суд 997 718 подписей под требованием оправдательного приговора. В юридическую и политическую терминологию демократических сил в Японии прочно вошли термины «правовая борьба» (хорицу тосо), «борьба вокруг судебных процессов» (сайбан тосо) и «борьба в зале суда» (хотэй тосо).

Движение в связи с конкретными судебными процессами имеет свои организационные формы: советы, комитеты, общества защиты обвиняемых и пр. «Особенность сегодняшнего дня состоит в том, что во всех областях жизни народа разворачивается разнообразная борьба вокруг судебных процессов, которая часто имеет массовые организационные формы: «общества защиты», «общества поддержки», «советы мероприятий» и др.»¹³ В 1971 г., когда в Японии была создана общенациональная организация «Национальный совет связи в защиту независимости юстиции и демократии», в него в качестве коллективного участника вошла компартия.

В «правовой борьбе» велика роль Коммунистической и Социалистической партий, Генерального совета профсоюзов, организаций юристов-демократов — Объединения свободных юристов (Дзию хосодан), Объединения адвокатов Генсовета профсоюзов (Сохё бэнгодан) и др.

КПЯ сразу после окончания войны выступила с требованиями демократизации законодательства и юстиции в программах действий, утверждавшихся на партийных съездах, и в проекте конституции, опубликованном КПЯ в 1946 г. Свой протест против подавления демократических организаций путем злоупотребления тогдашним законодательством КПЯ выразила в обращении к народу «Во имя национальной независимости» (22 марта 1950 г.). Впоследствии различные вопросы демократизации законодательства, борьбы против придания ему реакционного характера поднимались в программных документах партии, в отчетных докладах ЦК КПЯ партийным съездам (так, в отчетном докладе на VIII съезде партии в 1961 г. затрагивались вопросы, связанные с попытками правительства провести через парламент в 1958 г. законопроект о расширении полномочий полиции и в 1961 г. законопроект о «предотвращении политического насилия»). «Сущность проводимого сейчас правительством Либерально-демократической партии курса на то, чтобы придать юстиции реакционный характер, состоит в намерении сделать судей бессильными и безропотными последователями ближайших «государственных мероприятий» правительства, «легализовать» через приговоры судов реакционные мероприятия, противоречащие конституции и демократии; и это поистине является важной проблемой, затрагивающей основы курса Японии», — говорилось в докладе ЦК КПЯ XII съезду КПЯ (ноябрь 1973 г.). В решениях съезда предусматривалось, что демократическое коалиционное правительство обеспечит установление контроля парламента над деятельностью полиции, демократизацию структуры полиции и судебных органов. Правовые проблемы нашли свое отражение в принятой XIII съездом КПЯ (июль 1976 г.) «Декларации свободы и демократии». В ней большое значение придавалось вопросам независимого принятия судебных решений и гарантий прав человека.

В 1981 г. КПЯ выдвинула первый документ, полностью посвященный правовым проблемам и в сконцентрированном виде выражающий политику партии в этой области. Это «Проект предложений Коммунистической партии Японии о реформе системы юстиции» (документ имеет

¹³ Марукусуюги хогаку кодза (Курс марксистской науки права), т. I, Токио, 1976, с. 323.

подзаголовок: «За независимость принятия судебных решений и в защиту основных прав человека») ¹⁴.

Одно из крупных достоинств проекта состоит в том, что он пронизан духом верности наиболее прогрессивным положениям конституции Японии, которые носят основополагающий характер для всей системы законодательства о правосудии, но постоянно нарушаются правящими кругами и многими деятелями органов юстиции, служащими им.

Предложения КПЯ по демократической реформе системы юстиции в стране направлены на то, чтобы:

— широкие массы населения имели реальные гарантии того, что они действительно могут обратиться в суд и найти там судебное разрешение затрагивающих их дел, то есть гарантии претворения в жизнь положения статьи 32 конституции Японии, согласно которому «никто не может быть лишен права на разбирательство его дела в суде»;

— судебные решения принимались судьями независимо, при связанности судей только «фактами и разумными основаниями» и с отражением «голоса народа», а также справедливо и с уважением основных прав человека (соблюдение прав человека должно быть обеспечено не только в ходе судебного разбирательства, но и на этапах предварительного расследования и отбывания наказания);

— в сфере юстиции был полностью восстановлен суверенитет, утраченный тем, что персонал войск США в Японии фактически исключен из юрисдикции японских судов.

* * *

Борьба за демократизацию юстиции приобретает все большее значение в общем антиимпериалистическом, общедемократическом движении, создающем предпосылки для коренного переустройства общества на началах высшей социальной справедливости.

Тенденция к единству, складывающаяся внутри движения за справедливые приговоры, оказывает благоприятное воздействие на демократическое движение в целом. Массовые движения, если даже они не приводят к справедливому разрешению судебных дел, приобщают к борьбе и сплачивают новые социальные группы, стимулируют к сопротивлению реакции демократически настроенные элементы, появившиеся в судебном корпусе после войны. Подобно другим формам общедемократического движения, борьба за справедливое разрешение судебных дел приобщает к выступлениям против владычества крупного капитала широкие слои населения, причем придает их действиям организованный характер. Но есть у этой формы массовой борьбы и своя специфика. Она вытекает из универсальности судебного пути разрешения конфликтов, поскольку под юрисдикцию суда подпадают предусмотренные законом социальные коллизии в любой области общественной жизни. Специфика данной формы связана также с тем, что эксплуатируемые, подневольные, дискриминируемые члены общества перед лицом суда в какой-то степени приобретают «равный вес» с эксплуататорами, работодателями, «хозяевами жизни».

Конечно, надо учитывать и ограниченные возможности борьбы за демократизацию юстиции, так как подлинно демократическое, справедливое разрешение судебных дел в масштабах всего общества может быть обеспечено только после решительного переустройства последнего как такового.

¹⁴ Полный текст документа см. в специальном обзоре-приложении (Хёрон то-кусюбан) к газете «Акахата», 17.VIII.1981, краткое изложение — в журн. «Дзэн-эй», 1982, № 1, с. 164—168.

Важное событие в политической жизни КНР [к итогам сессии ВСНП]

В. В. Новозыбков

С 6 по 21 июня 1983 г. в Пекине проходила первая сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) шестого созыва. Она была посвящена решению важных для страны вопросов, что видно из ее повестки дня:

Отчетный доклад премьера Государственного совета КНР Чжао Цзыяна о работе правительства, доклад заместителя премьера Госсовета и председателя Государственного планового комитета Яо Илня о плане экономического и социального развития на 1983 г. и доклад министра финансов КНР Ван Бинцяня об исполнении государственного бюджета 1982 г.; избрание председателя, заместителей председателя, ответственного секретаря и членов Постоянного комитета (ПК) ВСНП шестого созыва; избрание председателя и заместителя председателя Китайской Народной Республики; утверждение кандидатур премьера и заместителей премьера Госсовета, членов Госсовета, министров, председателей комитетов, главного ревизора и начальника секретариата Госсовета; избрание председателя Центрального военного совета, утверждение кандидатур других лиц, входящих в состав этого совета; избрание председателя Верховного народного суда и генерального прокурора Верховной народной прокуратуры.

Сессия проходила в обстановке, когда в стране продолжают усиленные поиски путей реализации идеологических, экономических, организационных и внешнеполитических установок XII съезда КПК, состоявшегося в сентябре 1982 г., выдвинутого им лозунга о «строительстве социализма с китайской спецификой». Съезд оценил положение в стране как «великий перелом» и поставил задачи в области консолидации партии и общества, дальнейшей стабилизации обстановки, развития экономики и культуры, а главное — обозначил в общих контурах «генеральную цель» увеличения к 2000 году валового промышленного и сельскохозяйственного производства в четыре раза по сравнению с 1980 годом.

В Китае проводится широкая административно-структурная реформа, которая сопровождается значительными кадровыми перестановками в центре и на местах. Разворачивается очередной этап «упорядочения» 40-миллионной Компартии Китая, что, по мнению многих иностранных наблюдателей, может вылиться в ее чистку. Отмечаются попытки ускорить осуществление экономической реформы, предусматривающей закрепление на длительный срок многоукладной экономики наряду с перестройкой системы управления и планирования. Вместе с тем, как отмечает китайская печать, реальное состояние народного хозяйства требует не спешить с реформой и продолжать дальше курс на «урегулирование», рассчитанный первоначально на 1979—1981 гг. и положенный затем в основу 6-го пятилетнего плана (1981—1985 гг.), утвержденного в декабре 1982 г.

Усилия пекинского руководства направляются, как и раньше, на первоочередное развитие современных вооруженных сил КНР, увеличение ее военного потенциала. Во внешней политике подчеркивается задача усиления «независимой и самостоятельной» роли Китая в качестве мировой державы на базе претворения в жизнь «основных принципов, разработанных Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем».

Отличительной чертой нынешней обстановки в стране, если судить по материалам китайской прессы, является то, что по многим крупным, кардинальным проблемам, связанным с перспективами развития Китая, а также по практическим злободневным вопросам ведутся прямые или завуалированные дискуссии, зачастую в острой форме, которые, по-видимому, отражают разногласия, сохраняющиеся в руководящих кругах, между различными группировками (существование фракционности и групповщины признает сама китайская печать¹). Обращает на себя, в частности, внимание публикация большого числа материалов, предназначенных развеять и перебороть очевидный общественный скепсис относительно осуществимости поставленной XII съездом «генеральной цели».

Отмеченные выше сложные процессы так или иначе повлияли на сессию ВСНП, сказались на итогах ее работы. Сессия планировалась как масштабное политическое мероприятие, призванное стимулировать возможно более широкое «единство и сплочение» на основе демонстрации достигнутых успехов, подтверждения намеченных перспектив и выдвижения на передний план общих и высших интересов нации, связываемых с возрастанием могущества Китая. Конкретно ей предстояло «достроить» государственную структуру страны в соответствии с новой конституцией, принятой в декабре 1982 г. Сессия, таким образом, стала определенным этапом в политическом развитии Китая за последнее время, отразив как то объективно положительное, что появилось после «культурной революции», так и немалые трудности и проблемы, либо унаследованные от прошлого, либо порожденные новыми просчетами и ошибками².

* * *

Минувшая сессия ВСНП — первая, подготовка и проведение которой осуществлялись в соответствии с положениями новой конституции КНР и нового закона о выборах. Выборы в высший законодательный орган КНР остались многоступенчатыми и были проведены весной этого года. Кандидаты в депутаты выдвигались 31 «избирательной единицей» — провинциями, автономными районами, городами центрального подчинения, армией. Избирательные единицы первоначально предлагали кандидатов больше, чем того требовало количество избираемых депутатов. В дальнейшем список кандидатов в депутаты согласовывался и окончательно был составлен в результате «консультаций и обсуждения, которые прошли в КПК, различных демократических партиях и народных организациях»³. Прямое и тайное голосование предусматривается пока лишь при выборах органов государственной власти не выше уездного уровня (прямые выборы в уездные органы власти были проведены впервые в 1981 г.).

В состав ВСНП шестого созыва избрано 2978 депутатов, что на 519 человек меньше состава ВСНП пятого созыва. Сокращение числа депутатов в Китае объясняют необходимостью того, чтобы ВСНП «мог-

¹ См., напр., статью «Решительно осуществлять реформу на основе последовательности», «Жэньминь жибао», 16.V.1983.

² См.: «Проблемы Дальнего Востока», № 2, 1982, с. 38—49.

³ «Жэньминь жибао», 10.VI.1983.

ло еще полнее проявить свои функции как орган высшей государственной власти страны»⁴.

Каждый депутат представляет или 1 млн. 40 тыс. сельских или 130 тыс. городских жителей. Согласно закону, провинции и автономные районы, в которых проживают национальные меньшинства, должны быть представлены в ВСНП группой не менее 15 человек. При этом каждое из 55 национальных меньшинств должно иметь в нем своих представителей.

На подборе кандидатов в депутаты ВСНП сказались существенные изменения в комитетах КПК, собраниях народных представителей и народных правительствах провинциального уровня, имевшие место осенью 1982 — весной 1983 г. Состав этих органов был значительно сокращен и обновлен практически наполовину. Как заявлял заместитель председателя Центральной комиссии советников КПК и член Госсовета Бо Ибо, ЦК КПК принял решение «надлежащим образом уменьшить» пропорцию представительства КПК в ВСНП и Народном политическом консультативном совете Китая (НПККСК)⁵. Кроме того, было установлено, что не более одной трети членов Политбюро и Секретариата ЦК КПК могут одновременно занимать государственные посты⁶. В соответствии с этим установлением депутатами ВСНП не были избраны многие ведущие руководители, в частности Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, Не Жунчжэнь, Сюй Сянцян, Юй Цюли, Ян Шанкунь и др. Член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, председатель ПК ВСНП пятого созыва Е Цзяньин заранее обратился с просьбой не избирать его в состав нового ВСНП. В целом из 39 лиц в составе Политбюро и Секретариата ЦК КПК в ВСНП оказались только 11, из 29 первых руководящих лиц в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения — 10, никто в составе руководства Госсовета, кроме самого премьера, не является депутатом ВСНП.

Впервые избранными являются 2278, или 76,5 %, от общего числа депутатов. Столь заметное обновление состава ВСНП мотивировалось намерениями обеспечить «более широкий характер представительства депутатов», повысить их средний культурный уровень, больше ввести в состав ВСНП «представителей среднего и молодого возраста».

В ВСНП представлены КПК, все демократические партии, народные организации и «беспартийные патриотические и демократические деятели». Удельный вес беспартийных — 37,5 %, что на 10 % больше в сравнении с составом ВСНП пятого созыва. Объявлен следующий структурный состав депутатов: рабочие и крестьяне — 791 человек (26,6 %), кадровые работники — 636 (21,4 %), представители интеллигенции — 701 (23,5 %), «беспартийные патриотически настроенные и демократические деятели» — 543 (18,2 %), от НОАК — 267, или 9 % (в составе ВСНП 5-го созыва было 505 депутатов от НОАК), возвратившиеся в Китай эмигранты — 40 человек (1,3 %). Представителям Тайваня в ВСНП отведено 13 мест. Общее количество депутатов от всех национальных меньшинств — 403 человека (13,5 % от всего числа депутатов; национальные меньшинства составляют 6,7 % населения Китая). 632 депутата ВСНП — женщины.

Увеличение доли беспартийных, интеллигенции, эмигрантских кругов говорит об очевидном акценте на политику «единого патриотического фронта».

Пресса КНР подчеркивает «очевидный рост культурного уровня» депутатов ВСНП, увеличение в их составе «представителей интеллигенции, овладевшей современной наукой и техникой».

⁴ «Баоцзюань», № 10, 1983.

⁵ См.: «Жэньминь жибао», 2.VI.1983.

⁶ In: "China Daily", 2.VI.1983.

* * *

Несомненно, важнейший аспект работы сессии — избрание и назначение руководителей на высшие государственные посты. Этому предшествовали проведенные еще до сессии, 31 мая и 1 июня, «демократические консультации» (совещания), участниками которых были «ответственные лица» ПК ВСНП, Всекитайского комитета НПКСК, всех демократических партий и народных организаций, а также представители беспартийных деятелей. Председательствовал на этой встрече Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, который по поручению ЦК КПК изложил предложения ЦК КПК относительно руководящих деятелей, избираемых и назначаемых сессией ВСНП. Он сказал, что эти предложения являются результатом согласований, проводившихся более года, причем ЦК КПК образовал специальную группу во главе с Бо Ибо, которая занималась конкретным подбором кандидатур на высшие посты в системе ВСНП и НПКСК.

По словам Ху Яобана, распределение постов должно быть подчинено задаче обеспечения неизменности и преемственности нынешнего курса и политики, для чего необходимо незамедлительно создавать «третий эшелон» руководства. «Первый эшелон» — это ветераны КПК с наибольшим авторитетом, которые освобождаются от текущей административной работы с тем, чтобы они могли сосредоточиться на основных государственных проблемах. «Второй эшелон» составляют нынешние члены Секретариата ЦК КПК и Госсовета КНР. В порядке подготовки смены им требуется создать «третий эшелон» из наиболее дееспособных, отличавшихся политическими и деловыми качествами руководителей моложе 55 лет. Из выступления Ху Яобана (как, впрочем, и из материалов китайской печати) можно сделать вывод, что именно в работе по созданию «третьего эшелона» встречаются большие трудности.

18 июня было объявлено, что сессия тайным голосованием, которому предшествовало недельное обсуждение по группам, избрала Ли Сяньняня председателем и Уланьфу — заместителем председателя Китайской Народной Республики, а Пэн Чжэня — председателем ПК ЗСНП. По представлению председателя КНР Чжао Цзыян был вновь утвержден премьером Госсовета КНР, а Дэн Сяопин избран председателем Центрального военного совета КНР. Одновременно были избраны 20 заместителей председателя и 133 члена ПК ВСНП. 20 июня был утвержден состав Госсовета и избраны председатель Верховного народного суда и генеральный прокурор Верховной народной прокуратуры.

Пост председателя КНР восстановлен в соответствии с новой конституцией страны. Как известно, вопрос о его восстановлении был предметом долгой дискуссии в китайском руководстве. Точно так же долго дебатировался вопрос о персональном назначении на этот пост. Дело в том, что в 50-е и 60-е годы этот пост существовал, а во время «культурной революции» был явочным порядком упразднен по инициативе Мао Цзэдуна. Лю Шаоци, сменивший на этом посту Мао Цзэдуна 17 сентября 1959 г., после провала «большого скачка», с 1966 г. подвергся жесточайшим репрессиям и в дальнейшем погиб в тюрьме.

Ранее председатель КНР, согласно конституции 1954 г., обладал широкими прерогативами. Ныне эта должность будет иметь скорее представительский и протокольный характер.

В опубликованных в КНР официальных биографиях перечисленных выше государственных деятелей страны тщательно обходится щекотливый период «культурной революции». Вкратце о них можно сказать следующее.

Новый председатель КНР Ли Сяньнянь родился в 1909 г., ветеран КПК, известный партийный и государственный деятель КНР. До 1949 г. в основном занимал различные командные посты в НОАК, участвовал в Великом походе. После образования КНР неизменно входил в группу

высшего руководства КПК, в течение многих лет занимался финансово-экономическими вопросами, был министром финансов, с 1954 г. по 1980 г. работал заместителем премьера Госсовета, считался близким Чжоу Эньлаю. С 1945 г. (с VII съезда КПК) входит в состав ЦК КПК, с 1956 г. — член Политбюро ЦК КПК, в том числе и в период «культурной революции». В 1977—1982 гг. находился на посту заместителя председателя ЦК КПК, а после XII съезда КПК, упразднившего должности председателя ЦК КПК и его заместителей, является членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

Заместитель председателя КНР Уланфу, монгол по национальности, родился в 1906 г., также ветеран КПК. В 20-е годы находился в Советском Союзе, работал в университете имени Сунь Ятсена и в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве. До 1949 г. был на партийной и административной работе во Внутренней Монголии. С 1949 г. стал членом Центрального народного правительственного совета, членом Государственного административного совета, членом Госсовета, а также председателем комитета по делам национальностей, заместителем премьера Госсовета, занимал ряд других высших партийных, государственных и военных должностей, в том числе в автономном районе Внутренняя Монголия. Был заместителем председателя ПК ВСНП четвертого и пятого созывов. Избирался кандидатом в члены ЦК КПК седьмого созыва, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК восьмого созыва. В отличие от Ли Сяньняня во время «культурной революции» подвергся суровым репрессиям. После смерти Мао Цзэдуна реабилитирован, с 1977 г. — член Политбюро ЦК КПК.

Избранный председателем ПК ВСНП Пэн Чжэнь (родился в 1902 г.) — один из старейших членов КПК, до 1949 г. находился на партийной работе в целом ряде районов Китая. После образования КНР до 1966 г. занимал посты первого секретаря комитета КПК Пекина, был мэром столицы. В 1951—1956 гг. — член Политбюро и Секретариата ЦК КПК. Пэн Чжэнь известен активным участием в кампании «упорядочения стиля», проводившейся Мао Цзэдуном в 1941—1945 гг. в Яньани. В начале 60-х годов был одним из ведущих выразителей «особых взглядов» руководства КПК в отношении международного коммунистического движения. Вместе с тем он оказался одним из главных объектов удара с первых дней «культурной революции». Пэн Чжэнь — один из высших руководителей КПК, подвергшихся публичным издевательствам на массовых сборищах. Реабилитирован в 1979 г. Тогда же кооптирован в Политбюро ЦК КПК, введен в состав ПК ВСНП в качестве одного из заместителей председателя, возглавлял комиссию законодательных предположений ПК ВСНП.

Премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян родился в 1919 г., член КПК с 1938 г. После образования КНР и в период «культурной революции» находился на видных партийных и государственных постах в южных районах Китая, во Внутренней Монголии и в провинции Сычуань. В сентябре 1981 г. впервые назначен премьером Госсовета КНР, сменил на этом посту Хуа Гофэна. Член ЦК КПК с 1973 г., член Политбюро ЦК КПК с 1979 г., краткое время занимал должность заместителя председателя ЦК КПК. В настоящее время — член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

Председатель Центрального военного совета КНР Дэн Сяопин — ветеран партии, родился в 1904 г. В молодые годы учился во Франции и в Советском Союзе. С 1927 по 1949 г. занимался политической работой в армии, находился на видных командных постах. Впервые избран членом Политбюро ЦК КПК в 1945 г. С 1949 г. занимал ведущие партийные и государственные посты, в том числе Генерального секретаря ЦК КПК и заместителя премьера Госсовета. Во время «культурной революции» подвергся нападкам вместе с Лю Шаоци, но не разделил

его судьбу. В 1973 г., по решению Мао Цзэдуна, вновь привлечен к работе в качестве заместителя председателя ЦК КПК и заместителя премьера Госсовета. В 1976 г. вновь подвергся опале, но вскоре после смерти Мао Цзэдуна все обвинения по адресу Дэн Сяопина были признаны «ошибочными», и он вновь вышел на авансцену как одна из самых влиятельных политических фигур Китая. В настоящее время является членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, председателем Центральной комиссии советников, председателем Военного совета ЦК КПК. На всех этапах входил в руководящую группу, непосредственно формировавшую внутреннюю и внешнюю политику страны. Считается вдохновителем и наиболее активным поборником нынешней линии КПК и внешнеполитической стратегии Пекина. На XII съезде КПК Дэн Сяопин выдвинул задачу «строительства социализма с китайской спецификой», призвал «идти собственным путем».

Возглавляемый Дэн Сяопином Центральный военный совет — новый орган в государственной структуре КНР. Согласно конституции, он предназначен осуществлять «единое руководство всеми вооруженными силами» страны. Формирование этого органа вызвало многочисленные комментарии. За рубежом, в частности, расценивают новое назначение Дэн Сяопина как получение им не только партийных, но и государственных рычагов контроля над армией, которая остается важнейшим орудием власти. В процессе создания «коллективного руководства» и разделения функций между партийными и государственными органами, отмечают в этой связи, Дэн Сяопин полностью взял в свои руки ключевую и решающую сферу.

Состав ПК ВСНП в сравнении с прошлым значительно сокращен и обновлен практически на две трети, в нем увеличился удельный вес беспартийных деятелей. Из 20 заместителей председателя ПК ВСНП 11 человек впервые выбраны на эту должность, хотя все они являются старыми, давно известными политическими фигурами. В их числе бывший член Госсовета и министр иностранных дел КНР Хуан Хуа.

Согласно конституции, политическая роль ПК ВСНП повышается, а его функции расширены, несмотря на восстановление поста председателя КНР. Об этом, в частности, свидетельствует и учреждение шести постоянных комиссий, каждая из которых возглавляется одним из заместителей ПК ВСНП: по делам национальностей, юридической, финансово-экономической, по делам просвещения, науки, культуры и здравоохранения, по иностранным делам, по делам китайских эмигрантов. Председателем комиссии по иностранным делам стал Гэн Бяо — в прошлом дипломат, в годы «культурной революции» он заведовал отделом международных связей ЦК КПК, до 1982 г. был министром обороны КНР, в течение ряда лет входил в состав Политбюро ЦК КПК. В настоящее время — член Центральной комиссии советников.

Произошли изменения и в правительстве КНР — Государственном совете. Например, образовано новое министерство государственной безопасности (министерство общественной безопасности ведает делами, связанными с общественным порядком внутри страны), создано ревизионное управление, которое будет осуществлять надзор и контроль над финансовыми делами Госсовета, местных органов власти, проведены также некоторые другие изменения.

* * *

Доклад Чжао Цзыяна о работе правительства⁷ подводит итоги развития страны за прошедшие пять лет, то есть за период деятельности ВСНП пятого созыва, и ставит в общих чертах задачи на последующее

⁷ См.: «Жэньминь жибао», 24.VI.1983.

пятилетие. Из доклада явствует, что китайское руководство стремилось акцентировать внимание на своей политике, создать оптимистический настрой относительно положения дел в различных областях общественной жизни и перспектив развития страны, оперируя обобщенными показателями. Тональность доклада задает тезис о том, что удалось «создать и еще больше улучшить политическую обстановку стабильности и сплоченности», что «в стране установился нормальный производственный, служебный и общественный порядок», несмотря на наличие в общественной жизни «кое-каких факторов нестабильности».

В подкрепление этих слов глава правительства КНР привел немало цифр. По его словам, курс на «урегулирование» «покончил с многолетней практикой чрезмерного накопления». Так, за пять лет валовая продукция промышленности и сельского хозяйства возросла на 32,6 %, а удельный вес сельского хозяйства в валовой продукции поднялся с 27,8 % до 33,6 %. Ежегодный прирост продукции сельского хозяйства в среднем составил 7,5 %. По сравнению с 1978 г. производство зерна в 1982 г. возросло на 16 %, хлопка — на 66 %, масличного сырья — в 2,26 раза и т. д. В 1979—1982 гг. средний ежегодный прирост продукции легкой промышленности составил 11,8 %, а тяжелой — 3,4 %. Возрос выпуск различных товаров широкого потребления.

Объем розничного товарооборота в 1982 г. превысил уровень 1978 г. на 64,8 % и достиг 257 млрд. юаней, причем объем торговли мясом, птицей и яйцами возрос в 2,1 раза. Как утверждалось на сессии, большая часть тех товаров, которые приобретались раньше по карточкам, продается теперь свободно.

Возрос внешнеторговый оборот страны (с 35,5 млрд. юаней в 1978 г. до 77,2 млрд. юаней в 1982 г.).

Увеличилось число высших учебных заведений, число учащихся средних профессиональных школ и училищ. За последнее десятилетие в деревне улучшено жилищное строительство и т. д.

К положительным итогам в докладе Чжао Цзяна отнесены «первые шаги в преобразовании хозяйственной системы», которые включают восстановление и закрепление многоукладности экономики, а также расширение прав на «самохозяйствование» для промышленных и торговых предприятий в городе и различных производственных единиц в деревне. Особенно обращается внимание на «многообразные формы подрядной ответственности для крестьянского двора».

Действительно, можно считать, что внутренняя обстановка в Китае в определенной мере улучшилась, в экономике произошло оживление. Можно добавить, что в сравнении с прошлым несколько упорядочена деятельность государственных и хозяйственных органов. Вместе с тем приведенные в докладе цифры и факты не создают целостной картины и не раскрывают характера сложных и далеко не однозначных процессов, происходящих в КНР, они требуют дополнительного анализа и оценки.

Прежде всего нельзя забывать, что обрисованное Чжао Цзяном движение вперед в развитии экономики, выраженное во внешне впечатляющих процентных данных, было начато с уровня, который определялся официально состоянием ее «на грани катастрофы» (из-за политики, проводившейся при Мао Цзэдуэ).

Хозяйственная работа многие годы пребывала в запустении, жизненный уровень трудящихся был крайне низким, повсюду царствовала уравниловка, убивавшая трудовую активность рабочих и крестьян. Отсутствовала даже видимость планирования. Что же касается сфер культуры, образования, здравоохранения, то они просто подверглись разрушению и деградировали; жилищного строительства в Китае практически не было, вместо жилья строились убежища и тоннели в порядке «подготовки к войне».

Развитие экономики и других сфер общественной жизни в Китае за минувшее пятилетие во многом носило восстановительный характер, сводилось к наведению элементарного порядка. Поэтому приведенные в докладе данные нуждаются в соответствующих сопоставлениях, чего сделано не было.

Решение ряда крупных народнохозяйственных проблем пока не найдено. Это просматривается в той части доклада Чжао Цзяня, где он, говоря о задачах на будущее пятилетие, в значительной мере толкует их как необходимость преодоления либо уже известных, унаследованных от прошлого и усугубившихся трудностей, либо новых препятствий, порожденных нынешним курсом. Не случайно, оценивая общую перспективу, Чжао Цзянь признает, что объективное положение «предопределяет длительность, трудность и сложность дела модернизации», возможность ее осуществления «только поэтапно, шаг за шагом».

В докладе снова (как это было и ранее на протяжении ряда лет) выдвигаются требования «в корне улучшить» финансово-экономическое положение страны, без чего невозможно стабилизировать экономику, покончить с «низкой экономической эффективностью», «высокой себестоимостью в промышленности и транспорте, большими издержками обращения в торговле», ликвидировать убыточность предприятий, повысить эффективность капиталовложений и правильно определять общие масштабы капитального строительства, преодолеть местничество, «отрыв районов и ведомств друг от друга», повысить чрезвычайно низкую производительность труда, ликвидировать узкие места и диспропорции, выражающиеся прежде всего в отставании базовых отраслей, топливно-энергетического комплекса и транспорта.

Положение во многом не улучшается, а ухудшается, замечено в докладе. Так, с 1979 по 1982 г. при увеличении валовой продукции всего общественного производства на 33,6 %, бюджетные доходы от внутренних источников сократились на 3,3 %. Без выправления этой тенденции, отмечает премьер Госсовета, «не удастся обеспечить важнейшие объекты финансово-материальными средствами, а задача закладки в 80-е годы фундамента для продвижения вперед повиснет в воздухе и нового экономического подъема в 90-е годы не произойдет». Себестоимость в 1980 г. возросла на 0,9 %, в 1981 г. — на 1 %, в 1982 г. оставалась на том же уровне, в 1983 г. возросла вновь. Одно это привело к потерям бюджетных доходов на 4—5 млрд. юаней ежегодно. Вместе с тем убытки промышленных, пищевых и торговых предприятий в 1982 г. составили 10 млрд. юаней.

Мероприятия по децентрализации управления экономикой и финансами обострили такие упоминаемые в докладе проблемы, как «ограниченность финансовых возможностей государства и серьезная распыленность средств», «незначительность доли сосредоточенных в руках государства ресурсов» (удельный вес бюджетных доходов в национальном доходе составил в 1982 г. 25,5 % вместо 37,2 % в 1978 г., а внебюджетные средства за то же время возросли с 37,1 млрд. юаней до 65 млрд. юаней, то есть на 75,2 %), неконтролируемый рост фонда потребления, увеличение суммы государственных дотаций, связанное с серьезными просчетами в политике цен и с инфляционными процессами.

Отметив, что «развитие экономического строительства требует ускорения хода преобразования хозяйственной системы», докладчик вместе с тем сказал, что еще предстоит «разработать проект плана реформы», которая «во всех аспектах» может быть развернута только в 7-ю пятилетку (1986—1990 гг.), после надлежащего экспериментирования. Указывая, что «слишком большое и строгое ограничение конкретной хозяйственной деятельности предприятий является ошибочным», Чжао Цзянь одновременно заявил: «Однако все, что в важнейшей хозяйственной деятельности, связанной с интересами целого, нужно подчинять

централизованному управлению, следует подчинять такому управлению. Ослабление такой централизации означало бы не прогресс, а регресс, оно не гарантировало бы развитие народного хозяйства по пути социализма».

В откликах на сессию уже отмечалась некоторая несогласованность отдельных частей доклада. Так, требуя «не гнаться за общей стоимостью и объемом продукции», ставя на первое место экономическую эффективность и призывая к продолжению курса «урегулирования», Чжао Цзяня вместе с тем утверждает, будто «развитие производства пойдет более быстрыми, чем намеченные на шестую пятилетку, темпами, а в седьмую пятилетку темпы станут, возможно, еще более высокими». В докладе повторяется поставленная XII съездом КПК цель учетверения к 2000 году промышленного и сельскохозяйственного производства по сравнению с 1980 г., но, как и в материалах съезда, эта установка не подкрепляется какими-либо расчетами и выкладками.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в докладе обходятся и замалчиваются многие важные социально-экономические проблемы, связанные с проведением нынешней политики, ничего не говорится о той «социальной цене», которую пришлось заплатить за «оживление» экономики. Это относится к росту частнособственнических и торгашеских настроений, особенно в деревне, где развивается имущественная поляризация, возрождаются феодальные предрассудки, к росту разлагающего влияния буржуазной идеологии, «падению общественных нравов».

Своего рода иллюстрацией общих положений доклада Чжао Цзяня применительно к текущему моменту можно назвать доклад заместителя премьера Госсовета Яо Илия о плане экономического и социального развития страны на 1983 г. За внешне благополучными итогами прошлого года — рост совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства на 8,7% — этот документ не может скрыть того факта, что в 1982 г. вновь дал себя знать опасный рецидив «скачковых» настроений, «погони за высокими темпами», не считаясь с издержками и последствиями, особенно в промышленности. Яо Илий перечислил проблемы, стоящие сегодня перед китайской экономикой, в том числе отсутствие эффективного контроля над вложениями в капитальное строительство, что вызывает острую нехватку проката, древесины, цемента и других материалов; непомерно быстрое развитие тяжелой промышленности; серьезная распыленность в использовании средств; отсутствие сдвигов в повышении экономической эффективности и ряд других.

Министр финансов КНР Ван Бинцян, касаясь исполнения бюджета за 1982 г. (бюджет на 1983 г. был принят на прошлой сессии ВСНП в декабре 1982 г.), сказал, что общая сумма доходов составила 112,397 млрд. юаней, общая сумма расходов — 115,331 млрд. юаней, дефицит — 2,934 млрд. юаней. В общую сумму бюджетных доходов включены иностранные кредиты в 4,003 млрд. юаней и внутренние займы, составившие свыше 4 млрд. юаней. Расходы на погашение заграничных займов и выплату по ним процентов превысили 4,9 млрд. юаней. По словам министра, прекратилось снижение доходов, имевшее место в 1979—1982 гг., и в прошлом году бюджетные доходы повысились на 2,3%. Вместе с тем он подчеркнул, что рост бюджетных доходов все еще далеко отстает от роста производства.

Масштабы и глубина нерешенных проблем и имеющихся трудностей, упомянутых в материалах сессии ВСНП, еще более рельефно обозначены в публикациях китайской прессы как до сессии, так и во время ее работы. Так, газета «Цзинцзи жибао» в специальной статье, посвященной соответствующему разделу доклада Чжао Цзяня, анализируя причины отмеченных им негативных явлений, называет глав-

ной среди них отсутствие стабильной и научно обоснованной стратегии экономического и социального развития страны. Газета указывает на произвольные нарушения предприятиями государственного плана, несоблюдение производственной и финансовой дисциплины, местничество. Особо опасными газета считает «слепую погоню за валом, игнорирование вопросов эффективности»⁸.

Своеобразным опровержением прозвучавшего на сессии оптимизма явилась опубликованная накануне ее открытия статья виднейшего китайского ученого-экономиста Сюэ Муцяо. Он пишет, что «результаты урегулирования еще очень хрупкие, диспропорции в народном хозяйстве пока не ликвидированы полностью». Оценивая итоги 1982 г., автор с тревогой отмечает, что они «таят в себе новую опасность», грозят потерей всего того позитивного, что было сделано в предшествовавшие 4 года. Опираясь теми же данными, что и докладчики на сессии, Сюэ Муцяо делает вывод о необходимости принятия самых экстренных мер для предотвращения дальнейшего роста наметившихся тенденций: потери контроля над размерами капитального строительства, неспособности центра аккумулировать необходимые средства для ведения «ключевого» строительства, пренебрежения к качеству и эффективности ради достижения высоких темпов роста. Сюэ Муцяо предупреждает, что наметившиеся тенденции заставят уже в недалеком будущем вновь заниматься «урегулированием», но в гораздо более сложных условиях⁹.

По завершении сессии в китайских периодических изданиях, в том числе и в журнале «Хунци» (№ 12, 1983 г.), появилась целая серия материалов, выдержанных в том же ключе, что и статья Сюэ Муцяо. Характерен тревожный тон печати, подчеркиваются недостатки и просчеты, которые могут «повести к новому хаосу».

Говоря о причинах появления новых проблем, газета «Цзинцзи жибао» (от 17 июня 1983 г.) указывает, что самое главное заключается в неясности, нерешенности некоторых основных, принципиальных вопросов, таких, как распределение национального дохода, соотношение фондов накопления и потребления, определение общих народнохозяйственных пропорций. Китайскими учеными высказывается мнение, что искажение теории или неверное понимание основных теоретических положений марксизма ведут к тому, что и выдвигаемые установки изначально становятся неверными, а допускаемые ошибки приобретают стратегический характер.

В «Жэньминь жибао» уже прозвучали намеки на вероятность срыва всех намечаемых перспектив: «Без концентрации всех сил на создании наиболее важных объектов капитального строительства невозможно осуществить четыре модернизации»¹⁰.

* * *

Как и на предыдущих сессиях ВСНП, на этой сессии немалое внимание было уделено вопросам соблюдения законности, общественного порядка. Отмечалось, что хотя обстановка в деле общественной безопасности и улучшилась, все еще не восстановлено то лучшее, что было в первые годы после образования КНР. В розданном делегатам письменном докладе председателя Верховного народного суда Цзян Хуа обращалось внимание, в частности, на заметное увеличение в последние годы в общественной жизни страны таких явлений, как коррупция, взяточничество, контрабанда, спекуляция, мошенничество, кража общественной собственности. Только в 1982 г. судами было рас-

⁸ «Цзинцзи жибао», 14.VI.1983.

⁹ См.: «Жэньминь жибао», 3.VI.1983.

¹⁰ Там же, 11.VI.1983.

смотрено 33 тыс. дел, связанных с экономическими преступлениями. При Верховном народном суде и в судах высших и средних инстанций образованы специальные коллегии для рассмотрения такого рода дел.

Основным звеном в обеспечении коренного улучшения положения дел в области общественной безопасности и общественных нравов Чжао Цзяня назвал усиление и преобразование работы органов юстиции и общественной безопасности.

Характерной чертой сессии было то большое внимание, которое она уделила обсуждению вопросов, связанных с вооруженными силами, с курсом, по словам Чжао Цзяня, «на строительство модернизированной регулярной революционной армии». Из опубликованных материалов явно вытекает, что эта задача рассматривается как приоритетная. Вместе с тем обсуждение данного вопроса показало, что очевидное стремление руководства к ускоренному развитию вооруженных сил объективно сдерживается слабостью финансово-экономической базы, необходимостью обеспечить сначала продвижение вперед экономики в целом в качестве предпосылки дальнейшего развертывания военного производства на новом уровне.

Это нашло отражение в прозвучавшем на сессии тезисе о необходимости «определить связь между государственным экономическим строительством и строительством обороны страны». Разъясняя данный момент, начальник Генштаба НОАК Ян Дэчжи говорил: «Развитие оборонного строительства должно соответствовать экономическому строительству страны. В настоящее время материальная база нашей страны остается сравнительно слабой»¹¹. Отметив, что модернизацию армии следует осуществлять, «опираясь главным образом на свои собственные силы», Ян Дэчжи вместе с тем заявил о необходимости «активно заимствовать заграничную передовую технику» с тем, чтобы «ускоренными темпами улучшить вооружение и боевую технику нашей армии и поднять их на новый уровень».

* * *

Оценки и положения, высказанные на сессии ВСНП по вопросам внешней политики, в целом исходят из установок XII съезда КПК и не вносят коррективов в стратегический курс Китая на международной арене.

Развитие международной обстановки, расстановка сил на международной арене рассматриваются в рамках уже известной пекинской схемы «борьбы сверхдержав за мировое господство», которая является, дескать, «главным источником бедствий и беспорядков в сегодняшнем мире». При этом ничего не говорится об истинных причинах резкого ухудшения ситуации в мире — агрессивной и авантюристической политике американского империализма, объявленном администрацией Рейгана «крестовом походе» против коммунизма, взвинчиваемой Вашингтоном гонке вооружений. На сессии оказались обойденными молчанием наиболее животрепещущие проблемы борьбы за сохранение мира во всем мире и против усиления военной угрозы. Не было выдвинуто никаких конкретных предложений в подкрепление провозглашенного тезиса о намерении китайского правительства бороться за мир во всем мире.

В этой связи показательно, что в Китае печать и другие средства массовой информации регулярно, фактически изо дня в день публикуют материалы, которые нельзя расценить иначе, как поддержку агрессивных, милитаристских кругов США и других стран НАТО.

¹¹ «Жэньминь жибао», 9.VI.1983.

Основной курс КНР в области внешней политики Чжао Цзянь определил как «борьбу против гегемонизма». Между тем, как явствует из содержания его доклада, из действий Пекина на международной арене, из материалов китайской пропаганды, этот курс на деле сводится к борьбе против политики СССР и лишь в редких случаях, по отдельным вопросам — к критике действий США.

Во внешнеполитической части доклада Чжао Цзяня основное внимание уделено «укреплению сплоченности и сотрудничества со странами третьего мира». Это названо «главной точкой опоры внешней политики» Китая, принадлежность которого к «третьему миру» вновь декларирована. Одновременно было подчеркнуто стремление и намерение Китая развивать «отношения дружбы и сотрудничества» с Японией, «прилагать усилия к расширению и углублению сотрудничества» со странами Западной Европы и Северной Америки.

Касаясь отношений Китая с США, премьер Госсовета выразил сожаление, что их развитие «далеко не достигло должного уровня». Правительство и народ КНР, сказал он, придают большое значение китайско-американским отношениям, однако ни в коем случае не допустят посягательств на суверенитет своей страны и вмешательства в ее внутренние дела. Единственный упрек по адресу США был высказан в связи с принятием Вашингтоном «закона об отношениях с Тайванем» и продолжением поставок Тайваню оружия. Премьер призвал США «прекратить делать то, что вредит отношениям между Китаем и США и задевает чувство достоинства китайского народа».

Подтвердив линию XII съезда КПК на сотрудничество с СРР, КНДР и СФРЮ, Чжао Цзянь высказался также за развитие отношений Китая с социалистическими странами Восточной Европы в различных областях. Ничего не было сказано об отношениях Китая с Монголией, Кубой, Лаосом, Албанией. В то же время нападки были подвергнут Вьетнам.

Премьер оправдывал и восхвалял позорную агрессию против Вьетнама, совершенную Китаем весной 1979 г., а нынешнее состояние китайско-вьетнамских отношений охарактеризовал как «серьезную конфронтацию», голословно пытаясь возложить вину за это на Вьетнам. В его докладе повторен известный набор необоснованных обвинений в адрес Социалистической Республики Вьетнам и Народной Республики Кампучии. Ханойская газета «Нян Зан» отмечала: «В отношении нашей страны и трех государств Индокитая стратегия и тактика Китая не только ничуть не изменились, но и стали еще более враждебными»¹².

Нападкам была подвергнута и Демократическая Республика Афганистан, причем Чжао Цзянь допустил искажения советской внешней политики, направленной на защиту демократического Афганистана от организуемой империализмом и его пособниками агрессии.

При оценках отношений между Китаем и Советским Союзом на сессии были допущены клеветнические утверждения о наличии «реальной угрозы безопасности Китая со стороны Советского Союза», с устранения которой и надо, дескать, начинать улучшение двусторонних отношений. Вместе с тем в докладе премьера признавалось, что «длительная напряженность в отношениях между Китаем и Советским Союзом невыгодна ни одной из сторон, народы обеих стран заинтересованы в нормализации отношений». Заявляя на словах о намерении улучшить отношения с Советским Союзом, китайская сторона вместе с тем пытается убедить общественность, будто все трудности на пути к этой цели вытекают из позиции СССР, ссылаясь при этом на мифическую «советскую угрозу». Все это находится в вопиющем противоречии с действительностью, и не случайно в докладе премьера ни словом не упомяну-

¹² «Нян Зан», 27.VI.1983.

ты многочисленные советские инициативы, предложения и обращения к китайской стороне, направленные на решение коренных проблем советско-китайских отношений, на поиск взаимоприемлемых путей их улучшения без каких-либо предварительных условий и не за счет интересов третьих стран.

Правда, за последнее время, как отметил товарищ Ю. В. Андропов, отвечая на вопросы газеты «Правда», в советско-китайских отношениях «наметились некоторые положительные тенденции. Между двумя странами ведутся политические консультации на уровне специальных представителей».

Растет объем советско-китайской торговли, постепенно развиваются контакты в ряде других областей. Улучшению атмосферы в отношениях между двумя странами в значительной степени способствовали бы совместная разработка и осуществление мер доверия в районе советско-китайской границы.

«Оздоровление отношений между СССР и КНР приобретает особую важность и актуальность в условиях нынешнего обострения международной обстановки,— подчеркнул товарищ Ю. В. Андропов.— Мы уверены, что объективно интересы советского и китайского народов не расходятся в том, что касается устранения военной опасности и упрочения мира».

* * *

Важнейшим результатом сессии китайская печать называет формирование руководства, способного обеспечить неизменность и преемственность главной линии (создание «сильного Китая»), заложенной в решениях XII съезда КПК. Как отмечается в зарубежных откликах, произведенные на сессии назначения являются результатом сохранения в целом компромисса между существующими на сегодня группировками и баланса сил, сложившегося на XII съезде КПК. Новые руководители в своем большинстве — представители «старой гвардии», сформировавшиеся как политические деятели еще при Мао Цзэдуэ, но имеющие непосредственное отношение к выработке ныне проводимой политики.

Соответственно сессия была призвана продемонстрировать успехи в стабилизации политической обстановки, в социально-экономическом и культурном развитии страны на основе установок III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.), на котором произошел поворот в направлении последовательного вытеснения выдвиженцев «культурной революции» и пересмотра проводившегося ими курса. Но сессия наглядно показала и то, что по-прежнему не найдены решения многих кардинальных проблем социального и экономического развития страны.

Некоторые вопросы японо-индийских отношений

О. А. Столярова

Японо-индийские отношения являются важным фактором, влияющим на развитие обстановки в Азиатском регионе. Речь идет о двух крупнейших государствах не только в Азии, но и во всем мире. Япония в современных условиях выступает как самостоятельный центр империалистического соперничества, вторая по экономической мощи держава современного капитализма, для которой Азия играет роль главного района экономической и политической активности. В «Голубой книге» МИД Японии подчеркивается, что «Азия — это регион, где Япония призвана играть важную роль»¹.

Что касается Индии, то она является одним из лидеров движения неприсоединения. Ее внешняя политика формировалась под воздействием длительной и упорной борьбы национально-патриотических и демократических сил против колониального порабощения. В своей борьбе индийский народ опирался на широкую поддержку и солидарность социалистических стран, и прежде всего СССР, прогрессивных сил всего мира. Для Индии Азия также одно из важнейших направлений ее внешней политики. Как отмечала влиятельная индийская газета, «подлинные интересы Индии лежат в Азии»². Поэтому для понимания тенденций развития обстановки в регионе так важно рассмотрение отношений между этими странами.

В основе развития японо-индийских отношений в послевоенный период лежит взаимодействие противоречивых тенденций, как способствующих сближению двух стран, так и тормозящих этот процесс.

Индии отводится заметное место в политических и военно-стратегических концепциях Японии. Через Индийский океан проходят важнейшие торговые пути, связывающие ее с Ближним и Средним Востоком и Африкой. «Поскольку 80 % нефти, транспортируемой в Японию, и 49 % ее торговли проходят через Индийский океан, мир и стабильность в этом районе имеют для Японии жизненно важное значение»³.

На японо-индийские отношения существенное влияние оказывает рост противоречий между империалистическими государствами. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, «обостряются межимпериалистические противоречия, усиливается борьба за рынки, за источники сырья и энергии»⁴. Особенно это относится к японо-американским экономическим отношениям, которые достигли небывалой степени напряженности с начала 80-х годов. Стремясь в этих условиях максимально диверсифицировать свои связи, источники получения сырья и рынки сбыта продукции, Япония уделяет все возрастаю-

¹ Вага гайко-но кинкё (Современное положение нашей дипломатии). Токио, 1980, с. 383.

² «Indian Express», 3.IX.1972.

³ «Майнити симбун», 17.VIII.1978.

⁴ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 20.

щее внимание Южной Азии, старается вести более гибкую политику в отношении стран региона, и особенно Индии. Через Индию Япония пытается создать более привлекательное представление о характере своих отношений с развивающимися странами, обеспечить здесь благоприятный климат для японских монополий. Ведь на развивающиеся страны приходится более половины внешней торговли Японии.

Развитию японо-индийских отношений способствует и взаимная заинтересованность в расширении торгово-экономических отношений, что облегчается географической близостью, определенной взаимодополняемостью их экономик и т. п. По заявлению бывшего министра иностранных дел Японии Е. Сакураути, «имеется много возможностей для расширения и углубления уже существующих широких связей в торговле, промышленности, техническом обмене и других областях»⁵.

В Японии полагают, что Индия, несмотря на трудности в экономическом развитии, имеет все возможности для превращения в одну из ведущих в экономическом отношении азиатских держав. Большая территория, огромные запасы сырья, людские резервы обуславливают заинтересованность японских монополий в проникновении на индийский рынок, что приобретает особое значение в условиях сырьевого и энергетического кризиса. Индия важна для Японии и как покупатель многих видов ее промышленной продукции.

В то же время существует немало факторов, тормозящих развитие японо-индийских отношений. Прежде всего то, что в отличие от Индии, избравшей своим курсом политику мира, неприсоединения к военно-политическим блокам и развития дружественных отношений со всеми странами на принципах мирного сосуществования, Япония взяла курс на военно-политический союз с США, следует в фарватере их империалистической политики. Налицо коренная несовместимость внешнеполитических курсов этих стран.

На японо-индийские отношения, особенно с 60-х годов, все более заметное воздействие оказывает экономическая экспансия Японии в Азии, опирающаяся на мощный финансово-экономический и научно-технический потенциал японских монополий. Это не может не вызывать тревоги и настороженности в Индии, как и в других странах региона, в недалеком прошлом испытавших на себе агрессию японского милитаризма, а в современных условиях подвергающихся экономическому наступлению Японии.

Вполне законная подозрительность народов Азии к активизирующейся деятельности Японии в регионе усиливается ее политикой наращивания военного потенциала, стремлением японских правящих кругов к дальнейшей милитаризации страны. По заявлению премьер-министра Индии И. Ганди, «наращивание США и Японией гонки вооружений в ЮВА приведет к войне, а не к миру, неизбежно усилит конфронтацию и напряженность, особенно в районе Индийского океана»⁶.

Суммируя различные факторы, воздействующие на японо-индийские отношения, последние с известной долей условности можно разделить на следующие периоды: нормализация отношений (конец второй мировой войны — середина 50-х годов), активизация (вторая половина 50-х — начало 60-х годов), длительная стагнация (до конца 70-х годов), новые попытки оживления этих отношений (с начала 80-х годов).

Во время второй мировой войны вооруженные силы фашистской Германии и Японии собирались соединиться на территории Индии. Японские милитаристы планировали разрыв коммуникаций Англия — Индия — Австралия и постепенное вытеснение английских сил из ЮВА, а затем и из Индии, к границам которой их войска подошли в 1942 г. Однако, не-

⁵ «Майнити симбун», 30.VIII.1982.

⁶ «Times of India», 1.I.1981.

смотря на сильное военное, политическое и идеологическое давление Японии, Индия оставалась в составе антигитлеровской коалиции и активно участвовала в военных действиях как против Японии, так и против Германии. Все это сказалось и на послевоенных отношениях между Японией и Индией, что, в частности, проявилось в вопросе мирного урегулирования отношений между двумя странами.

Индия отказалась подписать Сан-Францисский мирный договор с Японией 1951 г., возражая против условий, на которых передавались под опеку США японские острова Рюкю и Бонин. Кроме того, индийское правительство не согласилось с положениями договора, предусматривавшими сохранение американских войск в Японии, и возражало против умолчания в договоре о том, кому должны принадлежать остров Тайвань, Курильские острова и Южный Сахалин⁷.

Вместе с тем правительство Индии заявило о своем намерении в кратчайший срок «положить конец состоянию войны между Индией и Японией» и «заключить с ней отдельный мирный договор с целью установления нормальных дипломатических отношений»⁸.

Япония со своей стороны стремилась быстрее ликвидировать неблагоприятные для нее последствия второй мировой войны в отношениях со странами Азии. Поэтому важной задачей японской дипломатии послевоенного периода было быстрее установление дипломатических отношений с этими странами и разрешение репарационной проблемы.

После опубликования 28 апреля 1952 г. правительством Индии односторонней декларации о прекращении состояния войны с Японией в Токио в результате переговоров 9 июня 1952 г. был подписан японо-индийский мирный договор. Тем самым между обеими сторонами прекращалось состояние войны. Кроме того, Индия отказалась от репарационных претензий к Японии и не настаивала на включении в договор каких-либо пунктов об ограничении японских вооруженных сил. Это объяснялось тем, что она рассчитывала в перспективе на значительные японские займы и научно-техническую помощь для осуществления планов индустриализации и развития национальной экономики. Индия стала первой азиатской страной, нормализовавшей отношения с Японией, несмотря на наличие в то время сильных антияпонских настроений в странах региона. На основе мирного договора были заключены соглашения о культурном сотрудничестве в 1956 г., об иеновых займах и торговле в 1958 г. Тем не менее японо-индийские отношения в тот период не получили значительного развития, их характеризовало отсутствие политических контактов на высоком уровне, наличие лишь обменов в области экономики и культуры на частном уровне.

Объяснялось это, в частности, тем, что Япония, подписав 8 сентября 1951 г. «договор безопасности» с США, а также мирный договор с Тайванем 28 апреля 1952 г., стала осуществлять активное экономическое и военно-политическое сотрудничество с США. Естественно, что Индия, активно проводившая курс на неприсоединение, расценила эти договоры как факторы усиления напряженности в Азии.

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов в японо-индийских отношениях наметилась некоторая активизация. Этому способствовал ряд факторов, в частности усиление азиатской направленности в политике Японии, связанное с расширением внешнеторговой экспансии японских монополий в регионе, рост авторитета Индии, что проявилось при подготовке и проведении Бандунгской конференции в апреле 1955 г., возрастающая роль азиатско-африканской группы стран в ООН, поддержка Индией вступления Японии в ООН. Состоялся ряд встреч на высшем уровне. Однако основное внимание на переговорах уделялось

⁷ См.: Сборник документов и материалов по Японии. 1951—1954. М., 1954, с. 11—12.

⁸ Там же, с. 13.

укреплению культурных отношений, расширению взаимных визитов научных работников, студентов и т. п. Япония согласилась оказать Индии техническую, а также финансовую помощь.

В середине и второй половине 60-х годов между двумя странами практически не было контактов на уровне глав правительств, политические отношения находились в состоянии застоя. Лишь в конце 70-х годов сторонами были предприняты некоторые шаги по выправлению создавшегося положения. В 1977 и 1978 гг. Япония и Индия обменялись визитами министров иностранных дел И. Хатояма и А. Ваджапай. В 1980 г. Индию посетил министр иностранных дел Японии М. Ито. Хотя, как писала индийская «Хиндустан таймс», «в отношениях между двумя странами нет серьезных проблем»⁹, однако при обсуждении международных проблем, и прежде всего азиатского региона, вновь выявились серьезные расхождения. Так, Индия не могла согласиться с предложением Японии играть роль посредника в индийско-пакистанских и индийско-китайских отношениях ввиду очевидной проамериканской политики Токио. Разногласия обнаружились и при обсуждении событий вокруг Афганистана и Кампучии¹⁰.

В целом двусторонние политические отношения между Японией и Индией практически не вышли за рамки взаимных консультаций, заявлений о необходимости развивать взаимные связи и т. п. Слишком различными были позиции двух стран в мире, их подходы к различным аспектам взаимных отношений и к международным проблемам, прежде всего в Азии.

В японо-индийских политических контактах большое место занимают проблемы Азиатского региона, отношение к которым чаще всего выявляло принципиальные расхождения или несовпадение точек зрения сторон. Особенно эти расхождения проявились при созыве Бандунгской конференции глав государств и правительств азиатских стран в 1955 г. Индия явилась главным инициатором и организатором конференции и сделала многое для того, чтобы придать ее решениям антиколониальную и антиимпериалистическую направленность. Япония же выступала фактически в роли пособника США, которые стремились сорвать встречу в Бандунге и расколоть единство афро-азиатских стран.

В период американской агрессии в Корее, а также французской и затем американской интервенции в Индокитае Япония была на стороне агрессоров — США и Франции, оказывая им не только моральную и политическую, но и материальную поддержку, выполняя спецзаказы вооруженных сил США. Индия решительно выступила на стороне миролюбивых сил в борьбе за прекращение агрессивной войны США в Корее и Индокитае. Она внесла большой вклад в достижение перемирия и прекращения огня в Корее, а также оказала поддержку вьетнамскому и другим народам Индокитая в их борьбе за свободу и независимость.

С начала 60-х годов новым фактором, который стал влиять на региональную политику Японии и Индии и их двусторонние отношения, стала КНР. В 50—60-х годах Япония в отношении КНР придерживалась принципа «разделения политики и экономики», в соответствии с которым определенные экономические связи осуществлялись при полном отсутствии политических контактов. Такое положение в значительной мере объяснялось тем, что японские правящие круги следовали в фарватере политики США, не имевших в тот период межгосударственных связей с Китаем.

Позиция Индии в отношении КНР определялась пятью принципами мирного сосуществования, которые были провозглашены в апреле 1954 г. Индией и Китаем. В 1957 г. Дж. Неру заявил: «Если посмотреть

⁹ «Hindustan Times», 1.IX.1980.

¹⁰ См.: «Номини симбун», 30.VIII.1980.

исторически, с долговременной перспективой, Япония, Индия и Китай — три державы в Азии, которые станут играть важную роль в регионе. Если удастся установить отношения сотрудничества между ними, это принесет пользу и другим странам»¹¹.

Однако пекинское руководство выдвинуло к Индии территориальные претензии, что привело к китайско-индийскому пограничному конфликту 1962 г. В октябре 1962 г. Дж. Неру направил личное послание Х. Икэда с просьбой поддержать позицию Индии. В послании отмечалось: «Пограничный конфликт не является простым средством урегулирования государственной границы. Борьба Индии против агрессии Китая ведется в интересах мира во всем мире, для предотвращения насилия в международных отношениях, и мы убеждены, что все страны окажут Индии помощь и проявят понимание»¹². В ответе Х. Икэда, хотя и подчеркивалось, что Китай встал на военный путь и это является «чрезвычайно прискорбным фактом», в целом содержалась сдержанная реакция на просьбу Индии¹³. Такая подчеркнута нейтральная позиция говорила о том, что Япония стремилась не обострять отношения с КНР. По мере же того как менялась китайская политика США, японские правящие круги стали по-иному относиться к индийско-китайским разногласиям, взяв фактически сторону Китая.

Различный подход Японии и Индии проявился и к советскому предложению о создании системы коллективной безопасности в Азии. Индия в принципе поддержала предложение СССР, имевшее целью укрепление мира и безопасности в регионе. Одновременно индийское правительство выдвинуло собственное предложение по «нейтрализации» Индийского океана, ликвидации созданных в этой зоне иностранных военных баз, сокращению деятельности военных флотов и других действий, мешающих миру и безопасности прибрежных стран¹⁴. Япония, отвергнув как советское, так и индийское предложения, выступила за сохранение имеющихся и создание новых американских военных баз в Индийском океане и на Дальнем Востоке.

На противоположных полюсах Японии и Индия оказались после ввода вьетнамских войск в январе 1979 г. на территорию Кампучии по просьбе ее правительства и в соответствии с заключенными между Кампучией и Вьетнамом соглашениями. Япония вслед за Вашингтоном назвала эти действия «вторжением» и применила против СРВ экономические санкции, заморозив поставки товаров в счет займов и безвозмездной помощи на общую сумму 14 млрд. пен.

В Токио отказались признать законное правительство Народной Республики Кампучии, сформированное в январе 1979 г. во главе с Хенг Самрином, Япония продолжает поддерживать дипломатические отношения с представителями режима Пол Пота — Иенг Сари. Правительство Японии заявило о своей «полной поддержке» разработанного США плана создания «нейтрального государства» в Кампучии во главе с находящимся в эмиграции принцем Н. Сиануком.

В противоположность Японии Индия установила с НРК официальные отношения и оказывает посильную помощь законному кампучийскому правительству. И. Ганди в интервью австралийской газете в связи с этим заявила: «Правительство Хенг Самрина осуществляет контроль над большей частью территории страны, и оно отвечает всем требованиям, обычно необходимым для признания страны. Мы не могли поддержать режим Пол Пота после всего того, что он натворил... Региональное со-

¹¹ Нитин канкэй сёси (Краткая история японо-индийских отношений). Токио, 1969, с. 89.

¹² Там же, с. 84.

¹³ См. там же.

¹⁴ См.: И. И. Коваленко. Советский Союз в борьбе за мир и коллективную безопасность в Азии. М., 1976, с. 175—181, 317—332.

трудничество может быть обеспечено только при более широком учете интересов Вьетнама, Лаоса и Кампучии»¹⁵.

Такую же позицию Индия заняла и по афганскому вопросу. Она отвергла необъявленную войну против Афганистана, развязанную США и некоторыми другими странами, и отказалась участвовать в антисоветской кампании, поднятой вокруг присутствия в Афганистане ограниченного контингента советских войск, направленных туда по просьбе афганского правительства. Как заявила И. Ганди, «происшедшие в Афганистане события являлись внутренним делом этой страны... Правительство Афганистана использовало пункты Договора, подписанного им с Советским Союзом, и попросило военную помощь для отражения угрозы республике»¹⁶. Индия одобрила инициативу афганского правительства, предложившего урегулировать созданный внешними силами конфликт мирным путем.

Япония, как известно, активно поддержала позицию США вокруг событий в Афганистане, прекратила оказание экономической помощи этой стране, включилась в «экономические санкции» против Советского Союза, еще раз продемонстрировав, с чьими интересами она солидаризируется в Азии.

Японо-индийские экономические отношения после второй мировой войны в значительной мере претерпели изменения, схожие с положением дел в политической области. Периоды оживления сменялись длительным застоем и вновь активизацией, при этом общий уровень взаимных экономических отношений оставался невысоким по сравнению со значительным экономическим потенциалом двух стран. Объясняется это несколькими причинами.

Так, в первые послевоенные годы в торгово-экономических связях между Японией и Индией отсутствовала соответствующая договорно-правовая основа, за исключением положений статьи 2 японо-индийского мирного договора 1952 г. В соответствии с ней обе стороны предоставили друг другу режим наиболее благоприятствуемой нации на 4 года.

В развитие мирного договора страны в феврале 1958 г. заключили торговый договор, явившийся первым всесторонним соглашением в области торгово-экономических связей между ними. На его основе стороны предоставили друг другу режим наиболее благоприятствуемой нации в отношении торговли, тарифов и судоходства. В октябре 1958 г. Индия официально сняла ограничения на импорт из Японии. Тем самым она стала первой страной тогдашнего Британского содружества наций, которая отказалась от применения к Японии дискриминационной 35-й статьи Генерального соглашения о тарифах и торговле.

Создание договорно-правовой основы и отмена некоторых дискриминационных положений в известной мере способствовали развитию японо-индийских экономических связей, главными формами которых стали торговля, предоставление Индии «помощи» в рамках так называемого экономического сотрудничества, прямые инвестиции и некоторые другие¹⁷.

Товарооборот между двумя странами с 1958 по 1981 г. вырос с 159 до 2254 млн. долл., то есть более чем в 14 раз, и Япония превратилась в одного из крупнейших внешнеторговых партнеров Индии (после США и СССР).

Основным фактором роста взаимного оборота была и остается уже упоминавшаяся известная дополняемость экономики и внешней торговли

¹⁵ "Age", 16.IX.1981.

¹⁶ И. Ганди. Внешняя политика Индии. М., 1982, с. 19—20.

¹⁷ Здесь и далее — по данным «Цусё хакусё, какурон» (Белая книга по вопросам торговли). Токно, 1982, с. 337—339.

двух стран: наличие в Индии целого ряда сырьевых товаров, в которых нуждается Япония, а у Японии — продукции, которая не производится или мало производится индийской промышленностью.

Доля Японии во внешней торговле Индии (в %)

	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
В экспорте	5,4	7,1	14,0	10,6	10,3
В импорте	5,4	5,6	4,6	6,7	7,5

Рассчитано по: «Development of Trade», IMF за соответствующие годы.

В экспорте Японии в Индию обращает на себя внимание высокий удельный вес машин и оборудования (38,7 %), среди которых наибольшую долю занимает общее, электротехническое и транспортное оборудование. Такая технически сложная продукция, как точное и прецизионное оборудование, металлообрабатывающие станки и станки с программным управлением, автоматические линии, комплектное оборудование и т. п., практически отсутствует в импорте Индии из Японии.

Второе место в японском экспорте в Индию (около 35 %) занимают металлы и металлоизделия, качество которых весьма высоко.

На протяжении всего послевоенного периода большую роль в японо-индийской торговле играет экспорт из Японии продукции легкой промышленности, удельный вес которой составлял в 1981 г. 15,8 %. Этому способствовало как наличие товаров, которых нет или недостаточно в Индии (искусственный жемчуг, бумага и картон), так и изменение структуры вывоза японской текстильной промышленности, в котором резко увеличилась доля синтетических волокон и вискозы и снизилась доля хлопчатобумажных тканей и готовой одежды, производимых в значительных количествах в самой Индии.

Что касается Индии, то ее экспорт в Японию имеет в целом сырьевую направленность. Крупнейшими статьями продолжают оставаться железная, марганцевая и хромовая руды, по поставкам которых Индия занимает третье место среди контрагентов Японии.

С 70-х годов заметно увеличился ввоз в Японию индийских продовольственных товаров, прежде всего мороженных креветок, фруктов и овощей, кормов, различных видов орехов. По некоторым из них Индия занимает ведущие позиции на японском рынке. Поставки других сырьевых товаров либо показывают очень медленные темпы роста (хлопок, табак), либо даже сокращаются (лес).

В целом группа сырьевых товаров в японском импорте из Индии на протяжении длительного периода обнаруживает тенденцию к сокращению. Ее доля с 1960 по 1981 г. уменьшилась с 91,9 до 53,4 %, хотя в абсолютном выражении за тот же период увеличилась почти в 10 раз.

В японском импорте из Индии имеется товарная группа, которая на протяжении длительного периода показывает существенный рост: это готовая промышленная продукция, доля которой составила в 1981 г. 18,6 %. Характерно, что увеличивается не только объем, но и число входящих в нее товарных позиций. Так, если в 1960 г. готовая промышленная продукция состояла лишь из одного товара — обработанной кожи, то сейчас она насчитывает восемь товарных позиций, включая химические продукты, машины и оборудование, текстильные изделия, сталь, чугун. Известный рост рассматриваемой группы свидетельствует о прогрессивных сдвигах в развитии индийской национальной промышленности, отражающихся и на структуре экспорта страны.

На состояние японо-индийской торговли в целом большое влияние оказывают не только экономические факторы, но и определенная политика Индии, направленная в ряде случаев на сдерживание закупок в Японии. Подобная политика вызывается опасениями широкого вторжения на индийский рынок японских товаров, что имеет место во многих

других капиталистических странах, и печальным опытом прошлого, когда Индия в ряде случаев (в 1933 и 1941 гг.) вынуждена была де-ансировать торговые соглашения с Японией по вине последней.

Важной формой экономических отношений между двумя странами является так называемое «экономическое сотрудничество», или «помощь» Японии в виде безвозмездных субсидий, государственных иенных займов, экспортных кредитов, взносов в различные международные организации, осуществляющие в Индии проекты на многосторонней основе. Экономическое сотрудничество Японии с Индией, как и с другими развивающимися странами, носит характер экспорта прежде всего государственного капитала, призванного создать наиболее благоприятные условия для японских предприятий в других районах мира.

По объему ресурсов, направляемых капиталистическими странами в Индию по каналам «официальной помощи развитию» (ОПР), Япония занимает третье место после Англии и США. Примечательно, что средства ОПР выделяются Японией Индии на худших условиях, чем другим развивающимся странам. Например, доля безвозмездных субсидий в ОПР Японии Индии более чем в 10 раз ниже среднего японского показателя, который в свою очередь существенно уступает показателям других капиталистических стран¹⁸. Незначительные размеры имеет и техническая помощь для Индии.

Средства, предоставляемые Японией в рамках «помощи», в основном имеют форму государственных иенных займов. Кстати, Индия была первой страной, которая стала получать от Японии подобные займы. С 1958 по конец 1981 г. Япония предоставила Индии 42 иенных займа на общую сумму 445,8 млрд. иен (около 1,7 млрд. долл.)¹⁹. Индия занимает по этим показателям второе место после Индонезии. Предоставление иенных займов, как правило, связывается с закупкой в Японии товаров то есть практически с расширением ее экспорта. Зачастую под иенные займы продаются товары, не находящие сбыта в самой Японии, либо устаревших конструкций и моделей.

По частным каналам экспорт капитала из Японии в Индию производится в большинстве своем в виде прямых инвестиций. Хотя Индия и оказалась первой страной, в которой японские монополии начали свою зарубежную инвестиционную деятельность после второй мировой войны, прямые инвестиции в отличие от внешней торговли не стали играть значительной роли во всем комплексе экономических отношений Японии и Индии. По состоянию на апрель 1980 г. прямые инвестиции японских монополий в Индию едва достигали 35 млн. долл., или составляли менее 0,1 % всех ее зарубежных капиталовложений, занимая практически одно из последних мест среди стран — объектов приложения японского капитала²⁰.

Подобное положение, когда японский капитал «не идет» в Индию, сама японская сторона объясняет опасениями своих деловых кругов возможным будущим «полевением» Индии, а также довольно нестабильным положением на рынке рабочей силы Индии с точки зрения сотрудничества труда и капитала и ее квалификации. Кроме того, к сдерживающим факторам относят ограниченные возможности индийских предпринимателей — возможных партнеров по совместным предприятиям, риск национализации иностранной собственности, строгие импортные ограничения в Индии на сырье и прочие материалы, что затрудняет деятельность японского капитала, жесткое регулирование индийской стороной сроков и целей пребывания в стране японских коммерсантов и

¹⁸ См.: Кэйдзай керёку-но гэндзё-то мондайтэн (Современное состояние и проблемы экономического сотрудничества). Токио, 1981, с. 437.

¹⁹ См.: «Нихон кэйдзай симбун», 16.1.1982.

²⁰ См.: Кэйдзай керёку-то гэндзё-то мондайтэн, с. 441.

специалистов и др.²¹ Таким образом, чисто экономические соображения не раскрывают полностью причин создавшегося положения. Объяснения следует искать также в политической и социальной областях. Несомненно, напряженная обстановка на Индостанском полуострове, а также социально-экономические сдвиги в Индии сильно противодействуют прямым японским инвестициям. К тому же, видимо, нельзя сбрасывать со счетов и подспудное соперничество монополий этих азиатских стран в регионе.

Японский капитал функционирует в основном в форме смешанных предприятий, что вызвано стремлением максимально глубоко «вжиться» в экономическую структуру Индии и по возможности уменьшить риск национализации. И если подобная «гибкость» и затушевывает некоторые наиболее однозлые аспекты зарубежной деятельности японских монополий, в частности в Индии, она все же не в состоянии скрыть то, что эта деятельность диктуется прежде всего внутрифирменными интересами японских компаний, то есть осуществляется в конце концов ради получения ими максимальных прибылей, а не в интересах стран-реципиентов.

Анализ японо-индийских экономических отношений показывает, что японским монополиям не удалось занять доминирующие позиции на индийском рынке, хотя такие целенаправленные попытки предпринимались, например, в конце 50-х — начале 60-х годов (включение Японией рупии наравне с инеой в различные проекты экономического объединения азиатских стран).

Не поддержала Индия и «доктрину Фукуды», выдвинутую в 1977 г., планы создания «тихоокеанского экономического сообщества» в начале 80-х годов, не без оснований усмотрев в них стремление японских монополий резко усилить свои позиции в регионе. Индия, таким образом, показывает яркий пример того, как независимый курс в области развития национальной экономики и внешнеэкономических связей, в частности, с таким мощным капиталистическим государством, как Япония, может оградить национальный рынок от широкого проникновения японских монополий.

* * *

Японо-индийские отношения, влияющие на положение в Азии, в настоящее время получили известное развитие как в политической, так и в экономической областях. Тем не менее их уровень нельзя признать значительным по сравнению с той ролью, которую играют обе страны в современном мире.

В японо-индийских отношениях переплетаются противоречивые тенденции, вызванные различиями в социально-экономических системах двух стран, внешнеполитических курсах и т. п. С начала 80-х годов наметились активизация контактов между двумя странами, поиски путей некоторого сближения их позиций по международным проблемам. Однако любое сближение между Японией и Индией не может не иметь видимых пределов и быть прочным. Ведь речь идет о странах, одна из которых — Япония — проводит проамериканский внешнеполитический курс, а другая — Индия — придерживается миролюбивой внешней политики неприсоединившегося государства.

²¹ In: "Indian Foreign Review", July 1, 1970, N 18, p. 19; "Commerce", December 4, 1971, p. 32; "Far Eastern Economic Review", August 28, 1971, p. 42—44.

Топливо-энергетическая проблема в КНР

*А. П. Морозов,
кандидат экономических наук*

В последние годы задача обеспечения энергией стала одной из острейших народнохозяйственных проблем КНР. В отчетном докладе XII съезду КПК Ху Яобан заявил, что напряженное положение в энергетике существенно «ограничивает развитие экономики Китая», что в последнее время «рост производства энергии в Китае несколько замедлился, а перерасход энергетических ресурсов по-прежнему представляет собой чрезвычайно серьезное явление» и что «для обеспечения определенных темпов развития народного хозяйства необходимо усилить разработку ресурсов, всемерно сокращать расходование энергии»¹.

Истоки и степень остроты проблемы

Со времени образования КНР в решении топливо-энергетической проблемы страны сделан большой шаг вперед. За период с 1949 по 1980 г. производство первичных энергоресурсов в стране увеличилось более чем в 24 раза, в том числе добыча угля — в 19,4 раза, нефти — в 883 раза, электроэнергии — в 70 раз.

Произошли положительные изменения в структуре топливо-энергетического баланса в результате резкого увеличения в нем доли нефти и появления природного газа. Так, если в 1949 г. удельный вес угля в общем объеме производства первичных энергетических ресурсов составлял 96,3 %, а нефти — лишь 0,7 %, то в 1980 г. соответственно 69,4 и 23,8 %. Доля природного газа достигла 3 %². Тем не менее темпы развития топливо-энергетического комплекса КНР оказались недостаточными. Дефицит энергии начал особенно резко возрастать с середины 70-х годов. В 1980—1981 гг. впервые после 1967 г. произошло падение производства первичных энергоресурсов на 2 %. За эти два года добыча угля снизилась на 2 %, нефти — на 4,7 %, газа — на 12,2 %. В 1982 г. тенденцию к падению удалось остановить и обеспечить увеличение энергоресурсов на 5,7 %, что было, однако, ниже темпов прироста не только промышленности (7,7 %), но и национально-го дохода (7,4 %).

Отставание топливо-энергетических отраслей становилось все более серьезным препятствием на пути экономического и прежде всего промышленного развития страны. Газета «Гунжэнь жибао» писала в марте 1979 г., что удовлетворение потребностей промышленности в электроэнергии позволило бы увеличить объем производства в целом по стране на базе имеющихся мощностей на 20—30 %³. Только из-за дефицита электроэнергии народное хозяйство ежегодно недополучает

¹ Документы XII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 1982, с. 19 (на кит. яз.).

² См.: Чжунго тунцзи няньцзянь, 1981. Пекин, 1982, с. 228.

³ См.: «Гунжэнь жибао», 2.III.1979.

промышленной продукции на сумму 70 млрд. юаней⁴. Из этих показателей следует, что ежегодный дефицит электроэнергии в промышленности во второй половине 70-х — начале 80-х годов составлял примерно 15—25 % вырабатываемого количества.

Причины и последствия

Причиной резкого обострения энергетической проблемы во второй половине 70-х — начале 80-х годов, как отмечается в китайской печати, явились прежде всего ошибочные установки в экономической политике, резкое усиление элементов анархии и стихийности в руководстве народным хозяйством, подрыв принципов планомерности и пропорциональности. Форсированное развитие то одних, то других отраслей без достаточно тесной увязки с развитием всего народнохозяйственного комплекса, и особенно сырьевых и энергетических его отраслей привело к возникновению многих межотраслевых и внутриотраслевых диспропорций. В конечном итоге это вызвало резкое падение эффективности общественного производства, а в отдельные годы и снижение абсолютных размеров промышленного производства как в целом, так и в отдельных его отраслях.

Существует и ряд непосредственных причин обострения топливно-энергетической проблемы на современном этапе. Одной из них является заметное отставание по темпам прироста отраслей топливно-энергетического комплекса от развития народного хозяйства в целом, и прежде всего промышленности — основного потребителя энергии (примерно 65 %).

Мировая практика свидетельствует о том, что опережающий рост энергетики по отношению к промышленности в целом является необходимым условием ее нормального, здорового развития. Большинство китайских экономистов придерживается такого же мнения. Минимально допустимым соотношением между увеличением производства энергии и ростом промышленности считается 0,9, то есть на каждый процент прироста валовой промышленной продукции должно приходиться 0,9 % прироста энергии. Так, в годы первой пятилетки, которая сегодня квалифицируется китайским руководством как период наиболее сбалансированного, успешного развития экономики, это соотношение составило 1,03, хотя и тогда ощущалось определенное напряжение в снабжении энергией. Что же касается второй половины 70-х годов, то это соотношение упало до 0,51.

Усиление напряженности со снабжением энергией связано с отставанием ее производства от прогрессивных изменений в структуре китайской промышленности, выражавшихся прежде всего в росте удельного веса тяжелой промышленности, и в особенности таких ее энергоемких отраслей, как металлургическая и химическая.

Существует прямая зависимость между удельным весом тяжелой промышленности в совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства (или отдельно промышленности) и ростом потребления энергии. В настоящее время на единицу валового национального продукта, создаваемого в тяжелой промышленности, затрачивается примерно в пять раз больше условного топлива, чем в легкой⁵.

За период с 1952 по 1982 г. доля тяжелой промышленности в валовой продукции промышленности и сельского хозяйства увеличилась в целом с 14,8 до 33 %. Наиболее интенсивно за этот период росли та-

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 30.IX.1980.

⁵ См.: «Нэнъюань», 1981, № 1, с. 5.

кие энергоемкие отрасли экономики, как химия, включая производство удобрений, металлургия и машиностроение. Соответственно увеличались и затраты энергии.

Определенную роль в обострении проблемы снабжения энергией играет и нерациональность внутриотраслевой структуры производства.

Так, например, потребность сельского хозяйства в азотных и фосфорных удобрениях определяется соотношением 1:0,5. В настоящее же время это соотношение составляет 1:0,2. В Китае на производство 1 т азотных удобрений расходуется 0,82 т условного топлива, а на 1 т фосфорных удобрений — 0,29 т⁶. Повышение удельного веса фосфорных удобрений могло бы дать ежегодную экономию в несколько миллионов тонн условного топлива.

Одной из причин обострения энергетической проблемы является также низкий научно-технический уровень промышленного производства, наличие большого числа мелких полукустарных предприятий. В результате на выплавку 1 т стали в Китае расходуется 1,6 т стандартного угля, на производство 1 т аммиака — 2,7 т, на выработку 1 кВт·ч электроэнергии — 453 г. Соответствующие показатели по Японии равны: 0,77 т, 1,2 т и 334 г. Только из-за отставания в технологии в этих трех отраслях производства в 1979 г. перерасход энергии составил 13 % общего производства.

Большой перерасход энергии у мелких предприятий. Так, если на главных металлургических предприятиях страны на выплавку тонны чугуна в 1979 г. расходовалось 566 кг кокса, то на мелких и средних предприятиях уездного подчинения — 837 кг. В целом в 1979 г. на мелких и средних предприятиях было выплавлено 27 % чугуна, а израсходовано 39 % кокса. На производство 1 т азотных удобрений на крупных предприятиях используется 1,4 т условного топлива, а на мелких — 3,7 т⁷.

Значительно усложняет проблему снабжения энергией низкий коэффициент ее полезного использования — менее 30 %, тогда как в европейских странах он составляет более 40 %, а в Японии и США — 50 %.

Низкий коэффициент использования энергии в народном хозяйстве определяется устарелостью и низким техническим уровнем оборудования в промышленности. Самый низкий коэффициент на железнодорожном транспорте, базирующемся в основном на паровой тяге, а также при использовании энергии на бытовые нужды.

Наиболее низок коэффициент полезного использования угля — основного источника энергии — всего 23 % (в развитых странах он достигает 60 %⁸). Это связано с рядом обстоятельств, в частности со структурой его потребления: в наименее экономичные в Китае сферы потребления (транспорт, электроэнергетика, бытовые нужды) идет примерно 40 % всего угля⁹. Перерасход угля связан также с широким использованием необогащенного угля. Существующая техническая база позволяет обогащать лишь 18 % добываемого угля (в то время как в Великобритании обогащается 87,3 %, а в Японии — 94,4 %)¹⁰.

К факторам, осложняющим энергетическую проблему, относится прогрессивная тенденция к увеличению использования энергоносителей (уголь, нефть, газ) в качестве исходного сырья для производства различного рода промышленной продукции, прежде всего в химической промышленности. На основе нефте- и газодобычи в 70-е годы

⁶ См.: «Нэнъюань», 1981, № 1, с. 5.

⁷ См.: «Жэньминь жибао», 21.V.1981.

⁸ См.: «Цзинцзи гуаньли», 1981, № 2.

⁹ См.: «Ганте», 1980, № 2, с. 65.

¹⁰ См.: «Жэньминь жибао», 30.V.1980.

возникла новая для Китая отрасль индустрии — нефтехимия, производящая из энергетического сырья такие важные виды продукции, как удобрения, химическое волокно и т. д. Так, например, в 1981 г. химическая промышленность КНР «изъяла» на «неэнергетические цели» 5,2 % общего объема произведенных первичных энергетических ресурсов.

Осложняет топливно-энергетическую проблему страны и необходимость во все возрастающих масштабах экспортировать энергетические ресурсы для получения валюты и покрытия дефицита торгового баланса с развитыми капиталистическими странами, а также погашения внешней задолженности. В 1980 г., например, КНР вывезла 23,54 млн. т, а в 1981 г. — 24,21 млн. т условного топлива, что составило соответственно 3,7 и 3,8 % от объема произведенных энергетических ресурсов, не считая экспорта 4,2 млн. т нефтепродуктов в 1980 г. и 4,907 млн. т в 1981 г.

Таким образом, топливно-энергетическая проблема в КНР достаточно остра и многопланова, а потому требует комплексного решения.

Перспективы решения проблемы

На XII съезде КПК была выдвинута задача к 2000 г. увеличить ежегодный объем производства валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в четыре раза по сравнению с 1980 г. Даже если соотношение между приростом промышленного производства и увеличением первичных энергетических ресурсов будет 0,9—1, Китаю потребовалось бы к 2000 г. довести годовое производство первичных энергоресурсов до 2300—2500 млн. т условного топлива. Добиться этого, по единодушной оценке китайских специалистов, невозможно.

Как показывают расчеты, в период с 1952 до 1980 г. суммарные капиталовложения в угольную, нефтяную и электроэнергетическую промышленность составили 128,6 млрд. юаней, что обеспечило прирост ежегодного производства первичных энергетических ресурсов с 48,7 млн. т до 637,2 млн. т, то есть на 588,5 млн. т условного топлива. Это означает, что на каждую тонну прироста условного топлива было затрачено в среднем 218 юаней. В последней же, пятой пятилетке (1976—1980) на каждую тонну прироста затрачивалось 325 юаней, что отражает общую тенденцию роста цен и естественное ухудшение геологических и других условий добычи полезных ископаемых. Для увеличения же производства первичных энергоресурсов с 637,2 млн. т до 2300—2500 млн. т условного топлива в течение 20 лет будет необходимо обеспечить капиталовложения в топливно-энергетические отрасли (по нормам 1952—1980 гг.) в размере 360—400 млрд. юаней, а по более реальным нормам 1975—1980 гг. — 540—600 млрд. юаней. В последнем случае в течение 1980—2000 гг. ежегодные капиталовложения должны в среднем составлять 27—30 млрд. юаней, что вряд ли возможно при сегодняшнем уровне национального дохода и фонда накопления в КНР.

В этих условиях руководство КНР делает ставку на экономию энергоресурсов. Поставлена задача снизить соотношение между приростом промышленного производства и увеличением производства первичных энергоресурсов до 0,5. В этом случае для четырехкратного увеличения производства валовой продукции промышленности и сельского хозяйства к 2000 г. потребуются увеличить производство первичных энергоресурсов не в четыре, а лишь в два раза и довести его к концу нынешнего столетия примерно до 1200 млн. т условного топлива в год, для чего потребуется примерно 15 млрд. юаней ежегодных

капиталовложений в течение 20 лет, что в принципе способна обеспечить китайская экономика. Решение вопроса упирается в необходимость перестройки народного хозяйства на энергосберегающую структуру и технологию, но это в свою очередь требует больших средств и много времени.

В китайской топливо-энергетической программе делается ставка на первоочередное развитие угольной промышленности и строительство гидроэлектростанций. Среднегодовые темпы прироста первичных энергоресурсов в течение 20 лет планируются на уровне 3,5 %, угля — примерно на таком же уровне, гидроэлектроэнергии — 6,5—8,5 %, нефти — 5,5—6 %.

Предпринимаются попытки использовать другие источники энергии. В частности, после долгих дебатов положительно решен вопрос о строительстве атомных электростанций. Кроме того, в 1979 г. на основе зарубежного опыта и технологии в провинции Шаньдун была построена первая в Китае приливная электростанция, на которой установлено два энергоблока общей мощностью 160 тыс. кВт¹¹. С начала 70-х годов используются геотермальные источники, в том числе и для производства электроэнергии. Приступили к использованию солнечной энергии.

По известным из китайской печати наметкам, в 2000 г. добыча угля должна составить 1200 млн. т, а его удельный вес в энергобалансе — 70 %. Ставка на уголь, который должен остаться основным энергоносителем, объясняется его широкой распространенностью по всей территории страны, большими возможностями его кустарной и полукустарной добычи на местах и более высокой экономической эффективностью производства энергии из угля, чем из нефти. Затраты на производство 1 т условного топлива из угля в 2—2,5 раза ниже, чем из нефти.

После острых и продолжительных дебатов на текущее двадцатилетие в Китае взят курс на преимущественное развитие ГЭС в производстве электроэнергии по сравнению с ТЭС.

Увеличение к концу века мощностей ТЭС на 40—50 млн. кВт позволит повысить производство электроэнергии до 210—250 млрд. кВт·ч. Удельный вес ГЭС в производстве электроэнергии должен возрасти с 19,4 до 25 %¹², а общая выработка электроэнергии на ГЭС и ТЭС — до 840—1000 млрд. кВт·ч.

Курс на преимущественное развитие гидроэнергетики китайские специалисты обосновывают рядом соображений. Во-первых, более высокой экономической эффективностью ГЭС. Себестоимость вырабатываемой на них энергии в 4—5 раз ниже, прибыль на каждый кВт·ч — в 3 раза выше, а накопления — в 2,5 раза больше, чем на ТЭС.

Если принять во внимание показатели накопления, рентабельности по стоимости реализованной продукции и рентабельности, исчисленной по себестоимости, то по этим показателям ГЭС превосходят ТЭС от 2 до 7—8 раз.

Во-вторых, запасы угля, нефти и газа в конечном итоге истощаются, в то время как ГЭС используют постоянно возобновляемые ресурсы.

В-третьих, ГЭС значительно превосходят ТЭС с точки зрения решения экологических проблем.

И наконец, в-четвертых, развитие гидроэнергетики существенно ослабляет весьма острую транспортную проблему в КНР.

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 26.III.1979.

¹² См.: «Шуйли фадянь», 1982, № 3, с. 2.

План на 1980—2000 гг. не предусматривает заметного изменения структуры первичных энергоресурсов.

В целом по финансовым возможностям начало решения энергетической проблемы — увеличение производства первичных энергоресурсов в два раза — представляется вполне реальным. Главным препятствием здесь может стать нехватка материальных ресурсов вследствие недостаточного развития энергетического машиностроения. В этом случае Китай будет вынужден по-прежнему искать выход на мировом рынке.

Решение второй части задачи — снижение энергоемкости народного хозяйства почти в два раза и обеспечение необходимой экономии энергоресурсов — представляется значительно более сложным делом.

Как считают некоторые китайские специалисты¹³, общая необходимая экономия энергии может быть обеспечена на $\frac{1}{3}$ мероприятиями, связанными с прямой экономией первичных энергоресурсов, и на $\frac{2}{3}$ — с косвенной. Прежде всего указывается на то, что увеличение коэффициента полезного использования энергии с 30 до 50 % могло бы дать до 40 % необходимой экономии. Однако очевидно, что повышение степени утилизации энергии связано с серьезной перестройкой всей промышленности, что требует крупных капиталовложений в производство современного оборудования, повышения технического уровня машиностроения, в номенклатуре которого сегодня лишь 5 % продукции соответствует уровню 70-х годов, а 60 % — уровню 40—50-х годов¹⁴.

Важным источником экономии считается повышение коэффициента использования различного неэнергетического сырья, материалов и продукции, издержки производства которых на 50 % и более составляют энергозатраты. Например, в 1978 г. коэффициент полезного использования стального проката составил 65,8 %. Повышением этого показателя до 80 % можно было бы сэкономить 2,5 млн. т проката и тем самым — 12,5 млн. т условного топлива¹⁵. Но необходимым условием такой экономии является заметное увеличение сортамента проката, структурная перестройка прокатного производства.

Экономия энергии ставится также в зависимость и от некоторых других факторов. Так, в настоящее время общее потребление населением энергоресурсов на бытовые нужды составляет примерно 320 млн. т условного топлива. В среднем ежегодно на человека расходуются более 0,3 т условного топлива в год, поэтому уменьшение прироста населения рассматривается как важный фактор косвенной экономии¹⁶.

О трудностях и проблемах столь значительной экономии энергоресурсов можно судить по результатам попыток создать менее энергоемкую структуру промышленного производства путем повышения в нем удельного веса отраслей легкой промышленности.

В связи с этим с 1979 г. начала проводиться политика преимущественного развития легкой промышленности. План на текущую, VI пятилетку предусматривает среднегодовые темпы роста для тяжелой промышленности 3 %, а для легкой — 5 %. Вскоре, однако, такая перестройка промышленности привела к резкому снижению темпов роста тяжелой промышленности, к стагнации и даже падению всего промышленного производства.

Были предприняты определенные усилия, и, по официальным данным, уже в 1982 г. тяжелая промышленность по темпам развития

¹³ См., например: «Жэньминь жибао», 21.1.1983.

¹⁴ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1982, № 7, с. 37—41.

¹⁵ См. «Жэньминь жибао», 21.1.1983.

¹⁶ См. там же.

вновь стала опережать легкую, прирост валовой продукции ее составил 9,9, а легкой — 5,7 %. Эту тенденцию китайская печать расценивает как возвращение «к нормальному индустриальному развитию страны». Очевидно, что эта тенденция останется определяющей в развитии китайской экономики до конца нынешнего столетия. А значит, надежды на экономию энергии, снижение энергоемкости и электроемкости производства за счет структурных сдвигов оказались в значительной степени неоправданными.

Сложность решения топливо-энергетической проблемы в КНР — в части, касающейся экономии энергии и развития народного хозяйства быстрыми темпами при ограничении капиталовложений в топливо-энергетический комплекс, — ставит под серьезную угрозу программу экономического развития Китая до 2000 г. В связи с этим задача четырехкратного увеличения валовой продукции промышленности и сельского хозяйства к концу столетия при удвоении производства первичных энергоресурсов может оказаться невыполнимой.

Этические категории конфуцианства: современные оценки и толкования

*Л. С. Переломов,
доктор исторических наук
Э. В. Никогосов*

Вторая половина XX в. наглядно продемонстрировала, что Конфуций и конфуцианство отнюдь не забыты в Китае. Даже более того, в десятилетие «культурной революции» «Совершенномудрый» (как Конфуция именовали на протяжении двух тысяч лет) и его учение были вовлечены в политическую борьбу. В конце 70-х — начале 80-х годов в КНР началась и по сей день продолжается переоценка роли Конфуция и характера его учения. Следует отметить, что это весьма сложная проблема, имеющая немало подводных камней. Упоминая о некоторых из них, академик С. Л. Тихвинский писал: «Дело в том, что официальное конфуцианство в Китае в целях популяризации своих догматов среди народа, во имя беспрекословного подчинения его правящему классу создало обширную литературу, идеализировавшую не только личность основателя учения, но и его учеников, видных пропагандистов учения, отдельных правителей прошлого, ретиво внедрявших конфуцианство и преследовавших его противников»¹. Если к этому вполне справедливому высказыванию добавить хотя бы часть оценок Конфуция, конфуцианства и его «проявлений» организаторами кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» (1972—1976), то станет ясно, насколько сложная проблема стоит ныне перед исследователями конфуцианства во всем мире, и в КНР в частности. С наиболее трудными вопросами переоценки вульгаризаторских характеристик Конфуция и конфуцианства пропаганда КНР и исследователи столкнулись в 1976—1979 гг. Именно в этот период начался целый поток публикаций, в которых рассматривались различные этапы жизни Конфуция, судьба его концепций, особенно их «присутствие» в политической жизни страны. Подводя итоги этого обсуждения, Пан Пу в статье «Об оценке Конфуция в последние три года» отмечал, что появилось уже несколько сот статей на эту тему, и выделял два этапа их публикаций: первый — с 1976 г. до лета 1978 г., второй — до начала 1980 г. По мнению Пан Пу, «на первом этапе акцент делался главным образом на том, чтобы расщелкаться с кампанией «банды четырех» по «восхвалению легизма и критике конфуцианства». Эта кампания была, по существу, политическим заговором, цель которого заключалась в узурпации верховной власти в партии и государстве; оценке же древних в данном случае отводилась лишь роль ширмы... Критикуя концепцию «банды четырех» о «восхвалении легизма и критике конфуцианства», разумеется, следовало прежде всего пропесочить ее за политическое коварство. На первом этапе появилось немало весьма острых и хороших статей под этим углом зрения, чтение которых доставляло огромное удовольствие, они освобождали от пут ненависти и поистине несли в себе зерна глубо-

¹ С. Л. Тихвинский. Древнекитайская философия и политическая борьба в КНР. — «Новый мир», 1982, № 1, с. 262.

ких разоблачений и беспощадной критики. Однако почти во всех этих критических статьях сохранялся тот же запал, имеющий политически заданную убойную силу или, словно золотой обруч, прочно ограничивающий мысли автора. Казалось, что сложилась чеканная аксиома, способная служить обоснованием любого тезиса, который мог бы быть использован для ответного удара по «банде четырех». Пан Пу имел в виду логику доказательства тех многих авторов, которые, споря с заправилками кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», действовали по схеме «сам такой», обвиняя сторонников «банды четырех» в том, что они сами отвержены конфуцианству.

Закljučая характеристику первого этапа, Пан Пу отмечал: «Этот этап можно назвать оценочным этапом без оценок Конфуция. Он до обидного ярко продемонстрировал, сколь великую роль у наших исследователей еще играют инерция и суеверие, или, выражаясь точнее, он без всякого сочувствия вскрыл, до какой степени глубоко травмирована наша идеология!» С этим признанием автора статьи нельзя не согласиться. Пан Пу сетовал: «Не знаю, с какого времени, но в нашей жизни политиканство постепенно поглотило науку, выгода и невыгода исподволь заняли место правды и неправды. С помощью политиканства стало возможным обрушиваться на все, и все должно было подчиняться политиканству. И вот в сфере общественных наук чувство правды и неправды стало с каждым днем все больше хиреть и в итоге исчезло».

Второй этап, по мнению Пан Пу, начался тогда, «когда Конфуция стали исследовать как историческую личность, ясно высказывая при этом собственные взгляды. Это произошло постепенно, по мере того, как обсуждение стало вестись в соответствии с [научными] критериями истины».

На этом этапе наблюдается сосуществование самых различных точек зрения, и автор приветствует такое положение: «Во вторые полтора года появляется неиссякаемый поток статей, обзоров, дискуссионных заметок и докладов самого разного характера и свойства, содержащих оценки Конфуция: здесь и всесторонний анализ его идеологии, и исследование отдельных исторических фактов; здесь и признание Конфуция революционером, и твердая уверенность в том, что Кун Цю был реакционером, здесь и попытка проследить, кто был предтечей конфуцианцев, и вольная беседа об эволюции конфуцианства; словом, в этом грандиозном потоке, захватывающем все и вся, великое и малое, поистине каждый высказывает свое мнение и говорит при этом все, что хочет сказать»².

Почти по каждой крупной проблеме, связанной с характеристикой Конфуция, насчитывается по меньшей мере четыре-пять различных точек зрения. Лю Шусюнь в статье «О переоценке Конфуция» отмечает, что по вопросу о политической платформе Конфуция сосуществуют четыре следующих мнения: 1) Конфуций — представитель твердолобых рабовладельцев; 2) Конфуций — реформатор рабовладения; 3) Конфуций представлял нарождавшийся класс помещиков; 4) нельзя идеологию Конфуция рассматривать как неизменное, она проходила разные этапы эволюции. Одни утверждали, что Конфуций был идеалист, другие — что он материалист; третьи — что философские взгляды Конфуция стали освобождались от религиозного идеализма и поворачиваться к наивному материализму и т. п.³

Подходя к вопросу о так называемой «политической платформе» Конфуция, вряд ли перспективно связывать его имя лишь с одним господствующим классом, ибо такой метод обедняет учение и затрудняет постижение всей глубины идей Конфуция. Очевидно, из многих методов изучения раннего конфуцианства наиболее плодотворен тот, который ос-

² «Жэньминь жибао», 29.I.1980.

³ «Гуанмин жибао», 12.III.1980.

нован на оценке конфуцианства Л. П. Делюсиным: «Вульгарная попытка определить конфуцианство как учение, адекватно отражающее и защищающее интересы одного определенного класса, как правило, бесплодна». Конфуций и его последователи как бы выступали глашатаями абстрактной общечеловеческой правды, «что не мешало им, принимая учение, злоупотреблять его авторитетом в интересах господствующих классов китайского общества»⁴.

Весьма отраднo, что в 1982 г. ряд китайских исследователей Конфуция отказывается от вульгарного классового подхода в оценке его учения. Например, Куан Ямин пишет: «Оценивая историческую личность в условиях ее эпохи, неверно отрицать классовый анализ, но столь же неверно механически и метафизически на все произвольно наклеивать классовый ярлык».

Прочитав известное высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса из «Коммунистического манифеста» о том, что в период социальных потрясений «...небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее»⁵, Куан Ямин заключает, что учение Конфуция нельзя связывать с отмирающим рабовладельческим классом⁶.

Целесообразно обратиться к анализу фундаментальных, то есть морально-этических, категорий конфуцианства, ибо лишь их раскрытие позволит исследователю постичь суть всего учения. Однако именно на этом пути встречаются наибольшие трудности. И по сей день взгляды и трактовки исследователей и переводчиков весьма противоречивы. Известно примерно два десятка основных этических категорий конфуцианства. Прежде всего обратимся к словарям, поскольку именно они ориентируют исследователей в работе над текстами. Эти двадцать упомянутых категорий следующие (приведенная в скобках нумерация дана по «Китайско-русскому словарю» под ред. И. М. Ошанина):

1. жэнь (3)
2. и (6776)
3. ли (573)
4. дао (6480)
5. дэ (8339)
6. чжи (1507)
7. синь (1141).
8. цай (3229)
9. сяо (3045)
10. ти (4650)
11. юн (4746)
12. чжун (8418)
13. шунь (8090)
14. хэ (1082)
15. у-чан (525; 3879)
16. сань-ган (8; 3732)
17. цзюнь-цзы (1130; 3038)
18. сяо-жэнь (8063; 4777)
19. чжун-юн (2625; 3663)
20. да-тун (4885; 3778)

Словари обозначим следующими буквами алфавита:

- А — Китайско-русский словарь еп. Иннокентия. Пекин, 1914.
 Б — Китайско-английский словарь Р. Мэтьюза. Шанхай — Кембридж, 1931.
 В — Китайско-русский словарь. Под ред. И. М. Ошанина. Москва, 1952.

⁴ Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982, с. 9.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 433.

⁶ См.: «Гуанмин жибао», 13.XI.1982.

Г — Китайско-русский словарь. Шанхайский институт иностранных языков. Пекин, 1977.

Д — Синьхуа цыдянь. Пекин, 1981. В скобках приводятся страницы цитируемых словарей.

А

1. человеколюбие (61).
2. справедливость, общественный; усыновленный (66).
3. церемония; обряд; поклонение (85).
4. дорога; зона; проход; доктрина; учение (45).
5. добродетель; благоразумие (54).
6. мудрость; знание; благоразумие (272).
7. искренность; вера (144).
8. талант, дарование; сила, материал (242).
9. почтительный, чтить родителей (166).
10. поступать по-братски почтительно (172).
11. храбрый, смелый; сильный (327).
12. верный, правдивый; преданность; преданность престолу (280).
13. повиноваться; послушание (312).
14. гармоничный; покладистый; мир, согласие (206).
15. —
16. —
17. благородный человек (234).
18. ничтожный человек, ничтожество (166).
19. —
20. —

Б

1. совершенная добродетель, свободная от своекорыстия, — идеал Конфуция; не выставляемая напоказ любовь к человеку, который стремится к справедливости; благожелательность, милосердие, человечность, любовь (464).
2. правильное поведение; справедливость; мораль; долг (448).
3. пристойность, хорошие манеры, вежливость, церемонии; чувство уважения и признательности (566).
4. дорога, проход; Путь, Истина; доктрина, принцип (882).
5. добродетель, моральное совершенство; поступки; поведение (не всегда хорошее); энергия, сила; отзывчивость на доброту (889).
6. мудрость, знания, ум, благоразумие (129).
7. правда, искренность; вера, убежденность (408).
8. талант, дарование, способность; сила (976).
9. почитать родителей, исполнять сыновний долг (384).
10. исполнять долг младшего брата (905).
11. храбрый, отважный, смелый, мужественный (1136).
12. лояльный, преданный, верный, честный, патриотичный (215).
13. благоприятный, процветающий; повиноваться, соглашаться; в соответствии с... (843).
14. гармония, мир, примирение; быть в хороших отношениях с..., приводить в гармонию, умиротворять (315).
15. пять постоянных добродетелей — Б)1, Б)2, Б)3, Б)6 и Б)7 (1071).
16. три устоя — обязанности правителя, отца и мужа (747).
17. благородный человек, джентльмен, мудрый и абсолютно добродетельный человек — идеальный человек по критериям конфуцианства (241).
18. низкий человек, антипод Б)17 в китайской классической литературе; массы (385).
19. одна из «Четырех книг» — «Учение о Середине» (Легг) или «Неизменная середина» (Джайлз) (213).
20. гармония чувств; всеобщая гармония; Утопия (846).

В

1. гуманность, человеколюбие; доброта, милосердие; добродетельный, достойный (человек); любить (5).
2. справедливость, долг, обязанности; чувство долга, принципиальность; справедливый, принципиальный, правда, правое дело; правый; честь, честность; беспристрастный, нелюбезный, объективный; добровольный; фальшивый, искусственный (645).
3. приличие, сдержанность, культурность (как основа конфуцианского мировоззрения); этикет, церемония, обряд, ритуал; подношение; «Книга Этикета» (61—62).
4. путь, дорога; орбита; подход, метод, средство; принцип; мораль, этика; справедливость; учение; истина; логос; Дао, высший абсолютный закон; даосизм; даосский (611).
5. добродетель, мораль, нравственность, моральные качества; добрые дела, милость, благодеяние (800).
6. ум, мудрость, разум; умный, мудрый; умудренный; знать, понимать (146).
7. верить; вера; доверять; довериться, отдаться на волю (кого-либо); верный, подлинный; действительно, в самом деле (107).
8. способности, талант; талантливый человек; характер, природа (человека) (323).
9. почитание родителей; почтительный; образцовый сын; траур (по родителям), траурный (299).
10. уважать старшего брата; уважать старших; смирение; радостный, непринужденный (444).
11. храбрость, отвага, мужество; храбрый, brave, отважный; герой, богатырь; добровольцы (451).
12. верность, преданность; верный, преданный, лояльный (810).
13. следовать; идти по...; соглашаться; слушаться, быть покорным; послушный; благонамеренный; благоприятный, благополучный; приятный; удобный; попутный; мягкий (771).
14. мир, согласие; мирный; дружественный; согласный; соответствовать; мягкий, умеренный; теплый; умерять, смягчать; гармония; гармоничный (102).
15. основные нормы (человеческих отношений); стихии китайской космогонии (металл, дерево, вода, огонь, земля) (56).
16. —
17. *конф.* совершенный человек, человек высших моральных качеств; благородный человек; джентльмен; сверхчеловек; ученый начетчик; муж (в устах жены) (106).
18. низкий (подлый) человек; я (вежл.); простолюдин (781).
19. Чжунъюн («Учение о Середине», название третьей книги конфуцианского «Четверокнижия»); посредственный, средний (254).
20. полная гармония (чувств); великое единение (464).

Г

1. (вид феодальной морали) гуманность; человечность; человеколюбие... «гуманность» и «человеколюбие» в устах Линь Бяо и Конфуция означают убийство и людоедство (749—750).
2. (вид феодальной морали) справедливость (справедливый); права (правый); правда; принцип; дружба; дружеские (дружественные) отношения или чувства (1074).
3. обряд; (книжн.) ритуал; старые установления (548).
4. дорога, путь, проход, проезд; русло, сток, фарватер; правило, принцип; учение; религиозное учение; даосизм; даосский (177).
5. нравственность, мораль, этика; добродетель, добрый поступок (180).
6. умный (ум); мудрость, смекалка (1177).
7. достоверный (достоверность); быть верным; верить; довериться; принять на веру; исповедовать веру (1008).

8. способности, дарование, талант (75).
9. (вид феодальной этики и морали) почитать родителей и слушаться их; почтительный и послушный; сыновний долг; траур, быть в трауре (997).
10. (книжн.) любовь младшего брата к старшему (883).
11. храбрый (храбрость); мужественный (мужество); отважный (отвага); смелый (смелость) (1092).
12. быть преданным, верным, честным (преданность, вера, честность); верой и правдой (1181).
13. попутный; вдоль; ладиться; благополучие; по душе, по нраву; послушаться (послушание), покориться (покорность), смириться (смирение) (842—843).
14. доброжелательность; мир; быть в ладах; решать что-то миром; играть вничью (353).
15. —
16. сань ган у чан — три начала и пять постоянных принципов феодального общества (подчинение подданного государю, подчинение жены мужу и подчинение сына отцу; гуманность, справедливость, вежливость, разумность и верность) (765).
17. благородный человек; джентльмен (493).
18. низкий (подлый) человек; низкая (подлая) личность (996).
19. разумная середина; золотая середина; ...«золотая середина» — это духовные оковы, с помощью которых все реакционеры усыпляют и порабащают народ (1180).
20. великое единение (160).

Д

1. концепция или чувство сочувствия, дружелюбия и любви (703).
2. справедливое и должное высказывание или справедливый и должный поступок; все, что соответствует нравственности и нормам морали (996).
3. название системы сословий и связанных с ней ритуалов и обрядов в древнекитайском обществе; церемонии и обряды, порожденные представлениями определенных классов о нравственности и морали, а также сложившимися обычаями и привычками (503).
4. дорога, направление, путь; истина; метод, способ; учение, доктрина; мораль, нравственность; относящееся к даосизму или даосистам (154).
5. хорошие человеческие качества; добродетель, мораль, этика; милость, благодеяние (156).
6. ум, разум, мудрость, смекалка, знания (1086).
7. честный, честно, без обмана; достоверный; верить, не сомневаться, исповедовать веру (939).
8. способность, дарование, талант (76).
9. один из видов феодальной этики и морали, заключающийся в почтении к родителям и беспрекословном послушании перед ними; траур, траурная одежда (929).
10. один из видов феодальной этики и морали; указывает на послушание перед старшим братом и старшими (827).
11. смелый, не боящийся опасностей и трудностей (1015).
12. преданный, честный (1094).
13. следующий в том же направлении; вдоль; попутно, кстати; по порядку; упорядочить; выправить; соответственно; послушно; покорно (788).
14. мягко, нежесточенно; согласие; добрососедство; мир; прекращение ссоры (336).
15. —
16. —

17. в доциньский период — антипод «сяожэнь», представитель правящего класса; в старину — человек высоких духовных качеств (459).
18. —
19. концепция морали конфуцианского толка, путь так называемой «золотой середины» (1090).
20. идеальное общество, которое пропагандировали конфуцианцы; определенная идеализация общества времен Яо и Шуня; концепцию великого единения в истории разделяли также некоторые революционеры и прогрессивные мыслители — Хун Сюцюань, Тань Сытун, Сунь Ятсен; пролетариат также иногда пользовался этим термином для определения понятия «коммунизм» (136).

По-видимому, читатель обратил внимание на то, что в различных словарях указанные этические термины имеют различные, порой весьма далекие одна от другой трактовки.

В современных переводах на русский язык китайской классической литературы также встречаются разночтения, что мешает научному осмыслению этических категорий конфуцианства и анализу их содержания.

Только опытный китаист может догадаться, например, что приведенные ниже параллельно цитаты представляют собой всего лишь различные варианты перевода на русский язык одного и того же текста «Лунъюя»:

1. «Цзы-чжан спросил Кун-цзы о человеколюбии. Кун-цзы ответил: «Тот, кто способен проявлять в Поднебесной пять [качеств], является человеколюбивым». [Цзы-чжан] спросил о них. [Кун-цзы] ответил: «Почтительность, обходительность, правдивость, сметливость, доброта. Если человек почтителен, то его не презирают. Если человек обходителен, то его поддерживают. Если человек правдив, то ему доверяют. Если человек сметлив, он добивается успехов. Если человек добр, он может использовать других».
- 1-а. «Цзы-Чжан спросил Конфуция о Гуманности. Конфуций сказал: «Могуший осуществить пять [вещей] в Поднебесной уже является Гуманным». — «Позвольте услышать о них». [Конфуций] сказал: «Достоинство, широта, доверие, сообразительность, милостивость. Держащийся с достоинством не попадает впросак, широта завоевывает толпы, доверие внушает доверие другим, сообразительность ведет к успешности, милостивость позволяет управлять другими».
2. «Учитель сказал: «Когда мораль не совершенствуют, изученное не повторяют, услышав о принципах долга, не в состоянии им следовать, не могут исправлять недобрые поступки, я скорблю».
- 2-а. «Философ сказал: «Несовершенствование Одаренностей, неизложение науки, неспособность следовать услышанной справедливости, неспособность исправить недоброе — это мои печали».
3. «Янь Юань спросил о человеколюбии. Учитель ответил: «Сдерживать себя, с тем чтобы во всем соответствовать требованиям ритуала, — это и есть человеколюбие. Если кто-либо в течение одного дня будет сдерживать себя, с тем чтобы во всем соответствовать требованиям ритуала, все в Поднебесной назовут его человеколюбивым. Осуществление человеколюбия зависит от самого человека, разве оно зависит от других людей?».
- 3-а. «Янь Юань спросил о Гуманности. Философ сказал: «Преодолеть себя и вторить Этикету является Гуманностью. Однажды преодолеешь себя и повторишь Этикет — и Поднебесная вернется к Гуманности за счет этого. Осуществлять Гуманность, следуя себе, насколько лучше, чем следуя другим»⁷.

⁷ См.: Древнекитайская философия, т. 1. М., 1972, с. 153, 159, 171 (пер. В. А. Кривонова); Конфуцианство в Китае. М., 1982, с. 16, 19, 26 (пер. А. М. Карапетянца).

Оставляя в стороне стиль перевода некоторых из цитат («осуществление человеколюбия», «неизложение науки» и пр.), обратим внимание на поразительную легкость, с которой одни этические термины заменяются другими: «човеколюбие» превращается в «Гуманность», «почтительность» — в «достоинство», «обходительность» — в «широту», «правдивость» — в «доверие», «мораль» — в «Одаренности», «принципы долга» — в «справедливость», «ритуал» — в «Этикет» и т. д.

Разумеется, полисемия китайских иероглифов объективно дает возможность каждому автору и переводчику право на свою собственную трактовку того или иного знака либо их совокупности в определенном контексте. Однако даже ссылка на множество значений того или иного этического термина не поможет читателю понять, почему «дэ» у А. М. Карапетьянца переводится словом «Одаренности», у В. А. Кривцова — словами «мораль» и «нравственность», у Л. С. Переломова — словом «добродетель», у А. С. Мартынова — словосочетанием «моральная или благая сила «дэ», у Ян Хиншуна — транскрипцией «дэ» или словосочетанием «проявления пути вещи», у С. Кучеры — словами «моральные качества», «принципы морали», «целомудрие», у А. Б. Краснова — словами «хорошие качества», «достоинства», «добродетели»⁸. И порой хорошо известные всем понятия «Датун» (Великое единение) и «чжун юн» («учение о золотой середине») под пером отдельных исследователей (В. П. Илюшечкин) превращается соответственно в «Великую гармонию» и «Центр истины и ее бытие»⁹. Даже человек, владеющий китайским языком, не всегда догадается, что один и тот же этический термин «ли» может означать в переводе на русский язык одновременно и «ритуал», и «Этикет», и «правила», и «правила поведения», и «церемонии», и «церемониал», и «обряды», и «обрядовость», и «почтительность», и «благопристойность», и «нормы поведения», и «установления»¹⁰. По-видимому, авторы и переводчики не всегда точно представляют себе значение таких понятий, как ритуал, этикет, церемониал, церемонии. Напомним, что в академическом четырехтомном «Словаре русского языка» указанные термины трактуются следующим образом:

Ритуал: 1) Совокупность обрядов, сопровождающих какой-л. религиозный акт и составляющих его внешнее оформление. 2) Выработанный обычай или установленный порядок совершения чего-л., церемониал (т. 3, с. 952).

Этикет: установленный порядок поведения, форм обхождения в каком-л. обществе (т. 4, с. 1055).

Церемониал: распорядок, установленный для какого-л. обряда, какой-л. церемонии (т. 4, с. 881).

Церемония: принятый или установленный порядок действий при торжественных обрядах, а также самый обряд. Церемония — от лат. saegimonia — почитание, благоговение (т. 4, с. 881)¹¹.

Вряд ли имеет смысл перечислять все разночтения упомянутых выше двадцати этических категорий конфуцианства.

Полярные оценки этих категорий бытуют в научной и общественно-политической печати КНР. Больше всего их было в период кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», когда Конфуций объявлялся реакционным представителем регрессировавшего рабовладельческого класса¹².

⁸ Конфуцианство в Китае, с. 13—14; Древнекитайская философия, т. 1, с. 149, 160; Л. С. Переломов. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая, М., 1981, с. 87; Конфуцианство в Китае, с. 112; Древнекитайская философия, т. 1, с. 114, 126; там же, т. 2, с. 19, 20; Конфуцианство в Китае, с. 145.

⁹ Конфуцианство в Китае, с. 241, 247.

¹⁰ См. там же, с. 14, 15, 49, 50, 65, 124, 185, 186, 202; Древнекитайская философия, т. 1, с. 142, 145, 153; т. 2, с. 31, 34, 68, 69, 100, 120.

¹¹ Словарь русского языка, в четырех томах. М., 1957—1961.

¹² См.: Л. С. Переломов. Конфуцианство и легизм..., с. 221—279.

Признание китайским руководством левачьих ошибок периода «культурной революции» и официально провозглашенный курс на «создание социалистической духовной культуры» обусловили пересмотр многих концепций сторонников ингилистического отношения к Конфуцию, конфуцианству и толкованию его категорий. В статье «Оценка учения о «золотой середине» («чжун юн»)» Лун Бу справедливо подвергает критике тех историков китайской философии, которые видели в этом учении лишь «идейную базу эклектизма и беспринципного примиренчества»¹³. Среди заслуживающих внимания статей, посвященных исследованию учения и биографии Кун Цю, следует назвать такие: «Неоконфуцианство эпох Сун и Мин и религиозные идеи Цю Ханьшэна»; Чэнь Чжэнфу «О Конфуции и преобразовании его идей в истории»; Чжан Чжаолинь, Чжун Цзуньсянь «О родовой системе клана Конфуция в Цюйфу»; Ли Гоцюань и Хэ Кэчжан «Сомнительные проблемы конфуцианства»; Мао Лижуй «Относительно конфуцианских идей нравственного воспитания»; Фан Кэли «Займемся изучением категорий, бытовавших в истории китайской философии»; Чэн Хай «Относительно специфических черт и характера конфуцианского учения о «Дао»»; Тан Хай «Конфуцианство не религия»¹⁴. Некоторые из упомянутых авторов трактуют одну из основных конфуцианских этических категорий «жэнь» как «политическая установка на возврат к обществу «Великого единения» («Датун»); другие предпочитают рассматривать «жэнь» как «суть учения о Дао» и т. п. Аналогичным образом Чэн Хай и Тан Хай считают, что термин «ли» не следует понимать как «религиозную категорию», поскольку «конфуцианство в период своего зарождения было сугубо этико-моральным, а не религиозным учением»¹⁵.

Мы понимаем, что сами термины в оригинальных китайских текстах часто несут разную смысловую нагрузку, и, как правильно указывал Фан Кэли, «нередко понятия и категории древнекитайской философии в различные эпохи и у разных философов сплошь и рядом имели различное содержание, что в принципе отличает их от некоторых понятий и категорий «философии Запада»¹⁶. Сходную позицию занимает известный китайский историк Лу Чжунпин. В статье «Да будут четкими понятия, которыми оперируют в научных дискуссиях» он пишет: «В научных дискуссиях не следует подменять одни понятия другими. А есть А, Б есть Б. И нельзя А называть Б, как и Б называть А»¹⁷.

Бытующая ныне лексико-терминологическая путаница вряд ли может способствовать углублению знаний о культуре китайского народа и действительной роли в ней конфуцианства. Представляется целесообразным провести дальнейший обмен мнениями по затронутым вопросам¹⁸.

¹³ «Чжунго шэжуэй кэсюе», 1980, № 1, с. 31.

¹⁴ См.: «Лиши яньцзю», 1979, № 11, с. 62—74; «Чжунго чжэсюе ши яньцзю», 1981, № 2, с. 62—78; «Чжунго ши яньцзю», 1981, № 1, с. 14—28; «Чжэсюе яньцзю», 1981, № 7, с. 22—29; «Бэйцзин шифань дасюе сюебао», 1980, № 3, с. 73—81; «Жэньминь жибао», 3.IX.1982; «Гуанмин жибао», 28.IX.1982, 14.VII.1982.

¹⁵ См.: «Гуанмин жибао», 13 и 28.IX.1982, 14.VII.1982.

¹⁶ Там же, 3.IX.1982.

¹⁷ Там же, 13.IV.1983.

¹⁸ Журнал «Народы Азии и Африки» начал широкое обсуждение этих проблем (см. № 3 за 1983 г.).

Антивоенный, антиимпериалистический форум в Дели

(К итогам VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран)

К. А. Крутиков

В начале нынешнего года внимание народов и правительств всех континентов было приковано к Дели, где 7—12 марта состоялась VII Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Сейчас, на 22-м году его существования, в движение неприсоединения входят 99 государств Азии, Африки, Латинской Америки, Европы и Океании и две национально-освободительные организации — ООП и СВАПО. Делийская конференция явилась крупным международным событием, поскольку движение неприсоединившихся стран стало ныне активным и важным фактором мировой политики.

Возникнув в период крушения колониальной системы, движение было реакцией молодых освободившихся стран на усиление попыток империалистических держав во главе с США удержать их в сфере своего господства, подключить к военным блокам типа СЕАТО и СЕНТО. Совершенно естественно, что неприсоединившиеся государства с самого начала четко выступили с антиимпериалистической, антиколониальной и антивоенной платформой. Именно поэтому американские империалисты устами Д. Даллеса объявили неприсоединение «аморальным» и по сей день сохраняют к движению резко отрицательный, враждебный подход, хотя временами и прибегают к маскировке своего истинного отношения к неприсоединившимся странам.

Советский Союз, другие страны социалистического содружества неизменно с уважением относятся к целям и деятельности движения неприсоединения, на деле проявляют искреннюю солидарность со странами и народами, ведущими борьбу за свое равноправное положение в мире против всех форм империалистического диктата и агрессии, неоколониализма, великодержавной гегемонии. Страны социализма приветствуют прогрессивную роль движения неприсоединения в международных делах, поскольку, как заявил Ю. В. Андропов на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, «обеспечение прочного мира, защита права народов на независимость и социальный прогресс — неизменные цели нашей внешней политики».

I

Делийская конференция завершила нелегкий, но важный и успешный в целом период в истории движения неприсоединения. Три с половиной года, отделяющие ее от VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване (сентябрь 1979 г.), характеризовались серьезным обострением обстановки в мире. Агрессивные силы империализма во главе с США взяли курс на резкое нагнетание международной напряженности, взвинчивание гонки вооружения, форсирование подготовки к ядерной войне, на подмену разрядки политикой силы и конфронтации. Неприсоединившиеся страны еще острее испытали на себе давление, диктат и вмешательство в свои внутренние дела со стороны Соединенных Штатов и других империалистических держав.

При администрации Рейгана фронтальное наступление американского империализма на разрядку и навязывание своих имперских претензий государствам и народам мира привело к ужесточению всестороннего нажима Вашингтона на движение неприсоединения и его участников. Правительствам неприсоединившихся стран все чаще напрямую и официально заявляют, что их двусторонние — в том числе экономические — отношения с США будут зависеть от позиции, которую они займут в движении. Руководители Белого дома и госдепартамента присвоили себе право провозглашать одни государства «подлинно неприсоединившимися», поучать другие и «отлучать» от движения страны, которые решительно отстаивают антиимпериалистические цели и принципы движения.

После того как в 1979 г. потерпели провал попытки американских и иных реакционных сил помешать успеху VI Гаванской конференции, в стратегии Вашингтона, направленной на то, чтобы сбить неприсоединившиеся страны с антиимпериалистических позиций, была резко усилена линия на осложнение обстановки внутри движения и создание всяческих трудностей для выполнения Кубой обязанностей

председателя движения. Главный удар был направлен на то, чтобы попытаться дискредитировать политику Кубы, посеять сомнения в ее способности руководить движением и, используя отдельные страны, идущие в фарватере политики Вашингтона, вообще парализовать деятельность движения. Недругам движения удалось создать для него известные трудности. Однако благодаря энергичной, инициативной и последовательной позиции Кубы, многих других государств, глубокой заинтересованности неприсоединившихся стран в сохранении единства и дееспособности движения оно в эти нелегкие годы не только не утратило, но и усилило свою роль и боевитость.

В своей речи в Дели Ф. Кастро с полным правом заявил, «что единство нашего движения не ослабло, что его энергия активизировалась, что его независимость удалось оградить от всех посягательств». Главы государств и правительств в своих выступлениях на конференции высоко оценили деятельность Кубы и лично Ф. Кастро по руководству движением. «Это, — заявила И. Ганди, — были нелегкие времена, еще более осложнившиеся мировыми кризисами, но президент Кастро заботился только о единстве и могуществе нашего движения и его вкладе в ослабление международной напряженности».

В период подготовки и работы VII Конференции империализмом был максимально использован весь арсенал накопленных за два десятилетия средств пропагандистского, дипломатического и экономического нажима против неприсоединившихся государств. Это давление в первую очередь оказывалось на страну — организатора форума — Индию. По сообщениям индийской печати, заместитель госсекретаря США Л. Иглбергер в ходе консультаций в Дели в ноябре 1982 г. подчеркивал, что Соединенные Штаты хотели бы по меньшей мере исправить «советский крен» движения, а в идеале — перевести его на прозападные рельсы. Как писал 19 ноября 1982 г. обозреватель газеты «Хинду» Дж. К. Редди, Иглбергеру было отвечено, что «основная линия движения неприсоединения, безусловно, сохранится — хотя американцы считают ее антизападной или нет — это их дело, — особенно в области международных экономических отношений». Но и после этого продолжались попытки приписать или навязать Индии намерение придать движению прозападную ориентацию. Накануне конференции премьер-министр И. Ганди заявила в парламенте, что Индия стала объектом нападков и других враждебных акций, что на движение неприсоединения оказывают огромное давление извне, дабы расколоть его ряды и столкнуть с избранного пути.

Наибольший упор империалисты и их подголоски делали на то, чтобы отвлечь Делийскую конференцию от рассмотрения действительно насущных проблем, стоящих перед неприсоединившимися странами, чтобы втянуть VII Конференцию в бесконечные и бесплодные дискуссии по так называемым вопросам об Афганистане и Кампучии. Расчет был прост: углубить разногласия между участниками движения, помешать им сосредоточить внимание на задачах борьбы за мир и международную безопасность, против милитаристских приготовлений, агрессивных авантур и неокOLONиалистского грабежа. В роли особенно ревностных исполнителей этих неблагоприятных замыслов выступали Сингапур, Пакистан и некоторые другие страны.

Руководители неприсоединившихся государств встали, однако, на путь преодоления разногласий, выработки взаимоприемлемых решений, налаживания конструктивного сотрудничества. Так, были отклонены настойчивые домогательства стран — членов АСЕАН и ряда других государств изменить решение VI Гаванской конференции об оставлении вакантных мест Кампучии в движении и протащить на Делийскую конференцию кровавую полпотовскую клику, прикрывающуюся вывеской «коалиционного правительства». Было решено этот вопрос вообще не обсуждать на пленарных заседаниях конференции, а поручить Координационному бюро представить предложения о предоставлении Кампучии совещанию министров иностранных дел в 1985 г.

В Политической декларации неприсоединившиеся страны зафиксировали положения о необходимости политического урегулирования проблем Юго-Западной и Юго-Восточной Азии. В этих, как и некоторых других положениях, носящих компромиссный характер, проявилось то обстоятельство, что часть стран еще уступает империалистическому давлению в отдельных вопросах. Важно, однако, что движение неприсоединения, касаясь обстановки вокруг Афганистана, призвало «все государства проявлять сдержанность, дабы избежать дальнейшего усиления угрозы миру и безопасности в регионе, и предпринять такие шаги, которые привели бы к созданию условий, благоприятных для установления стабильных и гармоничных отношений между государствами региона». Участники конференции подчеркнули, что переговоры, ведущиеся при посредничестве Генерального секретаря ООН, являются «шагом в правильном направлении, и настоятельно призвали к их продолжению в целях достижения скорейшего политического урегулирования проблемы».

На пресс-конференции, посвященной окончанию конференции, премьер-министр И. Ганди отметила, что, «придерживаясь политики двойных стандартов», «многие страны, которые сейчас пекутся об Афганистане, в свое время ни словом не обмолвились об агрессии против Вьетнама». Как и многие другие главы государств и правительств, И. Ганди с пониманием высказалась о позиции правительства ДРА: «Если какая-либо страна чувствует себя в опасности и обращается к другому государству за военной помощью, то это исключительно внутреннее дело данной страны. Мы должны рассматривать это со сбалансированных позиций».

Раздел Политической декларации, посвященный Юго-Восточной Азии, как подчеркивала вьетнамская газета «Куан дой нян зан», указывает на необходимость комплексного решения проблем региона, ликвидации всех иностранных военных баз, поощряет диалог между находящимися в нем государствами. В декларации содержится настоятельный призыв ко всем государствам региона «начать диалог, который привел бы к разрешению разногласий между ними и к установлению прочного мира и стабильности в этом районе, а также к устранению вмешательства и угрозы интервенции со стороны иностранных держав». Хорошо, однако, известно, что внешние силы продолжают провоцировать трения между государствами Юго-Восточной Азии. И если некоторые лидеры АСЕАН пока не готовы вести конструктивный диалог, то руководители СРВ, ЛНДР и НРК на своем совещании во Вьентьяне 22—23 февраля 1983 г. вновь решительно высказались за переговоры по всем спорным вопросам между странами АСЕАН и Индокитая. «Наши государства, — заявил на делийском форуме президент ЛНДР Суфанувонг, — хотят жить в мире и дружбе с народами всех стран Юго-Восточной Азии, а также Китайской Народной Республики на основе принципов взаимного уважения». Эта миролюбивая позиция индокитайских государств и их разумный курс на урегулирование региональных проблем получили одобрение и поддержку участников конференции.

Как справедливо отмечала 13 марта 1983 г. кубинская газета «Гранма», «враги движения неприсоединения потерпели сокрушительное поражение в своих маневрах, направленных на то, чтобы застопорить работу конференции на так называемых кампучийском и афганском вопросах. На форуме возобладал разум, чувство единства и ответственности».

II

Центральное место в работе и решениях Делийской конференции заняли ключевые проблемы современности — проблемы мира и разрядки, прекращения опасной гонки вооружений, особенно ядерных, ликвидации угрозы термоядерной войны.

Уже при открытии конференции Ф. Кастро и И. Ганди подчеркнули серьезность возросшей опасности ядерной катастрофы. Они указали, что ее источником является политика, нацеленная на подрыв разрядки, военное превосходство и конфронтацию. В их речах и выступлениях других участников форума прозвучал энергичный призыв к активной позиции движения по этим жгучим проблемам современности. «Мы, — заявил президент Замбии К. Каунда, — должны быть опорой мира и безопасности». Практически все выступившие делегаты указывали на необходимость бороться за упрочение мира, за ядерное разоружение.

С трибуны Дворца науки, в котором проходила конференция, главы многих делегаций дали ясный и прямой ответ на вопрос, кто толкает мир к ядерной катастрофе и препятствует тому, чтобы угроза войны исчезла навсегда. Осуждая развернутую США гонку вооружений, президент Анголы Жозе Эдуарду душ Сантуш подчеркнул: «Безостановочное накопление и усовершенствование ядерных вооружений и других средств массового уничтожения в сочетании с кризисом разрядки, с возобновлением «холодной войны» и упорным стремлением вести переговоры с позиции силы привели к нынешней эскалации напряженности, которая может завершиться куда более пагубной мировой войной, чем все предыдущие».

Глава ливийской делегации А. Джеллуд выразил мнение, что успех в деле разоружения возможен только в случае отказа Вашингтона от нынешнего милитаристского курса. «Соединенные Штаты, — указал руководитель делегации Никарагуа Даниэль Ортега, — отменяют разумные предложения, которые могли бы послужить хорошей основой для прекращения гонки вооружений, осуществления постепенного разоружения. Их позиция — это гегемония, подрыв международного мира, беспрецедентная гонка вооружений, приближающая человечество к катастрофе». Столь же четкие, недвусмысленные мнения высказали главы делегаций ООП, Мозамбика, Гренады, Вьетнама, Маврикия и ряда других стран.

Не все участники форума решились прямо возложить на США и НАТО ответственность за обострение обстановки в мире. Представители некоторых государств, и это нашло отражение в ряде параграфов итоговых документов конференции, предпочли объяснить рост напряженности, гонку вооружений и некоторые другие негативные явления в международной жизни «соперничеством великих держав и блоков». Такие формулировки являются известной уступкой давлению империалистов и их пособников, противоречат объективным и очевидным фактам. Однако, как правильно писала 13 марта 1983 г. кубинская газета «Гранма», прочитав решения Делийской конференции, «никто не ошибется в том, кто действительно виновен в нагнетании напряженности и гонке вооружений».

Движение неприсоединения потребовало немедленного запрещения применения или угрозы применения ядерного оружия всеми государствами и призвало ядерные державы заключить международную конвенцию по этому вопросу. Главы государств и правительств призвали к переговорам об «эффективных и неотложных мерах по ядерному разоружению, которым придается первоочередное значение в процессе всеобщего и полного разоружения под эффективным международным контролем». Они потребовали скорейшего завершения разработки всеобъемлющего договора

о запрещении всех испытаний ядерного оружия, отказа от производства и развертывания любых ядерных средств.

Свой моральный и политический авторитет движение неприсоединения использовало и для того, чтобы призвать великие державы к соблюдению существующих соглашений по ограничению вооружений и к «искренним, обращенным в будущее переговорам в духе взаимной доброй воли о соглашениях в различных областях разоружения». При этом большое значение конференция придала незамедлительному заключению договора о запрещении химического оружия, а также выработке мер по сокращению обычных вооружений. Неприсоединившиеся страны вновь заявили, что космическое пространство должно использоваться исключительно в мирных целях.

Конкретные меры по обеспечению разрядки международной напряженности, сокращения вооружений и разоружения, к которым призвала VII Конференция, находят полное понимание и поддержку в СССР, поскольку они идут в одном русле с всеобъемлющими миролюбивыми инициативами Советского Союза, выдвинутыми в соответствии с решениями XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС. Президент ЛНДР Суфанувонг, премьер-министр НДРГ А. Н. Мухаммед, председатель Совета министров ДРА С. А. Кештманд и главы многих других делегаций подчеркивали огромную важность последних предложений Советского Союза, являющихся продолжением его Программы мира. Они напомнили об обязательстве СССР не применять первым ядерное оружие, о последовательных выступлениях Советского Союза за соглашения и договоренности о ядерном разоружении, о прекращении ядерных испытаний, о нераспространении сферы действия НАТО и Варшавского Договора на страны Азии, Африки и Латинской Америки, а также о предложении стран — участниц Варшавского Договора заключить со странами НАТО договор о неприменении силы в отношениях между государствами. Председатель ВВАС Эфиопии Менгисту Хайле Мариам, как и многие другие ораторы, заявил в своей речи о поддержке неприсоединившимися странами конструктивных инициатив социалистических стран и о необходимости сделать все возможное, чтобы не упустить открывающиеся возможности содействия делу разоружения.

Как никогда раньше, на делийском форуме неприсоединившиеся страны проявили глубокое понимание того, что мир не делим и что в борьбу за мир, разрядку, разоружение свой вклад может и должно внести каждое государство. Конференция подчеркнула важность развернувшегося на всех континентах движения сторонников мира. В Политической декларации особо отмечено, что люди повсюду, как в промышленно развитых, так и развивающихся странах, мобилизуют общественность на действия во имя разоружения, что международная солидарность в этих жизненных вопросах стала первой необходимостью.

Таким образом, Делийская конференция показала растущее понимание неприсоединившимися странами того, что отпор силам войны и агрессии во многом зависит от сплоченности всех сил мира, национального освобождения и социального прогресса. Это в свою очередь неизбежно ведет к дальнейшему сближению и зачастую практически к совпадению позиций, а следовательно, к расширению совместных или параллельных действий неприсоединившихся стран и государств социалистического содружества по вопросам войны и мира, по многим другим важнейшим международным проблемам.

Особую озабоченность у неприсоединившихся стран вызывает то, что некоторые ядерные державы, как указано в Политической декларации, «развертывают или намереваются развернуть ядерное оружие в различных регионах мира». Заботясь о безопасности своих государств и регионов, участники форума вновь выступили за создание зон, свободных от ядерного оружия, и за выработку соглашения, исключающего применение или угрозу применения ядерного оружия против неядерных государств. Предложение СССР и других социалистических государств заключить международную конвенцию об укреплении безопасности государств, не обладающих ядерным оружием, давно получило широкую поддержку развивающихся стран.

Уже многие годы страны Азии и Африки озабочены наращиванием Соединенными Штатами своего военного присутствия в Индийском океане, созданием жандармских сил быстрого развертывания, превращением незаконно отторгнутого у Маврикия острова Диего-Гарсиа в ядерную базу Пентагона. Эти события горячо дебатировались на ряде форумов движения, но не находили должного отражения в их решениях из-за отсутствия консенсуса, поскольку на позицию некоторых неприсоединившихся стран повлияли угрозы или посулы Вашингтона. Тем временем США, саботируя все меры, направленные на осуществление решений движения и ООН о превращении Индийского океана в зону мира, расширяют ядерную базу на острове Диего-Гарсиа, создают новые военные базы и свое стратегическое командование (Сентком), в оперативную зону которого произвольно включены 19 афро-азиатских государств. Это не могло не вызвать возмущение многих правительств и народов.

Участники конференции, заявила в своей речи И. Ганди, единодушны в «оппозиции интенсивной милитаризации Индийского океана и превращению острова Диего-Гарсиа в ядерную базу. Мы должны удвоить усилия, чтобы добиться созыва международной конференции ООН согласно принятому решению». Потребовав возвращения маврикийскому народу Диего-Гарсиа и всего архипелага Чагос, премьер-министр Маврикия А. Джагнат подчеркнул на конференции, что «военная база представляет по-

стоянную угрозу безопасности нашей страны и всех прибрежных государств бассейна Индийского океана». VII Конференция оказала полную поддержку Маврикию, призвала к скорейшему возвращению ему острова Диего-Гарсиа, указав, что создание и укрепление военной базы на нем создали опасность для суверенитета, территориальной целостности и мирного развития Маврикия и других государств. В Политической декларации выражена озабоченность расширением военных баз в регионе, созданием новых баз и «новых структур военного командования» (имеется в виду Сентком). Главы государств и правительств призвали активизировать усилия по превращению Индийского океана в зону мира, добиться успеха в подготовке и проведении в 1984 г. международной конференции по этому вопросу. Неприсоединившиеся государства также призвали США и СССР возобновить переговоры об ограничении и последующем сокращении военной деятельности в Индийском океане. Как известно, эти переговоры были односторонне прерваны Вашингтоном еще в 1978 г.

III

В ходе работы конференции и в ее решениях неприсоединившиеся страны вновь подтвердили, что антиимпериализм и антиколониализм остается сутью движения неприсоединения. В своем выступлении И. Ганди заявила: «Антиимпериализм по-прежнему лежит в основе нашего мировоззрения». «Формально, — сказала она далее, — колониальная эра закончилась. Но стремление господствовать сохраняется. НеокOLONиализм выступает в самых разных личинах». На форуме были осуждены империализм, неокOLONиализм, расизм всех разновидностей.

Не желая мириться с новыми успехами национально-освободительной борьбы народов и сокращением сферы своего политического и экономического господства, империалисты продолжают мешать независимым государствам свободно выбирать свои пути развития и социального прогресса. Участники форума говорили о фактах все более откровенного и грубого вмешательства западных держав, и прежде всего Соединенных Штатов, во внутренние дела развивающихся стран. «В Африке и на Ближнем Востоке, в Азии и Латинской Америке, — указал президент Бенина М. Кереку, — некоторые империалистические державы разрабатывают планы агрессии и дестабилизации, пытаются всеми средствами сохранить свои стратегические позиции в мире». Ливии, заявил глава делегации этой страны А. Джеллуд, «приходится противостоять ЦРУ, шпионажу и американскому 6-му флоту». Ораторы осуждали имперские замашки заокеанских неокOLONизаторов, широко прибегающих к языку угроз, провокациям и агрессивным проискам в отношении суверенных государств.

С возмущением участники форума указывали на инспирирование и разжигание империалистами конфликтов между развивающимися странами. На рубеже 70—80-х годов такие конфликтные ситуации особенно широко используются Вашингтоном как для нагнетания напряженности в мире, так и для расширения своего постоянного военного присутствия, например, в Персидском заливе, на Синае, в Ливане и других районах.

В Политической декларации главы государств и правительств заявили, что «империалистические и колониалистские позиции и политика все еще сохраняются в некоторых частях мира; неприсоединившиеся страны преисполнены решимости выступать против них, бороться с ними и устранять их». Участники конференции отвергли в принципе маневры администрации США рассматривать национально-освободительную борьбу и отдельные события в развивающихся странах через призму отношений между Востоком и Западом. Более того, в декларации указано, что «попытки ошибочно характеризовать борьбу народов за независимость и человеческое достоинство как борьбу в контексте конфронтации между Востоком и Западом лишают народы права самим определять свою судьбу и осуществлять свои законные чаяния».

Конференция приняла специальные резолюции, в которых твердо выступила за независимость Намибии, ликвидацию режима апартеида в ЮАР и за осуществление арабским народом Палестины его неотъемлемых прав, включая право на создание собственного независимого государства.

С трибуны форума председатель Исполкома ООП Я. Арафат заявил, что погоня Вашингтона за наращиванием своего военного присутствия на Ближнем Востоке, за приобщением арабских народов к его преступным стратегическим замыслам по образцу кэмп-дэвидской сделки — вот истинные причины агрессии Израиля в Ливане, массового истребления сионистской военщиной палестинцев. Президент Сирии Х. Асад, коснувшись попыток США с помощью жупела «советской угрозы» подорвать единство арабов, напомнил, что «народы арабских стран хорошо знают: со стороны Советского Союза они всегда встречали поддержку своих справедливых требований, в то время как США были и остаются оплотом агрессивной политики Израиля». Участники конференции подчеркнули, что «стратегический союз» США с Тель-Авивом «усиливает агрессивную роль Израиля, угрожает стабильности стран Ближнего Востока и всеобщему миру и безопасности и поощряя Израиль проводить политику аннексии, агрессии и расовой дискриминации». В Политической декларации осуждена политика США на Ближнем Востоке, многие ее аспекты и проявления, враждебные палестинскому и всем другим арабским народам. В то же время конференция особо отмети-

ла эффективную солидарность социалистических стран, поддерживающих борьбу палестинского народа и всей арабской нации.

Движение неприсоединения одобрило программу ближневосточного урегулирования, выработанную на общеарабском совещании в верхах в Фесе (Марокко) в сентябре 1982 г. Движение подтвердило свою полную солидарность с ООП — единственным законным представителем палестинского народа.

Столь же решительно неприсоединившиеся страны выразили готовность увеличить разностороннюю поддержку СВАПО — единственному законному представителю намибийского народа. Они осудили политику США за то, что публичное провозглашение администрацией Р. Рейгана «расистского режима Претории другом и союзником поощрило его на усиление репрессий против народа Южной Африки, расширение агрессии против его соседей и на твердую непримиримость в отношении независимости Намибии». Южная Африка и Намибия, заявила глава делегации Ганы А. Энин, остаются под господством расистов из-за поддержки мирового империализма.

Конференция «самым категорическим образом отвергла проводимую администрацией США узязку или параллель между независимостью Намибии и выводом кубинских войск из Анголы», являющиеся «неоправданным вмешательством во внутренние дела Народной Республики Ангола». Неприсоединившиеся страны заклеили как агрессию непрерывные вооруженные вторжения, попытки политической дестабилизации и экономического саботажа, предпринимаемые расистами ЮАР против «прифронтовых государств», и особенно оккупацию южных районов Анголы. От имени «прифронтовых государств» президент Мозамбика С. Машел выразил благодарность за политическую, дипломатическую, материальную и моральную поддержку, которую они получают от стран социалистического содружества.

Как и на состоявшемся в январе 1983 г. в Манагуа чрезвычайном заседании Координационного бюро, в Дели неприсоединившиеся страны пришли к выводу о том, что обстановка в Центральной Америке «обострилась из-за наращивания империалистического вмешательства во внутренние дела государств региона». При этом они четко указали, что происходящие в регионе события «не могут быть отнесены за счет идеологической конфронтации между Западом и Востоком», как это пытаются изобразить в Вашингтоне. «Вокруг Центральной Америки, — заявил глава делегации Никарагуа Д. Ортега, — вновь сгущаются тучи массовой военной интервенции Соединенных Штатов, которые вознамерились дестабилизировать и задушить никарагуанскую революцию, действуя методами террора, саботажа, заброски в нашу страну вооруженных до зубов банд контрреволюционеров». Конференция осудила эти агрессивные акты, призвала правительства США и Гондураса занять конструктивную позицию в пользу мира и диалога, прекратить все враждебные действия против Никарагуа.

Главы государств и правительств призвали США безоговорочно отказаться от интервенции в Сальвадоре и содействовать мирному решению проблем этой страны путем переговоров с участием всех ее представительных политических сил. Движение неприсоединения повторило свои требования Вашингтону прекратить экономическую блокаду, все акты агрессии и угрозы в отношении Кубы, возратить ей территорию базы Гуантанамо. Оно осудило любые формы тайного и прямого давления на Гренаду, Суринам, Белиз, вновь поддержало права народа Пуэрто-Рико на самоопределение и независимость, призвало США к соблюдению договора о Панамском канале. Конференция также твердо поддержала суверенные права Аргентины на Мальвинские (Фолклендские) острова.

Участники конференции обратили внимание на опасное нагнетание Соединенными Штатами напряженности на Дальнем Востоке. Вице-президент КНДР Пак Сен Чер решительно осудил агрессивный курс Вашингтона на Дальнем Востоке и в Азии в целом, его усиленные попытки сколотить тройственный военный союз с участием Японии и Южной Кореи. Он отметил, что США, создавая этот злобный альянс, забрасывают в Южную Корею огромные партии ядерного и иного оружия. Вашингтон решил разместить там и нейтронное оружие. Делегаты форума не могли пройти мимо беспрецедентных по размаху американо-южнокорейских маневров «Тим спирит-83». Использование юга Корейского полуострова, ставшего форпостом агрессивной политики США на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана, для усиления конфронтации в этом регионе увеличивает трудности на пути мирного объединения Кореи. Неприсоединившиеся страны вновь выразили поддержку стремлению корейского народа воссоединить свою родину мирным путем, без всякого вмешательства извне, и заявили, что осуществлению этих чаяний корейского народа способствовал бы вывод всех иностранных войск из данного района.

На форуме в Дели деятели многих неприсоединившихся государств предприняли новые настойчивые попытки найти пути мирного урегулирования конфликта между Ираном и Ираком. После того как эти усилия не увенчались успехом, VII Конференция одобрила обращение председателя движения неприсоединения И. Ганди к Ирану и Ираку, в котором выражено всеобщее желание о том, чтобы «военные действия были немедленно прекращены и стороны достигли почетного, справедливого и проч-

ного мира путем переговоров и мирных средств». С таким же призывом к обеим сторонам обращаются Советский Союз и другие страны социализма, ибо продолжение братоубийственной войны отвечает лишь интересам империалистических сил.

IV

В принятой в Дели Экономической декларации движение неприсоединения вновь объявило о своей твердой решимости бороться «за политическую и экономическую независимость всех развивающихся стран и их народов, за достижение полноправного и вечного суверенитета и контроля над всеми видами национальных ресурсов и экономической деятельности, за коренную перестройку путем создания нового международного экономического порядка». В декларации подчеркнуто, что достижению этих целей, экономическому и социальному прогрессу развивающихся стран препятствуют империализм, колониализм, неоколониализм, расизм и другие проявления империалистического господства.

Более глубоко и четко, чем на других форумах, главы государств и правительств проявили в Дели понимание органической взаимосвязи между развитием, ликвидацией отсталости, с одной стороны, и разрядкой, прекращением гонки вооружений и разоружением — с другой. Подчеркивая наличие тесной связи между развитием, независимостью, разоружением и миром, И. Ганди в своей речи напомнила, что ядерный авианосец обходится в 4 млрд. долл., а это больше совокупного ВВП 53 развивающихся государств. «Ослабление напряженности в мире и прекращение гонки вооружений, которые высвободят ресурсы для развития, — сказано в декларации, — представляют собой жизненно важные задачи для развивающихся стран».

Другой характерной чертой подхода делейского форума к экономическим проблемам развивающихся стран явилось то, что они обстоятельно рассматривались с учетом общего состояния мировой экономики. В документах конференции нынешнее положение развивающихся стран объясняется кризисом, который «теперь угрожает вовлечь весь мир в депрессию, более серьезную, чем Великая депрессия 30-х годов». Участники форума указали на то, что западные державы постарались переложить тяготы кризиса на народы других стран, особенно развивающихся.

Резкой критике в Дели были подвергнуты транснациональные корпорации и контролируемые Западом международные кредитные учреждения — МВФ и МБРР. Главы государств и правительств в декларации указали на то, что ТНК «проводят незаконную и нежелательную политику, практикуют коррупцию в развивающихся странах», что стремление ТНК «получать максимальные прибыли ведет к нарушениям в экономике этих стран», «что некоторые развитые страны и ТНК, использующие экономическое принуждение, нажим и шантаж, подрывают суверенитет и фундаментальное право развивающихся стран проводить собственную независимую экономическую политику и собственные экономические программы». На форуме приводились данные об усилении оттока финансовых ресурсов по каналам ТНК. Так, в 70-х годах на каждый вновь вложенный в развивающиеся страны доллар ТНК вывели в страны-инвесторы приблизительно 2,2 долл. прибыли, а американские ТНК — 4,25 долл. Конференция призвала к ограничению бесконтрольной деятельности ТНК, к скорейшему завершению в ООН разработки Кодекса поведения ТНК.

Используя крайне тяжелое положение развивающихся государств, западные державы и их монополии пытаются затормозить и повернуть вспять процесс экономической деколонизации, навязать этим молодым государствам неприемлемые политические условия, заставить отказаться от выданной ими в ООН программы перестройки международных экономических отношений.

Конференция потребовала от империалистических держав «воздерживаться от использования экономических мер как формы политического принуждения». Решительно осуждены все виды экономической агрессии, включая торговые санкции, угрозы, шантаж, любые формы блокады в целях вмешательства во внутренние дела суверенных государств и воздействия на их политику. Конференция потребовала от некоторых капиталистических государств выполнения принятой в ООН в 1974 г. Хартии экономических прав и обязанностей государств, содержащей прогрессивные, ставшие общепризнанными нормы международного права. Неприсоединившиеся страны высказались за то, чтобы превратить Хартию в «эффективное руководство в международных отношениях».

Руководители неприсоединившихся стран напомнили, что еще на своей IV Конференции (Алжир, 1973 г.) они призывали к установлению нового международного экономического порядка (НМЭП), дабы покончить с неравноправием и несправедливостью в экономических связях. Хотя ООН в 1974 г. были приняты Декларация и Программа действий по установлению НМЭП, негативную позицию в отношении НМЭП продолжают занимать монополии и правящие круги западных держав, прежде всего США, не желающие отказываться от нынешних каналов выкачивания прибылей из развивающихся стран. VI Конференция (Гавана, 1979 г.) предложила созвать конференцию ООН по «глобальным переговорам» по проблемам сырья, энергетики, торговли, экономического развития и валютно-финансовых отношений. Предложение было одобрено XXXIV сессией Генеральной Ассамблеи ООН, и основные условия проведения глобальных переговоров были намечены в ее резолюции 34/138, но США и их сторонники

стремятся предать забвению это решение и продолжают придерживаться обструкционистской линии в отношении глобальных переговоров и любых шагов, ведущих к установлению НМЭП. Даже руководители консервативных стран были вынуждены в Дели критиковать западные державы за явный саботаж любых мер по установлению НМЭП. В своих документах VII Конференция недвусмысленно возложила на США ответственность за тупик в вопросе о начале глобальных переговоров.

Делийская конференция вновь объявила о приверженности движения идее проведения глобальных переговоров в качестве основной стратегической линии в вопросах установления НМЭП. В итоговых документах подчеркнуто, что любые международные экономические переговоры должны проводиться в рамках системы ООН, а не в послушных Западу организациях вроде МВФ и МБРР, как того хотелось бы Вашингтону, и что переговоры должны состоять в «одновременном, последовательном и интегрированном рассмотрении главных проблем, с которыми сталкивается мировая экономика». Неприсоединившиеся страны предложили, чтобы конференция ООН для глобальных переговоров о коренной перестройке международных экономических отношений была создана в начале 1984 г.

Одновременно присоединившиеся страны выдвинули программу неотложных мер, которые должны быть приняты в наиболее критических для них областях. Речь идет, в частности, об облегчении условий выплаты долгов, отмене развитыми капиталистическими странами протекционистских мер и торговых барьеров против товаров развивающихся стран, содействии последним в удовлетворении продовольственных и энергетических потребностей и т. д. Участники форума потребовали созыва международной конференции по реформе «несправедливой и устаревшей международной валютно-финансовой системы». Неотложные меры должны быть приняты, не дожидаясь начала и результатов глобальных переговоров, но конференция подчеркнула, что они отнюдь не могут подменить собой начала в ООН глобальных переговоров.

Одним из главных направлений своей экономической стратегии неприсоединившиеся государства назвали также расширение и углубление торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между развивающимися странами. Намечены новые программы такого сотрудничества, призванные способствовать осуществлению провозглашенного движением принципа коллективной опоры на собственные силы. Уже осуществляемые и намечаемые новые мероприятия многостороннего сотрудничества должны не только служить большей самообеспеченности развивающихся стран, но и стать важным элементом их борьбы за перестройку международных экономических отношений на справедливых и равноправных началах.

* * *

На VII Конференции в Дели неприсоединившиеся страны выработали широкую политическую и экономическую программу движения неприсоединения, отвечающую его основополагающим антивоенным, антиимпериалистическим и антиколониальным принципам. Глубоко озабоченные напряженной обстановкой в мире, участники форума решительнее, чем когда-либо раньше, заявили, что в условиях возрастающей опасности ядерной катастрофы нет места пассивности и нейтралитету, что подлинная и окончательная деколонизация и свобода народов, их развитие и благосостояние неотделимы от борьбы за мир, разрядку и разоружение. В Дели движение неприсоединения поддержало нарастающие требования народов о предотвращении ракетно-ядерной войны, прекращении безудержной гонки вооружений.

Даже недруги движения неприсоединения убедились, сколь велик его антиимпериалистический, антимилитаристский потенциал. Отметив, что не оправдались расчеты тех, кто предрекал развал движения, И. Ганди на пресс-конференции после закрытия форума подчеркнула: «Пока народы подвергаются эксплуатации, будет сохраняться необходимость в движении неприсоединения».

Конечно, нельзя забывать, что движение неоднородно по своему составу, и это наложило отпечаток на ход дискуссии и отдельные положения принятых документов. Однако, как заявил с трибуны конференции премьер-министр СРВ Фам Ван Донг, неизбежные разногласия имеют лишь второстепенное значение по сравнению с общими интересами неприсоединившихся стран перед лицом тех опасностей, которые империализм создает для них и всего движения в целом.

Недрузи движения неприсоединения пытаются принизить и ослабить значение решений его высшего форума. Они снова пустили в ход политический, экономический и пропагандистский нажим, дабы помешать неприсоединившимся странам следовать коллективно выработанному ими в Дели курсу. Разумеется, это может вызвать колебания и зигзаги в политике отдельных правительств, но никакие интриги и нажим не могут заставить молодые освободившиеся страны и их народы отступить от своих главных целей — устранения ядерной угрозы для всего человечества, противодействия империалистической, неокOLONиалистской экспансии, отстаивания и укрепления национального суверенитета в политике и экономике. В этом и заключается сила решений, принятых на делийской встрече в верхах.

Большой отклик у участников форума вызвало направленное конференции приветствие Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Они с удовлетворением встретили заверение Советского Союза в том, что в осуществлении

своих справедливых чаяний неприсоединившиеся страны всегда могут рассчитывать на добрую волю и сотрудничество нашего государства. В дни работы форума как с его трибуны, так и в самих неприсоединившихся государствах давалась высокая оценка политике Советского Союза, других стран социализма в отношении развивающихся стран.

VII Конференция продемонстрировала, что движение превратилось ныне в важную, влиятельную силу, значение которой в деле сохранения мира возрастает. И это не может не вызывать удовлетворения. «Мы,— заявил Ю. В. Андропов,— с уважением относимся к движению неприсоединения, миролюбивая политика которого вносит полезный вклад в международную жизнь». Состоявшийся в Дели форум наглядно свидетельствует о том, что вклад этот может и дальше расти и что цели и интересы неприсоединившихся стран совпадают с усилиями Советского Союза, всего социалистического содружества сохранить мир на планете, способствовать социально-экономическому прогрессу молодых освободившихся государств.

Сама жизнь, практика последних десятилетий со всей убедительностью показали, что достижение главных целей движения неприсоединения, реализация принятой им программы и успешное решение насущных проблем, стоящих перед неприсоединившимися странами, в конечном счете зависят от последовательного осуществления исходных принципов движения, от готовности его участников к активным и целеустремленным действиям совместно со всеми антиимпериалистическими и миролюбивыми силами современности.

Маневры американской дипломатии в Китае в конце 40-х годов

*А. М. Малухин,
кандидат исторических наук*

Тридцать пять лет тому назад в Китае наступал кульминационный этап гражданской войны, в которой гоминьдан опирался на всестороннюю помощь США. Широко поддерживая гоминьдан, США одновременно подталкивали Чан Кайши к тому, чтобы путем проведения некоторых буржуазных реформ и реорганизации правительства укрепить гоминьдановский режим, ослабить КПК и революционные вооруженные силы, остановить революционный процесс в Китае. Однако ни помощь гоминьдану в гражданской войне, ни сговор с чанкайшистами, ни поиски контактов с руководством КПК не привели США к желаемой цели. Реализации американских планов препятствовала внешнеполитическая деятельность Советского Союза. Твердо занимая позицию невмешательства во внутренние дела Китая, СССР вел решительную борьбу за прекращение любого иностранного вмешательства в китайские дела. Эта тема нашла свое освещение в советской исторической литературе, в том числе в сравнительно недавних исследованиях¹.

С приближением кульминации гражданской войны вопрос о судьбе вмешательства США в китайские дела получил в Вашингтоне чрезвычайную остроту с неожиданными аспектами и новым подходом. На сцену выступили сторонники различных, даже взаимоисключающих, направлений политики в отношении Китая. Объединяла их лишь единая цель вашингтонской дипломатии — использовать любые возможности и силы в Китае для того, чтобы они действовали в пользу империалистических интересов США. Эта авантюристическая дипломатия в конце концов остро коснулась гоминьдановской верхушки, и прежде всего самого Чан Кайши, слепо полагавшегося на покровительство «американских друзей». Выработка политики США по Китаю в последние месяцы пребывания Чан Кайши у власти весьма лихорадила Нанкин.

Автор данной статьи в то время находился в гоминьдановской столице на работе в советском посольстве. Личные наблюдения, подкрепленные изучением различных источников, позволили ему проследить действия представителей послевоенной американской дипломатии, характерные в известной мере и для империалистической политики современных правящих кругов США.

* * *

До того как осенью 1948 г. произошли перемены на фронтах гражданской войны в Китае, США еще в полной мере сотрудничали с нанкинским правительством в его вооруженной борьбе против КПК. Весной

¹ См.: О. Борисов. Советский Союз и Маньчжурская революционная база. 1945—1949. К 30-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1975, с. 87—97; А. М. Ледовский. СССР, США и народная революция в Китае. М., 1979, с. 160—167; История международных отношений на Дальнем Востоке, 1945—1977. Хабаровск, 1978, с. 43—47.

и летом Чан Кайши сосредоточил в Южной Маньчжурии и Северном Китае до двух третей своей армии. В столице он старался демонстрировать единение и энергию гоминьдана в этой борьбе, силился разрядить хронический кризис в верхушке своей партии и придать гражданской войне международную окраску в расчете на более решительное вмешательство американского империализма.

В апреле 1948 г. США предоставили Китаю новую помощь — 400 млн. долл. Однако Чан Кайши, возлагавший все свои надежды на участие США в борьбе с коммунистами, не был удовлетворен масштабом новой помощи. Вэн Вэньхао, сменивший 29 мая 1948 г. Чжан Цюня на посту председателя Исполнительного юаня в гоминьдановском правительстве, в своем программном выступлении в Законодательном юане 15 июня подчеркнул зависимость осуществления политики его кабинета от дальнейшей американской помощи. В свою очередь Соединенные Штаты требовали более эффективного использования гоминьданом уже предоставленной помощи, ожидая этого в основном от нового китайского премьера².

Кабинет Вэн Вэньхао, стремясь разрешить проблемы гражданской войны путем обострения отношений между США и СССР, обратился к испытанному средству гоминьдановских реакционеров — антисоветизму: гоминьдановцы свертывали и без того скромные деловые связи и контакты с СССР, отзывали из Москвы своих представителей. Сократилась деятельность советских консульских учреждений в Китае (за исключением Синьцзяна и, разумеется, освобожденных территорий).

Советско-китайские отношения продолжали успешно развиваться в Маньчжурии. Там находилась вся материальная сфера действия договора 1945 г. между двумя странами. Народно-демократические власти, установившие контроль к концу 1948 г. над всем Северо-Восточным Китаем, на договорной основе широко сотрудничали с СССР. Успешные действия НОА, опиравшейся на военно-революционную и экономическую базу, созданную благодаря советско-китайскому сотрудничеству в рамках договора 1945 г., все отчетливее демонстрировали важное значение маньчжурского фактора в освободительной борьбе КПК.

Чан Кайши, рассчитывая на усиление участия США в спасении гоминьдановского режима, делал особую ставку на избрание президентом США лидера республиканской партии Томаса Дьюи. Если программа демократов во главе с Гарри Трумэном в президентской избирательной кампании 1948 г. предусматривала помощь Китаю только наряду с Грецией и Турцией³, то линия республиканцев была более решительной. В первом же интервью 25 июня Дьюи заявил, что, если он будет избран, кардинальным принципом его администрации явится более эффективная помощь в борьбе с коммунистическим влиянием в Китае⁴. Предвыборная платформа республиканцев содержала тезис «оберегать и развивать нашу историческую политику дружбы с Китаем и проявлять нашу глубокую заинтересованность в поддержке его целостности и свободы»⁵.

Нанкинская официальная пропаганда стала связывать гражданскую войну в стране с неким наличием «внешней опоры у коммунистов» или «внешней агрессии», называть народно-освободительные войска «пятой колонией железного занавеса», представлять дело так, будто правительство вело вовсе не гражданскую, а национальную войну за независимость Китая⁶.

² In: "New York Herald Tribune", August 7, 1948.

³ In: "Congressional Record", July 28, 1948, p. A 4904.

⁴ In: "New York Times", 26.VI.1948.

⁵ "Congressional Record", July 28, 1948, p. 4908.

⁶ См.: «Чжунъян жибао», 23.VII.1948.

На севере страны приближалось решительное Ляошэньское сражение (12 сентября — 12 ноября). Дипломатическая служба администрации Трумэна проявляла тревогу в связи с назревавшими военными событиями, причем посольство США в Нанкине, по сути, теряло ориентацию, не зная, какую вести линию в отношениях с Чан Кайши. Как свидетельствуют опубликованные государственным департаментом США в 1949 г. документы («Белая книга»), уже летом 1948 г. американский посол в Нанкине Лейтон Стюарт сомневался в том, что Чан Кайши удастся сохранить свой режим.

10 августа Лейтон Стюарт в политическом письме госсекретарю США Джорджу Маршаллу отмечал, что коммунисты продолжают выигрывать гражданскую войну, а Чан Кайши хочет только военной победы над ними, сам же он подвергается критике в нанкинских кругах за неэффективность руководства. Хотя посольство считало целесообразным предотвратить формирование коалиционного правительства в Китае и до конца продолжать или даже увеличить поддержку правительства Чан Кайши в связи с ухудшением положения, американский посол подчеркивал, что уже рискованно «брать на себя большую ответственность, военную, экономическую, политическую», ибо это «превысило бы наши (США.— А. М.) ресурсы»⁷.

Госсекретарь Маршалл в своем ответе Стюарту 12 августа дал указание не проявлять позитивного отношения к идее создания коалиционного правительства в Китае с участием коммунистов⁸. На следующий же день госсекретарь дополнительно сообщил послу о том, что складывающаяся конъюнктура не позволяет «сформулировать какие-либо твердые планы для нашей политики в Китае»⁹.

На многочисленных приемах в нанкинском дипкорпусе, которые чуть и не еженедельно устраивались послами в национальные дни, стали высказываться сомнения в том, что американская помощь будет и впредь оказываться правительству Чан Кайши. Проамериканская пресса в Нанкине и Шанхае хором заговорила о необходимости рассчитывать гоминьдану главным образом на собственные силы¹⁰.

Но чанкайшистские лидеры продолжали самоуверенно демонстрировать убежденность в том, что США окажут им более широкую военную и финансовую помощь. Министр обороны Хэ Инши 24 августа дал прессе специальное интервью по этому вопросу¹¹. Чан Кайши направил лидера наиболее реакционной клики гоминьдана Чэнь Лифу в Вашингтон с рекомендательным письмом. В результате встречи Чэнь Лифу с Т. Дьюи республиканский кандидат в президенты сделал новые заявления о том, что США должны проводить «внешнюю политику на двух океанах». Выступая в Солт-Лейк-Сити 30 сентября, Дьюи дополнил свою избирательную платформу тезисом о том, что США «от начала до конца примут участие в нынешних испытаниях Китая — своего старого друга и союзника». Так впервые после второй мировой войны представитель американского империализма назвал гоминьдановский Китай союзной державой¹².

Другой эмиссар Чан Кайши, бывший премьер Чжан Цюнь, ездил в Токио к Макартуру с проектом политического и военного сотрудничества стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Миссия Чжан Цюня прежде всего имела целью привлечь военные ресурсы Японии для борьбы с «мировым коммунизмом». Пытаясь подобным образом сколотить так называемый Азиатский блок, Чан Кайши стремился «интерна-

⁷ United States Relations with China. Washington, 1949, p. 886—887.

⁸ Ibid., p. 279.

⁹ Ibid., p. 280.

¹⁰ In: "China Weekly Review", 11.IX.1948.

¹¹ In: "China Press", 25.VIII.1948.

¹² In: "North China Daily News", 1.X.1948.

ационализировать» борьбу против китайских коммунистов. Гоминьдановцы не скрывали, что проявляют инициативу и предпринимают усилия для того, чтобы «найти выход из гражданской войны в войне международной»¹³.

В день 37-й годовщины Синьхайской революции Чан Кайши в своем обращении к народу объявил о неизбежности больших перемен. Комментируя это выступление, журнал «Чжунцзянь» писал, что «перемена всей ситуации», которую предвидит Чан Кайши, означает атомную войну США с СССР. Поэтому «теперь центр тяжести политики Китая состоит не только в претерпевании трудностей и страданий, чтобы дождаться возникновения американо-советской войны, но также в том, чтобы, проявив инициативу, довести дело до войны США с СССР». В статье «Новый этап китайской дипломатии» рассматривались способы провоцирования войны с Советским Союзом, а также препятствия к этому. Серьезным препятствием было признано то, что СССР «не желает войны и последовательно держится мирной позиции»¹⁴.

Незадолго до ликвидации Народно-освободительной армией Шэньянской группировки гоминьдановских войск и освобождения Шэньяня Чан Кайши, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» А. Т. Стила в Пекине 29 октября, заявил, что установление контроля коммунистов над всей Маньчжурней будет означать фактическое начало «новой мировой катастрофы». Чтобы избежать человечество от катастрофы третьей мировой войны, продолжал Чан Кайши, прежде всего необходимо спасти Азию. Центром же приложения усилий в спасении Азии должен стать Китай. «Я надеюсь, что американский народ и его государственные деятели посвятят свои жизни этой задаче», — заключал он¹⁵.

С приближением дня президентских выборов в США гоминьдановские круги все откровеннее возлагали свои надежды на избрание Тома Дьюи. Чэнь Лифу даже внес денежный вклад в избирательный фонд Дьюи. В Пекине была инспирирована демонстрация под лозунгом «Да здравствует президент Дьюи!». В день подсчета голосов после выборов в США китайский посол в Вашингтоне Гу Вэйцзюнь высказывал свою уверенность в победе Дьюи и в том, что помощь Китаю возрастет, когда он займет место в Белом доме¹⁶. Однако результаты выборов развеяли радужные надежды гоминьдановцев. Ударом было не только переизбрание неугодного им Трумэна, но и главным образом скандальный просчет в их открытой ставке на «верную лошадь».

* * *

Сразу же после победоносного Ляошэньского сражения Народно-освободительная армия приступила к развертыванию новой наступательной операции — Хуайхайской битвы (7 ноября 1948 г. — 10 января 1949 г.) в районе с центром Сюйчжоу, узлом Тяньцзинь-Пукоуской и Лунхайской железных дорог. Между тем американское посольство в Нанкине все еще не было ориентировано в вопросе о том, какую линию занимать в отношении действий Чан Кайши и возможного развития военно-политической обстановки в Китае. Лейтон Стюарт 23 октября потребовал инструкций от госдепартамента, выдвигая при этом со своей стороны ряд альтернатив по китайскому вопросу, содержавших взаимно противоположные предложения. В них предусматривались как продолжение поддержки Чан Кайши, так и одобрение его отставки, вариант создания коалиционного правительства без участия коммунистов для «более эффективного ведения войны» с ними и вариант коали-

¹³ «Гуаньча», 20.XI.1948.

¹⁴ «Чжунцзянь», 20.X.1948.

¹⁵ Central News Agency in Beiping, October 31, 1948.

¹⁶ In: «China Press», 4.XI.1948.

ции с их участием «в целях объединения Китая»¹⁷. Маршалл в своем ответе Стюарту снова уклонился от четких указаний, повторив разъяснение, что ситуация не позволяет сформулировать твердые планы для будущей политики США в Китае¹⁸.

Таким образом, военное положение все более определяло линию приспособленческого подхода правительства США к методам вмешательства в китайские дела. Войска НОА приближались к Шанхаю и Нанкин. Американская авиация пыталась снабжать с воздуха окруженные остатки гоминьдановских частей боеприпасами и продовольствием. Администрация Трумэна должна была срочно реагировать на критическое положение гоминьдановцев.

6 ноября в госдепартамент поступила информация Стюарта с выводами совещания руководства посольства, военного атташе и советнического аппарата США в Нанкине о военном положении в Китае. Совещание единогласно признало бесперспективность военных шагов гоминьдановского правительства или США в оставшееся время для сражения с коммунистами. «Использование войск США невозможно», — говорилось в выводах. Было также признано, что гарнизон генерала Фу Цзон в Пекине не сможет устоять против атак коммунистических войск в Северном Китае, а части НОА под командованием Чэнь И способны из района Сюйчжоу достичь окрестностей Нанкина в две недели¹⁹.

6 ноября правительство Вэн Вэньхао через главу китайской делегации на парижской сессии Генеральной Ассамблеи ООН Цзян Тинфу обратилось к госсекретарю Маршаллу, находившемуся в Париже, с просьбой увеличить военную помощь, в частности направить американских офицеров в Китай во главе с военачальником. США ответили отрицательно, сославшись на трудности удовлетворения просьбы²⁰.

Чан Кайши срочно обратился к Трумэну с письмом, которое поступило в Белый дом 9 ноября. В нем говорилось, что Китаю грозит «утрата дела демократии». Главный фактор ухудшения военной ситуации в стране Чан Кайши усматривал в том, что СССР будто бы не выполняет китайско-советский договор о дружбе и союзе 1945 г. Чан Кайши требовал от США «быстрой и возрастающей военной помощи» и «твердого заявления об американской политике поддержки дела, за которое воюет» его правительство. Трумэн в своем ответе 13 ноября не дал Чан Кайши никаких обещаний на будущее, ограничившись лишь заверениями в том, что действующую программу помощи Китаю США выполнят²¹.

Гоминьдановцы были сильно обескуражены загадочной для них позицией вашингтонской дипломатии в отношении текущих событий в Китае, которую американские газеты стали называть «политикой выжидания и наблюдения» либо «отсутствием политики». Так называемое отсутствие политики США в Китае на деле являлось политикой конъюнктурного выбора перспективы для американской дипломатии в переломный период гражданской войны.

Нанкинское правительство продолжало настаивать на том, чтобы США сделали официальное заявление о своей политике по Китаю. Посол Гу Вэйцзюнь не раз обращался в госдепартамент и в Белый дом по этому поводу. 24 ноября он опубликовал воззвание к американцам о необходимости срочной помощи Китаю в борьбе с китайскими коммунистами — «агентами Коминтерна» (кстати, уже не существовавшего с 1943 г.).

¹⁷ United States Relations with China, p. 285.

¹⁸ Ibid., p. 286.

¹⁹ Ibid., p. 894.

²⁰ Ibid., p. 888, 287.

²¹ Ibid., p. 888—890.

26 ноября Чан Кайши назначил Сунь Фо главой правительства вместо Вэн Вэньхао, чей кабинет, обанкротившийся со своим курсом поджигания войны против СССР и в ставке на итоги президентских выборов в США, должен был уйти с политической сцены. В тот же день Законодательный юань направил послание конгрессу США с просьбой о предоставлении военной и экономической помощи Китаю. Гоминьдановская печать дружно выступила с передовыми статьями, вновь запугивая США призраком некой агрессии на Востоке. Газеты писали: «США должны шире смотреть на китайскую проблему. Речь идет о судьбе Восточной Азии и всего мира, и США не должны колебаться»²²; «Если помощь не подоспелет, то произойдет мировая катастрофа»²³; «Китай — ключ к международному миру на Востоке»²⁴. Пресса гоминьдановцев продолжала в течение всего декабря призывать США оказать срочную помощь правительству Чан Кайши, причем антисоветизм оставался неизменным мотивом аргументации чанкайшистов.

В высших эшелонах власти США не прекращалась борьба по китайскому вопросу. За широкую военную поддержку Чан Кайши высказывались военно-морской министр Форрестол и командующий 7-м военно-морским флотом США Кук. Большую активность развивали Джадд, Кларк и другие деятели китайского лобби в конгрессе, требовавшие увеличить помощь накинскому правительству. Республиканец Мэрроу внес предложение в конгресс о «немедленной помощи Китаю даже с риском войны с Россией»²⁵. Рьяные покровители и адвокаты Чан Кайши в правящих кругах США предпринимали попытки добиться закона о помощи Китаю, пока республиканцы еще составляли большинство в конгрессе.

В незатихавшей борьбе двух направлений в выборе политики по Китаю линия Маршалла — Трумэна, имевшая целью найти для США способ удержаться в Китае без вооруженного вмешательства, не могла игнорировать решающие социально-политические факторы китайской народной революции с ее могучим интернационалистским тылом, каким оставался Советский Союз. Другим фактором, который вынужден был учитывать Белый дом, являлась финансово-экономическая обремененность США осуществлением плана Маршалла в Европе.

Когда находившийся в Китае генерал К. Ченнолт принялся было формировать корпус «Летающих тигров» из американских летчиков-«добровольцев», чтобы «остановить наступление коммунистической армии», посол Стюарт по поручению госдепартамента США указал американскому генералу на опасность его предприятия. Председатель Комиссии по ассигнованиям в конгрессе республиканец С. Бриджес официально поручил бывшему послу США в СССР У. Буллитту собирать материал для обоснования помощи Чан Кайши. Буллитт развил кипучую деятельность, но она повисла в воздухе ввиду поражения республиканцев на президентских выборах²⁶.

Спор по китайскому вопросу не затихал и на страницах американской печати. Журнал «Лайф», называвший китайский коммунизм «приверженцами Москвы», утверждал, что их правительство «явилось бы бедствием для безопасности США», поэтому настала пора признать Китай объектом особого внимания США вместо Европы²⁷. Большинство американских газет оправдывало прекращение помощи чанкайшистскому правительству, причем приводился и такой довод: «Помощь не в со-

²² «Чжунъян жибао», 26.XI.1948.

²³ «Синьвэнь бао», 26.XI.1948.

²⁴ «Иши бао», 27.XI.1948.

²⁵ «China Press», 3.XII.1948.

²⁶ См.: «Наньцзин жибао», 24.XI.1948.

²⁷ In: «Life», 22.XI.1948.

стоянии спасти немощный режим, в который не верит сам народ и который не имеет эффективной политической базы»²⁸.

Проамериканские газеты и журналы в Китае стали открыто намекать на необходимость смены руководства в Нанкине, отказа от практики перархии и коррупции, от феодальных традиций²⁹. Вместе с тем высказывались опасения, как бы не превратить Китай во врага США, поэтому следует помогать «хорошим друзьям в тех областях, где они действительно нуждаются», чтобы противостоять активности коммунистов³⁰. Приводились также доводы в пользу поисков компромисса с коммунизмом в Китае, ибо, на взгляд американцев, скорее всего «китайские коммунисты не столько марксисты, сколько доподлинные китайцы», чья коммунистическая партия отличается от любых других коммунистических партий³¹.

Эта же газета пыталась разъяснить, что задача американской дипломатии — помочь тем политическим силам в Китае, которые будут готовы пойти на компромисс, удовлетворяющий США³².

На деле американская дипломатия выжидания в Китае служила для прикрытия усилий, предпринимавшихся с целью замены чанкайшистского правительства коалиционным «демократическим». Расчет был на то, чтобы затормозить процесс освобождения всей страны и ограничить победу народной революции. Американцы добровольно не уйдут из Китая, писал прогрессивный журнал «Цюньчжун». США создают и подкармливают центристские партии и группировки, формируют и укрепляют проамериканские силы, стараются укрепить местную власть милитаристов, снабжая их оружием и диктуя политику «реформ»³³.

Американская разведка спешила развить сеть своей агентуры и повсеместно готовила каналы для связи и помощи врагам демократии. Вырабатывались конкретные планы контрреволюционной деятельности, причем США в особенности заботились о том, чтобы не дать формироваться общественному мнению в Китае в невыгодном для них направлении. Лейтон Стюарт, подчеркивая отрицательное значение раскрытия коммунистами разведывательной деятельности американской секретной службы в Китае, пересылал Джорджу Маршаллу полные тексты разоблачительных радиопередач Северной Шэньси³⁴.

Зондировались возможности приостановить грозное развитие обстановки на фронтах маневрами миролюбия. Среди университетской интеллигенции Нанкина проводилась «кампания за мир», которую возглавил гоминьдановский профессор Лю Бутун. Результатом этой кампании явилось письмо группы профессоров к Чан Кайши и к Мао Цзэду³⁵. Провокационные приемы Лю Бутуна были использованы чанкайшистами для нападков на КПК.

После вступления народно-освободительных войск в Шэньян стало ясно, что США намереваются сохранить свои официальные представительства в освобожденных районах. Но уже через полмесяца новые власти арестовали американского консула в Шэньяне Ангуса Уорда и четырех его сотрудников, уличенных в шпионаже. Оказалось, что консульство США имело в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии одиннадцать пунктов для проведения политической и военной разведки, а также подрывной деятельности против нового строя. Публикуя сообщение

²⁸ "Baltimore Sun", 23.XI.1948.

²⁹ "China Weekly Review", 20.XI.1948.

³⁰ Ibid., 4.XII.1948.

³¹ In: "China Press", 16.XI.1948.

³² "China Press", 15.XII.1948.

³³ См.: «Цюньчжун», 1948, № 46.

³⁴ In: United States Relations with China, p. 882—885.

³⁵ См.: «Хэпин жибао», 23.XI.1948.

агентства Синьхуа о приговоре народного суда над американскими шпионами, «Жэньминь жибао» заявляла: «Народное правительство, ограждая частные интересы иностранцев, не потерпит их преступных действий»³⁶.

Многие американцы не спешили покидать свои резиденции и уйти с отступавшими чанкайшистскими войсками. В монополистических кругах это получало одобрение: «Бизнесмены США намерены оставаться в Китае, чтобы делать бизнес с коммунистами,— такова наиболее светлая из мрачных альтернатив»³⁷. Госдепартамент благосклонно позволял бизнесменам «действовать на свой страх и риск» с позиции «нейтрального дружелюбия в отношении китайского народа»³⁸. В Тяньцзине решил остаться до 40 американских бизнесменов наряду со 150 английскими, сообщила «Чайна пресс» 8 декабря. На освобожденных территориях оставались также американские миссионеры. Например, лютеранская церковь решила продолжать свою деятельность в Китае в своих храмах, школах, семинариях, госпиталях и читальнях³⁹.

Оставляя своих консульских работников и резидентов на освобожденных территориях, США демонстрировали возможность налаживания отношений с новыми властями. Вместе с тем основная задача американской политики в отношении освобожденных территорий заключалась в том, чтобы сохранить в Китае обстановку междоусобицы, острой борьбы реакционных сил с силами народной демократии. Прогоминеьдановские лоббисты и китаеведы в США предрекали, что победа коммунистов не объединит весь Китай и что милитаристы с политиками еще долго будут удерживать власть в провинциях. Надежды возлагались не только на очаги сопротивления и банды контрреволюции, но и на разложение КПК изнутри в результате роста националистических тенденций и разногласий по вопросам экономической политики. На рубеже нового, 1949 г. пресса США и проамериканские газеты в Китае широко освещали дискуссию буржуазных китаеведов в американских научных центрах и в госдепартаменте на тему о политическом характере КПК, которую большинство их рассматривало как националистическую «партию аграрной реформы». Споры по китайскому вопросу в дипломатических учреждениях США велись уже не столько о характере помощи Чан Кайши и участии в судьбе его режима, сколько о том, как и какие проектировать позиции в Китае, учитывая перспективу победы коммунистов в борьбе с гоминьданом.

В разгар Хуайхайской битвы Чан Кайши сделал последнюю попытку добиться немедленной помощи США, чтобы спасти свой режим. 1 декабря в Вашингтон прибыла его жена Сун Мэйлин со специальной миссией. Она получила две аудиенции у Маршалла, причем вторая беседа длилась четыре часа, а 9 декабря ее принял Трумэн. Мадам Чан Кайши должна была добиться заявления Вашингтона о политике в отношении Китая, решения вопроса о помощи Китаю до созыва конгресса в новом составе с преобладанием демократов, направления генерала Макартура в Китай для руководства вооруженными силами гоминьдана и утверждения проекта ассигнований для Китая в размере трех миллиардов долларов. Однако миссия Сун Мэйлин оказалась безрезультатной. Президент Трумэн ничего нового не пообещал и заявил, что США не будут вмешиваться в военные дела Китая⁴⁰.

В тот же день, 9 декабря, по другую сторону Атлантического океана министр иностранных дел Англии Бевин выступил в палате общин с заявлением о том, что его правительство будет придерживаться реше-

³⁶ «Жэньминь жибао», 28.XI.1948.

³⁷ "Business Week", 20.XI.1948.

³⁸ In: "Shanghai Evening Post and Mercury", 8.XII.1948.

³⁹ "China Press", 7.I.1949.

⁴⁰ См.: «Хэпин жибао», 14.XII.1948.

ния Московской конференции трех министров иностранных дел 1945 г. о невмешательстве во внутренние дела Китая⁴¹.

Дальнейшим шагом вашингтонской дипломатии в китайском вопросе явилась поездка главы администрации американо-китайского экономического сотрудничества Пауля Гофмана. На пресс-конференции в Шанхае 13 декабря Гофман заявил, что США будут готовы оказывать экономическую помощь Китаю при наличии коалиционного правительства, включающего даже коммунистов, если последние станут уважать «основные свободы»⁴².

Тогда же были приостановлены поставки чанкайшистскому правительству промышленно-транспортного оборудования в счет неиспользованных 70 млн. долл. и задержаны транспорты с оружием для Чан Кайши в портах Филиппин и Окинавы под тем предлогом, что они могут оказаться в руках коммунистов⁴³.

Между тем шли последние недели пребывания Чан Кайши в Нанкине. Одновременно с Хуайхайской битвой, в которой были уничтожены 55 гоминьдановских дивизий общей численностью 555 тыс. человек, Народно-освободительная армия развертывала третью, решающую наступательную операцию против войск Чан Кайши — Пекин-Тяньцзинское сражение (5 декабря 1948 г. — 31 января 1949 г.). Военное положение нанкинского правительства приобретало катастрофический характер.

13 декабря Чжан Цюнь посетил посольство США в качестве эмиссара Чан Кайши, с тем чтобы узнать мнение Стюарта о том, как должен реагировать Чан Кайши на усиленные толки о необходимости его ухода от власти, поскольку такую точку зрения высказывают и американцы. В течение продолжительной аудиенции Чжан Цюнь повторял инсинуации чанкайшистов, будто в гражданской войне за спиной КПК стоит СССР. Стюарт в конце концов недвусмысленно высказался за то, чтобы Чан Кайши «сложил с себя власть», ибо она служит «главным препятствием к прекращению военных действий», что таково «впечатление большинства американцев» и чувство «широких масс китайского народа». Далее Стюарт сказал, что США готовы помочь делу установления «почетного мира» в Китае и что Чжан Цюнь с другими китайскими лидерами следует сделать «что-то конструктивное и как можно скорее»⁴⁴.

17 декабря премьер Сунь Фо в беседе со Стюартом попросил совета: продолжать ли гоминьдановцам войну или «вымалывать мир». Стюарт обрисовал дилемму: с одной стороны, США озабочены тем, чтобы предотвратить распространение коммунизма в Китае, но с другой — не могут это сделать «при посредстве правительства, утратившего поддержку собственного народа», который хочет мира, в то время как Чан Кайши стремится продолжать войну. Американский посол дипломатично заявил, что «вопрос о более эффективной борьбе с коммунизмом военными либо политическими методами» должен решать сам Сунь Фо со своими коллегами⁴⁵.

В телеграмме от 21 декабря Стюарт сообщал Маршаллу о встрече с Ху Ши, состоявшейся также 17 декабря. Крупный буржуазный ученый, в прошлом глава реформистов, выступавших против марксизма, гоминьдановский «либерал», тесно связанный с США, влиятельная фигура среди старой китайской интеллигенции Ху Ши, разумеется, казался американской дипломатии перспективной кандидатурой на роль лидера коалиции в Китае без Чан Кайши. Несмотря на то что Ху Ши в беседе со Стюартом подчеркивал свою преданность Чан Кайши, посол просил

⁴¹ In: "China Press", 10.XII.1948.

⁴² "China Daily Tribune", 15.XII.1948.

⁴³ In: Central News Agency in Washington, December 14, 1948.

⁴⁴ United States Relations with China, p. 895—896.

⁴⁵ Ibid., p. 896—897.

гоминьдановского профессора заново возглавить «движение новых идей», выступить «за свободу и демократию» и провел с ним «дискуссию о том, какую политику станут проводить США, если коалиционное правительство будет сформировано»⁴⁶.

В тот момент одна из влиятельных американских газет констатировала: «Соединенные Штаты не имеют иного выбора, кроме того, чтобы предоставить событиям развиваться своим ходом до появления возможности помочь китайцам заменить коммунистическое правление желательной формой правительства»⁴⁷.

Сунь Фо удалось сколотить кабинет министров только 23 декабря. Правительственный кризис, длившийся почти месяц, закончился лишь тогда, когда гоминьдановская верхушка внуждена была для спасения режима перейти к тактике маневрирования. Главная задача правительства Сунь Фо заключалась в том, чтобы добиться мирных переговоров⁴⁸.

Американская дипломатия стремилась как можно быстрее подтолкнуть нанкинское правительство на поиски «почетного мира». 28 декабря Стюарт пригласил нового вице-премьера У Течэна и повторил внушение Вашингтона: США ждут «решения нынешних проблем, какие должны принять сами китайцы», а американская помощь не заставит себя ждать, «когда придет время». Информировав Маршалла, 30 декабря Стюарт пессимистически оценил первые шаги кабинета Сунь Фо, сделанные лишь с согласия Чан Кайши, тогда как «его уход со сцены является предпосылкой каких бы то ни было переговоров с коммунистами»⁴⁹.

Чан Кайши, заявивший в своем новогоднем обращении к соотечественникам о готовности его правительства обсудить с коммунистами способы положить конец войне, сделал намек на «тяжесть ответственности и трудности выполнения своей миссии». В комментариях прессы это расценивалось как объявление о том, что он готовится к уходу с поста главы государства. Однако свои новогодние выступления гоминьдановская печать посвящала не проблеме достижения мира в стране, а главным образом сожалениям о «перемене в китайско-американских отношениях» и доказательствам того, будто США «имеют жизненные интересы в восточном полушарии»⁵⁰.

Как в США, так и в Китае в связи с «жизненными интересами» американского империализма вдруг вспомнили о доктрине Монро минувшего века, действие которой в современных условиях не должно-де ограничиваться Американским континентом. Сенатор Джордж Мелон требовал «распространить доктрину Монро на западную часть Тихого океана и на Азию»⁵¹. Газета «Иши бао» опубликовала в двух номерах передовую статью «От монронизма к трумэннизму», в которой утверждалось, что Китай будто бы находится в «сфере жизненных интересов США»⁵².

С наступлением нового года в посольстве США в Нанкине стали высказывать предположения о том, что в связи с предстоящим уходом Чан Кайши «коммунисты могут предложить свою форму коалиции» с целью политического урегулирования. Посольство считало, что «военный конфликт в национальном масштабе близится к концу»⁵³ и, следовательно, важная часть дипломатической работы Вашингтона в Китае почти завершена. Как раз в те дни вместо Джорджа Маршалла, ушедшего в отставку, пост госсекретаря занял Дин Ачесон, что вызвало волну новых спекуляций во всех гоминьдановских газетах и журналах.

⁴⁶ Ibid., p. 899.

⁴⁷ "New York Herald Tribune", 17.XII.1948.

⁴⁸ In: "China Press", 1.I.1949.

⁴⁹ United States Relations with China, p. 899—900.

⁵⁰ «Цзюю жибао», 1.I.1949; «Хэпин жибао», 2.I.1949; «Чжаньван», 15.I.1949 и др.

⁵¹ "China Press", 30.XI.1948.

⁵² «Иши бао», 2, 3.I.1949.

⁵³ United States Relations with China, p. 289.

В это критическое для чанкайшистского режима время советское посольство в Нанкине, а также генеральные консульства СССР в Пекине, Тяньцзине и Шанхае, по сути, не могли вести обычную повседневную деятельность. Усилилась полицейская и агентурная слежка за советскими загранучреждениями и людьми. Связи и контакты работников посольства с китайскими организациями и учреждениями были практически сведены на нет.

Однако гоминьдановская верхушка, несмотря на свои антисоветские позиции, не решалась пойти на полное прекращение дипломатических отношений с СССР. Более того, в поисках по американской указке выхода из военного кризиса в мирных маневрах гоминьдановцы не избегали контактов с советским послом, рассчитывая на то, что это могло бы косвенно повлиять на позицию китайских коммунистов. Такие контакты поддерживал вице-президент Ли Цзунжэнь. В конце 1948 г. посольство посетили генерал Чжан Чжичжун и бывший посол в Москве Шао Лицзы, которые в январе были назначены членами гоминьдановской делегации для ведения мирных переговоров с руководством КПК.

8 января Чан Кайши обратился через МИД к СССР, США, Англии и Франции за посредничеством в проведении переговоров гоминьдана с КПК. Советское правительство, естественно, не могло принять такое предложение, так как это посредничество явилось бы вмешательством во внутренние дела Китая. Отказ последовал и от остальных держав. При этом из Вашингтона в пространном ответе 12 января объяснили чанкайшистам, что правительство США не находит полезным принимать участие в посредничестве «в нынешней ситуации»⁵⁴.

К тому времени Народно-освободительная армия закончила расчленение и разгром чанкайшистских дивизий общей численностью 520 тыс. человек на подступах к Пекину и Тяньцзиню, а 14 января овладела Тяньцзинем, взяв в плен 130 тыс. гоминьдановских солдат и офицеров. Генералу Фу Цзон с его 250-тысячным гарнизоном был предъявлен ультиматум о капитуляции.

20 января, вступая на пост президента США на последующий срок, Г. Трумэн в программной речи даже не коснулся проблемы отношений с Китаем. В тот же день большинство в конгрессе перешло от республиканцев к демократам. Чан Кайши лишился последней надежды на благосклонность к нему «американских друзей». Для гоминьдановцев создалась непосредственная угроза форсирования Янцзы народно-освободительными войсками и, следовательно, необходимость любой ценой выиграть время, чтобы подготовиться к обороне Нанкин-Шанхайского района и Южного Китая.

21 января Чан Кайши объявил о своем уходе «на отдых» в Фынхуа, возложив обязанности президента на Ли Цзунжэня. В этот же день кабинет Сунь Фо также подал в отставку. Одновременно была сформирована «миссия мира» для переговоров с руководством КПК. 23 января генерал Фу Цзон принял условия капитуляции. Газеты в Нанкине и Шанхае сообщили о том, что Объединенная группа военных советников США, «помогавшая и дававшая советы правительству Китайской Республики», закончила свою работу⁵⁵.

31 января войска НОА вступили в Пекин.

Крах чанкайшистского режима произошел в результате победы народной революции. Американский империализм, несмотря на все свои старания, не смог предотвратить поражение Чан Кайши в гражданской войне и ликвидацию его режима. Авантюристическая политика США в Китае потерпела полный крах.

⁵⁵ In: "Shanghai Evening Post and Mercury", 26.I.1949.

⁵⁴ United States Relations with China, p. 291.

Труды советских ученых по новой истории Китая

*В. Н. Никифоров,
доктор исторических наук*

Развитие Китая в новый период всемирной истории, то есть с 40-х годов XVII в. по 1917 г., представляет интерес прежде всего потому, что именно в этот период в традиционном китайском обществе зародились и стали расти силы, которые спустя несколько десятилетий привели к народной революции. Новая история, как и другие этапы истории Китая, планомерно изучается советскими учеными.

В настоящем сообщении анализируются труды по истории Китая, изданные в последние годы (кроме истории международных отношений Китая). За точку отсчета удобно взять 1972 г. — год выхода в свет коллективного труда советских китаеведов «Новая история Китая»¹. Над этой книгой более 10 лет работал коллектив ученых под руководством академика С. Л. Тихвинского. В ней подведены итоги исследований предшествующих десятилетий. После завершения «Новой истории Китая» большая часть авторов приступила к изучению других тем. Однако, несмотря на некоторое сокращение в 1973—1983 гг. числа публикаций по новой истории Китая (так обычно бывает после завершения больших обобщающих трудов), исследования по новому периоду не прекращаются.

В 1973—1982 гг. в СССР были выпущены 24 книги по истории Китая нового времени, 13 из которых принадлежат шести известным авторам. Эти книги группируются по четырем направлениям:

- 1) освободительные движения;
- 2) социально-экономическое развитие;
- 3) национальные окраины Китая;
- 4) труды русских ученых по истории Китая.

Освободительное движение в Китае — одна из давних ведущих тем советских китаеведов.

Н. И. Фомина детально исследовала историю сопротивления маньчжурским захватчикам населения юго-восточного Китая, особенно острова Тайвань (XVII в.). Автору удалось установить сложность структуры антиманьчжурского лагеря (крупные феодалы-бюрократы, торгово-ремесленные группировки, крестьянские элементы). Формы самосознания, возникшие в этой борьбе, предшествовали, как пишет автор, зарождению национального сознания².

Б. М. Новиков изучал последующие формы антиманьчжурской борьбы китайского народа³.

¹ Обзор китаеведческой литературы, вышедшей до 1973 г., см. в книге: Проблемы советского китаеведения. Сборник докладов Всесоюзной научной конференции китаеведов, состоявшейся в ноябре 1971 г. М., 1973.

² Н. И. Фомина. Борьба против Цинов на юго-востоке Китая. Середина XVII в. М., 1974; ее же. Антицинская борьба на юго-востоке Китая в середине XVII в. Автореф. канд. дисс. М., 1973.

³ Б. М. Новиков. Антицинское тайное общество неба и земли (Тяньдихуэй). Проблема происхождения и начало деятельности. Автореф. канд. дисс. М., 1976.

А. С. Ипатова, ярко показавшая начало нового этапа китайского освободительного движения в XIX в., установила, в частности, что отрядами пинъинтуаней на юге Китая, которые готовились дать отпор Англии, руководили представители «ученого сословия» — шэньши; автору удалось выявить организационные ячейки шэньши — так называемые общинные школы⁴.

История Тайваня в XIX в. посвятила монографию Ф. А. Тодер, давно работающая в области китайской и японской истории⁵.

Ф. Б. Белелюбский, продолжая изучение крестьянской войны тайпиннов, завершил свое многолетнее источниковедческое и историко-идеологическое исследование, доказав, что программа одного из тайпинских лидеров, Хун Жэньгана, была шире, чем защита только интересов крестьян, и что выдающейся заслугой этого крестьянского вождя надо признать его отказ, по крайней мере в программе, от китаеццентристского мировидения⁶.

В. С. Кузес защитил диссертацию о борьбе членов «Союза малых мечей» в Шанхае, В. Л. Ларин — о восстаниях в те же годы в провинциях Юньнань и Гуйчжоу⁷.

Видное место в литературе 70-х годов принадлежит двум монографиям Н. М. Калюжной — по историографии антимпериалистического восстания ихэтуаней (Боксерского восстания) и непосредственно о самом восстании, которые завершают полный цикл исследования данной темы, начатый в 50—60-х годах с изучения предистории движения ихэтуаней и с публикации источников⁸.

В монографии, изданной в 1973 г., Н. М. Калюжная показала, что за 70 лет в процессе изучения восстания ихэтуаней произошел переход от поиска ответов на несколько основных крупных вопросов (происхождение союза «Ихэтуань», политика китайского правительства, характер восстания) к исследованию более широкой тематики (движущие силы движения ихэтуаней, программа и лозунги повстанцев, военная история восстания, его периодизация). Если в начале XX в. ихэтуань оценивались как реакционная антихристианская сила, то позднее мировая наука стала все больше признавать антимпериалистический характер их движения, несмотря на его несомненно отсталые формы. Заслуга верной оценки движения ихэтуаней принадлежит марксистской историографии, теперь эту оценку принимает и часть буржуазных ученых.

Советская историография, преодолев этап определенного приукра-

⁴ А. С. Ипатова. Патриотическое движение на юге Китая в 40-е годы XIX в. М., 1976 (рец. см.: В. Н. Никифоров. Начало борьбы китайского народа против колонизаторов. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 4; рец. А. А. Волоховой в журн. «Новая и новейшая история», 1977, № 2).

⁵ Ф. А. Тодер. Тайвань и его история (XIX в.). М., 1978.

⁶ Ф. Б. Белелюбский. Произведение вождя тайпиннов Хун Жэньгана «Новое сочинение в помощь управлению» (1859 г.) как исторический источник. Автореф. канд. дисс. М., 1976.

⁷ В. С. Кузес. Шанхайское восстание «Союза малых мечей» (1853—1855 гг.). Автореф. канд. дисс. М., 1978; его же. Шанхайское восстание «Союза малых мечей». 1853—1855. М., 1980; В. Л. Ларин. Повстанческое движение в провинциях Юньнань и Гуйчжоу в 50—70-х годах XIX в. (Основные проблемы). Автореф. канд. дисс. Л., 1981.

⁸ Н. М. Калюжная. Восстание ихэтуаней (1898—1901). Историография. М., 1973 (рец. см.: Л. Н. Борох. Опыт историографического исследования. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2; рец. А. С. Костяевой в журн. «Народы Азии и Африки», 1975, № 1); ее же. Восстание ихэтуаней (1898—1901). М., 1978 (рец. см.: В. А. Кривцов. Монография об освободительной борьбе китайского народа. — «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 3; О. Е. Непомнин. Синтез традиционалистской реакции и антимпериализма. Движение ихэтуаней в Китае (в связи с монографией Н. М. Калюжной). — «Народы Азии и Африки», 1982, № 6. См. также ранние работы Н. М. Калюжной: Зарождение и развитие движения ихэтуаней (До выхода ихэтуаней за пределы провинции Шаньдун. Апрель 1898 — апрель 1900). Автореф. канд. дисс. М., 1964; Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. М., 1968.

шивания революционных черт ихэтуаней, правильно перенесла центр тяжести в оценке этого движения на его антиимпериалистическую (но не революционную) направленность. Сходной выглядит вначале и эволюция китайской историографии (выделение «антифеодального» и антииностранного этапов, затем все более осторожное определение первого этапа, и лишь в 60-е годы официальная концепция историков КНР временно обратилась вспять, раздувая мнимую революционность движения и оправдывая его реакционные черты. В последнее время снова чрезмерно хвалебные оценки ихэтуаней в китайской историографии были несколько приглушены).

Западная историография, как показала в своей книге Н. М. Калюжная, от прежних представлений о движении ихэтуаней как организованном самым китайским правительством перешла к более обоснованному выводу о том, что движение зародилось самостоятельно и что императорский двор лишь использовал его в своей борьбе против иностранцев.

Историками теперь в общем признано, что участники движения в основном происходили из трудовых слоев (прежде европейская синология считала ихэтуаней деклассированными элементами).

Как показала Н. М. Калюжная, буржуазная историография продолжает осуждать ихэтуаней за их борьбу против великих держав, обеляет империалистическую политику этих держав, односторонне критикуя лишь Россию. В этом последнем пункте буржуазная историография сомкнулась с маонистской.

В следующей, итоговой работе на эту тему Н. М. Калюжная, по существу, дала ответы на вопросы, поставленные в предыдущей книге. Она доказала, что в движении ихэтуаней не имелось отдельного антифеодального этапа, что восстание с самого начала было антииностранным, хотя антифеодальные элементы в нем иногда и проступали. Состав повстанцев исследователь считает смешанным: и крестьяне, и ремесленники, и деклассированные элементы. Политика китайского правительства по отношению к ихэтуаням, по мнению автора, отличалась непоследовательностью. Носители феодальной идеологии прививали ихэтуаням ксенофобию, обскурантизм.

Несмотря на реакционные черты, имевшиеся у ихэтуаней, автор оценивает их движение как справедливую борьбу масс против империалистического гнета.

Н. М. Калюжная установила хронологические рамки движения (1898—1900) и периоды его развития, проследила историю создания тайного союза «Ихэтуань», доказав, что происхождение этой организации якобы от антиманьчжурского общества «Белый лотос» — не более чем легенда.

Исследуя поведение местных китайских властей, автор находит в их среде фактически три группировки: одна последовательно выступала против ихэтуаней (в южном и центральном Китае, в провинции Шаньдун), другая была временно за союз с ихэтуанями (в Чжили), третья (в районах, где антииностранный движениe «снизу» было относительно слабым) активно выступала против иностранцев (в Маньчжурии). Ясно, что колебания цинского правительства отражали наличие этих трех группировок, соотношение сил между ними.

Из исследования Н. М. Калюжной, работавшей над темой 20 лет, становится очевидным: восстание ихэтуаней не «конфликт двух цивилизаций», как до сих пор пишут западные авторы, а борьба угнетенного народа против колонизаторов, хотя и в отсталых, средневековых формах.

Историк Г. В. Ефимов 40 с перерывами работал над темой «Сунь Ятсен и китайская революция». В историографический период 1973—1983 гг. вышли две его монографии: первая относится к периоду Синь-

хайской революции, вторая — к 1914—1922 гг., то есть наполовину охватывает уже и эпоху новейшей истории⁹.

Г. В. Ефимов решительно выступил против концепции современных буржуазных ученых о «небуржуазности», мнимой уникальности Синьхайской революции. Он доказывает объективно буржуазный характер революции, считая вместе с тем, что к 1911 г. предпосылки революции в Китае не вполне созрели, а это, естественно, затруднило ее победоносный исход. В связи со своей оценкой революции Г. В. Ефимов дает и характеристику великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена, отмечая его слабости, но подчеркивая, что Сунь Ятсен сыграл большую роль в пробуждении народных масс.

Во второй книге, изданной посмертно, Г. В. Ефимов показал, что после Синьхайской революции (1911—1913) партия Сунь Ятсена оказалась единственной, которая, несмотря на свои недостатки (узкость, заговорщичество), с самого начала заняла непримиримую позицию по отношению к реакции. Роль Сунь Ятсена в победе революции над юаньшикаевской реакцией в 1916 г. автор считает весьма значительной.

Анализируя «Программу строительства страны», написанную Сунь Ятсеном на рубеже двух эпох, Г. В. Ефимов утверждает, что в этой программе были намечены важные прогрессивные перспективы развития Китая, высказаны идеи государственного регулирования экономики, установления контроля китайского государства над иностранным капиталом, который автор программы считал возможным привлечь к строительству нового Китая.

В плане исследования истории революционного движения, предшествовавшего Синьхайской революции, построены две дополняющие друг друга работы В. Н. Никифорова¹⁰.

В 1973—1982 гг. издано несколько очерков, свидетельствующих о росте внимания к популярному жанру. Три из них показывают облик различных героев освободительной борьбы, очерк В. И. Семанова описывает цинскую императрицу Цыси и ее двор. Отметим активность одного из авторов, В. С. Кузнецова, издавшего в указанные годы две книги и множество статей на различные темы новой (а также новейшей) истории Китая¹¹.

Систематическое исследование социально-экономических отношений Китая нового времени развернулось у нас в последние десятилетия. Первое место здесь принадлежит О. Е. Непомнину, выпустившему две книги, которые продолжают линию, начатую его работами еще 60-х годов¹². Книги О. Е. Непомнина являются наиболее широким исследованием по истории Китая, опубликованным за последнее десятилетие.

⁹ Г. В. Ефимов. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен (1911—1913). Факты и проблемы. М., 1974 (рец. см.: С. Л. Тихвинский. Синьхайская революция и Сунь Ятсен. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 3; рец. Е. Ф. Ковалева в журн. «Вопросы истории», 1977, № 1); его же. Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914—1922. М., 1981. См. также раннюю статью Г. В. Ефимова «Сунь Ятсен в борьбе за независимость Китая». — «Исторический журнал», 1937, № 1.

¹⁰ В. Н. Никифоров. Первые китайские революционеры. М., 1980 (рец. см.: Г. Ф. Ким. Начало революционного движения в Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 3; рец. Ю. В. Чудодеева в журн. «Вопросы истории», 1982, № 3); его же. Китай в годы пробуждения Азии. М., 1982 (рец. см.: В. А. Васильев. Китай в годы пробуждения Азии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1982, № 3).

¹¹ В. С. Кузнецов. Амурсана. Новосибирск, 1980; В. Н. Никифоров. Сунь Ятсен, октябрь 1896. М., 1978; Г. С. Матвеева. Отец республики. Повесть о Сунь Ятсене. М., 1975; В. И. Семанов. Из жизни императрицы Цыси. М., 1979.

¹² О. Е. Непомнин. Экономическая история Китая (1864—1894 гг.). М., 1974; его же. Социально-экономическая история Китая (1894—1914). М., 1980 (рец. см.: А. В. Меликсетов. Социально-экономическая история Китая. — «Народы Азии и Африки», 1981, № 1). См. также раннюю работу О. Е. Непомнина «Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая». М., 1966.

«Экономическая история Китая» посвящена начальному периоду наступления иностранного капитализма на Китай, то есть второй половине XIX в. Автор исходит из тезиса о феодальном характере китайского общества того времени (господство натурального хозяйства; эксплуатация крестьян крупными землевладельцами; внеэкономическое принуждение, игравшее, впрочем, в условиях интенсивного земледелия и избытка рабочей силы меньшую роль, чем в феодальной Европе). Нисходящую линию китайского феодализма О. Е. Непомнин считает возможным начать с конца XIX в.

Методологически важным представляется вывод автора о том, что в феодальном Китае, несмотря на упадок, шел процесс накопления капиталов (только они вкладывались не в промышленность, а в сельское хозяйство, ростовщичество и т. д.). Другой вывод книги: до 90-х годов XIX в. китайский частный капитал выступал под защитой государственно-бюрократического и смешанного предпринимательства, в какой-то мере проложившего ему путь. Фактически именно казенное и смешанное грюндерство явилось базой политики «самоусиления» Китая, так что крах «самоусиления» означает конец всего периода¹³.

В своей следующей монографии, посвященной 1894—1914 годам, О. Е. Непомнин значительно расширил подход к теме путем углубленного изучения социальной стороны процесса (это показывает и название книги: «социально-экономическая история», а не просто «экономическая»). Вместе с тем автор хронологически отходит далеко назад, давая обобщенную картину китайского феодализма, каким тот практически являлся на протяжении почти всей новой истории. Центральным в книге представляется тезис об экономическом и демографическом балансе двух «подсистем» китайского феодализма: государственно-бюрократической и частно-помещичьей. В соответствии с этими «подсистемами» зарождение национально-капиталистических элементов в китайской деревне шло двумя путями: один вел к постепенному разложению крестьянства на кулачество — полупролетариат — пролетариат (в государственно-бюрократическом секторе), другой — к обуржуазиванию части помещиков (в частно-помещичьем секторе). Наряду с различием форм генезиса буржуазии отмечается сложность структуры самого возникшего буржуазного класса: в нем слабо выражен средний слой, зато резко противостоят друг другу элита и широкие низшие слои (стоящие на уровне экономики мануфактурного и домануфактурного периодов).

Социально-экономический анализ, сделанный О. Е. Непомниным, позволяет понять многие особенности общественного и политического развития Китая в XX в.: социальную базу реформаторов и суньятсенистов, противоречия среди буржуазных революционеров, роль северного и южного Китая в революции.

Термин «переходное общество в Китае» подчеркивает главные выводы автора: складывание в Китае с середины XIX в. многоукладного общества; выдвигание городов (в отличие от типичного для средневековья отставания города от деревни); нарушение традиционной сбалансированности двух названных выше феодальных «подсистем»; активная, преобразующая роль капиталистического уклада при незначительности его удельного веса по сравнению с феодальными отношениями. При этом огромное влияние «старой» экономики порождало обратную тенден-

¹³ Рец. на книгу О. Е. Непомнина см.: В. Н. Никифоров. Капитализм и китайское общество. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 3; В. П. Курбатов. Некоторые вопросы экономического развития Китая с середины 60-х гг. до середины 90-х гг. XIX в. (к выходу в свет монографии О. Е. Непомнина). — Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, ч. II. М., 1977; А. В. Меликсетов. О воздействии китайской традиционной социально-экономической структуры на капиталистическую эволюцию Китая во второй половине XIX в. — первой половине XX в. — Там же.

цию — к самовосстановлению, консервации и разбуханию отсталых форм капитализма.

О. Е. Непомнин считает результатом сложного развития Китая перспективность такого «стихийного» прогрессивного развития базиса, при котором преобладала бы капиталистическая перестройка общества «снизу»; фактически единственно реальной остается перспектива сознательного, «надстроечного» варианта развития; постоянно существует возможность «искусственного» (то есть с большой долей субъективного фактора, идеологии, государства и т. д.) поворота страны на тот или иной путь.

Нам импонирует избранная автором форма изложения: концентрированные обобщения органически слиты с большим, свободно привлекаемым фактическим (в том числе цифровым) материалом. Единство книги не нарушается от того, что несколькими стилями написана одна из ее двенадцати глав — об экономическом кризисе 1909—1913 гг. (разд. 4, гл. 2; автор главы — В. Б. Меньшиков). Этот кризис заслуженно занимает существенное место в книге как одно из доказательств общей концепции О. Е. Непомнина и иллюстрация к ней.

В то время как в книге О. Е. Непомнина и ряде других рассмотренных выше работ рассматривается Китай в целом или по крайней мере его основная часть, в некоторых исследованиях изучается положение в отдельных районах Китая. Национальным окраинам цинского государства посвящены работы В. С. Кузнецова (Синьцзян), А. С. Мартынова (Тибет), Г. С. Гороховой, Ш. Б. Чимитдоржиева (Монголия), А. Ходжаева (Синьцзян), А. Идаятова¹⁴.

На рубеже 70-х и 80-х годов исследование Маньчжурии конца XIX — начала XX в. сложилось в научное направление. Экономическим проблемам этого региона посвящены кандидатские диссертации О. В. Кучук, Г. А. Сухачевой, М. А. Патрушевой¹⁵ — сотрудников владивостокского института, учившихся в московской аспирантуре.

Научными руководителями названных аспиранток были наряду с давно известными московскими китаеведами, такими, как Л. П. Делюсин, также представители следующего эшелона советских историков Китая — О. Е. Непомнин, А. Н. Хохлов.

Подготовка в московском Институте востоковедения АН СССР и Институте Дальнего Востока АН СССР группы молодых дальневосточных ученых по новой и новейшей истории Китая, видимо, предвещает

¹⁴ В. С. Кузнецов. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. М., 1973. (Отметим, что ответственным редактором этой книги был ныне покойный Л. И. Думан, когда-то начинавший свою научную деятельность работой по Синьцзяну смежного периода. — См. его книгу «Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века». М.—Л., 1936. Рец. на книгу В. С. Кузнецова см.: Е. И. Кычанов. Силой оружия и экономическим закабалением. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 3); А. С. Мартынов. Статус Тибета в XVII—XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978 (см. рец. А. А. Бокшанина и Н. И. Фоминой в журн. «Народы Азии и Африки». М., 1979, № 4); Г. С. Горохова. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства. Конец XVII — начало XX вв. М., 1980; Ш. Б. Чимитдоржиев. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII — первая половина и середина XVIII вв.). Улан-Удэ, 1974; А. Ходжаев. Карательные походы цинского правительства против восстаний народов Джунгарии и Восточного Туркестана в 1864—1878 годы. Автореф. канд. дисс. М., 1973; с. 90 же. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. М., 1979; А. Идаятов. Национально-освободительное движение илийских уйгуров в XIX в. Алма-Ата, 1978 (на уйгурском яз.).

¹⁵ О. В. Кучук. Заселение и хозяйственное освоение Северной Маньчжурии во II половине XIX — I трети XX в. Автореф. канд. дисс. М., 1979; Г. Д. Сухачева. Ремесло и мануфактура Маньчжурии II половины XIX в. — I трети XX в. Автореф. канд. дисс. М., 1981; М. А. Патрушева. Китайская колонизация Маньчжурии и политика цинского правительства (вторая половина XIX — начало XX вв.). Автореф. канд. дисс. М., 1982.

превращение Владивостока в близком будущем в один из активных центров научно-исследовательской работы по китайской истории.

В заключение — о трудах по истории китаеведения. В рассматриваемый период издан посмертно капитальный труд известного знатока библиографического и архивного дела П. Е. Скачкова, построенный на изучении рукописного наследия русских дореволюционных китаеведов¹⁶. Необходимо отметить роль ответственного редактора книги В. С. Мясникова, в течение ряда лет готовившего к печати работу, не завершенную П. Е. Скачковым при жизни.

Издана монография о первом российском китаеведе, видном дипломате своего времени Н. Милеску Спафарии; вышли две книги о великом китаеведе Н. Я. Бичурине. Назовем также сборник памяти великого русского китаеведа В. П. Васильева (отв. редактор — Л. С. Васильев), первая часть которого (авторы — Л. С. Васильев, Л. В. Симоновская, А. Н. Хохлов, Г. Я. Смолин, Н. П. Шастина, Е. В. Завадская, К. Ш. Хафизова) оценивает вклад В. П. Васильева в отечественную науку¹⁷.

На рубеже нового и новейшего периодов находится книга В. М. Алексеева «Наука о Востоке», содержащая статьи и документы одного из корифеев отечественного китаеведения. В. М. Алексеев как ученый сформировался в конце периода новой истории; к истории науки этого периода принадлежат его блестящие характеристики французского синоведа Э. Шаванна, русских востоковедов, в частности С. Ф. Ольденбурга. Значительное место в книге занимают материалы о годах учебы В. М. Алексеева: его студенческие мемуары, воспоминания об учебе в аспирантуре, отчеты о командировке в Китай (1906—1909).

Автор высказывает ценные мысли о путях подготовки нужных нашей стране квалифицированных китаеведов. Он предупреждает, что синолог должен опасаться как узости (уход в зубрежку китайских текстов, отсутствие широкого взгляда на мир, отсутствие общей интеллигентности), так и чрезмерной широты, ведущей к верхоглядству. Он предупреждает об опасности дилетантского выпячивания «исключительной специфики» Китая, восточной «экзотики» и разъясняет, что науку можно определить как ликвидацию экзотики. В синологии, пишет он, «более всего было людей, идущих зубрить экзотику, лишь бы пролезть на выгодные места... Наука должна разрушить экзотику с обеих сторон, и восточный ученый, как и наш, заговорит одним научным языком... Это и есть то общечеловеческое, ради которого стоит бороться с экзотикой»¹⁸.

Для всех изучающих или собравшихся изучать язык, историю, культуру Китая сегодня по-прежнему свежо звучит напутствие В. М. Алексеева: «Каждый новый китаист, овладевший языком как следует, желателен, полезен, необходим. Перед ним — неисчерпаемое море деятельности»¹⁹.

¹⁶ П. Е. Скачков. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

¹⁷ Д. Т. Урсул. Николай Гаврилович Милеску Спафарий. М., 1980; Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. К 200-летию со дня рождения. Материалы конференции, ч. 1—2; Н. В. Денисов. Никита Яковлевич Бичурин. Очерк жизни и творчества ученого-востоковеда. Чебоксары, 1977; История и культура Китая (Сборник памяти акад. В. П. Васильева). М., 1974.

¹⁸ В. М. Алексеев. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982, с. 333, 334.

¹⁹ Там же, с. 307.

Наука о Востоке

В. М. Алексеев

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» неоднократно помещал на своих страницах научное и литературное наследие наших предшественников — выдающихся советских востоковедов.

В номере первого журнала за 1975 г. нами была впервые помещена написанная в 1929 г. работа академика В. М. Алексеева «Китайская история в Китае и в Европе», затем вошедшая в сборник трудов В. М. Алексеева «Китайская литература».

В 1981 г. номер второй нашего журнала ознакомил читателей с древними китайскими прозаическими сочинениями в переводах В. М. Алексеева, также ранее не публиковавшимися. Переводам предшествовала статья дочери ученого М. В. Баньковской, содержащая отрывки из писем В. М. Алексеева, адресованных академику И. Ю. Крачковскому, о принципах перевода классического китайского текста.

В 1982 г. вышел в свет сборник трудов академика В. М. Алексеева «Наука о Востоке». Книга сразу же разошлась, и редакция находит нужным, следуя своей традиции, поместить в разделе «Культура и наука» некоторые статьи сборника, сопроводив их опубликованным в книге послесловием доктора филологических наук Л. З. Эйдлина «Алексеев и наука о Востоке». Мы полагаем, что в данном случае это наилучший способ представить незаурядную эту книгу читателям нашего журнала.

Миссия востоковеда

Востоковедение есть наука, уничтожающая на карте точного познания культур мира белые или фальшиво окрашенные пятна. Завет Ленина об овладении наследством всего человечества должен быть применен и к Востоку. Знание есть то же наследство. Мы, советские люди, должны знать не только о Гёте, но и о Ли Бо и Ду Фу. Надо документировать «Историю восточных литератур» переводами, передающими восхищение восточного читателя, а не отвращение к нему западного.

«Большая наука» в востоковедении та же, что и повсюду. Это исследования, ведущие к пониманию Востока на всечеловеческий лад и на мировом языке, способствующие раскрытию «тайн Востока», которые есть незнание, которые, можно сказать априори, не существуют или те же, что и на Западе. Наша большая наука — это научное изобретательство в области идей сравнения Востока с Западом, в установлении, наконец, широких и окончательных историй и теорий человечества.

Большая наука — описи Ф. И. Шербатского, который ввел в европейскую науку индийскую философию. Это работа И. Ю. Крачковского об арабских словах в русском языке, что вместе с его арабскими географами Восточной Европы — редчайший вклад в науку. Большая наука у нас, например, исследования С. А. Козина, раскрывшие картину Чингисханова ума, тайну кочевого эпоса, который по силе своей не фольклор, а подлинная литература (устная!) — язык был бесписьменный, но не бескультурный (не былины!).

Востоковедение — западоведение.

Параллели

Востоковед, мало знакомый с Западом, — нуль, слепой человек, узкий информатор. Заповед, мало знакомый с Востоком, тоже узкий человек: ему будет казаться новым все, что он прочтет о Востоке. А в существе дела *nil admirari* — вот принцип ученого! Не ахать, не замирать от восторга, а связывать знания в логическую цепь — вот наука!

Сравнительные этюды — наш лозунг. Чем больше сравнений, тем шире и глубже выводы (*Un traite manichéen retrouve...*). Я собираюсь усилить сравнительные этюды: «Гораций и Лу Цзи», «Буало и китайцы».

Без востоковедения целый ряд дисциплин Запада (культура Испании, история России, история Греции и древнего мира) не мог бы быть наукой. Затем, истории Азии без востоковедения не было бы вовсе. История религии, история философии и т. д. не могут существовать без востоковедения. Без востоковедения нельзя построить истории мировых литератур... и вообще никакой всечеловеческой науки и искусства, ибо опыт восточного человечества часто больше и глубже, чем опыт Запада.

Если Зете в своей «*Vom Bilde zum Buchstaben...*» соединил все когда-либо бывшие, хотя и вымершие и донельзя дефектные письменности — для полноты мысли, то что сказать о культурах, обильнее представленных? За корнуэльским диалектом ухаживали вплоть до последнего времени! А за китайским языком? Неужели науке свойственно глубоко чем-либо поинтересоваться лишь тогда, когда остались только обрывки папирусов, осколки мрамора и т. д.? А надо бы «жить торопиться и чувствовать спешить».

Востоковед должен участвовать в коллективных работах. Например: монголист, турколог, китаист — в истории Руси; ...китаист, маньчжурист, палеоазиатист — в истории приморского Дальнего Востока; турколог, арабист — в истории Крыма; кавказовед — в истории Кавказа и т. д. Вообще, история СССР — в огромной части — востоковедная.

Однако восточник не есть придаток к самодержавным исследователям — историкам, филологам, философам, лингвистам и т. д. Его роль сводится не только к изданию материалов, но и к их осмыслению. Бессмысленных востоковедов у нас теперь нет («я, мол, перевел, а ты-де понимай!»).

Чем скорее и чем полнее востоковедение будет признано равноправным с западоведением, тем полнее будет наука о человечестве. Если бы армия ученых, изучавших у нас Францию, Англию, Германию, даже Норвегию, Испанию, Голландию и др., была вроде нашего взвода востоковедов, то, позвольте спросить, что мы знали бы о Западе? Эрго, надо утронить наши кадры и уплатить.

В Академии наук, в Отделении языка, литературы и истории, нет деления на Запад и Восток (и никогда не было!). Вот пример нормальной работы для университетов. Не надо создавать «китайских стен». Востфак — один из факультетов общей университетской науки.

Как я изучал и изучаю Китай *

Я начал изучать Китай в весьма невыгодных для научного дела условиях: научного настроения среди моих современников было мало, и практическое применение элементарных знаний для дипломатической карьеры едва ли не доминировало. Я все же, как мог, этому узкому масштабу сопротивлялся, руководствуясь совсем другими интересами и находясь

* Статья для стенгазеты (1944—1945) (ЛО ААН, ф. 820).

в постоянной борьбе со старшими китаистами, видевшими в отвлеченном изучении Китая пустое препровождение времени. По окончании курса на факультете восточных языков СПб. университета я был отправлен для приготовления к профессорскому званию прежде всего в Лондон, Оксфорд, Кембридж, Париж и Берлин, для того чтобы нащупать современный научный курс синологии и обновить старый, значительно уже отстававший. В Британском музее Лондона я изучал прекрасное искусство китайской керамики под руководством одного из крупнейших авторов и коллекционеров, изучал также более народные формы китайского искусства (например, на монетовидных бляхах, играющих роль как бы амулетов). А главное, большие литературные коллекции музея создали мне и моим интересам соответствующий размах. Я не нашел, однако, себе в Англии настоящих руководителей-профессоров, и только в Париже счастливая судьба свела меня с самым крупным и блестящим синологом того времени, проф. Шаванном, от которого я научился многому, особенно историческому методу. Однако в Китае я шел самостоятельным путем более широких культуроведческих задач и старался прежде всего овладеть языком и текстом в размерах, диктуемых моими учителями — китайскими эрудитами того времени, в размерах широких и разнообразных.

К началу 1910 г., когда я стал уже преподавать китайский язык в университете, я внес в его программы много нового и в области китайской культуры, и литературы, и особенно поэзии и поэтики, и истории, и истории искусств, и самого быта Китая. Таким образом, я охватывал в своих интересах китайскую культуру довольно широко. Однако я не разбрасывался и старался сосредоточиться на китайской литературе и на ее классических основах — конфуцианстве, даосизме и (несколько менее) буддизме.

За военные годы я окончательно посвятил себя созданию ряда монографий, основанных на моих переводах китайских шедевров, с исследовательскими (чаще всего сравнительными) введениями и комментариями. Эти монографии имеют в виду дать совершенно готовый материал историку китайской литературы и, далее, историку литературы мировой, который сумеет, я надеюсь, использовать мои статьи и книги в должной перспективе, избежав с моею помощью экзотики и всякого другого неверного представления о многовековой, блестящей по форме и глубокой по содержанию китайской литературе. Образцом (хотя и несовершенным, ибо размеры статьи были урезаны) такой монографии может служить моя последняя статья (1944) «Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве», в которой я, сопоставляя этих двух авторов, примерно равноудаленных от истоков их поэзий, находил, что мировое начало мироощущения поэтов, отличаясь по форме (и то только до пристального ее анализа), не отличается по содержанию, когда речь идет об исповеди подлинного поэта и его вдохновении. Так, я в китайской поэтике рассмотрел общечеловеческие приемы и в творчестве поэта Сыкун Ту (IX в.), и в творчестве его более раннего собрата по поэтике Лу Цзи (ум. в 303 г.) и надеюсь теперь, продолжая работы, углубить свои изыскания для развития этой большой темы и на предмет разрушения экзотики, отчуждающей Восток от Запада и обратно. Человек не есть нечто только местное, особенно когда он поэт, философ, ученый, рвущийся по самой природе своей за пределы всякой узости и всякого не оправданного ничем обособления.

Образование. Культурная личность китаиста

Мне в 1898 г. было непонятно все, что творилось... Слова? Иероглифы? Зачем? Где наука? Где образование? В ответ: вы только переводчики!

А между тем можно, изучая Китай, прежде всего выработать и уста-

новить в себе научную и интеллигентную личность, тем самым решается высшая задача университета. Начитанность по Китаю — это целое огромное систематическое образование. Расширить умственный кругозор на изучении китайского языка можно не меньше, чем на изучении латинского и греческого языков, и даже больше: этот мир новее и полнее, ибо он жил насыщенной культурой не одну тысячу, как классический мир, а три! А главное — новое, новое, новое! Новое узнавать о Китае и его человечестве, новое открывать незнающим, открывать науке новые мысли знающего Китай. Я не могу перечислить вам все то новое, что я для своего образования узнал, изучая Китай, но вот некоторые статьи этих образовательных и научных новостей.

Я узнал, что мир Китая есть действительно целый мир, а не какой-то местный вариант какого-то другого мира. Охватить этот мир со всех по возможности сторон и есть образование из самых оригинальных.

Я узнал, что Китай ответил своею культурой на большинство вопросов, которыми всегда мучился человеческий ум. И что, в свою очередь, он сам поставил ряд великих вопросов, решая их, но точно так же их не разрешив.

Я узнал, что Китай в своих книгах и произведениях искусства ответил на многие задания человеческого ума и человеческой мечты, скажу прямо: на все! ...Что все это ново, не существует ни в Европе, ни в России, и счастлив тот, кто два мира в себе держит прочно.

Я узнал и понял, что мои мозги были жалки и узки, и что европейский мир с его знанием и культурой только и всего, что один из вариантов мировой мысли, и что китайский мир дает другой вариант, не менее мощный, но во всех статьях более новый, и новый до того, что кажется парадоксальным («у китайцев все наоборот»).

Я видел и прочувствовал решительный поворот в своем уме и развитии, став в медленном процессе накопления знаний судьей целого нового мира. Я испугался этого своего «подсудимого» и отучился смотреть на него как на «мудреного» и неполноценного... Наоборот, чистое, честное и полноценное уважение к народу-мыслителю, народу-творцу — вот что владеет мною.

Я узнал и понял, что «китайская грамота» — не причуда «мудреного народа», а великое достояние человечества и что оно неизвестно, непонятно только по неумию, недоумию, недоразумению и нехватке китаистов.

Я узнал, что Китай сделал больше всех для мировой науки истории, сохранив историю монголов и всех владевших им народов, историю Средней Азии, и особенно историю своей страны. Я привык ценить в Китае то, что пропало навсегда у столь многих народов, как, например, египтян, вавилонян, мидян, лидян, эгейцев, индусов, монголов, тибетцев... и у всей Азии!

Я узнал, что философия Лао-цзы — одна из наиболее пленительных своею мощью. Я понял, изучив Лао-цзы («недеяние» — у вэй), заблуждение Толстого («непротивление злу») — это стоило больших трудов, чтений, знаний, размышлений. Я познал колоссальную мощь этой мысли, и мне открылись все тайны китайского ума... в особенности китайской поэзии и искусства...

Я узнал, что христианский мир, в котором я был воспитан и которым живет до сих пор вся Европа, не только не все, что нужно, но и гораздо менее того, что обещает своею видимостью. Его крах мне ясен был от изучения Китая, интеллигенция которого, особенно ученая, жила без всякого бога, одной моралью и фантазией, без ангелов и херувимов.

Я познал таинство китайской поэзии, имеющей в своей палитре не существующие ни в русской, ни в какой другой поэзии (при всей моей любви к ним и уважении!) краски. Перечислить то новое, что дает китайская поэзия, никак невозможно: пришлось бы перечислить всю китайскую поэзию...

Я узнал, что величайшей красоты бронзы были отлиты в Китае в XVIII в. до н. э. и признаны мировым откровением.

Я понял очарование китайской живописи — это то сплошь новое, чего нет ни в Эрмитаже, ни в Лувре, нигде. Материал — шелк (су — простота, его поэзия), краски, приемы, вызывающие работу фантазии, пейзаж... Я наслаждаюсь китайской картиной не менее, чем европейской. А это не пришло сразу и по первопутку. Надо было преодолеть силу привычки к масляным картинам Европы.

Я понял красоту китайской вазы (светящейся!), человеческого шедевра, нигде не достигнутого (даже в Севре — ученике!).

Я понял красоту китайской архитектуры, особенно при помощи ее истолкователей — великолепных альбомов, китайских и японских.

Я начал (только еще начал!) понимать тайну китайского театра (именно тайну!). Читаю лекции, но полного понимания и очарования нет... Еще нет!

Я понял тайное очарование китайской каллиграфии (весь кабинет мой в ней!). Перевел поэму о каллиграфе. Это все было ново.

И я убедился, что передо мной прошла целая страница великого человеческого мира. И я ее изучал всю жизнь. Далеко до совершенства!

Однако, изучая Китай, я научился быть и судьей над ним. Я живу и жил в эпоху крушения старого Китая и приветствую новый. Но так как я знаю старый со всеми его достоинствами, я новый Китай принимаю не без оговорок, не слепо. Этому меня научило знание истории Китая.

Мои афоризмы

Критики надо уметь не бояться. Боязнь критики сгубила большинство ученых, которые пишут свою книгу так, чтобы свою мысль не открыть, а укрыть — и укрыть именно от критики. Это значит охолостить себя, стать человеком в футляре, недостижимым, как толстяк в шубе, и только.

Высшая духовная радость — это разговор с человеком, выше тебя стоящим и от которого в тебя течет благодать живого, нового, строительного понимания. Ни театр, ни музыка, ни роман — ничто с нею не сравнится. И только родной язык может этой радости служить.

Я не люблю китайцев больше, чем французов, немцев, англичан. Не люблю их литературы больше русской, французской, английской, их язык... Я люблю искание правды и проповедь ее. И этим озаряется вся моя жизнь. Но когда я пробегаю глазами где-нибудь и что-нибудь, слово «Китай» как будто написано для меня совершенно особым шрифтом — красным, что ли... Рука тянется к карандашу и листочку. Карандаш ерзает то негодуя, то восхищенно... Стало быть, я, кажется, действительно люблю Китай!

В своей книге и чужой я люблю больше всего и ценю выше всего прочего упорно-систематическую мысль. Система, сводящая концы с концами, дороже дорогих примечаний, разъезжающихся во все стороны по лозунгу: «С одной стороны, как будто нельзя ни признаться, с другой же, как будто нельзя и не сознаться».

Среди нынешней молодежи нужно чувствовать себя миссионером. Обладать строгою моралью, абсолютно честными убеждениями и делать свое дело отменно хорошо. Я верю, что это путь к самому сердцу молодежи.

Связь учителя с учеником может быть более живою и жертвенно глубокой, нежели отца с сыном. Я с радостью прощал Шаванну многое — как в отношении меня, так и вообще — и так счастлив этим победным чувством своего смирения!

Отрицательная сторона моего характера (одна из них) — крайняя нетерпеливость (к боли, к раздражению, к аппетиту, сну). Антипод ей положительный: нетерпеливость к предприимчивости, к предпринятому; быстрое вершение дела, стремление закончить во что бы то ни стало; нетерпеливый к другим, нетерпелив и к себе.

Приятно, знаете, заинтересовать собою, своей мыслью и своим знанием серьезного, а тем более замечательного человека. В этом почерпнешь силу и утешение: кажется тогда, что ты кому-то полезен. Из этих бесед складывается научное общественное мнение, в которое таким образом попадают наиболее разговорчивые.

Сегодня (20.VII.1945) мне сказали, что самое дорогое в жизни — смех и что я своим появлением и разговорами его вызываю. Я тоже так думаю. Нет лучшего сближения с людьми, чем в форме юмора и смеха. Человек в смехе раскрывается тебе навстречу и считает, кроме того, себя как бы благодетельствованным: словно ты ему что-то подарил. Я это люблю.

АЛЕКСЕЕВ И НАУКА О ВОСТОКЕ

*Л. З. Эйдлин,
доктор филологических наук*

Перед нами сборник работ В. М. Алексеева, названный составителями «Наука о Востоке». Но в размышлениях о востоведении вообще автор затрагивает и конкретные проблемы, весьма для нас важные, не потерявшие остроту и для нынешнего времени, а, проследивая мысли автора, мы представляем себе и весь его облик, все человеческое, то есть нравственное, значение его.

В этом послесловии к сборнику ничто не выйдет за пределы книги, и читателю, заинтересовавшемуся каким-нибудь из упомянутых здесь обстоятельств, легко найти его и самому углубиться в смысл написанного ученым.

1

Василий Михайлович Алексеев родился 14 января 1881 года в Петербурге в бедной до нищеты семье. «Изгоняемый из душной комнаты, а впоследствии даже угла, где мы ютились, на улицу, я болтался целыми днями на дворе... Дома были вечные слезы, жестокие побои, угрозы без конца, пьянство и разнузданность угловых жильцов». Эти воспоминания Алексеева и долготлетняя личная дружба с ним дали право академику И. Ю. Крачковскому на шестидесятилетии Алексеева сказать, что тот уже в студенческую пору был «человеком, который сам себя создал, без всякой посторонней помощи», имея в виду первый его путь между дворницкой на Выборгской стороне и университетом. «И дальше Ваш жизненный путь был не легче, Вы кончили университет и опять были предоставлены самому себе и здесь сумели найти дорогу».

«Предоставленный самому себе», лишенный непосредственных руководителей, Алексеев обрел учителя жизни, а затем и друга в лице акад. С. Ф. Ольденбурга, обрадовавшего его своим вниманием в «подвальном помещении Азиатского музея» («Буду рад Вас видеть, заходите, — назначил день и час, — побеседуем»). Как создавал себя Алексеев, мы видим по его отчетам о занятиях в Китае в 1906—1908 годах. Он сам выбирал себе китайских «сяньшэнов» — учителей, у которых учился языку, чтению литературных текстов, расшифровке собираемых им народных картин и с которыми готовил будущий университетский курс. 16 мая 1907 года Алексеев уехал в путешествие по северу Китая с выдаю-

щимся французским синологом Эдуардом Шаванном. Через четыре с половиной месяца, по возвращении в Пекин, он до октября 1908 года продолжал занятия с «сяньшэнами», обрабатывая материалы, привезенные из путешествия, и совершенствуясь «в понимании китайского серьезного литературного текста».

Вот она, та дорога, которую «сумел найти» Алексеев. Запомним только, что на ней Алексеев проявил стремление к раскрытию нравственного состояния человека в изучаемом им китайском обществе, отмечая то, мимо чего так часто проходили его предшественники. В отчете 1907—1908 годов он записывает, что надписи на собираемых им народных картинах «закljučают в себе все те максимы, которые особенно импонируют обыкновенному китайцу, чтущему религию совести». Именно эту религию простого человека разглядел он в дебрях густого смешения конфуцианства, буддизма и даосизма, впоследствии тщательно разобранных им по отдельности.

Первая поездка в Китай благодаря поразительному усердию Алексеева предоставила ему, по его собственному свидетельству, материалы на все годы научной деятельности. «Никто не возьмется доказывать *ненужность* для восточника поездки на места, но... Розен, Медников, Шмидт — арабисты не бывали в Аравии; Жюльен, Потье, Ремюза — в Китае». (Мы можем пополнить список современником Алексеева, выдающимся английским переводчиком китайской и японской классики Артуром Уэйли, ни разу не посетившим ни Китай, ни Японию). И все же: «Каждый востоковед должен путешествовать по изучаемым странам, жить в них года два оседло, учиться, изучать, собирать себе материал и книги». И что для нас важнее всего: «Я привез из Китая в 1909 г. коллекции и материалы, которых мне хватило на всю мою жизнь и хватит до смерти. То же — Крачковский, Малов, Бертельс, Фрейман». Привезенные из Китая материалы были дороги ему («Фантазм мой — альбом китайских народных картин типа Ровинского — погиб! Надрыв на всю жизнь») и, наделив его необычайными знаниями, осветили весь последующий его путь.

В написанной в 1944—1948 годах работе «Перспективы китаиста» Алексеев дает нам понять роль «материалов» в его достижениях в китаистике. Одно введение представляет собою вдохновенную поэму, содержащую и резкое его несогласие после занятий в Китае со взглядами университетских его учителей на преподавание китайского языка и истории китайской культуры. «Я узнал, что Китай ответил своею культурой на большинство вопросов, которыми всегда мучился человеческий ум. И что в свою очередь он сам поставил ряд великих вопросов, решая их, но точно так же их не разрешив». Молодой ученый все больше вникал в предмет изучения и, как видим, критически оценивал его, отделяя восхищение узанным от его все те же несовершенства.

И уже в ранние годы всего его захватывает китайская поэзия: «Я познал таинство китайской поэзии, имеющей на своей палитре не существующие ни в русской, ни в какой другой поэзии (при всей моей любви к ним и уважении!) краски. Перечислить то новое, что дает китайская поэзия, никак невозможно: пришлось бы перечислить всю китайскую поэзию». Китайская поэзия для Алексеева шла следом за китайской народной картиной и по возвращении его на родину волею судьбы вышла на первое место.

Главное же: «Я узнал и понял, что «китайская грамота» не причуда «мудреного народа», а великое достояние человечества и что оно неизвестно, непонятно только по неумию, недоумию, недоразумению и недохватке китаистов». «Недохватка китаистов» оставалась и после того, как Алексеев с двумя наиболее важными приобретениями — народной картиной и поэзией — приступил к лекциям в университете. Тогда он был поистине один со всеми своими разочарованиями и своими восторгам.

Но ум и нравственное состояние привлекли к нему людей, которые стали образцом для него.

2

Какое созвездие востоковедов блистало в начале века! «Публичные лекции о Востоке в университете» — называется относящаяся к 1918 году статья Алексеева. В ней перечислены имена лекторов. Они не нуждаются ни в разъяснениях, ни в рекомендациях, а сейчас уже вызывают в совокупности своей чувство удивления перед вдруг проявившейся щедростью природы: Н. Я. Марр, И. А. Орбели, И. Ю. Крачковский, Ф. И. Щербатской, Б. Я. Владимирцов, В. М. Алексеев, В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург... Сияние умов и талантов.

Значит, одинокий Алексеев не мог пожаловаться на отсутствие настоящих людей вокруг него. Он искал и находил их, начиная с Эд. Шаванна, к которому он пришел в Китае и в продолжение нескольких месяцев делил с ним тяготы и радости нелегкого путешествия. Уже тогда выказал Алексеев критическую зрелость в оценках, отдавая должное незаурядности Шаванна, учась у Шаванна проникновению в существо исследования и в то же время умея заметить и уловить и национальную ограниченность французского ученого в некоторых случаях жизни. Благодаря дневнику путешествия и статьям Алексеева в Шаванне мы узнаем человека, никогда не стремившегося «к объятиям блестящего парижского общества», человека, пренебрегавшего мишурой, готового к разъяснению «вопросов, которые не под силу порхающему эстетизму». В статье «Европейская синология у гроба Эдуарда Шаванна» Алексеев склоняет голову перед своим учителем, в котором он признает «соединение дарований, деятельности и всех научных достоинств с общепризнанною красотой нравственного облика...» К чему Алексеев добавляет: «...соединение, поистине чрезвычайно примечательное». Потому что в этом соединении заключался человеческий и научный идеал самого Алексеева. Лишь с высоты этого соединения судит Алексеев об учениках.

И первый среди них — С. Ф. Ольденбург, в представлении которого «ученый должен быть своею наукой воспитан: он должен выработать свой нравственный и общественный облик в точной пропорции к своим научным достижениям», в ком содержались «культурность и простота, доведенные до идеального совершенства и безупречности» и кто «совершенно чуждый какой-либо зависти, а тем более профессиональной... старался всех своих сверстников так или иначе поставить по крайней мере рядом с собой». Рассматривая жизнь Алексеева, мы увидим, что перечислены им те человеческие черты, которые становятся присущи ему самому, и не без борьбы с сопротивляющимся порою бурным его темпераментом. Рисуя в статьях и письмах образ Ольденбурга, Алексеев подразумевал самого себя, каким он хотел бы стать. И мы знаем, что таким он в конце концов и был в исповедуемой им нравственности в науке, сам же он, преувеличивая отрицательное влияние своей горячности и нетерпимости, ни за что не принял бы сравнения с Ольденбургом и другими почитаемыми им безупречными учеными.

Правда, восхищаясь Н. Я. Марром и говоря о нем в приподнятом тоне, Алексеев (как всегда в подобных описаниях думая и о себе) не забывает тех черт марровского характера, которые затрудняли общение с ним: «Такой пламенный, страстный, прямолинейный, мятущийся человек не мог, конечно, при столкновении с людьми... не причинять себе и им обид и огорчений». Для Алексеева и Ольденбург и Марр — борцы за научную идею, революционеры в науке, организаторы отечественного востоковедения, готовые пожертвовать да и жертвовавшие всеми жизненными удобствами ради науки. Об Ольденбурге: «Это был, несомненно, бессребренник как последовательный тип, а не как политик, рассчитываю-

ший на эффект». (Перед глазами Алексеева, когда он писал эти строки, могли стоять «бедные ученые» стихотворений Тао Юаньмина).

Алексеев воспел Марра в своем патетическом докладе о нем: «Среди нас жил, мечтал, действовал, страдал и мучился жаждой большой, универсальной, мировой, ничем не ограниченной истины в полном смысле этого слова недюжинный человек». Жажда истины. Так Алексеев понимал науку. И когда Алексеев обращается к страданиям мятущегося Марра, возникающим от обид и огорчений, причиняемых и себе и людям этим не укладывающимся ни в какие рамки темпераментом, то он добавляет: «Однако это же была не навязанная нам, а нами же самими всегда признаваемая и выдвигаемая крупная фигура». Через двадцать один год приблизительно в тех же словах скажет Пастернак о другом «недюжинном человеке», с которым Алексеева свела общая их работа в организованном Горьким издательстве «Всемирная литература»:

Но Блок, слава богу, иная,
Иная, по счастью, статья.
Он к нам не спускался с Синая,
Нас не принимал в сыновья.

Прославленный не по программе
И вечный вне школ и систем,
Он не изготовлен руками
И нам не навязан никем.

Совпадение это не случайное, а прямым образом вытекает из хода мыслей, из терминологии людей одного и того же круга и близких одно другому поколений, явившихся на свет в конце прошлого столетия.

Ольденбург и Марр — учителя на жизненном пути Алексеева. Монголист Б. Я. Владимирцов и арабист И. Ю. Крачковский — сверстники его и товарищи. И те и другие для Алексеева — пример нравственного отношения к науке. «Как человек Борис Яковлевич был отражением своего ученого облика, на редкость гармонизировавшего с его житейским образом. Он выше всего в жизни ценил науку, понимая ее как особого порядка психическое сознание, которому и подчинялся во всех своих поступках». Наука как жажда истины, наука как психическое сознание — а отсюда и научное чувство, сопровождающее ученого в жизни. Отделяя жизненные обстоятельства от научных, Алексеев в то же время отождествлял их, не мысля существования в противоборстве или несовместимости науки и жизни, в практическом отрыве науки от нравственной каждодневности. И поэтому о Владимирцове: «Как в своей науке, он в жизни был человек искренний и откровенный до конца...» И поэтому в письме к Крачковскому после выхода в свет книги «Над арабскими рукописями»: «Как я радуюсь успеху Вашей прекрасной, достойнейшей книги! Так заинтересовать свою интимную жизнью других могли только Вы, ибо она у Вас чиста и безупречна!» Потому что чистая и безупречная жизнь, по Алексееву, не может не повлиять на научные занятия, которые должны быть ею облагорожены. Наука для Алексеева — та же поэзия. А отсюда и научное чувство — вечно длящееся, непрерываемое вдохновение, и после смерти ученого захватывающее его читателей и передающееся достойным из них.

О научном чувстве Алексеев узнал, по-видимому, в студенческие годы из «великолепной и умнейшей» книги: «Профессор Петражицкий в книге «Университет и наука» (1899) прекрасно определил основу науки как «научное чувство» (вернее, чувство и ощущение науки)». Алексеев ценил научное чувство, потому что оно может вести «к беспредельному рождению новых истин во имя бесконечно длящегося, до самой смерти, научного психоза, состоящего из постоянных озарений и называемого точно так же наукой». Так, Крачковский не знает «никаких других к нам отно-

шений, кроме научной правды и научного чувства, которое у него развито чрезвычайно сильно: он никогда не позволяет себе снижаться до личных пересудов и мелочей, которые столь часто загромождают жизнь ученых обывателей, эрудитов-левиафанов за своим рабочим столом и пигмеев вне его».

Выходит так, что одиночество Алексеева покамест ограничивалось лишь специальностью, в которой не было у него близких сподвижников, нравственного же одиночества он не ощущал уже с самого поступления его на работу в Азиатский музей и внимания к нему Ольденбурга. А затем появилась и удовлетворенность от окружения учениками. Пришла как награда ученому за самоотверженное служение своему таланту.

В синологии Алексеев после В. П. Васильева оказался единственной крупной фигурой, и одиночество его усугублялось новизною пути, которым он с самого начала следовал и который собственными силами открывал для науки. Он отмечает события века, определившие его деятельность, а среди них «главное — Великая Октябрьская социалистическая революция в России, поставившая все человечество перед новой его эрой». Он понимает преимущества свои перед Васильевым, но — искренность ученого прежде всего — не хочет утаивать и кажущуюся ему недостаточность широты в себе: «В. М. Алексеев отошел от Васильева по всем статьям (Снова вспомним пастернаковское: «Но Блок, слава богу, иная, Иная, по счастью, статья». — Л. Э.), но его наследие не сравнится с васильевским по разнообразности и охвату синологии».

Новизна Алексеева была убежденной, диктуемой временем и научными открытиями, от которых никак не надлежит обороняться, а как учил Ольденбург, «к ним примыкать, чтобы плыть в потоке века, а не в болотной канаве». Алексеев воспринял завет Ольденбурга и развил его: «Основной мой принцип: избегать косности, но и компромиссов». Он боялся устоявшихся привычек в науке и всегда чувствовал необходимость в проверке себя настоящими ценителями. Он писал в «Моих афоризмах»: «Дожить до признания людьми, тобою признаваемыми, большая радость. Не дай бог, если она сменится отчуждением идущих вперед от стареющей руины».

При этом настроении, пронизывающем все существо ученого, при широте охвата китайской культуры и глубине проникновения в нее, какие отличали Алексеева, нетрудно понять закономерность появления среди учеников Алексеева таких ярких и чистых индивидуальностей, как Н. А. Невский, Ю. К. Щуцкий, К. К. Флуг, В. Н. Казин, К. И. Разумовский. Алексеев и здесь сам позаботился о том, чтобы вынужденное его одиночество сменилось общей дружной работой единомышленников.

Что воспитал Алексеев в своих учениках? Какие требования предъявил он к ним? Об этом сказано в отзывах и статьях, часть которых беды войны сделали некрологами. Все, что почитал Алексеев у своих учителей, все, что восхищало его в друзьях по науке, все, что считал он главным для себя самого, все это хочет он видеть в учениках. Без снисхождения и без зависти. Его радует то, что магистерский труд О. О. Розенберга написан «сильно, стильно, изящно, открыто и просто», равно как и то, что диссертация Ю. К. Щуцкого «обладает первоклассными научными достоинствами: открытостью, откровенностью, искренностью», качествами всего более ценными им в ученом, раскрывающем в научном труде присущие ему черты человеческого характера.

Чувством любви окрашены статьи Алексеева об учениках. Он говорит в них нежно и трогательно: «Мой ученик, товарищ и друг» — так о Разумовском. Или: «Студенческие годы К. К. Флуга — любимое мое воспоминание». А в этом воспоминании: «Как личность К. К. Флуг был образцово порядочный человек... В трудные минуты испытаний, когда совесть очень многих сдала, Константин Константинович не поступился ничем, ни одним своим словом, ни даже жестом». Научная сила работ

Флуга, как мы уже можем понять, находится в прямой зависимости от высказанного выше: «На статьях этого прекрасного ученого должны учиться все наши будущие китаисты: в них нет никаких научных пороков, незрелости, плохих переводов, опасных сравнений, личных выпадов и прочего». Научные пороки, незрелость, плохие переводы находятся в одном ряду с личными выпадами, с опасными сравнениями ввиду неразделимости науки и нравственности, где незнание, неподготовленность есть против нравственности первое преступление.

Ученикам нет и пощады. Алексеев не пытается ради поддержания безоблачно добрых отношений замалчивать, даже в официальных отзывах, их промахи и ошибки: добрые отношения могут строиться только на подлинных, научных достоинствах. Но и здесь Алексеев следует справедливости, устанавливающей пропорцию между хвалой и укором. В отзыве о работе студента Л. Н. Лебедева, проявившего незаурядные знания и научную подготовленность, Алексеев пишет: «Принимая во внимание достоинства работы молодого китаиста, превосходящие все ожидания, было бы несправедливо противопоставить им в той же степени ее недостатки, и поэтому рецензент без малейших колебаний ходатайствует о награждении автора работы».

Алексеев умел ценить преданность своей науке, о которой никогда не говорил громких слов. Среди соратников Алексеева был Л. Н. Рудов, во внешне прозаической фигуре которого Алексеев сумел узреть трагедию и поэзию. Он образно рассказал об этом уже после смерти Рудова в осажденном Ленинграде. Со страниц Алексеева предстал «подвижник с роковой судьбой и с вечным горением чистого внутреннего света, явившего нам себя в незабываемом следе на темном небе нашей трудной науки». Тот редкий случай, когда Алексеев перед всеми назвал свою науку трудной, и то лишь в желании воздать должное соратнику.

Собственными усилиями Алексеев преодолел одиночество ранних лет и добился счастливой участи человека, пребывающего и действующего в благотворной атмосфере, созданной тремя поколениями выдающихся ученых. Не забудем и о том, какую вдохновляющую роль в жизни всех трех поколений сыграл сам Алексеев!

3

Никого не осталось на свете из трех поколений, служивших науке при жизни Алексеева. Но ничто не умерло с ними, и мы учимся их науке. Оживают и они под пером Алексеева. Живы для нас и суждения Алексеева «о востоковедении как об особой дисциплине» и о «пределах, с которых начинается синологическая наука». А начинается она, «как везде и всегда, с момента полного знания», до тех же пор, «пока мы судим исключительно по собственным европейским вкусам и опытам, мы получим писательство, но не науку». «Писательство» и «журналистика» не сами по себе остались не в чести у Алексеева, а только при замещении ими науки. Мне неизвестно, знал ли Алексеев о парадоксе Бернарда Шоу, гласящем, что «журналистика — единственная в мире профессия, где не требуется точность», и согласился ли бы он с этим афоризмом, но как раз отсутствие точности в науке именовал он журналистикой, относясь весьма подозрительно к «людям, пишущим больше, чем знающим».

Необходимый в науке «момент полного знания», возрастающего непрерывно («словарь — одно из увлекательнейших чтений»), — лишь предлудия к овладению наукой, которое требует особой настроенности, не покидающей ученого в продолжение всей его жизни, того «научного чувства», о котором упоминалось выше. Научное чувство — и синоним и охранитель нравственности в науке, в основе же нравственности лежит момент полного знания (не конечного результата, естественно, а предмета исследования).

Алексеев подчеркивает это в своих размышлениях о востоковедении, не оставляющих его и в Боровом в годы войны. Так возник прочитанный в Боровом доклад «Восток и наука о Востоке». Пафос доклада в том, что знание и научное чувство должны поставить востоковедение рядом с науками, изучающими Запад: «История религии, история философии и т. д. не могут существовать без востоковедения. Без востоковедения нельзя построить истории мировых литератур... и вообще никакой всечеловеческой науки и искусства, ибо опыт восточного человечества часто больше и глубже, чем опыт Запада».

Это было сказано Алексеевым в 1943 году. Если мы обратимся к вышедшей в 1922 году книге первой журнала «Восток», то прочитаем в открывающей ее статье, подписанной именем Сергея Ольденбурга, что «только Восток показал полностью духовную мощь человека, громадную непосредственную силу его мысли и чувства, которая была так велика и без могучего оружия знания», что «старый Восток, великий творец в области духа, дал нам вечные образцы, которые никогда не потеряют своего значения для человека и никогда не будут так повторены». Нет сомнений, что тема Востока и Запада не раз бывала предметом беседы между Ольденбургом и Алексеевым, что взгляд их был единым, и здесь истоки того практического шага, который Алексеевым делается.

Наиболее близкой Алексееву и наиболее волнующей его частью науки о Востоке была, конечно, синология с ее необозримыми просторами: «В китаистике «занятых» тем и сюжетов вообще нет (не так, как в классической филологии). Наука наша — наука пионеров!» За тридцать с лишним лет, прошедших с 1948 года, когда эти слова писались, многое в китаистике, конечно, сделано, но настолько ли, чтобы не посчитать слова Алексеева действительными и по настоящее время? Тем более действительны теоретические и методические его замечания. скажем, о том, что «китайскую историю надо знать во всех деталях, прежде чем трактовать какой-либо из ее вопросов», но мало того — «и что привлечение материалов мировой истории при ее изучении дает если не прямые результаты, то, во всяком случае, улучшенное понимание вещей». Он был искренне рад, когда исследовательская мысль наших китаистов бывала охвачена «не подведением баз под априорные утверждения, а поиском их».

В свете этой убежденности особое, принципиальное значение приобретает высказывание Алексеева по поводу известной его работы о бессмертных двойниках Хэ-хэ и даосе Лю Харе с золотой жабой в свите Цайшэня, бога богатства: «Исследование было вызвано статьей одного из старейших этнографов о близнецах Хэ-хэ и имело в виду сказать, что их близечность на основании документов не доказуема, а есть только этнографическая гипотеза». Только гипотеза — говорит Алексеев. Позиция Алексеева ясна и бескомпромиссна: если допустима гипотеза, то наряду с фактом, то есть вместе с сопровождающим ее документом.

Алексеев не представлял себе науки о Китае без активного участия в ней самого объекта исследования, иначе говоря, без учета китайской синологии, которую он понимал очень широко, включая в нее и китайскую науку старого времени, «без знания и понимания которой вообще никакое синологическое исследование предпринято быть не может». Невероятная эрудиция Алексеева выросла на знаниях, полученных им от «сяньшэнов» старого типа. Вот почему в зрелые свои годы, радуясь прогрессу китайской синологии («Китайская синология во многих отношениях опередила европейскую»), он говорит: «Теперь я бы в Китае пошел учиться не к начетчикам старого типа, а к выдающемуся профессору-синологу той или иной дальнейшей специальности». В период обращения Алексеева «к начетчикам старого типа» такие ученые-синологи, как Ванг Говэй (1877—1927), Чжэн Чжэньдо (1898—1958), Юй Пинбо, Го Шаоюй, Юй Гуаньин, только учились или делали свои первые детские шаги, поколение же Цянь Чжуншу, У Сяолина еще и вовсе не появи-

лось на свет. Некоторым из нас посчастливилось выполнить завет Алексеева.

А что означают слова Алексеева о «той или иной дальнейшей специальности»? Очень многое, мимо чего пройти никак нельзя. Алексеев с самого начала готовил себя к одной специальности — синологии. С течением времени синология стала множеством наук, объединенных предметом изучения. Как сказано им в «Советской синологии», «наше общее революционное сознание изменило весь облик старой науки и все ее проявления». Будучи синологом «всеохватывающим» и прекрасно понимая, что такой китанстике больше не существовать, он призвал китанстов «по возможности не повторять учителя, а всемерно от него отпочковываться, избрав себе синологическую отдельную специальность». Он написал в 1938 году в отзыве о работе К. И. Разумовского «Китайская теория портрета»: «Среди китанстов начинается наконец специализация — приветствую. Мы, старые, более аморфны и расплывчаты (субъект общих знаний). Таким образом, «дальнейшая специальность» это та уже узаконенная и жизнью и Алексеевым «узкая» специальность, к которой в наше время должен готовить себя китанст, да и любой востоковед со студенческой поры.

4

Строго говоря, всеохватность Алексеева тоже имела свои границы. Научное чувство Алексеева горело в области истории китайской культуры, науки самого обширного (а для времени Алексеева чуть не всеобъемлющего) изучения Китая. Он-то и начинал в России систематическое и последовательное изучение китайской культуры, ввел в университете курс истории культуры Китая, и сам писал впоследствии, что возглавляемая им школа «считала своей миссией заменить школу упражнений школой познавательно-культуроведческой».

Кипучая натура Алексеева и поначалу не могла удовлетвориться изучением одной лишь китайской старины: история нужна ему была для лучшего понимания происходящего в годы учения — в старом, на первый взгляд «недвижном», Китае, а затем и в Китае новом, опрокинувшем традиционное (и, кстати, неверное) представление об этой стране как об изменяемой лишь названиями династий. Алексеев утверждал, что «новый Китай по меньшей мере не проще старого и что по-настоящему понять его можно, лишь вооружившись полным пониманием истории китайской культуры, к изучению которой должна быть применена марксистская методология». Полным пониманием. Никогда не частичным, ни тем более приблизительным, а значит, искажающим картину — таково исповедание Алексеевым правды всегда и во всем. Высказывание это действительно и для нынешней современности, и, право же, только следование ему даст возможность до конца понять китайские события наших дней.

Мысль Алексеева находила дальнейшее развитие, касающееся не только культуры как таковой. Раздраженный обилием актуальных на первый взгляд сочинений по разным вопросам китайской жизни, развязно трактующих поверхность явлений, он спрашивал, например, «можно ли считать научно-популярным исследование, базирующееся только на современном материале, без экскурсов в китайскую историю — экскурсов, требующих несколько более широкого типа знаний, чем те, которыми располагает большинство товарищей, берущихся за экономические проблемы современности?» Вопрос скорее риторический: Алексеев надеялся «на изжитие исследований односторонних, любительских, некомпетентных».

Экскурсы в китайскую историю в силах совершать ученый, оснащенный многими знаниями в науке, названной Алексеевым и трудной и пионерской. Но само постижение этой науки, раскрывающей величие многовековой китайской культуры и сложности жизни китайского общества

на протяжении тысячелетий, стоит того. Алексеев дает очень емкое, наглядно выражающее ее сложность и громоздкость определение традиционной китайской культуры. Она формулируется им как «конфуцианский универсальный комплекс, но затем и как буддийский инфильтрат, питающий своими соками не только китайский быт, но и, например, всю китайскую литературу, и, наконец, как культура даосская, без которой конфуцианство, очевидно, было бы лишь безжизненным педантизмом». Весьма характерно для понимания Алексеевым истории традиционной китайской культуры его высказывание по поводу занятий Ю. К. Щуцкого даологией. «Своими знаниями,— писал он о Щуцком в 1924 году,— он будет содействовать установлению начал, на которых строится и китайская религия, и философия, и все высшие формы поэзии. Без изучения даосизма нет синологии».

Определяя сущность китайской культуры, Алексеев затрагивает не только литературу, но и быт, который питается не одними соками «буддийского инфильтрата», а всей совокупностью компонентов, входящих в понятие культуры и составляющих то, что часто именуется живой традицией. Небезынтересно (и в какой-то мере неожиданно) предостережение Алексеева от излишнего увлечения «живой традицией», в данном случае конфуцианской: «Она помогает, как музыкальный инструмент впечатлению от ноты. Но она отличается ограниченностью, ибо гнездится чаще всего в шаблонных головах... Яркий пример — китаец, носитель живой традиции. В чем суть конфуцианства — не знает, а повторяет заученное... Соль гениальности Конфуция скрыта от него, ибо и в 500-х годах до н. э. она была выше его. Он переложил ее следы на уровень своего обывательского интеллекта и выдает за подлинное! Таким образом, живая традиция есть больше зло, чем добро, массовая ограниченность, мутный поток, она — мешающая, а не способствующая». Это написано Алексеевым в октябре 1918 года и не потребовало его пересмотра в дальнейшем, как не пересматривались, а лишь подтверждались последующим опытом главные выводы его исследований. Научные воззрения Алексеева складывались не от внезапных импульсов, а в результате долгих размышлений и базировались на пропагандируемой им «полноте знания».

Окончательно уверившись в неизбежности специализации, Алексеев при этом не мыслил себе китаиста, да и не только китаиста, вне филологии: «...как везде, историк должен быть прежде всего филологом, чтобы знать цену того, что он читает».

Мы находим у Алексеева и пример всеобщности этого его положения: он утверждает, что «на одну историю Рима, написанную знатоком латинского языка (а тем более знатоком латинского и греческого языков), приходится тысячи компиляций и пересказов. Однако наука только в этом ничтожном проценте! Так и в востоковедении». Яростный защитник научных идей, в правоте которых он уверен, Алексеев до наивности просто добавляет в скобках: «Десять лет назад в члены-корреспонденты Академии наук выбирали самым серьезным образом писателя о китайской революции и китайской экономике, не знавшего китайского языка. Я протестовал». Дальше с удивлением: «И он не прошел всего одним голосом». Писателя! Мы еще вынуждены будем вернуться к этому вопросу.

Алексеев и не мог покорно терпеть отказ от китайского языка при изучении любой стороны и любого времени в жизни китайского общества: он не сомневался в том, что под синологией надо «временно разуметь научную теорию китайского культурокомплекса и его выразителя — китайского языка, теорию, которая непременно соединена с овладением этим последним на предмет свободного исследования всех китайских источников». Алексеева отличает критический взгляд на китайские источники, магия трудного проникновения в которые не однажды заворажива-

ла европейских синологов, и было для Алексеева важным то, что «знание китайского языка, помимо формальной грамотности, создает еще грамотность, так сказать, внутреннюю, выражающуюся в чувстве и сознании пропорций при пользовании источниками и оценке их, в то время как синологически безграмотному автору весьма свойственно фальшивое определение источника и вера в него вместо его критической оценки». Да и что тут доказывать, казалось Алексееву, ведь «этот признак свойствен всякой гуманитарно-общественной науке», и русская история или литература тоже не могут быть обследованы «вне основательного умения читать русский текст».

Так думал Алексеев, но бурные события 20-х годов — подъем революции в Китае, борьба китайского народа за освобождение от империалистического и феодального гнета, стремление тянувшейся к освобожденному Востоку советской молодежи как можно скорее прийти на помощь Китаю — события эти порождали в вузовской аудитории и неправомерное желание ускорить курс обучения, избежать длительных трудностей освоения китайского языка, необходимость которого для китаиста даже оспаривалась, что вызывало и недоумение и упорные протесты Алексеева, уверявшего, «что наше дело к нам далеко не так снисходительно, как мы к нему».

Понятно нетерпение одних, понятна и принципиальная, гражданственная (возможно, и максималистская, но иначе он не мог) позиция другого, доставившая ему немало тяжелых огорчений. Теперь, по прошествии полувека, мы можем в нападках, которым подвергался несдававший-ся Алексеев, отделить честную веру от всякого рода карьеристских устремлений, привнесенных сюда воинствующими невеждами, всегда возникающими в подобных случаях, а то и задающими тон.

Вернемся, однако, к задачам филологии, определенным Алексеевым при разделении китаистики на «узкие» специальности. Безусловно понимание Алексеевым неизбежности специализации в востоковедении. Но остается тоска по уходящему, вернее, по великим ушедшим. «Комплексное востоковедение вымирает. Никто не сменил на их постах и их ролях академиков Бартольда, Коковцова, Щербатского. Мы, их слабые соратники, умрем — и все распадется на части. Историк-китаист не будет уметь читать философов, китаист-философ — поэтов; поэтолог без знания разговорного языка; географ без литературы; литературовед без археологии и т. д. Каждый будет смотреть на Восток из своего уголка, а целого Востока не увидит». «Культурные миры требуют комплексного изучения!» — восклицает Алексеев.

И все-таки существует, по Алексееву, спасение в знании языка всеми теми, кто поделил между собою комплексное востоковедение, если мы твердо уверимся в том, что изучение этих стран, то есть востоковедение, невозможно без помощи восточных языков.

Тем более что восточный язык — это не только вспомогательное оружие. Нет, Алексеев поручает языку сложную и почетную роль: «Ведь язык не есть только механика звуков и слов, но и механика идей и культурных сплетений». И перед востоковедом всегда необходимость правильного, глубокого, по мере сил исчерпывающего прочтения текста, поскольку текст появился не случайно, а в результате многих причин, о которых тоже надлежит знать ученому. А отсюда: «Востоковедение есть прежде всего филология. Никто не должен делать выводов из не изученных по всем правилам науки текстов».

Комплексность востоковедения сохраняется благодаря тексту, нелегко и небыстро разгадываемому, если мы будем иметь в виду текст на историческом его протяжении. В посвященной китаисту В. Н. Казину статье Алексеев пишет: «В китаистике процесс созревания ученого медленный. Борьба за понимание трудного (особенно разнообразного — и поневоле!) текста отнимает много времени. Поэтому не всякий китаист,

даже сорокалетний, вправе считать себя созревшим». У Алексеева была мечта об изучении китайского языка сравнительно зрелыми людьми. Он считал, что вооруженный всего только элементами обычного школьного знания учащийся не в состоянии должным образом постигнуть чуждую ему сложную человеческую культуру. Во исполнение этой идеи известный экономист профессор В. М. Штейн на пороге пятидесятилетия под руководством Алексеева отважился изучать китайский язык, в результате чего в 1950 году появилась книга «Гуаньцзы. Исследование и перевод».

Так убедительно и последовательно китайский текст выдвигается Алексеевым на передний план всех областей разветвившейся в своем развитии синологии.

5

И действительно, что в исследовании может быть важнее текста? Жизнь? Но она-то ведь и получила отражение в тексте, да еще чужеземном, который никто, кроме специалиста, превращающего его в мысль, прочитать не в состоянии, потому что не выучен. «Текст должен быть превращен в нашу мысль путем перевода, исследования и синтеза. Вот путь синолога». Это слова Алексеева из его уже цитированных выше «Возражений О. О. Розенбергу на его магистерском диспуте». Отчеты молодого Алексеева о его пребывании в Китае всегда будут школой изучения китайского текста. Его замечания о прочитанном любопытны и поучительны и по заключению и по силе свойственного Алексееву безошибочного самоанализа. «За этот год мне удалось прочесть более пятисот стихотворений разных авторов и на разные темы. Я полагаю, что только теперь могу приступить к монографическому изучению какого-либо одного крупного автора». Уже тогда, в самом начале научной деятельности, такая простая и разумная мысль о том, что впоследствии было сформулировано как «полное знание», без которого науки быть не может. Но какова мера доступности полного знания для китаиста? Продолжим чтение Алексеева: «Казалось бы, что при подобного рода упражнениях можно было бы ожидать результата в виде свободного понимания китайского текста вышеуказанного типа. К сожалению, этого результата я достиг не вполне. Причину этого вижу главным образом в том, что европеец, не выучивая на память текст китайских классиков и знаменитых произведений изящной словесности, не может достичь ни уверенного понимания текста, ни тем более собственного владения литературным китайским слогом, требующим уверенного пользования готовыми фразами и намеками на факты истории и лора. При всех тех пособиях (словари, грамматики), которые отчасти возмещают ему этот недостаток, нужен еще опыт долгих лет — во всяком случае более долгий срок, чем тот, которым я пока располагаю, — чтобы добиться совершенства».

Все это так, с той лишь разницей для нашего времени, что нет уже китайцев старой выучки, и трудности относятся не только к европейцам, хотя китаец, носитель родного языка, при всех обстоятельствах справляться с ними легче: требующий расшифровки текст все-таки вошел в быт, в «живую традицию», как ни относиться к ней. После прочтения этих строк Алексеева становится особенно понятной его непоколебимость при упреках в «отсталости» со стороны нетерпеливых молодых людей: в отличие от них он знал правду китаистики и отстаивал то, в чем убедили его ум и опыт. По существу, здесь он ведет речь не только о владении текстом, но и о самой высокой степени понимания — об эстетическом анализе текста. Один лишь словарь да грамматика — инструмент необходимый, но грубый. В «Студенте на рубеже столетий» (через сорок пять лет после окончания университета) Алексей так и говорит: «Хотел (и его так учили!) брать препятствия в лоб, т. е. брать текст при помощи словаря и грамматики. Грубо!»

Китаец, однако, в отличие от европейца при исследовании текста может не только воспользоваться своими преимуществами носителя языка, но и оставить текст не переведенным на современный язык, ограничившись объяснением его. Европейец лишен возможности прибегать к этой уловке и должен писать для всех, даже если сделать такое широкое допущение, что коллегам его совершенно понятен текст в подлиннике. Так полагал Алексеев, приводя в подтверждение воспоминания об Ольденбурге: «Он читал всех и требовал понятного всем языка как в изложении, так и в переводах. Он считал, что все пишут для всех, а не только для лиц, владеющих условным шифром и опирающихся на текст как на документ, считая при этом перевод вещью малосущественной и тем менее обязательной». Непереведенный текст еще не вызван к жизни. Алексеев опирался на мнение Шаванна и Пеллио, когда говорил, что «текст не переведенный и не изданный не входит в научный оборот».

Перевод какого китайского текста беспокоит Алексева применительно к самому себе? Помимо свидетельства созданными им переводами, ответ на этот вопрос содержится в работе «Советская синология»: «Из всех проявлений китайской культуры нас, конечно, в первую очередь интересовала китайская литература, являющаяся, несомненно, наиболее ярким и крупным показателем духовной жизни этого народа, в развитии которого литература сыграла исключительную роль». Трудно сказать с полной определенностью, прозу или поэзию предпочитал Алексеев для перевода и исследования. В разные периоды жизни по-разному. В высказываниях же его, например, по поводу новой программы преподавания китайской литературы в «Синологии в университетском преподавании»: «На первом месте у нас всегда стояла поэзия, как самая богатая часть китайской литературы». Не только самая богатая, но при этом и самая дорогая алексеевскому сердцу. «Когда я в китайской поэзии увидел, как можно высшие проблемы жизни и ее философии решать без помощи юла, я понял великую правду», — пишет он в «Студенте на рубеже столетий».

Но кроме поэзии есть примыкающая к ней (а в общем принадлежащая той же поэзии) философская, эссенцистическая проза, изначально в китайской жизни игравшая прежде всего не литературную, а функциональную роль, на что указывал Алексеев: «Само собой разумеется, что исторически прославленные эпистолы (например, письмо Сыма Цяня к другу) не трактовались как исключительно литературный жанр и тем более бытовой».

Но, кроме поэзии (в стихотворном ли, в прозопозитическом ли ее виде), есть еще получившие в китайском обществе самое широкое распространение новелла и роман, не утрачивающие своего обаяния и даже своей увлекательности, если воспользоваться словами Алексева, и «в неприхотливом переводе», который, как известно, способен уничтожить великое произведение поэзии, но сквозь который угадывается великая проза.

По-видимому, увлекавшая Алексева работа в горьковской «Всемирной литературе» много способствовала размышлениям его о переводе. Это было время и собственных его трудов над новеллами Пу Сунлина, первые две книги замечательного переложения которых на русский язык вышли в 1922 и 1923 годах. Всеобщие рассуждения о переводе нескончаемы, и чем больше развивается дело перевода, тем чаще возникают они на множественных примерах, которые не всегда ведь от времени становятся совершеннее, особенно учитывая разнообразие индивидуальных дарований и подходов. Впрочем, Алексеев сказал и об этом применительно к переводу с китайского: «Мы пришли к убеждению, что для китайских стихов и прозы не существует каких-либо стабилизированных принципов перевода: каждый из них отвечает своему читателю и назначению, и мастерство переводчика индивидуально». Единственное, что

оговаривается им, это «полнота знаний» переводчика: «Конечно, вопрос о грамотности перевода, как ясный, из дискуссии исключается». Неоспорима и мысль Алексеева о том, что перевод далеко не всегда может быть ограничен ремеслом и мастерством, что перевод памятников человеческой мысли нуждается и в человеческой самоотдаче: «Как известно, ни перевод Библии, ни перевод Корана, Лао-цзы, Конфуция «заказать» нельзя. Можно только ждать надежного специалиста по соответствующей экзегезе, посвятившего одному из этих названий всю свою жизнь».

Последнее замечание Алексеева относится ко времени участия его во «Всемирной литературе». Может быть (и даже наверное), не каждый согласится с высказанным им тогда же мнением о принципе перевода. В годовом отчете о деятельности Коллегии экспертов Восточного отдела «Всемирной литературы» (28 апреля 1919 г. — 28 апреля 1920 г.) Алексеев выделяет «высокие достижения дословности, соблюдающей дух даже переводного оригинала» в рукописи арабиста В. Р. Розена, что создает «принцип точного перевода». Но обличители буквализма здесь пишу для себя едва ли найдут. Алексеев настаивает на дословности, соблюдающей дух оригинала и в то же время не нарушающей законы и дух русского языка: «Тем не менее уродливые проявления рабской дословности были неоднократно коллегией отвергаемы, безотносительно к другим качествам перевода». Значит, речь идет о дословности, не сковывающей переводчика, особенно когда дело касается нероглифической письменности, которая дает свободу синонимическому отображению. Алексеев доказывал это на собственных переводах, как продемонстрировал, в частности, и в записке из «Моих афоризмов», объясняя, что *сянь* по-китайски «беспечность волевая, нарочитая, убежденная и поэтическая — весь смысл жизни человека с умственным достаточным содержанием».

Взгляд Алексеева на перевод не изменился, а, наоборот, укрепился с той поры, как он подчеркнул высокие достижения дословности в рукописи арабиста Розена и сам представил таковые в «Лисьих чарах» и в «Монахах-волшебниках». 17 мая 1942 года пишет он из Борового И. Ю. Крачковскому, что «от своих еловых виршей» (он переводил прозапоэтические сочинения и танские стихи) отстать не может, «желая сделать перевод документальным, пригодным для историка литературы в первую очередь, и только потом, в той части, что, так сказать, остается, — для «общего» читателя».

Скромно отзываясь о художественных достоинствах сделанных им в Боровом необычайных по страстному напряжению и по конгенальности оригиналу переводов, Алексеев все же считал, что они «дословны и добросовестны». Как и во всех других областях своей деятельности, Алексеев, не упоминая об этом, руководствовался нравственностью, которая здесь выражается в принципе строгого сохранения слова и тона автора и отменяет любой произвол, посягающий на достоверность.

Алексеев был ученым и художником. Вторая эта его черта (вторая ли?) подарила науке и литературе прекрасные переложения китайской прозы и китайской поэзии на русский язык. Свои переводы, как говорилось выше, он рассматривал как документ и тем сильнее его требовательность к ним. «Перевод восточных шедевров хоть и не наука сам по себе, но для науки — в нем только и документ». (Первую часть этого утверждения можно бы и оспорить.) Отсутствие документа порождает то, хуже чего Алексеев и представить себе не может и что приводит его прямо-таки в исступление. «Без него — сплошная экзотика», то есть то, что «совершенно недопустимо в советской печати, которая вопросами чужих культур не забавляется, а интересуется».

Алексеев чужд соблазнам экзотики. Его вдохновение человека, увлеченного предметом исследования, рождено трезвым реализмом, неприимным к беспочвенному фантазированию дурного вкуса: «Мы давали решительный отпор мистикам-нероглифоманам, стремившимся доказать

какое-то особое предназначение китайской иероглифической письменности, и даже ученым из наших же рядов, увлекающимся в аналогичном направлении, а главное, тем писателям, которые считали и считают возможным подавать читателю свой вымысел на китайские темы в виде невероятной и безграмотной экзотики».

В его презрительном и негодующем отношении к самоуверенному невежеству, наглому дилетантству, сопутствующим экзотизму, была еще и нетерпимость человека труда, «рабочего человека», как он любил говорить, к безделью, к жизни за чужой счет, к ненавистной ему во всех видах лжи, наконец. «Мы верим, что нашей науке, в одном из ее предназначений, полагается разрушить в области культуры те же самые неравноправные договоры с восточными соседями по земному шару, которые в политике были так ясно поняты нашим революционным сознанием и уничтожены нашей революционной действительностью». Было бы неверным усматривать здесь признание тождества или хотя бы аналогичности культур разных народов. (Только уверенность в необходимости взаимоважения и взаимопонимания, к чему приложены усилия науки о Востоке.)

Наоборот, Алексеев с чрезвычайной осторожностью подходил к китайской культуре, никогда до конца не доверяя собственному восприятию ее и никогда не соглашаясь с третированием ее даже подлинными знатоками, каковым он признавал, например, своего знаменитого предшественника В. П. Васильева, очень много сделавшего для понимания народности песен «Шицзина» и в то же время начисто отвергшего нарощие в продолжение столетий китайские комментарии к нему. «В. П. Васильев считал китайцев-комментаторов мудреными советниками, затемняющими простое дело, мудрившими в течение двух с половиной тысячелетий над простыми, например, «народными» песнями «Шицзина». Счастливые упрощенцы, в это верящие! Я же думаю, что отбор столетиями умных людей не так легко дискредитировать».

Переведя огромное число китайских прозапоэтических сочинений от начала и до полного расцвета их, а также антологию танских стихотворений, Алексеев все-таки возымел желание составить антологию китайской поэзии «по своему вкусу». И не решался. Писал об этом И. Ю. Крачковскому 3 июня 1942 года. Но «кто судья китайской поэзии? Не я же!».

Подумать только — он не считал себя судьей китайской поэзии! Ну он еще пойдет, пожалуй, на такой компромисс: «Тем не менее, если 1) я буду жив, 2) буду действовать, — непременно дам том IV — «Антология по выбору переводчика». И непреклонное, как будто это свое решение завершает, боясь и надеясь, вопросом к И. Ю. Крачковскому: «Как Вы думаете?»

Скромность Алексеева в отношении себя, критический подход к себе касались всего, что он делал в своей жизни. Ведь это и собственные труды имел он в виду, говоря: «Обобщения живут и должны жить лишь какой-нибудь десяток лет. Работа мысли исследователя их всегда подтачивает». Да, это так, но работа мысли исследователя основывается на предшествующих ей достижениях, и новые обобщения в гуманитарных науках неотрывны от тех наиболее значительных старых, в развитие или, может быть (благодаря им же), в опровержение которых они возникли. Обобщения, сделанные Алексеевым, знаменуют собою период открытий в мировой истории изучения китайской культуры.

Таково самое приблизительное описание трудов, включенных в сборник, которому дано название «Наука о Востоке» и который содержит умные и благородные мысли основоположника нашей китаистики, одного из великих советских востоковедов о Востоке, о науке и в конечном счете о достойном применении человеческой жизни.

Творческое наследие академика Е. М. Жукова

*А. М. Шарков,
доктор экономических наук*

В середине текущего века советская общественная мысль выдвинула ряд крупных фигур. И было бы по меньшей мере неправильным не пытаться сохранить в памяти нашего и будущих поколений имена тех, чья научная деятельность оставила глубокий след, кто способствовал укреплению и развитию советской общественной науки в целом, расширению исследований в области международных отношений, истории и теории рабочего и национально-освободительного движения в частности. В этой группе лиц свое, определенное место занимает академик Евгений Михайлович Жуков.

Настоящие заметки не претендуют на всестороннее рассмотрение творческого наследия Е. М. Жукова, для этого требуется специальный анализ. И, надо полагать, он будет сделан. Здесь же мы остановимся на некоторых сторонах научной, педагогической и общественной деятельности Е. М. Жукова, на тех чертах его характера, поведения, поступков, которые, как мы думаем, помогут понять его личность.

Крупнейший ученый-коммунист, видный исследователь международных отношений, талантливый и активный организатор науки, педагог и воспитатель молодых поколений ученых, известный общественный деятель — таким он остался в нашей памяти.

Его жизненный путь был прямым и целеустремленным путем лучших сыновей русской интеллигенции, патриотов социалистической Отчизны.

Е. М. Жуков родился 23 октября 1907 г. После получения восточного образования в Ленинградском восточном институте он быстро сформировался как крупный научный работник. Об этом свидетельствует поступательный рост ученого: защита кандидатской, а затем докторской диссертаций, избрание членом-корреспондентом Академии наук, академиком. Становление и развитие Е. М. Жукова как ученого связано в первую очередь с развитием советского японоведения. Здесь — начало его успешного пути в науке. Первые же публикации Е. М. Жукова обратили на себя внимание глубиной анализа, хорошим знанием фактического положения дел. В его работах — раздел «Япония» в книге «Очерки по истории Востока в эпоху империализма», «Очерки новейшей истории Японии», — в многочисленных статьях история и современность «страны восходящего солнца» впервые были освещены с марксистско-ленинских позиций, впервые дан подлинно научный анализ возникновения, эволюции и крушения социально-экономических формаций в Японии, раскрыты особенности японского империализма, милитаризма и фашизма.

Особое звучание приобрели работы Е. М. Жукова в предвоенные годы. Советский читатель с глубоким интересом знакомился со статьями, в которых вскрывались внутренняя борьба в верхушке правящих классов Японии накануне войны, задачи и методы японской дипломатии, разо-

блачались попытки сговора между Японией и другими империалистическими державами и противоречия между ними, анализировалась связь внутренней и внешней политики Японии. Эти работы помогали созданию полного и правильного представления об угрозе со стороны японского империализма.

В военные годы Е. М. Жуков много выступает по вопросам внутренней и внешней политики милитаристской Японии, пишет о событиях, разворачивающихся на тихоокеанском театре военных действий, о комбинациях, составляемых и разыгрываемых дипломатией капиталистических держав, о влиянии разгрома милитаристской Японии на перемены в расстановке сил на мировой арене.

С осени 1951 г. прошло тридцать с лишним лет. Но и сегодня с интересом читаются статьи и корреспонденции Е. М. Жукова, посвященные подготовке и проведению Сан-Францисской конференции, анализу различных позиций ее участников. В послевоенные годы Евгений Михайлович — автор ряда глав и редактор труда «Японский милитаризм». Он много и плодотворно пишет о новейшей истории Японии, об идеологии и политике японского империализма.

С течением времени круг научных интересов Е. М. Жукова расширяется, к этому подталкивают и внутренняя потребность исследователя, и объективные потребности эпохи. Возникает новое направление размышлений и изысканий, делаются крупные обобщения мировых исторических процессов.

Проницательность исследователя, тончайшая научная интуиция подсказывают необходимость изучения вопросов национально-освободительного движения в Азии и на других континентах, крушения колониальной системы, возникновения на ее развалинах молодых развивающихся государств. Е. М. Жуков одним из первых обратился к этой чрезвычайно сложной проблеме, уже на самых ранних этапах указав на неизбежность выбора этими государствами своего дальнейшего пути и на то, что только социалистическая ориентация обеспечивает успех борьбы за полную независимость, дает единственную гарантию национального возрождения и прогресса.

Евгений Михайлович и тут выступает как новатор, выдвигает целый ряд кардинальных вопросов и предлагает их решение. Сама жизнь подтвердила, насколько он был прав, характеризуя национально-освободительное движение как закономерный процесс, обусловленный всем ходом поступательного развития человечества, показала, какое значение имеет такое единственно правильное понимание проблемы для идеологической борьбы, для развенчания воззрений тех, кто хотел бы изобразить борьбу народов за независимость и свободу как всего-навсего исторический эпизод или процесс, который развернулся под влиянием «западных идей». До сих пор не потеряли своей актуальности поставленные Е. М. Жуковым вопросы о единстве антиимпериалистических сил, особенностях распада колониальной системы.

Было вполне логично, что, начав с исследования конкретной страны и распространив затем круг своих интересов на вопросы глобального масштаба, Жуков пришел к широким проблемам методологии исторической науки; он не только хорошо понимал ту или иную конкретную проблему, но и видел исторический процесс в целом. Е. М. Жуков был марксистом, ощущающим единство мирового исторического процесса, и умел передать это ощущение другим. Евгений Михайлович — один из авторов и ответственный редактор книги «Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса», им рассмотрены такие вопросы, как ленинское понятие эпохи мировой истории, как ленинизм и современность. Немало сделано им и для разработки вопросов периодизации всемирной истории. Под его руководством подготовлены «Советская историческая энциклопедия», «Всемирная история» и другие работы. Е. М. Жуков —

организатор, редактор, член редакционных коллегий ряда крупнейших коллективных трудов. Среди них — «История второй мировой войны 1939—1945», «История Великой Отечественной войны Советского Союза», «Большая Советская Энциклопедия».

Становление и развитие мировой социалистической системы, ее все возрастающая роль в мировой истории и мировой политике, внешняя политика Советского государства, влияние Великой Октябрьской социалистической революции на ход международных событий, международная политика современного империализма, межимпериалистические противоречия — разработка этих тем Е. М. Жуковым внесла немалый вклад в творческое развитие ленинской науки о международных отношениях. И по-прежнему особое внимание он уделяет международным отношениям на Дальнем Востоке. Одним из первых Е. М. Жуков увидел здесь процесс формирования важнейшего центра современного империализма и обратил внимание на последствия, к которым это может повести. Он был одним из авторов и редактором фундаментального труда «Международные отношения на Дальнем Востоке», выдержавшего три издания и заложившего основу для целого ряда исследований.

Буквально за несколько дней до кончины Евгений Михайлович выступил с научным докладом «Историзм марксизма» на общем пленарном собрании Академии наук СССР по случаю вручения ему высшей награды Академии за выдающиеся достижения в области общественных наук — золотой медали имени Карла Маркса. (Доклад был опубликован в журналах «Коммунист», 1980, № 13 и «Вестник Академии наук», 1980, № 6.) Центральная мысль, пронизавшая доклад: каким образом история как наука имеет возможность выйти за строго очерченные рамки, отгораживающие ее от реальной жизни, и получить свое законное место в кругу дисциплин, призванных помогать росту общественной активности, содействовать пониманию задач не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня.

Творческое наследие Евгения Михайловича завершает книга «Очерки методологии истории», вышедшая в 1980 г. уже после его смерти. В книге подводится итог исследований и раздумий автора по коренным проблемам исторической науки, к которым относятся: предмет истории, ее периодизация, теория познания и историческая наука, принцип партийности и борьба идей, история и современность и др. Рассматривая широкий круг проблем, связанных с диалектико-материалистическим подходом к процессу развития общества, Е. М. Жуков поставил задачу подчеркнуть теоретическое единство, диалектическую взаимосвязанность и цельность важнейших вопросов, относящихся к методологии истории.

Исторический процесс представляет собой диалектическое единство общего и единичного. И любое преувеличение той или иной стороны ведет к серьезным ошибкам. Общество, как и природа, находится все время в движении, в развитии. Поэтому и изучение их требует исторического подхода. Классики говорили, что они знают «...только одну единственную науку, науку истории»¹. Но, само собой разумеется, нельзя понимать эти слова буквально. Они призывают к тому, чтобы при изучении всех явлений и процессов соблюдался принцип историзма, чтобы они рассматривались в развитии, в движении.

В «Очерках методологии истории» исследуется действие закона прогрессивной смены социально-экономических формаций; соотношение между базисом и надстройкой, необходимостью и случайностью в процессе исторического развития. Здесь же анализируется содержание таких категорий, как объективная закономерность и историческая эпоха, обращается внимание на связи и отличия общесоциологических и исто-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 16.

рических законов, аргументированно критикуются различные искажения истории.

Общественное сознание и культура в целом — часть предмета истории. И в книге убедительно говорится о важности исследования историко-культурных процессов в общественном развитии, о недопустимости упрощенного объяснения этих процессов только переменами в политической и экономической сферах.

Показывая глубинные экономические причины исторического процесса, автор указывает на необходимость учитывать социальное поведение народных масс в конкретную историческую эпоху, выбор исторической личностью своей индивидуальной общественной позиции, которая во многом определяется духовной жизнью эпохи, противоборством идей в ее среде, унаследованными традициями.

Обращаясь к вопросу о соотношении истории и современности, Е. М. Жуков подчеркивает: «Богатое наследие прошлого может быть должным образом мобилизовано в интересах строительства коммунизма лишь при том условии, что оно будет находиться в руках историков, вооруженных марксистско-ленинской методологией»².

Что же касается метода изложения исследования, подачи материала, то Евгению Михайловичу было чуждо представление, еще бытующее, к сожалению, среди некоторых ученых, будто сухое изложение с использованием штампов — это «научное» изложение, а живое, увлекательное — «ненаучно», в лучшем случае — «публицистика». Глубина и четкость мысли, лаконичность и отвечающая им ясность изложения — вот что не в последнюю очередь характеризует его научное и научно-публицистическое наследие.

Наука, в том числе и история, как и сама истина, никогда не бывает абстрактной. Исследовательская деятельность историка-марксиста не оторвана от жизни, а наоборот, от начала и до конца конкретна, актуальна, нужна людям и в данный момент, и в последующее время. Это проявилось и в научно-организаторской деятельности Е. М. Жукова. Высокий интеллект, безусловный научный авторитет в сочетании с вдохновенностью и преданностью делу, способностью увлечь своих сотрудников — всеми этими качествами, лежащими в основе умения создать сплоченный и работоспособный творческий коллектив и мобилизовать его на решение крупных научных проблем, в полной мере обладал Евгений Михайлович Жуков. Тихоокеанский институт, Институт востоковедения, Институт всеобщей истории, директором которого он был бессменно с 1968 г. до самой кончины — таковы лишь некоторые этапы его научно-организаторской деятельности. Академия наук СССР доверила Евгению Михайловичу важнейшие посты, избрав его академиком-секретарем Отделения истории, членом Президиума Академии.

Закономерно и его избрание председателем Национального комитета советских историков: с его именем неразрывно связана выработка стратегической линии исторических исследований в Советском Союзе. Е. М. Жуков достойно и умело представлял советскую историческую науку, отстаивал ее позиции на международных конгрессах, конференциях, симпозиумах, встречах. Обширная эрудиция, высокий профессионализм в лучшем смысле этого слова, знание языков — все это списало ему уважение международной научной общественности. Е. М. Жуков был избран президентом Международного комитета исторических наук, членом ряда иностранных академий.

Е. М. Жуков не оставался замкнутым кабинетным ученым. Человек общественного темперамента, он вел активную деятельность в крупнейших общесоюзных организациях: был членом Президиума Советского комитета защиты мира, заместителем председателя Советского комите-

² Е. М. Жуков. Очерки методологии истории. М., 1980, с. 242.

та солидарности со странами Азии и Африки, председателем Всесоюзного общества любителей книги.

Прекрасно понимая значение научно-публицистической деятельности, Евгений Михайлович активно работал членом редакционных коллегий ряда крупных журналов, которые охотно использовали его энциклопедические знания. Так, длительное время он был членом редакционной коллегии журналов «Международная жизнь», «Вопросы истории» и других, активным автором, участником многих творческих дискуссий, «круглых столов», проводимых журналами.

Представление о разносторонности таланта Евгения Михайловича будет неполным без рассмотрения его педагогической деятельности. После окончания Ленинградского восточного института Е. М. Жуков преподавал сначала в ленинградских учебных заведениях, затем — в московских. Со времени создания Академии общественных наук при Центральном Комитете КПСС в 1946 г. Е. М. Жуков именно здесь, в своем, как он говорил, «втором доме», сосредоточил свою преподавательскую деятельность. Здесь же в полную силу развернулся его педагогический талант. Тридцать лет отдал Евгений Михайлович делу подготовки партийных кадров, сначала в качестве заведующего кафедрой экономики и политики зарубежных стран, затем — кафедрой международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения.

На педагогической, воспитательной сторонах деятельности Е. М. Жукова, руководстве научно-педагогическим коллективом следует остановиться несколько подробнее. Известно, какую огромную методическую роль играют научно и логично составленные программы курса в учебном процессе. Е. М. Жуков настойчиво добивался выработки высококачественных программ и держал всю работу под своим наблюдением.

Евгений Михайлович не требовал от аспирантов своей кафедры формального знания предмета, основанного на заучивании материала, он добивался самостоятельных размышлений над предметом, его глубокого понимания и всячески способствовал этому, поощрял, развивал у своих учеников собственное мышление. Именно к его отношениям с молодыми научными работниками в полной мере могут быть отнесены известные слова: «Ум юноши — это не сосуд, который нужно наполнить, а светильник, который нужно зажечь». Е. М. Жуков щедро делился с окружающими не только знаниями, но и своими идеями, которые считал общей собственностью. Все это делало его незаменимым и неоценимым научным руководителем молодежи.

Сколько интересных тем было лично им предложено для разработки в аспирантуре! И сколько из них нашло практическое осуществление! Зачастую они были настолько важными и многообещающими, что стали делом жизни некоторых научных работников, пользующихся в настоящее время заслуженной известностью. С редким бескорыстием Евгений Михайлович делился с молодежью собственным духовным богатством. Он думал о науке и ее будущем, видя это будущее в передаче и развитии идей. Его духовная щедрость, доброта, чуткость проявлялись и в том, что он, не считаясь со временем, несмотря на загруженность, никогда не отказывал в помощи начинающим научным работникам, всегда был готов прочесть подготовленную рукопись, обсудить с молодым научным сотрудником план исследования, внести необходимые исправления. Да и не только начинающим путь в науке были полезны его замечания и советы. Е. М. Жукову приходилось прочитывать большое количество рукописей, книг, диссертаций, статей и давать о них отзывы, причем в большинстве случаев от его отзыва зависела судьба рукописи. Ему было органически чуждо бездумное захваливание работ, которое порой встречается в научных кругах. Но в то же время он не позволял себе небрежно недооценить чужой труд, подмечал все новое и оригинальное. В его отзывах всегда присутствовало чувство меры. Е. М. Жуков обладал да-

ром быстрого и четкого анализа материала, мастерски схватывал существо и выделял ядро проблемы, делая ее предельно ясной и намечая пути решения. Поэтому отзывы, рецензии на рукописи книг, диссертации содержали в себе не только разбор конкретного материала, но и глубокие методологические соображения, намечающие пути разработки той или иной научной проблемы. Вот почему его отзывы и рецензии до сих пор хранятся многими научными работниками и используются при работе над другими темами.

Лекциям Е. М. Жукова был свойствен тот же стиль: простота, доказательность, безразличие к ораторским приемам. В них не было ничего профессионально лекторского, не было ораторской красоты, искусственного пафоса. Но всегда его лекции оставляли глубокое впечатление, ибо в них билась живая мысль, они возбуждали стремление думать. Четкость мысли, стройность изложения, каждое положение подчинено логике целого, никаких поисков «оживления» — вот что их характеризовало.

Евгений Михайлович никогда, ни в лекциях, ни при обсуждении научных проблем, не становился в позу собственной непогрешимости и «всезнания». Он не считал для себя зазорным сказать, что по тому или иному вопросу он еще не составил ясного представления, причем тут же намечал пути подхода к решению вопроса. Показательны лекции, прочитанные Е. М. Жуковым в первой половине 50-х годов в Высшей партийной школе при ЦК КПСС и затем изданные. Этот курс, посвященный новейшей истории Японии до середины 50-х годов, до сих пор служит пособием для изучающих послевоенную историю страны.

Для воспитания молодых ученых особое значение имели обстоятельные обзоры мировой политики и экономики, делавшиеся Е. М. Жуковым, а также его соображения, высказанные в связи с поездками на научные конференции в зарубежные страны, дискуссиями, развернувшимися на них.

Особенно много внимания Е. М. Жуков уделял аспирантам и молодым ученым из братских социалистических стран. Свое участие в подготовке молодой смены из братских стран он рассматривал как важнейший интернациональный долг, это вытекало из его партийного и научного мировоззрения. В какую бы братскую страну он ни приезжал, он везде встречал своих учеников, которые с благодарностью вспоминают своего чуткого, внимательного наставника, подлинного интернационалиста. Многие из учеников Е. М. Жукова выросли в крупных научных работников, занимающих видное место в советской и зарубежной науке.

Мастерски владел Евгений Михайлович искусством диалога. Скромность, вежливость, умение в ходе самой острой дискуссии до конца внимательно выслушать оппонента в сочетании с невозмутимой твердостью и уверенностью, с которыми он отстаивал свою позицию, — вот что отличало его как полемиста. Проявляя уступчивость в малом, он был неуступчив по существу дела, в принципиальных вопросах. Дар диалектики позволял ему подметить малейшее противоречие, малейшую неточность в аргументации оппонента и без специальной подготовки логично и убедительно опровергнуть эту аргументацию. И столь же логично и веско умел он поддержать того, с кем был согласен. При столкновении научных мыслей он порой прибегал к тонкой, деликатной остроте. А если видел смущение оппонента, то не бил в литавры, не подчеркивал победу своей точки зрения. Только где-то глубоко в глазах проскальзывала усмешка.

Любовь к жизни, тонкое чувство юмора, неприязнь к казенщине, непринужденность — все эти качества Евгения Михайловича проявлялись в работе возглавляемых им кафедр, в повседневной деятельности, на заседаниях, в ходе которых возникали порой расхождения во мнениях. Но никогда эти расхождения не отражались на личных взаимоотноше-

ниях. Всегда строго пунктуальный, возвращавший прочитанную им рукопись точно в назначенный срок, Евгений Михайлович своим примером воспитывал других. Его целеустремленность была столь велика, что, когда он был чем-то занят (будь то обсуждение того или иного вопроса, рассмотрение диссертации и т. д.), для него в тот момент не существовало ничего другого — данное дело было самым важным и самым нужным. Он был очень требователен к себе и ожидал того же от других. Чему он не находил оправдания в человеческом характере, так это лени и праздности. Отличала его также редкостная способность вникнуть в любой вопрос, обсуждавшийся на конференциях, заседаниях кафедр. Это говорило об энциклопедичности его ума. При обсуждении научных вопросов Е. М. Жуков никогда не был пассивным созерцателем. Он был активным его участником, непосредственно выступая или поддерживая выступающего, чья точка зрения была ему близка, любил в ходе дискуссии посылать записки, выражая свое отношение к происходящему.

Евгений Михайлович умел создать на руководимых им кафедрах деловую, неформальную обстановку, атмосферу доброжелательности, искренности и взаимного уважения. Само собой разумеется, что доброжелательная атмосфера не исключала взаимной требовательности и исполнительности. Ему удавалось все это умело сочетать потому, что, во-первых, он видел в коллективе кафедры не административную единицу, чего иногда добиваются некоторые администраторы, а творческий коллектив, объединенный единой научной задачей. Во-вторых, силой своего научного интеллекта, своих знаний, своим собственным отношением к делу, а не давлением, понуканием он заражал коллектив. А если к этому добавлял простоту, сердечность, естественность, внимательность к людям, мудрость, спокойствие и вместе с тем приветливый, открытый взгляд, — все это сразу привлекало к нему и объединяло вокруг него коллектив. Вот почему каждый член коллектива, возглавляемого Е. М. Жуковым, стремился работать не в силу административной подчиненности, не по обязанности, а по велению собственной души и в какой-то мере равняться на своего руководителя. Любое одобрительное замечание Евгения Михайловича воодушевляло сотрудника. Он неизменно с большим искусством ориентировался на лучшие качества в человеке, поэтому каждый старался работать с максимальной отдачей.

Е. М. Жуков своим многолетним опытом руководства кафедрой доказал ту непреложную истину, что руководитель кафедры может повести за собой научный коллектив, объединить его и даже дисциплинировать только своим научным интеллектом, способностью формулировать научные идеи и находить пути их решения и, наконец, своим примером в научной работе.

С такими людьми, как Е. М. Жуков, спокойно и уверенно работает. Вот почему произносишь слово «был» еще с большей горечью.

У тружеников отдых всегда кратковременный. И в свободное время у Евгения Михайловича было два увлечения. Известна была его любовь к морю, он отлично плавал. С увлечением играл в шахматы, радовался интересным комбинациям на доске, и немногим удавалось одержать победу над ним. Запомнилась его скромность, непритязательность в быту.

У Евгения Михайловича, конечно, были свои житейские трудности и невзгоды. Но как бы трудно ему ни было, он не давал воли чувствам и свои переживания оставлял за пределами общения с людьми на кафедре. Ровность отношений, такт не покидали его и в трудные времена.

Врачи требовали, чтобы он соблюдал покой, не так много работал. Он этим пренебрегал. Но уставшее сердце все чаще давало сбои.

Будучи тяжелобольным и предчувствуя неизбежное, Евгений Михайлович спокойно относился к этому и стремился еще активнее работать.

Он торопился сделать как можно больше и запретил себе даже думать о том, что следует замедлить темп работы. Чем тяжелее ему было, тем упорнее и больше работал — такой был принцип у этого человека, без страха смотрящего в будущее. Вести себя иначе он не хотел и не мог. Это свидетельствовало о его высоком самообладании.

Е. М. Жуков скончался 9 марта 1980 г. Он похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище. Родина высоко оценила научную и общественную деятельность Е. М. Жукова. Он награжден орденом Ленина, орденом Октябрьской революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени, медалями. Академия наук Союза ССР удостоила его золотой медали имени Карла Маркса. В некрологе, подписанном руководителями партии и правительства, виднейшими советскими учеными, дана исключительно высокая оценка деятельности Е. М. Жукова, подчеркнуто, что вся его сознательная жизнь была посвящена служению Советской Родине, делу развития марксистско-ленинской науки.

Цюй Юань: достоверность существования и авторства

[Критика гипотез Ху Ши и Ляо Цзипина]

*Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР*

Знаем ли мы, сколько недостоверного — большого и малого — заслонило от нас прошлое? И чем глубже становится время, тем труднее сквозь его толщу пробиться к правде, очистить историю от всего наносного, искажающего истину.

Вокруг Цюй Юаня до сих пор не развеяна пыль домыслов и измышлений, выдаваемых порой за факты его творческой биографии. Это — неуважение к истории и неуважение к современникам. Нельзя забывать также тех, кому в свою очередь суждено будет в дальнейшем продолжать изучение истории китайской литературы. Творческая судьба Цюй Юаня свидетельствует о том, как постепенно на протяжении веков и какой ценой вырабатывалась та высокая оценка произведений поэта, которые лишь в наше время приобретают общее признание.

Разумеется, войти в мир Цюй Юаня непросто. Нужно быть достаточно подготовленным специалистом, чтобы понять глубину его идей. Цюй Юань впитал в себя культуру предшествовавшего развития своего народа. Его поэмы содержат сотни имен, упоминания множества исторических событий, намеки, послышки, которые необходимо знать для понимания его поэтических произведений.

Имя Цюй Юаня в последние десятилетия, как нами уже отмечалось, возбудило острую полемику и вызвало диаметрально противоположные суждения среди ученых Китая, как и за его пределами¹. Примечательно, что многие столетия, прошедшие с той поры, когда жил Цюй Юань, не были обозначены спорами и противоречивыми выступлениями историков и писателей по вопросу о существовании и творчестве Цюй Юаня. Это, возможно, происходило потому, что ни у кого не возникал подобный вопрос, никто не отрицал факта существования как самого Цюй Юаня, так и его творчества. Ибо, сколько известно, на протяжении двух с лишним тысячелетий ни один китайский исследователь или историк не усомнился в подлинности исторических документов и литературных памятников, свидетельствующих о достоверности личности Цюй Юаня и его авторства.

Но сомнения все же родились. И тогда расцвели различные гипотезы, появились статьи, исследования и даже целые книги, посвященные вопросу исторической достоверности личности Цюй Юаня и его авторства. Такие известные ученые, как Ху Ши, Ляо Цзипин и другие, подвергли сомнению не только сам факт существования Цюй Юаня и его творчества, но заодно и достоверность классических трудов основоположника китайской историографии Сыма Цяня. Отыскав несколько неясных мест в биографическом разделе «Исторических записок» Сыма Цяня, исключительно с помощью негативных построений, указанные авторы решили не

¹ См. мою статью «Слово о Цюй Юане» в журн. «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 1.

колеблясь, что поэт Цюй Юань вовсе не существовал как личность историческая, а следовательно, утверждают они, невозможно признать за ним авторство в отношении «Чуских строф».

Гипотезам без оппонентов трудно развиваться. В свою очередь выступили противники этих нигилистических взглядов. Среди них особое место принадлежит ученому, писателю Го Можо, который занял прямо противоположную позицию и пришел к выводам, в которых отвергает суждения Ху Шн и Ляо Цзинпина как необоснованные и, следовательно, несостоятельные. Точку зрения Го Можо разделила целая группа китайских ученых и литераторов, среди которых Хоу Вайлу, Лян Цзундай, Чжи Вэйчэн, Сунь Ван, Цзан Юаньюань, Лю Шоусун и многие другие. Они исходили из необходимости использовать методы научные, методы аналитические при исследовании творчества Цюй Юаня.

Существуют, смеем напомнить, многочисленные неоспоримые свидетельства в виде исторических памятников и литературных источников, на которые опираются исследователи, которые позволяют с несомненностью сделать вывод об исторической достоверности существования Цюй Юаня, как и его авторства в отношении «Чуских строф». Чрезвычайно существенно, что нам нет необходимости донскиваться объяснений родословной Цюй Юаня в каких-либо источниках и чьих-либо посторонних свидетельствах. Поэт сам рассказывает об этом в созданных им поэмах. Мы постоянно убеждаемся в правомерности положения, принятого нами с самого начала: произведение Цюй Юаня — это его жизнеописание в широком значении слова. Автобиографического содержания в поэзии Цюй Юаня тем больше, чем позднее создано им то или иное произведение. Лучшим источником познания Цюй Юаня, его жизни и творчества остается созданная им поэзия, «Чуские строфы», прежде всего поэма «Скорбь изгнанника».

Многое нужно искать в глубинах творчества самого поэта, где, словно луч света в призме, преломилась жизнь и историческая судьба родины Цюй Юаня.

Именно благодаря этому преломлению в судьбе поэта судьбы народной и возник, как чудо, тот вечный и чистый ключевой источник, из которого на протяжении веков утоляют читатели жажду своего духа.

Другими словами, идеологическая и методологическая проблематика образовала два смысловых направления в содержании и структуре исследований проблемы Цюй Юаня и его творчества. Противоборствующие направления, однако, нередко подменяли литературу идеологией и политикой.

Научный подход несовместим с упрощенческим отождествлением литературы с идеологией. Искусство слова, являясь носителем определенного идеологического содержания, представляется шире идеологии и обладает многогранной природой. Искусство слова, на наш взгляд, — сложная система духовных ценностей, отражение действительности и средство ее преобразования. Это — социально-классовый феномен.

Искусство слова может стать идеологической художественной системой посредством реализации общего и индивидуального в творческом вдохновении и практике воссоздания жизни как вторичной реальности.

Цюй Юань: время и поэзия. Такой подход не только не чужд исканиям, но обусловлен бережным отношением к великим традициям словесно-речевого искусства в Китае. Нужно ли доказывать, что в искусстве слова движение вперед невозможно без освоения и развития прогрессивных традиций прошлого, без опоры на открытия и достижения великих предшественников? Разве поэзия не живет в своем возвышении и уничтожении? В вечном отборе?

Любое творчество плодотворно лишь тогда, когда оно опирается на лучшее, что было создано предшественниками, народными певцами, в том числе древними, и способно вобрать в себя все, что наиболее близко

народу. Отсюда необходимость проявлять бережность к великому наследию веков, творениям национального гения. Именно это игнорировали Ху Ши, Ляо Ципин и их сторонники.

Эстетическая ценность художественного выражения и воплощения, несомненно, возрастает в зависимости от высоты таланта поэта или писателя, стремящегося найти собственные свои средства изображения закономерностей жизни. Цюй Юань важен не только своими поэтическими творениями, не только тем, что вместил в своем сердце все боли, все страдания, все муки своего народа и все противоречия своего времени. Он важен и тем, что всей своей страстной душой, беспокойной совестью стремился к правде, к более гармоничному человеческому общению, мучительно задумываясь о судьбах своего народа. Похоже, что не было такого тайника в душе человека, куда бы не проникал его пронизательный взор, не было такой боли, на которую не отозвалось бы сердце Цюй Юаня горячим состраданием.

Рассмотрим главные сомнения, связанные с достоверностью существования и творчества Цюй Юаня.

Известный китайский ученый традиционной школы Ляо Ципин в своей работе «Новое толкование «Чуских строф»² утверждает, что «Цюй Юань как историческая личность вовсе не существовал».

Ляо Ципин, живший в конце Цинской династии, — видный исследователь китайских канонических трактатов. В 1886 г. им была издана книга «О нынешней и древней науке», а в 1894 г. в связи с критикой его взглядов современниками вышла его работа «О древней науке»³.

Свое заключение Ляо Ципин строит на том основании, что биография Цюй Юаня в «Исторических записках» Сыма Цяня якобы недостоверна, что, по его личному мнению, достаточно прочесть этот раздел, чтобы убедиться в непоследовательности изложения исторических событий. Так, например, хронология в этой биографии, продолжает Ляо Ципин, весьма противоречива, а потому указанный раздел «Исторических записок» Сыма Цяня не может служить доказательством того, что Цюй Юань действительно жил и создал свои произведения, не может, добавляет он, служить основанием для установления того времени, в котором была создана поэма «Скорбь изгнанника».

Ляо Ципин утверждает также, что с точки зрения науки о классическом каноне «Чуские строфы» являются лишь ответвлением от поэтического памятника «Книга песен», поскольку, как и он, «Чуские строфы» изобилуют мыслями и рассуждениями о пространном и далеком мире, о «небесных духах и потусторонних силах».

Следует отметить, что попытки определить происхождение текстов «Чуских строф» ставили в тупик и других исследователей. Это, разумеется, отнюдь не умаляет значения важности поисков.

Помимо всего, Ляо Ципин считает, что начальный стих элегии «Скорбь изгнанника»:

Потомок императора Гаояна⁴,
Покойный мой отец Боюном звался,
Дал имя мне Чжэнцзэ
И прозвище Линьцзюнь —

написан не Цюй Юанем, а некими поэтами Циньского царства.

Вообще, утверждает Ляо Ципин, большая часть произведений, приписываемых Цюй Юаню, якобы принадлежит кисти ученых императора Цинь Шихуана. При этом автор приводит цитату из «Исторических записок» Сыма Цяня:

² Ляо Ципин. Чусы синьцзе. Чэнду [Б. г.].

³ Ляо Ципин. Гусюе као. Бэйпин, 1935. По своим взглядам Ляо Ципин близок позициям известного китайского реформатора Кан Ювэя (1858—1927).

⁴ Имеется в виду Цинь Шихуан.

«Однажды Шихуан (император Цинь Шихуан) был в плохом расположении духа и заставил своих ученых написать «Стихи о подлинном и бессмертном человеке». Когда же он однажды отправился в путешествие по Поднебесной империи, то приказал музыкантам его воспевать»⁵.

Отсюда Ляо Цзипин делает безапелляционный вывод о недостоверности существования Цюй Юаня и его авторства. Он, однако, поспешил со своими негативными заключениями, построенными на домыслах, а не на обстоятельных доказательствах.

Аналогичное суждение высказывает также Ху Ши в своей работе «Читая «Чуские строфы»⁶. «Кто такой Цюй Юань? Этот вопрос никем еще не поднимался. А мне теперь хотелось бы спросить не только о том, кто такой Цюй Юань, но и о том, был ли, в конце концов, такой человек.

Почему я сомневаюсь? Потому, что, во-первых: «Исторические записки» Сыма Цяня, собственно, не очень надежны, в особенности же ненадежны биографии Цюй Юаня и Цзя Шэна.

а) В конце данного раздела сказано: «Когда скончался Сяо Вэнь, к престолу пришел Сяо У. Он послал двух внуков Цзя Шэна на посты цзюньшоу⁷. Характерно при этом, что Цзя Цзя более всего увлекался науками. Его потомки имели со мной переписку. При Сяо Чжао ему был пожалован титул одного из девяти циней»⁸.

Спрашивается, как Сыма Цянь мог знать о посмертных титулах Сяо Чжао? Первое сомнение. Ведь после Сяо Вэня был Цзинь Ди... Как же можно говорить «когда скончался Сяо Вэнь, к престолу пришел Сяо У»? Второе сомнение.

б) Само изложение фактов в «Биографии Цюй Юаня» неясно. Сперва говорится, что «царь пришел в негодование и удалил Цюй Пина от двора, а потом Цюй Пин, поскольку был удален, службы при дворе не возобновлял, отправился посланником в царство Ци. Вскоре вернулся и обратился с вопросом к Хуай-вану, почему же не убили Чжан И. Царь разгневался и отправил погоню за Чжан И, но его не настиг».

Затем говорится: «Когда Хуай-ван собирался в отъезд в Циньское царство, Цюй Пин сказал: «Цинь — страна волков и тигров, верить ей нельзя, лучше не ездить туда».» Далее: «Цин Сян-ван (старший сын Хуай-вана)⁹ вступил на престол и назначил Цзылани линином¹⁰. Но чусцы обвиняли Цзылани в том, что он склонил отца поехать в царство Цинь. Цюй Пин тоже ненавидел Цзылани. Изгнанный Цюй Пин постоянно беспокоился за судьбу своей родины, был сердечно привязан к Хуай-вану. Он надеялся, что государь вернется, прозреет, а чиновники изменят свои взгляды... Прослышав об этом, Цзылань проникся гневом. По его наущению Цзинь Шан вновь очернил Цюй Пина перед Сян-ваном. Правитель возмущился и отдалил от себя Цюй Пина. Цюй Пин отправился к берегу реки. С распущенными волосами, горестно вздыхая, бродил у реки».

То Цюй Юань, отмечает Ху Ши, был удален и не возобновлял своей службы при дворе, то был отправлен посланником в царство Ци, то снова давал совет царю по важным делам. Очень сомнительно.

⁵ См.: Се Улян. Новая интерпретация «Чуских строф». Шанхай, 1923, с. 12.

⁶ Ху Шичжи байхуа зэньчао. Шанхай, 1925, с. 144—145. Ху Ши, или Ху Шичжи (1891—1962) — буржуазный ученый, сторонник философии прагматизма, гоминьдановец. Подробно см. сборник: «Критика идеологии Ху Ши. Материалы». Шанхай, 1955.

⁷ Правитель части царства, равный приблизительно областному начальнику.

⁸ Три начальника палат: прокурорского приказа, комиссии докладов, кассационного департамента — и шесть начальников приказов: жертвенного, экипажного, коннозаводного, церемониального, продовольственного и дворцового.

⁹ Цин Сян-ван царствовал в 298—263 гг. до н.э., вступил на престол при жизни отца Хуай-вана, который скончался в плену в царстве Цинь.

¹⁰ То есть первым министром.

Вначале совсем не говорилось о ссылке (фанлю): ведь человек, который отправился в качестве посланника и давал советы Хуай-вану по важным делам, не мог быть «сосланным». Затем вдруг читаем: «несмотря на то, что был удален» или «сослал его». Сомнительно.

Далее, продолжает Ху Ши, выражение «Цинь — страна волков и тигров, верить ей нельзя» принадлежит, согласно «Родословной Чуского царства», Чжао Сую. А слова «Почему не убили Чжан И» не упоминаются в «Биографии Чжан И», как не упоминается фраза: «Хуай-ван разгневался и отправил погоню за Чжан И, но его не настиг». Сомнительно.

Наконец, отмечает Ху Ши, о земле и Чжан И у Сыма Цяня сказано: «Цинь отрезало «ханьчжунские земли»; в «Биографии Чжан И» говорится, что «Цинь хотело получить циньчжунские земли»; в «Родословной Чуского царства» читаем: «Цинь разделило Ханьчжун пополам». Спрашивается, в конце концов, Ханьчжун или Циньчжун? Сомнительно.

В первой части «Биографии Цюй Юаня» говорится «Цюй Пин», а во второй вдруг встречаем «Цюй Юань». Также сомнительно...

Основываясь на собственных своих сомнениях, Ху Ши приходит к выводу, что Цюй Юань, по преданию, представлял собой «нелицемерного слугу, мыслимого в идеале, который, однако, не мог возникнуть в период до династии Хань, поскольку в эпоху Воюющих царств не могло быть столь поразительных взглядов сюзерена и слуги. И хотя это мое толкование очень абстрактно, все же я думаю, что оно вполне состоятельно»¹¹.

Таковы главные сомнения Ху Ши и Ляо Цзипина в отношении того, действительно ли существовал Цюй Юань, а также по поводу «Биографии Цюй Юаня» в «Исторических записках» Сыма Цяня. Подобные сомнения высказывались и некоторыми другими авторами, занимавшимися цюйюаневской проблемой.

Мы знаем, что Ху Ши и Ляо Цзипин в свое время считались авторитетами в области исследования и толкования классической литературы и древней истории Китая, и суждения их, разумеется, должны быть внимательно рассмотрены.

Нетрудно, однако, заметить, что сомнения их и заключения относительно того, существовал Цюй Юань и являлся ли он автором «Чуских строф», построены лишь на нескольких и только на первый взгляд противоречивых данных в «Биографии Цюй Юаня». Думаю, что такой подход не мог не привести их к субъективным суждениям.

Нет нужды пространно доказывать, что в текстологических исследованиях особенно необходимо применение метода конкретного анализа исторического памятника. При этом нельзя, разумеется, ограничиваться рассмотрением одного только текста «Исторических записок» Сыма Цяня, хотя сам по себе этот литературный памятник доказал свою достоверность на протяжении двух с лишним тысяч лет. Научная обоснованность может быть построена на различных источниках. Считаем существенным отметить, что не потому не разделяем мы сомнения Ляо Цзипина и Ху Ши, что не хотим верить, но потому, что хотим убедиться. Дело, конечно, совсем не в букве, не в отдельной фразе или нероглифических знаках и в кажущемся противоречии. Дело в необходимости проникнуть в контекст времени, в историческую обстановку событий и реальность той эпохи, которая все еще далеко не достаточно изучена и истолкована. Здесь необходим глубокий, научный анализ текста.

Во то время как анализ Ху Ши и Ляо Цзипина оставляет впечатление, что авторы были далеки от углубленного, научного подхода к оценке исторического и литературного прошлого Китая, что они нередко разбирали явления чисто формально, по отдельным сомнительным нерогли-

¹¹ Ху Шичжи байхуа вэньгао, с. 145—146.

фам, словам, разбросанным в различных местах, как бы изолируясь от общего контекста, от других источников, вне связи с исторической обстановкой и социальной борьбой, характерных для исследуемого периода. В сущности, их сомнения свелись к тому, что они нашли ряд неясных мест в «Исторических записках» Сыма Цяня и, очевидно, не желая проверить их по другим литературным и историческим памятникам, которые опровергли бы их сомнения и ошибочные построения, пришли к опрометчивым выводам как о достоверности и точности работы Сыма Цяня, так и о реальности существования Цюй Юаня. Все это указывает на случайность гипотезы.

Следует принять во внимание то обстоятельство, что «Исторические записки» Сыма Цяня, как и другие источники традиционной китайской историографии, на протяжении веков подверглись искажениям и были засорены в более поздние времена, когда десятки, а может быть, и сотни различных истолкователей и переписчиков иероглифических текстов сознательно и несознательно вносили многое от себя, прибавляли и упраздняли даты и имена исторических личностей, отдельные события и факты. Все это постепенно получало права гражданства, принималось как нечто достоверное и, в сущности, подменяло собой подлинную историю.

Остается лишь сожалеть, что возникающее позже не всегда сохраняет предшествующее, то, что, было раньше. Сколько от этого потеряно и теряется! Разве можно представить цветок без корней? Так, в сущности, и в искусстве: любое истинное творение питается через тончайшие капилляры от неуловимой порой традиции, наследственных корней, от изначального слоя жизни и творческой деятельности человека.

Итак, во-первых, общеизвестно, что несколько знаков о кончине Сяо Вэня и приходе к власти Сяо У были добавлены в биографиях Цюй Юаня и Цзя Шэна Сыма Цяня в более позднее время. Причем само добавление ошибочно, поскольку совершенно ясно, что речь идет не о Сяо Вэне, но о Сяо Цзине. И было бы заблуждением верить, что к этому причастен великий историк Сыма Цянь, ибо искажение это явно противоречит элементарной логике, не говоря уже о традиционной хронологии событий.

В этой связи необходимо напомнить, что в дворцовом экземпляре «Исторических записок» Сыма Цяня давно уже сделано соответствующее исправление, ибо приписка была сделана позднее, указание о чем можно найти в работах известного китайского исследователя Лин Чжи-луна¹². Тем более странно, что Ху Ши не дал себе труда навести необходимые справки по этому вопросу прежде, чем одним росчерком кисти расправиться с классическим трудом Сыма Цяня, трудом, который вот уже в течение двадцати столетий остается непревзойденным письменным памятником по точности и достоверности описания исторических событий.

Во-вторых, Ху Ши видит противоречие в том, что Сыма Цянь в своих «Исторических записках» сперва говорит об удалении Цюй Юаня, и о том, что он более не занимал должностного поста при дворе, а потом заявляет, что Цюй Юань отправился посланником в царство Ци и что он давал Хуай-вану советы по важным делам. Нужно сказать, что и это противоречие только кажущееся.

Знак «шу», которым пользуется Сыма Цянь в первом случае (текст «Биография Цюй Юаня») и который вызывает сомнение у Ху Ши, следует понимать в смысле «отдаления» от царского двора, то есть как «шули». Из этого вовсе не вытекает, что Цюй Юань не мог отправиться посланником в царство Ци. Напротив, это именно и является, так сказать, мерой пресечения или «почетной ссылкой», применявшейся довольно

¹² См.: Го Можо. Цюй Юань япцзю. Шанхай, 1953, с. 5.

часто в старину. Кроме того, выбор царства был совсем не случаен. Известно, что Цюй Юань неизменно стоял за союз царств Чу и Ци, видя в этом залог безопасности для своей родины, и, как показала история, являлся человеком дальновидным.

Знаки «фаилю», которые встречаются после знака «шу» (текст «Биография Цюй Юаня»), были истолкованы Ху Ши произвольно. Здесь «фаилю» выступают не в смысле «лючжэ» (ссылка, изгнание), как они интерпретировались Ху Ши и некоторыми другими исследователями, но как несомненное «фаилан» (блуждать, бродить). В самом деле, трудно допустить мысль о том, что Цюй Юань был сослан или изгнан во время царствования Хуай-вана. Думается, что едва ли существуют основания для подобного утверждения. Факт замены знака «лан» знаком «лю», сделанной, очевидно, позднее, вполне вероятен, тем более если принять во внимание звучание и наличие общих композиционных элементов воды («шуй») в этих знаках. Впервые эта точка зрения была высказана Го Можо. Теперь она, пожалуй, вообще не вызывает сомнения.

Еще менее убедительно утверждение Ху Ши о том, что слова Цюй Юаня «Цинь — страна волков и тигров, верить ей нельзя» принадлежат не Цюй Юаню, а Чжао Сую. Но что, собственно, особенного в этих словах? Почему они не могли быть сказаны и Цюй Юанем и Чжао Суюм?

По этому вопросу существует довольно оригинальная гипотеза исследователя «Чуских стрóf» Лю Шэньшу, который пишет: «Установить происхождение фамилии Чжао очень трудно. В позднее времена эта фамилия совсем не встречается. Только Цюй и Цзинь принадлежат к одной царской фамилии Чу. Слова Цюй Юаня в «Исторических записках» Сыма Цяня, с которыми он обращается к Хуай-вану, а также указание на то, что он отправился посланником в Ци, приписываются в «Чжань гоцэ» Чжао Сую. Фамилия и имя Цюй Юаня там не упоминаются. Пожалуй, Чжао Суй — не кто иной, как Цюй Юань. Древнее произношение этих фамильных знаков, собственно, одинаково»¹³. Однако и этой гипотезе суждено остаться недоказанной.

Вместе с тем в «Чжуан цзы гэнсан чу» находим следующую запись: «Несмотря на различие, все трое принадлежат к царскому роду. Чжао и Цзинь получили уделы по наследству. А Цзя был пожалован феодальный удел»¹⁴.

Таким образом, речь идет о «сань люй»¹⁵ в Чуском царстве в лице Цюй, Цзинь и Чжао. Что же касается фамилии Цзя, то это, вероятно, та же фамилия, что и Цюй. Возможно, что здесь — фонетический переход. На это указывают исследования китайских филологов. Согласно разысканиям Ма Сюйлуна, «Цзя — заимствование от Цюй, их древнее звучание одинаково»¹⁶. Все же не исключено, что здесь допущена и описка. Из всего изложенного, по крайней мере, вытекает, что Чжао и Цюй — различные фамилии. Известно, например, что чуский Чжао-ван по имени Чжэнь царствовал в одно время с Чжао-гуном княжества Лу¹⁷, то есть в последние годы периода «Чунь цю».

Китайские литературные источники дают основание сделать вывод, что Цюй Юань и Чжао Суй — два разных лица, что они жили в одно время — в последние годы периода «Чунь цю» — и были, возможно, товарищами. Отсюда, вероятно, берет свое начало сходство звучания их

¹³ Го Можо. Цюй Юань яньцзю, с. 6.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Сань люй — первоначально титул чиновника при династии Чжоу, который ведал генеалогией феодальных князей.

¹⁶ См.: Чжуанцзы пчжэн, цзюань XXIII, с. 13. См. также: Го Можо. Цюй Юань яньцзю, с. 6.

¹⁷ Лу — удельное княжество, которое находилось в современной провинции Шаньдун, основано при чжоуском князе Чэн. История этого княжества, написанная Конфуцием, получила название «Чунь цю». Княжество Лу — родина Конфуция.

имен. Не исключено также и то, что Чжао Суй сопровождал Цюй Юаня в царство Цин¹⁸.

В-третьих, Ху Ши сомневается в достоверности «Исторических записок» Сыма Цяня на том основании, что факт, касающийся Чжан И, не упомянут в «Биографии Чжан И». Ху Ши на этом основании считает, что все относящееся к Чжан И непременно должно было быть внесено Сыма Цянем в его биографию. Такая точка зрения могла быть справедливой, если бы самому Ху Ши удалось доказать, что во всех других случаях Сыма Цянь строго соблюдает этот принцип, то есть обязательно вносит в биографии исторических личностей буквально все, что к ним относилось. Манере письма Сыма Цяня, однако, как раз присуща иная особенность — старание избегать повторений. Мы вправе спросить, между прочим: что же, собственно, удивительного в том, что именно в «Биографии Цюй Юаня» встречаются слова, сказанные Цюй Юанем о Чжан И, а в «Биографию Чжан И» они не включены? Несужели это может служить основанием для отрицания достоверности «Исторических записок» Сыма Цяня? Но именно на этом строится концепция Ху Ши.

В-четвертых: разбирая вопрос о землях Ханьчжун и Циньчжун, Ху Ши не без иронии замечает по этому поводу: «О какой же, в конце концов, земле идет речь?» Можно подумать, что у Ху Ши действительно есть твердые основания для вскрытия противоречия, опровергающего труд Сыма Цяня.

В действительности Ху Ши, смеем заметить, видимо, недостаточно внимательно прочел некоторые тексты. В «Биографии Чжан И» сказано: «Цинь, требуя от Чу циньчжунские земли, предлагало в обмен земли, находящиеся за Угуань».

Циньчжун — чуская земля, которая только на двадцать втором году правления Сян-вана была захвачена царством Цинь. Указание «за Угуань» (военная застава) свидетельствует о том, что имеется в виду именно Ханьчжун. Сверка этого факта по трем памятникам («Гэн сан чупянь», «Ци у лунь» Чжуан-цзы и «Биография Чжан И» Сыма Цяня) не оставляет места каким-либо сомнениям в этом отношении. Лишнее упоминание в «Биографии Чжан И» факта о том, что «Цинь хотело получить циньчжунские земли», вовсе не противоречит существу дела. Известно, что Чу и впоследствии не отдало свою землю, так же как и ханьчжунская земля, расположенная за Угуань, не попала в руки чусцев.

В-пятых, Ху Ши выражает недоумение по поводу того, что в начале «Биографии Цюй Юаня» встречаются знаки «Цюй Пин», а затем — «Цюй Юань». Возникает вопрос, почему это вызывает у Ху Ши сомнение? Понять довольно трудно. Ведь Сыма Цянь в самом начале «Биографии Цюй Юаня» совершенно ясно пишет: «Цюй Юань имел имя Пин». Значит, у поэта было два имени: Юань и Пин, то есть Цюй Юань и Цюй Пин. Причем имена Юань и Пин не являются случайными. В древнем словаре «Эр Я» находим: «Шанпин юэ юань», то есть «Высокая плоскость называется равниной». С точки зрения происхождения и смысла иероглифов такой подбор и сочетание имен вполне логичны. И не Сыма Цянь следует упрекать за недостоверность изложенных им фактов, но самого Ху Ши, сделавшего ошибочный вывод о недостоверности «Исторических записок» Сыма Цяня.

Утверждения Ляо Цзипина, будто Цюй Юань не существовал, а произведение, авторство которых приписывается ему, созданы придворными учеными Цинь Шихуана, на первый взгляд, пожалуй, могут показаться убедительными. Но тщательный анализ литературных памятников и текстов показывает, что эти утверждения не выдерживают критики.

Ляо Цзипин, как нами отмечено, считает, что первые строки из элегии «Скорбь изгнанника»:

¹⁸ См.: Го М о ж о. Цюй Юань яньцзю, с. 6.

Потомок императора Гаояна,
Покойный мой отец Боюном звался,
Дал имя мне Чжэнцзэ
И прозвище Линьцзюнь —

будто вовсе не относится к автору, то есть к родословной Цюй Юаня и его предков, а находятся лишь в связи с предками Цинь Шихуана, которые носили фамилию Гаоян. Кроме того, заявляет Ляо Цзипин, Цинь Шихуан был сыном Лю Бувэя и носил имя Чжэн, то есть тот же знак, что упоминается в строке «Дал имя мне Чжэнцзэ».

Предубежденность и непомерная увлеченность формальными признаками, схоластический подход к исследуемому памятнику приводят Ляо Цзипина к тому, что он упускает давно уже доказанное положение о том, что предки многих знатных китайских фамилий в разных княжествах происходили из одних родов или общин, поэтому и предки, жившие в Цинь и Чу, именовались «Гаоян». Явление это вообще было очень распространеным. Достаточно проследить родословные знати различных княжеств, чтобы убедиться в этом. Следовательно, ссылка Ляо Цзипина на то, что в первой строке элегии «Скорбь изгнанника» речь именно о предках княжества Цинь, естественно, не может быть признана основательной.

Из истории Китая известно, что время царствования Цинь Шихуана было отмечено крайней жестокостью и деспотизмом. Он сжег на кострах ценнейшие литературные памятники и казнил многих видных ученых. Он ввел табу на многочисленные иероглифы, в частности на свой именной знак «Чжэн». Никто под угрозой казни не мог пользоваться этим знаком. Даже другой иероглиф — «чжэн», близкий именному иероглифу, запрещено было писать. В связи с этим, например стали обозначать январь не знаками «чжэнъюэ», а знаками «дуаньюэ». В таблице иероглифических обозначений времени «Исторических записок» Сыма Цяня читаем: «В Цинь воздерживались употреблять знак «чжэн», вместо него говорили «дуань»¹⁹. Учитывая это обстоятельство, трудно допустить мысль, что придворные ученые царства Цинь или писатели решились нарушить указ деспотического владыки Цинь Шихуана и написать что-либо подобное Чжэнцзэ.

Разбирая поэму «Скорбь изгнанника», Ляо Цзипин утверждает, что в основе этого произведения лежит шестизначный размер, то есть якобы именно тот размер, которым пользовались поэты во времена Цинь Шихуана. Следовательно, по мнению Ляо Цзипина, «Скорбь изгнанника» принадлежит поэтам царства Цинь, а не Цюй Юаню.

Поэма «Скорбь изгнанника», действительно, написана в основном шестизначным размером, хотя там встречаются пятизначные, семизначные и восьмизначные размеры. Надо сказать, что это явление вообще очень интересно и, казалось бы, в общем говорит в пользу точки зрения Ляо Цзипина. На самом же деле позиция Ляо Цзипина далека от истины. Рассмотрим, действительно ли поэты царства Цинь отдавали предпочтение шестизначным размерам. Обратимся к работам Го Можо по этому вопросу.

В своей книге «Изучение Цюй Юаня» Го Можо подверг анализу размер стихов, написанных циньскими поэтами и включенных в «Исторические записки» Сыма Цяня. Автор исследовал также стихотворения, иероглифические тексты которых высечены на каменных плитах и сохранились до настоящего времени.

В результате сравнительного анализа Го Можо пришел к выводу о несомненном авторстве Цюй Юаня, ибо стихи циньских авторов напи-

¹⁹ См.: Го Можо. Цюй Юань яньцзю, с. 9.

саны четырехзначным размером²⁰. Во всяком случае, ни одно произведение циньских поэтов ничего общего не имеет с поэмой «Скорбь изгнанника» Цюй Юаня. Известно, что Цюй Юань — художник, который искал новые выразительные средства, новые оттенки в искусстве слова.

Добавим, что китайская классическая поэзия получила в своем развитии богатое разнообразие форм и метров. Самыми распространенными из них являются пяти-, шести- и семиероглифные строки. Каждые пять, шесть или семь иероглифов образуют строку, каждое стихотворение состоит из четырех или восьми строк со строгим соблюдением ритмики и рифмы. Так, например, получившие свое развитие цы стали одной из стихотворных форм с различной длиной строки, определенной структурой строф и ритмикой. Отличительная их черта — музыкальность.

Таким образом, и этот довод Ляо Цзипина не может быть принят в качестве бесспорного доказательства, поскольку он является плодом умозрительных построений.

Приведенных доказательств достаточно, чтобы убедиться в несостоятельности суждений Ху Ши и утверждений Ляо Цзипина, которые, как мы видим, находятся в противоречии с фактами и объективным исследованием.

Гипотезы Ху Ши и Ляо Цзипина, ставящие под сомнение историчность существования Цюй Юаня, его художественного творчества и достоверность свидетельства Сыма Цяня в «Исторических записках» — источнике, достаточно филологически изученном, хотя и искаженном схоластическими комментаторами и переписчиками, представляют собой умозрительный скептицизм, навеянный, очевидно, модными в свое время нигилистическими взглядами в науке, стремлением подвергать сомнению китайское классическое литературное и историческое наследие. Подобные оценки несут на себе явную печать авторских глубоко личных пристрастий, увлеченности. Выводы этих авторов произвольны и потому антинаучны.

С годами судьба произведений Цюй Юаня становилась предметом все более пристального внимания, непрестанно возраставшего интереса. И все шире становился круг почитателей цюйюаневской поэзии. Все больше привлекал поэт читателей, которые невольно останавливались и вслушивались в журчание родника, бьющего из таинственных глубин поэтического мира Цюй Юаня.

²⁰ См. там же, с. 9, 10, 50, 51.

Социологические аспекты реформы образования в КНР

*Н. Е. Боровская,
кандидат филологических наук*

В Китае с недавних пор заинтересовались социологией образования. Появились суждения такого рода: «Социальная структура определяет структуру системы образования, которая в свою очередь через подготовку определенного типа кадров, влияющих в социоструктуру, отображает и изменяет ее»¹.

Современная марксистская социология выделяет три направления воздействия системы образования на социальную структуру: 1) сближение классов и социальных групп (эта функция ярче всего выражена в системе общего образования); 2) воспроизводство социальной структуры (здесь играет роль прежде всего система профессионального образования); 3) социальные перемещения молодежи (один из наиболее массовых каналов).

Попробуем проанализировать возможное воздействие китайской системы образования на общество в указанных направлениях, несмотря на известный недостаток статистических данных.

Выбор системы образования стал предметом острых дискуссий с первых лет существования КНР. В 50-е годы были достигнуты определенные успехи в создании единой регулярной системы образования, соответствующей по своему характеру целям социалистической культурной революции. На этом пути возникало немало трудностей: отсутствовал организационный опыт, не было единой педагогической концепции, приходилось противостоять тенденциям эмпиризма, узкой специализации, попыткам стереть грани между формальным и неформальным обучением, общим и профессиональным образованием. К тому же с конца 50-х до конца 70-х годов система образования в КНР не раз подвергалась перестройкам, что неблагоприятно сказалось на ее развитии. Поэтому к началу 80-х годов она не смогла обеспечить ни ликвидацию неграмотности, ни выпуск необходимого количества квалифицированных кадров как средней, так и высшей квалификации.

С конца 50-х годов была впервые испробована, а затем повторена в середине 60-х и вновь введена в действие с конца 70-х годов «двухколейная система образования». Она означает сосуществование двух типов школ: учебно-производственных, ориентирующих выпускников на трудовую деятельность, преимущественно в сельской местности, и школ с полным учебным днем (число их незначительно), выпускники которых могут рассчитывать на поступление в вуз. В лучших из них — «ключевых» средних школах, — как и в старейших вузах, процент выходцев из рабо-

¹ Фу Вэйюе, Шэхуэй цингоу юй сюсяо цзяоюй цингоу (Социальная структура и структура школьного образования). — «Синьхуа вэньчжай», 1981, № 10, с. 212.

чих и крестьян был весьма незначительным. 50—80 % детей рабочих и крестьян посещали учебно-производственные школы, считавшиеся школами «второго сорта»².

Недостатки такой организации побудили начать в 1966 г. реформу образования под лозунгом его «демократизации». Существование двух типов образования — регулярного и учебно-производственного (фактически тупикового) — можно было оправдать как временную меру, вызванную экономическими трудностями. Однако это означало фактическое неравенство в уровнях образования, что дало основание «левым» демагогически развернуть кампанию по поводу социального неравенства в системе образования. Однако они так и не смогли предложить программу подлинной демократизации образования. Громкие обещания открыть двери учебных заведений для детей рабочих и крестьян, предоставить сразу всем равные возможности учиться не могли иметь в те годы экономического, политического и культурного обеспечения. «Равные условия» создавались не введением бесплатного, качественно равного образования, а путем снижения уровня подготовки в школах с полным учебным днем.

С конца 70-х годов в КНР началось проведение новой реформы, которая предполагает постепенную широкую перестройку многих сторон образования — структуры, управления, самой системы в целом, как «не соответствующих потребностям нынешнего развития страны», по словам министра просвещения КНР Хэ Дунчана³. В сентябре 1982 г. XII съезд КПК утвердил в качестве первой и насущнейшей задачу, выдвинутую в решении ЦК КПК и Госсовета от 1980 г. «Относительно некоторых проблем всеобщего начального обучения», — к концу 1990 г. ввести всеобщее начальное образование. Эта цель намного скромнее, чем поставленная в 1978 г., — к 1985 г. осуществить всеобщее среднее образование. Но и она сопряжена с немалыми трудностями прежде всего в сельских районах, где сейчас проживает 200—300 млн. детей школьного юзраста. Осенью 1982 г. на международном симпозиуме по проблемам неграмотности и образования среди взрослых представитель Китая сообщал о 90 млн. неграмотных. По другим данным, численность неграмотных и полуграмотных достигает 230 млн.⁴

Новый этап политики в области образования, наступивший с конца 70-х — начала 80-х годов, знаменуется попытками наладить планомерное, пропорциональное развитие образования в органической связи с экономической и другими сферами общественной жизни. Стало возможным выявить и обосновать необходимость опережающих темпов развития образования. Назначенный в 1982 г. новый министр просвещения Хэ Дунчан после XII съезда КПК подчеркнул, что «дело подготовки кадров — более длительное по срокам «капитальное строительство», чем создание энергетической базы, поэтому оно должно идти впереди».

Еще в 1978 г. Дэн Сяопин, выступая на всекитайском рабочем совещании по вопросам образования призывал: «Необходимо не только опираться на нынешние потребности производства и строительства, но и полностью учитывать и принимать во внимание тенденции развития современной науки и техники»⁵.

Однако на практике большинство работников просвещения сводит реформу образования к подчинению его сегодняшней экономической конъюнктуре. В статье, опубликованной в журнале «Жэньминь цзяоюй», подчеркивается: «В промышленности и сельском хозяйстве нашей страны еще долго сохранится сочетание автоматизированного, механизированного труда с полумеханизированным и ручным» (именно он преоб-

² См.: «Цзяоюй гэмин», 30.XI.1967.

³ «Жэньминь жибао», 3.X.1982.

⁴ См. там же, 9.V.1983.

⁵ Там же, 3.X.1982; 26.IV.1978.

ладает в китайской деревне. — Н. Б.), поэтому так важна «правильная пропорция» при подготовке работников с разными уровнями образования»⁶.

Для того чтобы обеспечить сельские районы Китая квалифицированными агрономами, механизаторами, счетоводами, животноводами и т. д., теперь, как было в некоторых развивающихся странах в 50-е годы, да и в самом Китае на протяжении последних десятилетий, осуществляется «рюрализация» образования, то есть создаются сельскохозяйственные средние школы, специализированные по районам.

Итак, мы вновь встречаемся с тенденциями конца 50-х — начала 60-х годов, но сейчас этот тип учебных заведений включается в подсистему профессионального, а не общего образования.

По словам заместителя министра просвещения Чжан Чэнсяня, не все в Китае поддерживают курс «школа на селе служит сельскому хозяйству», означающий, что образование в деревне рассматривается не как часть общегосударственной системы образования, а в основном как часть сельского хозяйства. Такая зависимость содержания образования на селе от местных потребностей не содействует преодолению социальной противоположности между городом и деревней. Подобная политика может привести к изоляции отдельных сельских районов от более современных в экономическом и социально-политическом отношении районов и городов и консервации социально-классовых различий. Такие условия могут вызвать отток молодежи из села. «А если массы сельской молодежи уедут в город, это породит новые социальные проблемы», — заявил Чжан Чэнсянь⁷. Вопрос в том, какими путями регулировать эту миграцию. В КНР число общеобразовательных дневных школ на селе предполагается сократить на одну треть, а на уровне от уезда и ниже — оставить их не более одной на 100 тыс. жителей, а прочие перестроить в сельскохозяйственные школы и училища.

В советской китайской литературе уже высказывалось мнение о том, что этот путь ограничивает перспективы сельской молодежи на повышение образования. Педагоги и социологи стран социалистического содружества единодушно и аргументированно доказали, что только дневная общеобразовательная школа является эффективно действующим фактором ликвидации социальных противоположностей и постепенного стирания социально-классовых различий, движения к социальной однородности.

Важной задачей и особенностью нынешней реформы среднего образования в КНР является выделение и стремительное развитие профессионального образования в качестве автономной подсистемы, обеспечивающей подготовку квалифицированных рабочих и специалистов средней квалификации.

Так вступают в противоречие социальные и производственные требования к образованию. Профессиональное образование предстает как носитель социально-дифференцирующей функции, а в производственном плане его расширение чрезвычайно актуально для страны, в которой научно-технический персонал до недавних пор составлял всего 2,8 % общего числа занятых в промышленном производстве. Из 5 млн. научно-технических работников КНР 43 % составляли лица с высшим и 38 %, то есть около 1,9 млн., — лица со средним специальным образованием. В 1983 г. численность научно-технических работников только в области естественных наук возросла уже до 6,3 млн.⁸

⁶ Чжан Шань. Гуаньюй лянчжун лаодун чжяду хэ лянчжун цзяоюй чжидуды сюеси чжацзи. (Заметки по поводу двух систем труда и двух систем образования). — «Жэньминь цзяоюй», 1982, № 7, с. 23.

⁷ «Гуанмин жибао», 28.VIII.1982.

⁸ См.: «Жэньминь жибао», 12.XI.1981, 30.IV.1983.

Среднее специальное образование в Китае с 1949 по 1979 г. получили 5798 тыс. человек⁹. Тем не менее технический персонал среди рабочих и служащих страны составляет лишь около 4 %, а в ряде провинций и отраслей — еще меньше (по неполным данным, в провинции Аньхой — 1,9 %, а среди работников легкой промышленности — 0,36 %¹⁰). Многие работники по своему «культурному и образовательному уровню» не соответствуют занимаемой должности. На некоторых предприятиях, где проводилось обследование, около 64 % молодых рабочих и служащих, формально имеющих образование в объеме полной или неполной средней школы, не соответствуют производственным требованиям. Из-за малограмотности и неграмотности рабочих снижается не только производительность их труда, но и эффективность использования специалистов средней и высшей квалификации. Согласно данным обследования 20 млн. рабочих и служащих, 40,2 % их имеют образование ниже, чем в объеме неполной средней школы, а 8,2 % неграмотные и малограмотные.

Министр просвещения Хэ Дунчан высказал решительное намерение в ходе реформы изменить структуру вузов, чтобы соотношение между специалистами разных профилей, а также между специалистами высшей, средней и низшей квалификации постепенно пришло в соответствие с требованиями экономического и социального развития страны. Ныне в министерстве просвещения КНР идет подготовка к созданию планового комитета, призванного прогнозировать потребности общества в разного рода специалистах. Пока же разрыв между потребностями народного хозяйства и фактической подготовкой кадров довольно велик: в 1981 г. стране требовалось получить 520 тыс. молодых специалистов с высшим образованием, а вузы страны выпустили лишь 276 тыс., причем не всегда нужных специальностей. В горнорудной промышленности не нашли применения выпускники 13 специальностей из 17, в строительстве — 20 из 27. В целом спрос оказался только на выпускников 450 из 840 специальностей, по которым организована подготовка¹¹. Острую нехватку кадров испытывают легкая, пищевая, текстильная промышленность.

Необходимо срочно установить оптимальные пропорции между общеобразовательными и профессионально-техническими учебными заведениями и внутри этих подсистем. А пока (к 1982 г.) профессиональным средним образованием охвачено лишь около 3—4 % учащихся системы среднего образования. Выпуск такого числа работников среднего звена, как оценивают и в самом Китае, не может удовлетворить потребности народного хозяйства. По мнению руководителей министерства просвещения КНР, следует стремиться к тому, чтобы в средних специальных учебных заведениях было сосредоточено около половины учащихся системы среднего образования.

Не менее сложна проблема изменения пропорций между общим средним и высшим образованием. В 1982/83 учебном году в вузы было принято 300 тыс. абитуриентов — на 12 % больше, чем в предыдущем. Однако, по утверждению представителей министерства просвещения, в будущем «не удастся долго сохранять эти темпы»¹². Вместе с тем руководство страны, чтобы решить проблему занятости, намерено довести процент поступающих в вузы из общеобразовательных средних школ до 25—35 %. Единственный путь к осуществлению задуманного при сохранении прежних масштабов приема в вузы здесь видят в сокращении

⁹ См.: Хуан Яо. Гаосяо, чжунчжуань пэйян жэньцзай хо да мяньцзи фэншоу (В подготовке кадров с высшим и средним специальным образованием собран обильный урожай). — «Жэньминь цзяоюй», 1981, № 9, с. 9.

¹⁰ См.: «Аньхой шидя сюэбао», 1980, № 2, с. 2.

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 9.X.1980; 22.VIII.1982.

¹² Цзян Наньсян. Люе лунь гаодэ цзяоюй дэ фачжань худу хэ даньчунь чжуйшю шэнсюелюйды вэньти (Поговорим о темпах развития высшего образования и односторонней погоне за поступлением в вуз). — «Жэньминь цзяоюй», 1982, № 1, с. 4.

приема учащихся в старшие классы средней школы до 2,8 млн. в 1985 г., а в перспективе — до 1 млн., хотя оно и без того уменьшилось за последние несколько лет (с 9,9 млн. в 1977 г. до 3,3 в 1982 г.).

Система профессионального образования в КНР находится на стадии становления. Наряду с учебно-производственными школами еще в 60-е годы существовало небольшое число учебных заведений, которые формально можно было отнести к сети профессионально-технического обучения. Когда сегодня в Китае пишут, что в сети профтехобучения и среднего специального образования в отдельные периоды до 1965 г. было занято около половины учащихся всех средних школ страны¹³, следует иметь в виду, что среди «различного вида средних специальных учебных заведений» преобладали сельскохозяйственные средние школы либо учебно-производственные школы при предприятиях, которые, строго говоря, не могут быть отнесены к разряду ПТУ. В 1964 г. в 10 тыс. сельскохозяйственных средних школ обучалось 9 млн. учащихся, то есть 65 % общего числа учащихся средних школ страны (правда, по данным 1979 г., эта цифра куда скромнее — 4,5 млн., или 31 %). Что же касается техникумов, профтехучилищ, то они и накануне «культурной революции» были слабы и немногочисленны: к весне 1964 г. по всей стране их насчитывалось около 1000, в основном это были средние ПТУ, функционировавшие на основе принципа сочетания учебы с производством. Они готовили рабочих как для отраслей тяжелой промышленности (химической, металлургической), так и для текстильной, пищевой промышленности, для торговли и бытового обслуживания. Был лишь 81 сельскохозяйственный техникум.

После принятия 2-й сессией ВСНП пятого созыва (1979) плана реорганизации среднего образования в октябре и ноябре 1980 г. были опубликованы утвержденные Госсоветом КНР решения министерства просвещения о развитии сети профессионально-технического и среднего специального образования. Создание значительного числа новых ПТУ предполагалось осуществить путем реорганизации общеобразовательных средних школ второй ступени. Отраслевым ведомствам и отдельным предприятиям также предлагалось проявить инициативу по созданию ПТУ.

В настоящее время в системе профтехобучения можно выделить средние ПТУ — городские и сельские (чжне чжунсюе), технические училища (цзигун сюесяо), а также техникумы и училища, входящие в подсистему среднего специального образования (чжунчжуань сюесяо). В первые со сроком обучения 1—3 года (в зависимости от профиля) принимаются в основном выпускники неполных средних школ, а также некоторое число недоучившихся в полной средней школе. В техникумы со сроком обучения 4 года также набирают выпускников неполных средних школ, а в медицинские училища и промышленные техникумы со сроком обучения 2,5—3 года поступают выпускники полных средних школ. Однако в начале 80-х годов средние специальные учебные заведения набирали в основном выпускников полных средних школ. Только с 1982 г. была предпринята попытка строже соблюдать образовательный ценз и ограничить возраст абитуриентов с учетом профиля учебных заведений. В 1982 г. еще принимали в одни и те же учебные заведения как выпускников полных школ, так и окончивших неполные средние школы, но в последующие годы предполагается увеличить прием последних.

Вместе с тем сеть полных общеобразовательных средних школ сокращается без компенсирующего расширения сети профтехобразования, невозможного на данном этапе, что лишает многих выпускников неполных средних школ, особенно сельских, шансов на продолжение образования. В 1982/83 учебном году это сокращение составило 3,5 млн., а чис-

¹³ См.: «Гуанмин жибао», 30.III.1982; «Жэньминь жибао», 13.XII.1982.

ленность учащихся в сельскохозяйственных средних школах и профессиональных училищах возросла только на 223 тыс.

Средние ПТУ готовят пополнение рабочего класса и сельских механизаторов, а техникумы и другие средние специальные учебные заведения дают специалистов средней квалификации, попадающих в ряды работников умственного труда.

В 1980 г. тогдашний министр просвещения Цзян Наньсян заявил о необходимости в ходе урегулирования составить разумные планы размещения вузов и техникумов по территории страны, связав этот вопрос с народнохозяйственными планами. Однако наличие различных секторов в народном хозяйстве Китая играет не последнюю роль в том, что структура профтехучилищ в стране складывается стихийно. «Никто толком не знает, какие специалисты нужны и в каком количестве»¹⁴, хотя, по замыслу, предприятия должны составлять перспективные планы подготовки рабочих и техников по специальностям и передавать их в ведомства труда.

До сих пор не совсем ясно, для какого сектора экономики готовят кадры средние специальные учебные заведения. Теоретически — для предприятий как государственного сектора, так и коллективного. в прошлом — прежде всего для государственных предприятий тяжелой промышленности. Однако поскольку в ближайшем будущем их число, скорее всего, не будет заметно увеличиваться¹⁵, многие экономисты и социологи КНР предлагают ориентировать профессионально-технические учебные заведения на подготовку кадров прежде всего для легкой промышленности, торговли, сферы бытового обслуживания, где много коллективных и индивидуальных предприятий, а на селе — для животноводства, лесоводства, рыболовства и подсобных промыслов.

В июне 1982 г. Госсовет КНР утвердил совместный проект государственного планового комитета и министерства просвещения, содержащий требование к местным властям обеспечить распределение выпускников вузов и средних специальных учебных заведений прежде всего в сельское хозяйство и легкую промышленность. К концу 1981 г. в коллективном секторе было занято вчетверо меньше рабочих и служащих, чем на государственных предприятиях. Поэтому ряд авторов, выступающих в центральной китайской печати, считают целесообразным, чтобы ПТУ и другие училища готовили кадры для трудоемких отраслей промышленности, не требующих значительных капиталовложений. А это прежде всего кустарные и художественные промыслы: шелкоткачество, вышивка, резьба по кости, изготовление художественных изделий из яшмы, фарфора, пошив одежды, обуви¹⁶.

Вопросы специального образования не являются чисто экономическими, они определяются и социальными нуждами, тем, каковы стимулы и мотивы получения высшего или среднего специального образования. Выбор, который делают дети, а точнее, их родители, после начальной или неполной средней школы, является существенным моментом социального развития. Большинство детей из семей служащих и интеллигенции стремится попасть в привилегированные «ключевые школы», обеспечивающие лучшее качество подготовки и почти автоматически прокладывающие путь в вуз, то есть в ряды работников умственного труда — интеллигенции и ганьбу.

Сегодняшняя система образования КНР — это сложная иерархическая система. Существование «ключевых школ» позволяет говорить не только о фактическом, но и о формальном неравенстве уровней образования.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 17.IX.1981.

¹⁵ См.: «Гуанмин жибао», 12.X.1982.

¹⁶ См.: «Жэньминь жибао», 26.VI.1982, 4.X.1980.

Разрыв между школами разных типов огромен. «Ключевые школы» провинциального уровня котируются выше всех остальных, за ними идут городские «ключевые школы», затем — районные. «Неключевые» школы гораздо менее престижны. Поступить в «ключевую школу» можно, скорее всего, из закреплённой за ней (гласно или негласно) неполной средней школы. На совещании по «ключевым школам» в 1980 г. прямо выдвигалось требование установить прямую связь между «ключевыми школами» и «ключевыми вузами». «Ключевые школы» дают самый высокий процент поступивших в вузы, значительно превышающий общегосударственный (4—5 %). В 1980 г. в Гуанчжоу из «ключевой школы» Хуафу провинциального уровня в вузы поступило 75,7 % выпускников, из другой «ключевой школы» (№ 2) — 63 %, почти столько же, 61,7 %, — из школы Гуяня. Обладая упомянутыми преимуществами — качество преподавания, контингент учащихся, материальные ресурсы, — «ключевые школы» создают привилегированные условия своим учащимся: старшие классы делятся на потоки — гуманитарный и естественный, где усиленно ведется подготовка по профилю вуза. Учащимся этих школ разрешается сдавать экзамены до окончания учебного года, чтобы иметь возможность повторного поступления. В «ключевых школах» создаются дополнительные годовичные классы, формируемые из не прошедших в вуз выпускников (плата за обучение здесь в 2—3 раза выше).

Поступить в «ключевую школу» чрезвычайно трудно. В уездную школу в Тайшани на 300—400 мест было подано 9 тыс. заявлений. В 1980 г. 260 выпускников «ключевой» средней школы № 2 города Гуанчжоу поступили в вуз и только 36 — в ПТУ¹⁷. И поскольку в «ключевые школы» поступают в основном дети из семей ганди и интеллигенции, то из этих же слоев преимущественно формируется и социальный состав студенчества регулярных вузов.

Те, кто не имеет возможности попасть в такие школы, предпочитают вообще обойтись без общего среднего образования и после неполной средней школы идут работать. Есть данные, что в ряде районов отсеб выпускников неполных средних школ выше, чем из начальных и полных средних. Молодежная газета КНР с тревогой писала, что в 1980 г. в Чанчжоу только 27,4 % выпускников неполной средней школы изъявили желание сдавать экзамены в полную¹⁸. К тому же отделы труда не очень-то учитывают образовательный уровень при устройстве на работу.

Явно элитарный характер «ключевых школ» рано или поздно должен был вызвать и вызвал недовольство населения. Весной нынешнего года «Жэньминь жибао» со ссылкой на «массы» писала, что в «ключевых школах сосредоточены наиболее квалифицированные педагоги, лучшие учащиеся, сконцентрированы ассигнования, в них лучшее оборудование, поэтому и процент поступления выше, в то время как выпускникам большинства обычных школ почти не удается поступить в вуз¹⁹. «Ключевые школы» задумывались как образцы для всех остальных, но этот образец остался недостижимым.

Перспективы трудоустройства, профессионального роста и социальный статус во многом определяют жизненные планы выпускников школ и тенденции формирования контингента учащихся. Как известно, профессиональная ориентация является важной стороной социальной ориентации личности. В ходе так называемой «великой пролетарской культурной революции» стимулы к получению образования (престиж, материальное стимулирование, перспектива роста) были почти ликвидированы гонениями на интеллигенцию, чрезвычайно низкой оплатой труда работников умственного труда, очевидной неэффективностью использо-

¹⁷ In: S. Rosen. Obstacles to Educational Reform in China. — "Modern China", 1982, vol. 8, № 1, p. 21, 36—37.

¹⁸ См.: «Чжунго циннянь бао», 1.VII.1980.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 12.III.1983.

вания выпускников вузов. Достаточно напомнить широко распространенную среди молодежи в те годы так называемую теорию бесполезности учебы (душу уюн). Ныне на социальную и профессиональную ориентацию влияют такие факторы, как безработица среди грамотной молодежи и существенные различия в условиях труда на различных предприятиях.

Многочисленная армия молодежи, высланной из городов Китая в 1968—1978 гг., составила конкуренцию при устройстве на работу почти такому же числу выпускников средних школ первой и второй ступеней. Китайская оценка количества выпускников средних школ 1980—1985 гг., которые в основном сразу идут работать, — 18,5 млн., — вероятно, даже занижена²⁰. Ежегодно, как сообщил ответственный сотрудник Государственного экономического комитета КНР, 5—6 млн. молодых людей ищут работу. Этим же комитетом подсчитано, что рабочая сила в городах в ближайшем будущем будет ежегодно возрастать на 3—4 млн., не считая уволенных и вышедших на пенсию.

Каковы же в этих условиях жизненные планы молодежи? Как показали результаты недавнего социологического опроса, молодые люди повсеместно «мечтают выбрать работу на государственных предприятиях, хотят получить работу по государственному распределению, мечтают занять должности, требующие обширного багажа знаний и высоких технических навыков, стремятся к социально престижным профессиям». На государственных предприятиях их привлекает не только более высокая заработная плата, престижность, пенсия, но и возможность пожизненной занятости как для них самих, так и, если сохранится практика замещения рабочих мест, для их детей. Поскольку в Китае нельзя перейти с одного предприятия на другое по собственному желанию, для молодых людей (и их родителей) чрезвычайно важно, на какое предприятие они попадут по окончании учебного заведения. Однако, как признали участники прошедшего в июне 1982 г. всекитайского совещания по вопросам занятости молодежи, подобные мечты являются в нынешних условиях не более чем «беспочвенными иллюзиями». «Новый курс» в решении вопроса о занятости молодежи состоит в том, что выпускникам ПТУ предлагают «оставить пассивные мечты о едином найме и распределении на работу со стороны государства» и вместо этого «преисполниться духа независимости», иными словами — рассматривать создание кооперативных предприятий, опирающихся на собственные силы, как наилучший путь к обеспечению занятости²¹.

Китайская молодежь стремится попасть в вуз не только потому, что желает перейти в ряды интеллигенции, но и из страха перед безработицей. До сих пор вузы в основном давали, хотя и не всегда по профилю, государственное распределение, работу, «железную чашку риса». Не менее активно китайская молодежь стремится попасть в техникумы, также обеспечивающие выпускников работой. Что же касается средних ПТУ и классов профессионально-технического обучения, повсеместно открывающихся при средних школах, то пока что родители не очень их рекомендуют детям, да и сами подростки не очень туда стремятся, так как выпускники ПТУ должны самостоятельно искать себе работу, фактически не имея никаких преимуществ при трудоустройстве.

В условиях острой конкуренции при поступлении на работу выдвигаются различные предложения с целью заинтересовать молодежь в результатах учебы и во имя «отбора талантов»: уравнивать оба типа учебных заведений, лишив выпускников техникумов права на государственное распределение; ввести единую систему набора и распределения для сельскохозяйственных ПТУ и городских средних специальных учебных заведений; предоставить лучшим студентам право преимущественного выбо-

²⁰ In: S. Rosen. Op. cit., p. 25.

²¹ См.: «Гуанмин жибао», 10.VI.1982.

ра рабочего места (такие эксперименты уже проводятся, в частности, в Нанкине); направлять их на государственные предприятия.

Но пока существующая система найма рабочей силы на предприятия, в первую очередь система ученичества, как признают в Китае, оказывает отрицательное воздействие на профессиональную ориентацию молодежи КНР. Кое-какие меры по трудоустройству выпускников ПТУ принимаются. В отдельных городах принято решение постепенно учитывать число выпускников ПТУ в планах использования трудовых резервов, составляемых предприятиями, а также городскими ведомствами планирования и труда. Но практически система образования оторвана от потребностей производства, от системы народнохозяйственного планирования.

Руководители многих предприятий неохотно берут на работу выпускников ПТУ, зная их слабую подготовку, и отдают предпочтение выпускникам регулярных общеобразовательных школ. Об этом говорилось во время посещения секретарем ЦК КПК Ху Цяюму одного из пекинских ПТУ²². Органы просвещения настаивают на том, чтобы выпускников ПТУ принимали на работу через систему конкурсных квалификационных экзаменов по специальности. Однако администрация предприятия часто возражает на том основании, что специальности, по которым получили подготовку выпускники ПТУ (1980/81 учебного года, в частности), не соответствуют квалификационной сетке на государственных предприятиях того периода либо по той причине, что в ПТУ обучали работать на оборудовании только одного типа. Администрация считает, что окончившие профтехучилища должны участвовать в экзаменах по найму на общих основаниях. Тем счастливицам, которым удалось получить направление на государственное предприятие, также приходится отрабатывать срок ученичества, как и другим новичкам, и только в последнее время звучат призывы к тому, чтобы окончившим ПТУ отменяли срок ученичества либо сократили его. Таким образом, существует ряд причин, которые не стимулируют приток учащихся в ПТУ.

Итак, составляя свои жизненные планы, китайские подростки и их родители отдают предпочтение техникумам перед ПТУ. Помимо перспектив трудоустройства, этому есть и еще одна причина. ПТУ действуют в основном на принципе самообеспечения (учебно-производственная система), а технические училища находятся на государственном обеспечении. Приток абитуриентов в средние ПТУ в 1981/82 учебном году даже уменьшился по сравнению с предыдущим учебным годом, а число учащихся в ряде городов резко сократилось (в Ханьчжоу, например, с 1300 до 300)²³. При огромной безработице в стране в ряде провинций отмечался значительный недобор учащихся в ПТУ. По данным за 1981 г., в 10 из 23 провинций ПТУ не набрали и 1000 человек на провинцию, а в двух, которые не были названы, вообще не было проведено набора. Семь провинций не набрали по тысяче человек даже в сельскохозяйственные средние школы, а в четырех провинциях в школы этого типа вообще не производилось набора²⁴. Сдвиг наметился в 1982/83 учебном году. В целом по стране число учащихся в ПТУ и сельскохозяйственных средних школах резко возросло — с 481 тыс. до 704 тыс., в технических училищах — до 670 тыс., а в средних специальных учебных заведениях оно превысило миллион, набор в них, а также в техникумы был увеличен до 630 тыс.²⁵

Попасть в ПТУ пока легче, чем в средние специальные учебные заведения. В Пекине летом 1982 г. желавших поступить в педучилища было в 19 раз больше, чем учебных мест, в другие средние специальные

²² См.: «Чжунго циннянь бао», 24.VI.1982; «Жэньминь жибао», 10.IV.1982.

²³ См.: «Жэньминь жибао», 17.IX.1981.

²⁴ См.: «Гуанмин жибао», 30.III.1982.

²⁵ См.: «Жэньминь жибао», 30.IV.1983.

учебные заведения конкурс превышал 30 человек на место, а в ПТУ составил лишь 6 человек ²⁶.

На жизненные планы китайской молодежи отрицательно влияет и узаконенная в КНР система замещения детьми рабочих мест родителей, выходящих на пенсию. С одной стороны, эта система ограничивает социальную мобильность выпускников учебных заведений, с другой — лишает их стимула к повышению образования. В неполной средней школе данный фактор стал сильно тормозить повышение успеваемости, ибо для замещения должности отца или матери качество аттестата их детей роли не играет — получение рабочего места им гарантировано. Очень многие учащиеся средних школ рассуждают примерно так: «Что нам личность развивать, лишь бы папе пятьдесят» ²⁷. В Чунцине за последние годы на педагогическую работу, заменив вышедших на пенсию родителей, пришло более 5 тыс. молодых учителей, большинство которых не получили необходимого образования и фактически не имеют права на преподавание ²⁸. Подобное положение складывается и при наследовании других профессий умственного труда.

В начале 80-х годов развитие профессионального образования шло преимущественно в городах. По предварительным данным, к 1981 г. по стране число учащихся городских ПТУ составляло 213 тыс., а сельскохозяйственных школ и ПТУ — 268 тыс. ²⁹, что совершенно не отражает соотношение городского и сельского населения в стране. На создание сельскохозяйственных школ и ПТУ нужны дополнительные средства, тогда как в городах под ПТУ были перестроены многие полные средние школы, которых там гораздо больше, чем на селе, а также так называемые «университеты 7 мая». Несмотря на это, в 1982 г. все определеннее стала высказываться мысль о том, что «по самой сути своей реформа среднего образования имеет на селе более благоприятные условия, поэтому ее можно осуществить быстрее и лучше, чем в городе». Каковы эти благоприятные условия, комментатором не указывается, но, по-видимому, именно против такого подхода протестовали более осторожные работники просвещения, считающие, что профессиональную сельскохозяйственную школу труднее создать, чем общеобразовательную, она требует больших расходов, сложнее найти для нее преподавателей ³⁰. Не случайно сегодня в Китае даже городские ПТУ невелики — на 80—120 учащихся.

Если в городах одним из препятствий на пути к расширению сети профтехобразования является система найма рабочей силы, то на селе такой преградой стала система «производственной ответственности». Внедрение этой системы в хозяйствах, лишенных техники, поставило получение дохода в прямую зависимость от количества живого труда, в результате чего крестьяне начали забирать детей из школ и число учащихся на селе резко снизилось ³¹. Этот процесс коснулся как начальных, так и средних сельскохозяйственных школ.

Другую сторону взаимосвязи «образование — общество» образует влияние общества на социальный состав учащихся различных учебных заведений. В период «культурной революции» была сделана попытка с помощью упрощения системы образования искусственно преодолеть социальные различия в обществе.

Как подтверждает практика СССР и других социалистических стран, система образования является важным, но не единственным условием

²⁶ См.: «Бэйцзин жибао», 28.VII.1982.

²⁷ Из выступлений депутатов ВСНП и членов НПКСК на собеседовании в министерстве просвещения. — «Жэньминь цзяоюй», 1982, № 1, с. 7.

²⁸ См.: «Жэньминь жибао», 5.XI.1980.

²⁹ См.: «Жэньминь цзяоюй», 1982, № 2, с. 8.

³⁰ «Гуанмин жибао», 21.X.1982; 20.XII.1982.

³¹ См.: «Жэньминь жибао», 17.V.1982.

социального развития. Этот процесс определяется прежде всего общим развитием производительных сил, прогрессивным изменением характера и содержания труда.

В первые годы существования КНР последовательно проводились мероприятия по вовлечению в школы детей рабочих и крестьян. Процесс этот шел медленно, но неуклонно: к 1958 г. они составляли 90 % учащихся начальных, 70 % — средних школ и 48 % студентов вузов. Внедренная с конца 50-х годов система школ и вузов механически соединила (примерно в равной пропорции) обучение с производительным трудом. Имелось в виду решить при этом и социальные задачи: низкий образовательный ценз при поступлении, бесплатное обучение в отличие от обучения в школах с полным учебным днем, которое является платным, позволяли резко увеличить процент выходцев из рабочих и крестьян среди учащихся. Однако невысокое качество подготовки, излишне ранняя специализация, нацеленность на местные хозяйственные потребности продолжали разделять город и деревню. Не решая, по существу, проблемы преодоления классовых различий, подобная политика вместе с тем вела к сокращению воспроизводства интеллигенции. Этому способствовали и такие меры, как установление в 1966 г. социального ценза при поступлении в вузы, массовая высылка выпускников городских средних школ и вузов в сельские районы на постоянное жительство.

Сегодня недостаток статистических данных мешает определить степень соответствия контингента учащихся всех подсистем образования социальному составу населения и задачам социального развития. Однако наличие в Китае сети элитарных учебных заведений, практически нацеленных на самовоспроизводство аппарата кадровых работников и интеллигенции, означает закрепление социальных различий, а в сочетании с системой «производственной ответственности» — и социальной противоположности. В 1980—1982 гг. среди поступивших в высшие учебные заведения и в «ключевые школы» дети «кадровых работников» составляли значительную часть (например, в Пекинском университете — 39 % поступивших на первый курс в 1980 г.). Отсутствие системы подготовительных курсов не позволяет «подтянуть» выпускников неключевых школ до уровня требований на вузовских вступительных экзаменах.

В 1977/78 учебном году среди студентов КНР «процент выходцев из семей интеллигенции относительно доли интеллигенции в общей численности населения был выше, чем в предыдущие годы», а «число учащихся из рабочих и крестьян — меньше»³².

Даже краткий обзор показывает, как много проблем и противоречий существует между изменениями в системе образования и задачами социального развития КНР, как важно учесть эти проблемы и наметить пути решения. В Китае работники просвещения сейчас очень интересуются управлением системой образования, но ведь прогнозирование структуры образования как раз и есть элемент, функция управленческой деятельности. Этот прогноз требует не только оптимального удовлетворения потребности народного хозяйства в специалистах различного профиля и квалификации, но и решения проблем ликвидации социальных противоположностей и преодоления социальных различий с помощью, в частности, социалистической системы образования.

³² "Peking Review", 1978, № 30, p. 18.

ПО СТРАНИЦАМ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКИ

Вопреки исторической правде*

Фальсификация истории казахского народа, истории Казахстана стала неотъемлемым звеном в клеветнической кампании против нашей страны, развернутой на страницах китайской печати. Передвигая и искажая факты, китайские лжеисторики пытались и пытаются извратить, в частности, историю русско-казахских отношений, историю добровольного присоединения Казахстана к России¹. Таким же образом рассматривает историю казахского народа, историю его добровольного присоединения к России недавно опубликованная в «Вестнике Синьцзянского университета» статья, подписанная Су Бэйхаем².

Основной смысл этой весьма пространной и претенциозной статьи состоит, как отмечает автор, в том, «чтобы восстановить подлинный облик истории» и поведать, «как Младший казахский жуз подвергся агрессии со стороны царской России, а также о борьбе и сопротивлении России». И, вероятно, с автором статьи не стоило бы полемизировать, если не иметь в виду то, что в статье отражены господствующие ныне в историографии КНР взгляды, служащие отнюдь не научному познанию истории, а стремящиеся искать ее в угоду территориальным претензиям Пекина к СССР, включая и территорию Казахстана, вбить клин в дружбу народов нашей Родины, обмануть китайский народ, а также казахов и уйгуров, живущих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, представить дело так, будто они поддерживают территориальные претензии Пекина.

Тон статьи весьма крикливый, но, как известно, брань никогда не была аргументом. Автором использована в основном литература XIX в. и лишь некоторые труды по истории Казахстана, вышедшие в советское время, но уже почти сорокалетней давности. Замалчивается творческий поиск в советской исторической науке и ее казахстанской ветви, развитие исторической мысли по проблеме присоединения Казахстана к России. Полностью и сознательно игнорируется историческая литература последних десятилетий, монографии, специально посвященные теме добровольного присоединения Казахстана к России, обобщающий фундаментальный труд — пятитомная «История Казахской ССР».

Таково же отношение автора к публикациям источников, архивных документов, достаточно полно отражающих русско-казахские отношения в XVI—XIX вв. Приемы же, которыми он пользуется, не новы — это выдергивание цитат из контекста книг, умалчивание совокупности достоверных фактов, давно вошедших в научный оборот, отказ от их конкретного анализа или просто подтасовка, стремление выдать черное за белое, желаемое за действительное. Нет необходимости рассматривать все содер-

* Статья опубликована в «Вестнике Академии наук Казахской ССР», № 4, 1983. Перепечатывается с некоторыми сокращениями.

¹ Историческая наука в КНР, изд. 2. М., 1981, с. 9, 60. Подробнее о положении дел в историографии КНР см.: Актуальные проблемы борьбы с маоистскими фальсификациями в области истории. Материалы конференции. М., 1979; Р. В. Вяткин. Историческая наука КНР на современном этапе. — «Вопросы истории», 1979, № 2; Б. П. Гуревич. Некоторые вопросы истории Казахстана и Средней Азии и их извращение в печати КНР. — «История СССР», 1979, № 2; Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев. Взаимоотношения цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII—XVIII вв. и китайская историография. — «Вопросы истории», 1979, № 3; В. С. Мясников. Идеологический банкротство пекинских лжеисториков. — «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 4; Против маоистских фальсификаций истории Киргизии. Фрунзе, 1981; С. Л. Тихвинский. История Китая и современность. М., 1976; В. С. Ясенов, А. Г. Кручинин. Критика маоистских фальсификаций истории русско-китайского территориального разграничения. — В кн.: Китай в новое и новейшее время. М., 1981.

² Синьцзян даске сюэбао. 1983. № 1.

жание статьи Су Бэйхая, остановимся только на некоторых, наиболее существенных вопросах.

Вся сумма штампов, которыми изобилует статья, нацелена на то, чтобы попытаться доказать, что казахи всегда жили на территории Китая, что, как утверждает автор, они — это «братская национальность нашей страны» (то есть Китая) и входили в состав Китая. Однако в Китае существовало много империй, каждая из которых имела свои территориальные пределы. Насколько известно из самих же китайских династийных хроник, народы — предшественники казахов никогда не входили в состав какой-либо китайской империи в древности и в средневековье. Появилась статья, конечно, не случайно после опубликования 30 октября 1981 г. Центральным Комитетом Компартии Казахстана постановления «О 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России» и празднования этого большого события в Казахской ССР, во всей советской стране.

Знакомство со статьей показывает, что она от начала до конца проникнута духом китаецентризма, великоханьского шовинизма, питается идеями китайской императорской и гоминьдановской историографии и не имеет ничего общего с марксистско-ленинским пониманием истории.

Вряд ли требует комментариев формула статьи о том, что казахи «проживают в нескольких провинциях: Синьцзян, Ганьсу, Цинхай. Хотя казахов, проживающих в Китае, насчитывается только 900 с лишним тысяч, но и в Советском Союзе их еще 6 млн. человек». Разумеется, ни слова о том, что казахский народ имеет свою советскую национальную государственность в Союзе ССР и является равноправным членом великого содружества советских народов и уже, конечно, не разъясняется, каким образом казахи оказались так далеко от своих родных земель — в Ганьсу и Цинхае. Умолчание весьма красноречивое. Ведь вопреки обещаниям руководителей КНР неханьским народом Китая было, по существу, отказано в праве на национальное самоопределение, и дело ограничилось лишь созданием в нескольких районах страны, в частности в Синьцзяне, куцей национальной районной автономии. В районах же Ганьсу и Цинхая казахи оказались отнюдь не по своей воле, они были переселены туда властями КНР.

Читателю сообщается, что казахский народ якобы в «историческом прошлом всегда проживал в пределах Китая». А поскольку, как утверждается далее, казахские жузы занимали обширную территорию от Алтайских гор на востоке до берегов Каспийского моря на западе, следовательно, и границы китайские простирались до названных мест. Дабы у читателя не осталось на сей счет каких-либо сомнений, автор ссылается на высказывание китайского историка Фань Вэньляня о том, что, например, «политическое влияние династии Тан распространялось до восточного и северного побережья Каспийского моря, а ее авторитет еще дальше», а отсюда и делает «научный» вывод: «Династия Тан непосредственно управляла районом Младшего жуза», не говоря о том, что никогда в истории политическое влияние династии Тан «до восточного и северного побережья Каспийского моря» не распространялось.

Трудно поверить, что автору не известны реальные факты об отношениях императоров династии Тан и правителей тюркских государственных образований, существовавших тогда на территории нынешнего Казахстана. Ведь в науке не вызывает сомнений и то, что в VI в. н. э. на обширных пространствах Центральной Азии существовал Тюркский каганат, позднее разделившийся на два самостоятельных государственных образования — Восточнотюркский каганат и Западнотюркский каганат, политический центр которого находился в Семиречье, как и то, что они подверглись нашествию китайских завоевателей. Войска династии Тан в VII в. н. э. осуществили экспансию против Западнотюркского каганата. Памятники тюркской письменности донесли до нас отзвуки многовековой борьбы тюрков Центральной Азии с китайскими императорами. Так, в надписи на памятнике, поставленном в честь Тоньюкука, говорится, что только каган Эльтериш против китайцев «ходил сражаться семнадцать раз»³. Упорное сопротивление тюрков, возвышение Тибета и, наконец, вторжение в Среднюю Азию и Южный Казахстан арабов положили конец агрессии Танской империи. А вскоре императоры этой династии сами вынуждены были платить дань правителям Уйгурского каганата, возникшего в 745 г. на месте Восточнотюркского каганата⁴.

Утверждения статьи расходятся с показаниями не только тюркских, но и китайских источников. Даже в таком тенденциозном историко-географическом сочинении, как «Циньдин хуаньюй Си юй тучжи» («Высочайше утвержденное географическое описание Западного края с картами»), подготовленном и изданном в 1782 г. специальным комитетом китайских ученых и сановников по указанию императора Цяньлуна (1736—1795 гг.), вынужденно отмечается, что «Ханьскому Чжан Цяню удалось только однажды пройти по его (Западного края) землям. (Династия) Тан хотя и учредила

³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М. — Л., 1951, с. 69.

⁴ А. Г. Малайкин. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв., т. 2. Новосибирск, 1974, с. 5.

в отдельных районах должности дуду и округа, но последние существовали лишь номинально и фактически их, можно сказать, не было»⁵.

Остается добавить, что территория Казахстана, как об этом свидетельствуют и китайские ученые, никогда в сфере управления наместников Си юя не входила⁶.

К тому же каждому непредубежденному человеку ясно, что нельзя заявлять о правопреемстве на те или иные территории, ссылаясь на показания тенденциозных исторических хроник и их указания на конечные точки маршрутов военных походов. Об этом убедительно и емко сказано в заявлении Советского правительства: «Если принять принцип, отстаиваемый в заявлении правительством КНР, согласно которому государственную принадлежность территорий определяет не населяющий их народ, а воспоминания о былых походах, то Латинской Америке, видно, пришлось бы вернуться под власть испанской короны и США вернуться в лоно Великобритании. Греция в качестве наследника Александра Македонского могла бы, наверное, потребовать себе нынешнюю Турцию, Сирию, Иран, Индию, Пакистан, ОАР и т. д.»⁷.

Полет больной фантазии автора (иначе не скажешь) становится поистине неудержимым, когда речь заходит о присоединении Младшего жуза казахов к России. Тут уж автор не стесняется в выражениях: и «варварская агрессия», и «агрессоры», и «экспансия», и захват с целью «мировой гегемонии», и «кровопролитные войны с агрессором», в которых «погибло бесчисленное число агрессоров». Иван IV и Петр I представлены в статье тоже только как «агрессоры», все же русские послы и состав посольств по торговым и политическим вопросам в казахские ханства и в Среднюю Азию — как «тайные агенты самодержавия». Зато полностью зачеркивается история многовековых экономических, политических и культурных связей русского и казахского народов, их заинтересованность жить в мире, стремление Русского государства к расширению торговых взаимовыгодных связей с казахской степью, со Средней Азией, к обеспечению безопасности караванных путей.

В статье говорится о внешней опасности для казахского народа со стороны ойратских (джунгарских) феодалов и борьбе казахов против них, факторе, имевшем очень серьезное значение в истории присоединения Казахстана к России. Но территория Джунгарского ханства объявляется китайской, отрицается факт существования самостоятельного Джунгарского государства и, уж конечно, оказалось забытым завоевание в 1758 г. Цинами этого государства и жесточайшая расправа с сотнями тысяч людей, проживавших на его территории. По мнению Су Бэйхая, Джунгария и Монголия были «объединены» династией Цинов, а национально-освободительное движение ойратов во главе с Амурсаной называется «мятежом». Вот уж «объединение» с уничтожением почти целого народа!

Целиком искажена в статье история добровольного принятия российского подданства казахами Младшего жуза. Хан Абулхаир назван «позорным отребьем», его действия оценены как «продажная политика», старшины, подписавшие присягу 10 сентября 1731 г., и все последовавшие за ними старшины не только Младшего, но и Среднего жуза — как «отщепенцы», подкупленные главой русского посольства Тевкелевым.

Хорошо известно, что история присоединения Младшего жуза обстоятельно изучена в советской историографии⁸. Выявлена и введена в научный оборот масса источников на русском и восточных языках. В одном только сборнике документов «Русско-казахские отношения» опубликовано свыше 600 документов⁹.

Постепенное сближение и последующее добровольное присоединение Младшего, а затем и других казахских жузов к России было вызвано совокупностью экономических, политических и социальных факторов и представляло собой длительный по времени процесс, протекавший в сложной международной обстановке. Первые документально зарегистрированные контакты Русского государства с Казахским ханством относятся к концу XV века, то есть ко времени образования последнего¹⁰. В жалованной грамоте Ивана IV братьям Строгановым от 30 мая 1574 г. говорилось: «Почнут с

⁵ А. И. Чернышев. Материалы «Циньдин хуаньюй Си юй тучжи» о связях Китая с Западным краем в средние века. — В кн.: Общество и государство в Китае. Тезисы и доклады XII научной конференции, ч. 3. М., 1981, с. 188.

⁶ См.: Ван Чжилай. История Центральной Азии. Пекин, 1980, с. 99.

⁷ «Правда», 14.VI.1969.

⁸ Из работ последних лет см.: Н. Г. Аполлова. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М., 1976; Н. Е. Бекмаханова. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. М., 1980; Навеки вместе. К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982; Б. С. Сулейменов, В. Я. Басин. Казахстан в составе России в XVIII — начале XX в. Алма-Ата, 1981; Б. А. Тулепбаев. Плоды великой дружбы. М., 1982; Т. Ж. Шоинбаев. Добровольное присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1982.

⁹ Казахско-русские отношения в XVI — XVIII веках (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961; Казахско-русские отношения в XVIII — XIX веках. 1771—1867 гг. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964.

¹⁰ В. Я. Басин. Россия и казахские ханства в XVI — XVIII вв. Алма-Ата, 1971, с. 78.

ними в те новые места приходили торговые люди, бухарцы и казатские орды, и из иных земель, с лошадьми и со всякими товарами... и им у них торговати беспощинно»¹¹. В силу исторически сложившегося разделения труда между кочевыми скотоводческими и оседлоземледельческими районами казахи-кочевники нуждались в продуктах ремесла и земледелия, были заинтересованы в торговых связях с Русским государством. После присоединения к Русскому государству народов Поволжья в конце XVI века население Младшего жуза вступило в непосредственные контакты с подданными России, начался обмен посольствами. Казахские ханы и султаны в борьбе с Джунгарским ханством стремились получить поддержку соседнего могущественного государства. Еще в 1594 г. с просьбой о принятии казахов в русское подданство обратился хан Тевекель¹², позднее ханы Тауке и Каип.

Присоединение и экономическое освоение русскими людьми Западной Сибири вело к усилению русско-казахских экономических и политических связей. Растущая угроза со стороны Джунгарского ханства, особенно в 20-х годах XVIII века, нашествия, оставшееся в памяти народа как «годы великого бедствия» («актабан—шубрынды»), когда над ним нависла опасность полной гибели, с новой силой выдвинули проблему присоединения к России. Различные завоеватели использовали феодальную раздробленность и междоусобицы для грабительских нашествий на Казахстан.

Разглаголюсь о жестокостях царской России в отношении казахов, а также противопоставляя казахов джунгарам, Су Бэйхай умышленно замалчивает трагическую судьбу джунгарского народа.

Вот как описывали сами китайские историки истребление джунгаров китайскими войсками: победа над Джунгарией «была одержана путем самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгары. В период расцвета в Джунгаре жило более 200 тысяч семейств, или свыше 600 тыс. человек; после военного разгрома три десятых населения было истреблено цинскими войсками, четыре десятых вымерло от оспы, а выжившие из лап смерти джунгары были вынуждены бежать к казахам в пределы России»¹³. Не трудно представить, что такая же судьба могла постигнуть и соседей джунгаров — казахов. Россия объективно выступила защитницей исторической судьбы и самого существования народов этого региона, именно поэтому Ф. Энгельс говорил о цивилизующей роли России по отношению к этим народам.

В такой обстановке ряд дальновидных представителей казахского общества поставили перед русским правительством вопрос о подданстве. 19 февраля 1731 г. последовал указ об удовлетворении просьбы и принятии казахов в российское подданство¹⁴. 10 октября 1731 г. глава дипломатической миссии А. И. Тевкелев, с одной стороны, Абулхайр и 27 старшин, представлявших большую часть казахов Младшего жуза — с другой, подписали юридический акт о добровольном присоединении ханства к России. Таковы факты, и хотя они широко известны, но мы решили их напомнить, чтобы показать, что присоединение Младшего жуза к России, как и всей территории Казахстана, носило добровольный характер. Попытка же Су Бэйхая противопоставить Абулхайра и батыра Букенбая явно несостоятельна. И тот, и другой сражались с джунгарскими феодалами, а Абулхайр был даже главой ополчения. И Букенбай, как и Абулхайр, подписал присягу о подданстве.

Конечно, стремление Абулхайра принять подданство России было продиктовано не только желанием избавить ханство от нашествия джунгарских феодалов, он рассчитывал таким образом укрепить свои позиции, что, понятно, не могло не вызвать противодействия отдельных феодалов, хотевших захватить власть. Однако это была борьба не против принятия казахами российского подданства, как пытается представить дело Су Бэйхай. Характерно, что после убийства Абулхайра в 1748 г. султаном Бараком ни один казахский феодал не отказался от российского подданства. В 30—40-х гг. XVIII в. изъявили желание принять русское подданство ханы, султаны, старшины Среднего и Старшего жузов, то есть всей территории Казахстана. Ни вторжения джунгарских феодалов в конце 30-х — начале 40-х гг. XVIII в., ни походы Надиршаха, ни выход Цинской империи в конце 50-х гг. XVIII в. к восточным границам казахских земель, ее военные акции в степи, всяческие посулы казахской феодальной верхушке и давление на нее из Пекина, чтобы заставить ее отказаться от русского подданства, не смогли повернуть колесо истории вспять. Казахский народ не сошел с избранного им пути, и история убедительно подтвердила правильность сделанного им выбора.

В статье есть раздел, озаглавленный «Тяготение Младшего жуза к Китаю в борьбе против России». Здесь речь идет о контактах отдельных представителей казахской знати с цинским двором, которые изображаются как отношения даннические, вассальные.

Вопреки исторической правде утверждается, что после завоевания Джунгарии «казахи, все время принадлежавшие Китаю, с воодушевлением встретили эту весть и вновь перешли в подчинение объединенному правительству династии Цин», что «ка-

¹¹ Б. А. Тулепбаев. Плоды великой дружбы. М., 1982, с. 5.

¹² Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961, с. 3—5.

¹³ Очерки истории Китая. С древности до «опиумных войн». Под ред. Шан Юэ. М., 1959, с. 549.

¹⁴ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961, с. 40.

захский народ и подавляющая часть казахской знати всей душой стремились к своей родине».

Неправомерно подчеркивая «близость» казахов к Китаю, выпячивая тезис о присутствии Китая на рубежах Центральной Азии, Су Бэйхай замалчивает тот факт, что собственно Китай находился за тысячи километров от Казахстана, за Великой стеной, что даже после захвата Джунгарии и Восточного Туркестана этот район входил в состав китайской империи лишь на правах протектората и только в начале 80-х гг. XIX в. был преобразован в провинцию Синьцзян. Следовательно, Казахстан никогда в состав китайской империи не входил, и он был отделен от Китая другими государственными образованиями.

Еще задолго до разгрома Джунгарского ханства Пекин интересовался положением дел в казахской степи, хотя, как это видно из тех же китайских источников, он не представлял себе еще достаточно ясно, где именно расположены казахские кочевья¹⁵. Готовясь к вторжению в Джунгарию, император Цяньлун 9 апреля 1755 г. издал указ, в котором говорилось, что если казахи перейдут на сторону Цинской империи, тогда наградить их титулами и направить в Пекин, если откажутся и окажут сопротивление, «тогда напасть и захватить (военной силой)»¹⁶. Понятно, казахи Старшего и Среднего жузов не собирались уступать свои кочевья по Или и Тарбагатаю Цинам. Эмиссары Цинов требовали от казахских феодалов выдачи Амурсаны, Боланя, Казаксары и других, поднявшихся на борьбу против китайского владычества¹⁷. Послания китайского императора к казахам формулировались так: «Если не выполните наши требования, то предпримем карательный поход», «Подумайте над последствиями, прежде чем оказать нам сопротивление»¹⁸. Однако требования Пекина встретили решительное сопротивление казахских правителей.

В такой обстановке цинский двор принял решение о вооруженном нападении на казахские земли крупными военными силами, прибегнуть к «методу устрашения военной мощью» («Шэ и бин взй»). Поводом для вторжения был объявлен поиск Амурсаны. Заполыхала казахская степь. Войска Цинов под командованием Дарданы и Хадахи не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. Начались ожесточенные сражения. Избегая фронтальных боев с численно превосходящими силами противника, казахские отряды навязывали войскам Цинов тактику изматывающих стычек, заманивали их в глухие и безводные районы и уничтожали по частям. 19 ноября 1756 г. в Коллегию иностранных дел сообщалось, что один из цинских отрядов «Амурсана, обще с киргизским владельцем Аблай-салтаном... осадили и морят голодом»¹⁹. Хан Младшего жуза Нуралы рассказывал А. И. Тевкелеву, что «на Среднюю орду нападает китайское войско и неоднократные уже сражения с Аблай-салтаном были... куда де прошлой осени и брат его, Эрали-салтан: с войском освоим ездил для помощи Средней орде, почему де оных китайцев при сражении же отбили»²⁰.

Сопротивление казахского народа, военно-оборонительные мероприятия русско-го правительства, а также восстание в Северной Монголии (Халхе) под руководством Ценьгунчжаба вынудили захватчиков отступить.

Летом 1757 г. цинские войска вновь появились в Казахстане. Казахские аулы откочевали под защиту русских укреплений. Некоторые же казахские султаны, в том числе султан Аблай, вынужденно вступили с противником в переговоры. Объясняя мотивы такого шага, Аблай писал, что «он все то делал поневоле, будучи в малолетстве, окружен со всех сторон от китайского войска, без чего де из рук их избавиться ему было никак невозможно»²¹. Его представители, направленные в Оренбург, заявили, что султан Аблай вступил в переговоры с командованием китайскими войсками, «чтоб быть с ними в миру», а «чтоб в подданстве у него быть, о том де не токмо делом, но и в помышлении того не имел и иметь не будет»²².

Показания источников вполне определенно характеризуют связи Цинской империи и казахских ханств, сложившиеся в дальнейшем на какое-то время как отношения, не выходящие за рамки обычных взаимоотношений Китая с сопредельными странами и владениями, в них содержится информация о том, что к тому времени значительная часть казахского населения Младшего и Среднего жузов уже присоединилась к России. Осенью 1757 г. император Цяньлун в одном из своих указов сам признал, что не считает Казахстан частью Цинской империи: «Когда мы говорим, (что казахи подчинились и перешли на нашу сторону, то под этим (следует) понимать лишь (наше) стремление привлечь (их), подобно владениям Аннам, Рюкю и Сиам... Отнюдь не намере-

¹⁵ «Да Цин Гаоцзун Чуньхуанли шилу» («Правдивые записи о правлении благородного императора Гаоцзуна великой Цин»). Тсжио, 1937, гл. 481, с. 46.

¹⁶ Б. П. Гуревич. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979, с. 131.

¹⁷ К. Ш. Хафизова. О некоторых методах цинской дипломатии в XVIII в. В кн.: Общество и государство в Китае. Тезисы и доклады VI научной конференции, ч. I. М., 1975, с. 180.

¹⁸ Там же.

¹⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1, 1756, л. 1, л. 86 об.

²⁰ Там же, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1756, л. 3, л. 182 об.

²¹ ЦГАДА, ф. 248, 1-й департамент Сената, 1758, оп. 113, л. 867, л. 5.

²² АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, л. 4, 1959, л. 117.

ваемся (учредить) на их землях области и уезды (то есть включить их в территорию Цинской империи) и установить систему управления и поставить чиновников, а также (ввести разделение) на знамена (корпуса) и цзолины (роты), как в Халхе»²³.

Русское правительство, несмотря на малочисленность своих военных сил в Сибири, решило тем не менее принять меры для защиты казахов. 2 сентября 1757 г. последовало распоряжение русским властям в Сибири и Казахстане, чтобы в «...тамошних местах по крепостям и форпостам крайняя предосторожность наблюдаема была». Предписывалось ни в коем случае не допускать дело «до разорения» казахов и ойратских беженцев маньчжуро-китайскими войсками и вообще не дать им подойти поближе, «...а в случае ежели появятся и дерзновенные и наглые нападения чинить будут, то... поступать военной рукой с крайней силою»²⁴.

Утверждая, что «казахский народ и подавляющая часть казахской знати всей душой стремились к своей родине Китаю», Су Бэйхай списывает со счетов упорную и кровопролитную борьбу, которую вели казахи Старшего и Среднего жузов Цинским правительством за возвращение своих исконных кочевий, которые были временно потеряны ими в результате набегов ойратских феодалов²⁵. Это была по существу необъявленная война Цинского Китая против населения Казахстана.

С другой стороны, известны факты, когда именно казахи Младшего жуза вместе с ополченцами Среднего жуза участвовали в отпоре маньчжуро-китайским захватчикам. Обстановка, сложившаяся в Казахстане, из-за рейдов цинских отрядов в казахские кочевья, побудила тогда же хана Нуралы, как подданного России, вступить в контакт с русскими властями на предмет совместных военных действий. На этот счет существовала даже специальная договоренность. При свидании хана с заместителем Оренбургского губернатора Тевкелева осенью 1757 г. Нуралы сообщал, что его братья Ералы и Айчувак готовы, «собрав всяк из своего владения войско по немалому числу выступить для спомоществования в ту Среднюю Орду», а сам он в случае возникновения русско-китайского конфликта, получив «надлежащее по способности от российских команд споможение», тоже будет готов «по указу ея и. в. (императрицы Елизаветы Петровны. — Г. С., У. Ш.) с довольным войском и братьями своими на них китайцов туда идти». Он обещал, при этом выставить «не менее тридцати тысяч войска... а иногда и гораздо более»²⁶.

Нельзя также не сказать, что Су Бэйхай, несомненно, сознательно замалчивает объективные прогрессивные следствия присоединения Казахстана к России. Конечно, царизм есть царизм. Его политика в Казахстане осуществлялась в интересах правящих классов — помещиков и капиталистов — и преследовала свои экономические и военно-политические цели. Но советская историческая наука совсем не обеляет самодержавие и его политику, с марксистско-ленинских позиций оценивает их. Дialeктика же сложного и противоречивого исторического процесса в том и состояла, что наряду с социальным и национальным угнетением народных масс экономика казахского общества постепенно вовлекалась в орбиту более передовой капиталистической системы. Наряду с Российской царей, помещиков и капиталистов существовала Россия революционная, демократическая, Россия Радищева, Пушкина, Толстого, Чернышевского, Халтурина.

Но что до всего этому автору статьи в «Вестнике Синьцзянского университета»? Ведь правда истории не оставляет камня на камне от его рассуждений.

Последний раздел статьи посвящен истории восстаний в Младшем жузе в XVIII в. под предводительством Срыма Датова и Букеевской орде в 30-х годах XIX в., во главе которого стояли Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов. По мнению автора статьи, эти восстания свидетельствуют против взглядов советской историографии о добровольном присоединении Младшего жуза к России. Но и тут концы не сходятся с концами. История национально-освободительного движения казахского народа всегда была предметом изучения казахстанских историков, в том числе движения Срыма и Исатай²⁷. Да, они были направлены против колониального гнета царизма, против гнета

²³ «Да Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу» («Правдивые записи о правлении благородного императора Гаоцзуна великой Цин»). Токко, 1937, гл. 543, с. 15а. — Цит. по: Г. В. Мелихов. Экспансия Цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII—XVIII вв. — «Вопросы истории», 1974, № 7, с. 73.

²⁴ АВГР, ф. Зюнгорские дела, 1755—1757, оп. 113/1, д. 4, л. 614, об.

²⁵ «Циньдин пиндин чжуньгээр фаньлюе» («Высочайше утвержденное описание умиротворения джунгар»). (Сюйбянь) Основные записи [Б. м.] 1772, гл. 22, с. 116 — 12; гл. 23, с. 2а; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», с. 632.

²⁶ АВГР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1757, оп. 122/1, д. 3, л. 183—183 об.

²⁷ М. П. Вяткин. Батыр Срым. М., 1947; Е. Б. Бекмаханов. Восстание казахских шаруа Букеевской орды 1836—1837 гг. — Ученые записки Казахского государственного университета. Серия историч., 1957, № 3; Ж. К. Касымбаев. Характер и движущие силы народно-освободительного движения в период присоединения Казахстана к России. — Известия АН КазССР. Серия общественных наук, 1982, № 3; И. Н. Кенжалиев. Исатай Тайманов. — Алма-Ата, 1977; В. Ф. Шахматов. Внутренняя орда и восстание Исатай Тайманова. Алма-Ата, 1946; А. К. Якунин. К вопросу об оценке характера и национально-освободительного движения 30—40-х гг. XIX в. в Казахстане. — «Вопросы истории», 1951, № 4; Е. Б. Бекмаханова. Антифеодальные движения XVIII в. и вхождение Казахстана в состав

своих ханов и султанов, как и выступления казахских трудящихся в крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева, но совсем не против присоединения Младшего жуза к России. Автор не видит (вольно или невольно) двух России и двух Казахстана, а это и есть искажение истории. Классовый фактор он пытается подменить национальным, объявляя одним целым Николая Палкина и его сатрапов с русским народом; ханов Букея, Джангира и других — с казахским народом. Такую позицию никак нельзя назвать научной. Советские ученые дали точную классовую оценку истории названных выше и других выступлений казахских трудящихся, политики самодержавия и казахских ханов и султанов. Они, эти движения, действительно вошли в историю, но отнюдь не в угоду великоханским ее извращениям.

К тому же Су Бэйхай забывает или делает вид, что забывает, что в крестьянской войне под предводительством Пугачева русские и казахские трудящиеся боролись против социального и национального гнета совместно. Впоследствии эта совместная борьба народов — главное прогрессивное следствие присоединения Казахстана к России — переросла в традицию, в интернациональное революционное движение рабочих и трудящихся крестьян, соединившихся с национально-освободительным движением, победивших в Великом Октябре. Без правдивого освещения этой важной стороны исторического процесса немыслима объективная оценка присоединения, и она точно отражена в постановлении ЦК Компартии Казахстана о 250-летнем юбилее добровольного вхождения казахских земель в состав России.

Нет необходимости разбирать все положения одиозной статьи в «Вестнике Синьцзянского университета». Трудно сказать, чего в ней больше: незнания или прямой фальсификации²⁸. Но ясно одно, что территориальные претензии КНР к СССР в отношении территории Казахской ССР нарастают и уже не ограничиваются районами к востоку и югу от озера Балхаш, а теперь делается «заявка» на территорию бывшего Младшего жуза, то есть на советские земли к западу от озера Балхаш и удаленные от границ КНР на тысячи километров, в сущности, на всю территорию Казахстана.

Несомненно, что публикации такого рода с их ярко выраженной антисоветской направленностью ничего общего не имеют с наукой и совершенно не соответствуют заявлениям Пекина о его стремлении установить нормальные и дружественные отношения между китайским и советским народами.

*Г. С. Садвакасов,
член-корреспондент АН КазССР
У. Х. Шалекенов,
доктор исторических наук, профессор*

России. — Навек вместе. К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982, с. 241 и др.

²⁸ Одним из наглядных примеров такого рода фальсификаций является утверждение Су Бэйхая о «тесных политических связях» района к западу от оз. Балхаш и к северу от Аральского моря с Китаем эпохи Хань.

Славный город на Амуре (к 125-летию Хабаровска)

В. С. Яснев

Города, как и люди, отмечают даты своего рождения. В мае этого года исполнилось 125 лет со дня основания Хабаровска. Юбилей города — это в первую очередь праздник его жителей, тружеников-хабаровчан, это праздник и строителей БАМа, и рыбаков Тихоокеанского флота, земледельцев и металлургов, деятелей науки и воинов — всех, кто с гордостью называет себя дальневосточниками.

Крупнейший город Советского Дальнего Востока по праву носит имя Ерофея Павловича Хабарова. Именно Е. П. Хабарову и его сподвижникам-землепроходцам принадлежит заслуга присоединения в середине XVII века Приамурья к России. Первой мыслью русского человека, ногою твердой ставшего на берегах Амура, была забота о хозяйственном освоении огромного края. «И заведутся тут пашни и против всей Сибири будет место в том украшено и изобильно, — писал Ерофей Павлович, — на Амуре-реке пашенных гожих мест и сенных покосов и рыбных ловель и всяких других угодий гораздо много»¹.

Но амурскую землю приходилось и защищать от набегов маньчжурских феодалов, стремившихся угонять местное население для вербовки в свою армию, покорявшую в это время Китай. Именно Е. П. Хабаров бросил клич, который стал боевым девизом защитников Приамурья от маньчжурской агрессии: «...и помрем мы, казаки, все за один человек против государева недруга, а живы мы, казаки, им богдойским людем (маньчжурам. — Авт.), мы, казаки, не дадимся!»² И русские люди стояли на смерть, обороняя Ачанский и Кумарский остроги, отражая натиск «недруга» на амурскую твердыню — Албазин.

В мае 1858 г. солдаты 13-го линейного батальона во главе с капитаном Яковом Васильевичем Дьяченко, чье имя присвоено теперь одной из улиц города, основали на правом берегу Амура, в удивительно живописной местности среди ореховых, дубовых, ясневых лесов, селение Хабаровку. Выгодное географическое местоположение, общее развитие русского Дальнего Востока стимулировали быстрый рост Хабаровска. В 1880 г. он получил статус областного города, а в 1913 г. по численности населения превосходил такие старинные русские города, как Курск, Калуга, Кострома³. В 1897 г. Хабаровск был соединен железной дорогой с Владивостоком, что усилило экономическое значение города как центра всего Приамурья.

На хабаровском Арсенале, на базе Амурской флотилии на других предприятиях Хабаровска трудились прибывавшие в город петербургские, московские, тульские рабочие, имевшие опыт революционной борьбы. Рабочие Хабаровска приняли активное участие в первой русской революции, как и трудящиеся всего Дальнего Востока, присоединились к всеобщей политической забастовке 1905 г. По своей организации и политическому характеру особо отличалась забастовка почтово-телеграфных рабочих и служащих, которых поддержали рабочие Арсенала и железнодорожники. В начале 1906 г. сформировалась Хабаровская социал-демократическая группа, преобразованная в 1907 г. в организацию РСДРП.

В ходе Октябрьской революции трудящиеся Хабаровска уверенно пошли за большевиками. Большевикский Совет рабочих и солдатских депутатов в январе 1918 г. телеграфировал в Петроград Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов: «В Хабаровске с декабря власть в руках Совета. Трудовое население приветствует народно-крестьянское правительство, распустившее учредительное. Декреты постепенно осуществляются»⁴. Высоким героизмом, исключительной преданностью

¹ Цит. по: Л. Григорова, Е. Мельниченко. Исторические памятники и памятные места Хабаровска. Хабаровск, 1958, с. 4.

² Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы в 2-х томах. Т. 1, 1608—1683. М., 1969, с. 135.

³ Хабаровск прежде и теперь. Хабаровск, 1971, с. 8.

⁴ Цит. по: В. И. Чернышева, Хабаровск (к 100-летию города). Хабаровск, 1958, с. 27.

делу Советской власти отмечены годы гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией на Дальнем Востоке. Сегодня в памятниках героям гражданской войны на Дальнем Востоке, рабочим Арсенала, морякам и рабочим базы Амурской флотилии, защитникам Хабаровска под станцией Казакевичево, морякам-амурцам у городского вокзала запечатлены подвиги тех, кто отдал свои жизни за социалистическое будущее Приамурья и всей нашей Родины. 12 февраля 1922 г. Народно-революционная армия завершила разгром белогвардейщины на Волочаевском плацдарме. Волочаевские дни оставили свой след в сердце всего советского народа как образец беспримерного мужества, такого же, какое было проявлено и на кронштадтском беду, и при штурме Перекопа. После разгрома белогвардейцев и интервентов под Волочаевкой 14 февраля 1922 г. был освобожден Хабаровск. Наступило время восстановления народного хозяйства и мирного социалистического строительства.

По своему положению Хабаровск был и остается пограничным городом. Поэтому на его истории, как и на истории всего Советского Дальнего Востока, не могли не отражаться события, происходившие в странах зарубежного Дальнего Востока: в соседнем Китае, в Японии, Корее.

Тревожными были для Хабаровска предвоенные годы. Вооруженный конфликт на КВЖД 1929 г., захват Японией Маньчжурии и подготовка ею плацдарма войны против СССР, многочисленные пограничные провокации японской военизированной полиции у советских дальневосточников острого бдительность и высокое чувство ответственности за сохранение мира. Война пришла в наш дом с западных рубежей. Многие тысячи хабаровчан героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны, отдали свои жизни делу разгрома немецко-фашистских оккупантов. Промышленные предприятия Хабаровска изготавливали все, что необходимо было для фронта.

Огромна роль дальневосточников-хабаровчан в разгроме японского милитаризма. В ходе Маньчжурской наступательной операции 9 августа — 2 сентября 1945 г. 2-й Дальневосточный фронт с оперативно подчиненной ему Амурской флотилией нанес главный удар на Харбин. Стремительное продвижение войск фронта на сунгарийском направлении привело к очищению от врага всей Северной Маньчжурии⁵. Подвиги таких замечательных воинов, как Герой Советского Союза старшина краснофлотец Н. Н. Глубюков, свято чтут сегодня жители города над Амуром, сохраняя имена героев в названиях улиц, на памятниках-мемориалах.

В послевоенные годы ЦК КПСС, Советское правительство уделяют постоянное внимание развитию производительных сил Советского Дальнего Востока. К середине 50-х годов Хабаровск превратился в самый крупный индустриальный центр Дальнего Востока, предприятия которого выпускали более двухсот наименований изделий⁶.

В это же время Хабаровск вносит большой вклад в укрепление дружественных отношений нашей страны с Китайской Народной Республикой. Революционные связи рабочих-хабаровчан с китайскими рабочими завязались еще в 1917 г. В одном из писем китайские рабочие КВЖД писали хабаровчанам: «Мы рады, что великий русский народ идет к нам навстречу. Мы надеемся, что вместе со своими старшими братьями, русскими рабочими, мы добьемся лучшего будущего и объединимся с рабочими всего мира для лучшей жизни»⁷.

После победы народной революции в Китае налаживались деловые экономические связи Хабаровского края с Хэйлунцзянской провинцией, установилось сотрудничество советских и китайских речников, огромное значение в деле дальнейшего развития как Советского Дальнего Востока, так и приграничных районов Китая мог бы сыграть разработанный в те годы проект использования природных ресурсов реки Амур. В октябре 1957 г. в Хабаровске, а полгода спустя в Пекине состоялась объединенная сессия Ученого совета Амурской и Хэйлунцзянской комплексных экспедиций Академии наук СССР и Академии наук КНР. Только на пограничном с Китаем участке Амура предполагалось построить каскад из 4—5 гидроузлов, которые давали бы 20—25 млрд. кВт·ч дешевой энергии ежегодно. Предполагалось улучшить и транспортную сеть региона путем соединения Амура с Японским и Желтым морями. К сожалению, эти планы остались нереализованными.

В 60-е годы в соответствии с Программой КПСС партия поставила задачу — обеспечить опережающие темпы развития восточных районов страны, полнее использовать неисчислимые природные богатства Дальнего Востока. В Хабаровском крае были разведаны богатые месторождения руд черных и цветных металлов, каменного и бурого угля и других полезных ископаемых. На базе богатейших месторождений олова близ Комсомольска-на-Амуре был построен Солнечный горнообогатительный комбинат. Началась реконструкция флагманов промышленности: металлургического

⁵ См.: Л. Н. Внотченко. Победа на Дальнем Востоке. Воен.-ист. очерк о боевых действиях советских войск в августе — сентябре 1945 г. 2-е перераб. и доп. изд. М., 1971, с. 314.

⁶ См.: А. Шитиков. Приезжайте к нам на Дальний Восток! — «Огонек», 1956, № 2, с. 5.

⁷ «Харбинский вестник», № 4082, 22.IV.1917. — Цит. по: В. И. Чернышева. Хабаровск (к 100-летию города). Хабаровск, 1958, с. 91.

завода «Амурсталь», заводов «Дальдизель», «Энергомаш», «Дальсельхозмаш», «Амуркабель»⁸.

Открытие подземных кладов, строительство спутника Комсомольска-на-Амуре — Горного шло параллельно с освоением главного наземного богатства края — леса. Близ Комсомольска-на-Амуре вырос и еще один спутник — белокаменный Амурск, промышленным сердцем которого стал гигант лесохимии — целлюлозно-картонный комбинат. За досрочное выполнение заданий семилетки 1959—1965 гг., за выпуск сверхплановой продукции более чем на 200 млн. рублей Хабаровский край был награжден в январе 1966 г. орденом Ленина⁹.

Высокие темпы социалистического строительства хабаровчане не только сохранили, но и приумножили. За выполнение заданий пятилетки 1966—1970 гг., за большие успехи, достигнутые при этом в хозяйственном и культурном строительстве, а также отмечая революционные заслуги хабаровских рабочих, Президиум Верховного Совета СССР 15 января 1971 г. наградил город Хабаровск орденом Октябрьской революции¹⁰.

Год от года возрастали деловые экономические связи Хабаровского края с зарубежными странами Дальнего Востока. Оценивая прибрежную торговлю с Японией, которую Хабаровский край ведет через «Дальинторг» с многочисленными японскими фирмами, первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС А. К. Черный еще в 1972 г. отмечал, что «хозяйственные организации Хабаровского края, участвующие в поставках товаров на экспорт по линии прибрежной торговли, заинтересованы в закупке в Японии товаров народного потребления, а также машин, оборудования и материалов, необходимых для выпуска продукции, пользующейся спросом на японском рынке»¹¹. Существенным стимулом увеличения товарооборота должны послужить долгосрочные соглашения по взаимным поставкам товаров между «Дальинторгом» и кооперативными организациями Японии.

Если шаги пятилеток для всей страны — сажень, то для Дальнего Востока они просто гигантские. Например, в девятой пятилетке (1971—1975) в целом по РСФСР прирост промышленной продукции намечалось увеличить на 44—47 %, а на Дальнем Востоке в 1,5 раза. Ускоренными темпами здесь развиваются и сельское хозяйство, транспорт, связь, отрасли, непосредственно влияющие на повышение материального и культурного уровня жизни населения¹².

Десятый пятилетний план развития народного хозяйства СССР в 1976—1980 гг. предусматривал обеспечить на Дальнем Востоке комплексное развитие хозяйства, увеличение добычи цветных, редких, драгоценных металлов и алмазов, производства продукции лесной, целлюлозно-бумажной и мебельной промышленности. В намеченную XXV съездом КПСС программу дальнейшего развития восточных районов СССР вошли и задания непосредственно для хабаровчан. Это и увеличение добычи рыбы и морепродуктов, и усиление геологоразведочных и научно-исследовательских работ по комплексному развитию производительных сил в зоне, тяготеющей к Байкало-Амурской магистрали. Дальнейшее развитие железорудной базы, в том числе и месторождений в Хабаровском крае (Кимкинского, Костеньгенского, Стариковского), связывалось с ростом черной металлургии на Дальнем Востоке и с перспективами экспорта в Японию. Намечалось строительство новых крупных целлюлозно-бумажных комбинатов в Хабаровске и Совгавани, также с учетом того, что древесина и технологическая щепка экспортируются в Японию¹³.

В принятых XXVI съездом КПСС «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» определены новые научно обоснованные рубежи развития производительных сил Советского Дальнего Востока, дальнейшего улучшения жизненных условий трудящихся. «На Дальнем Востоке, — говорится в этом программном документе, — обеспечить дальнейшее развитие цветной металлургии, нефтеперерабатывающей, рыбной, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности¹⁴. Увеличить производство сои, риса и другой сельскохозяйственной продукции»¹⁵.

Особое внимание в директивах съезда уделено заботе о тружениках Дальнего

⁸ А. Шитиков. Богатства Дальнего Востока на службу коммунизму. — «Правда», 3.II.1964.

⁹ См.: «Правда», 8.I.1966.

¹⁰ См.: «Правда», 15.I.1971.

¹¹ А. К. Черный. Мы — за развитие добрососедских отношений. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2, с. 14.

¹² См.: М. С. Соломенцев. Богатства Сибири и Дальнего Востока — на службу народу. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974 № 3, с. 7.

¹³ См.: Н. Н. Некрасов. Восточные районы СССР в десятой пятилетке. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 1, с. 8—9.

¹⁴ «Только в северной и северо-западной части Амурской области и Хабаровского края расположены лесные массивы с запасами деловой древесины более пятисот миллионов куб. м. Вовлечение их в промышленную эксплуатацию позволит построить вдоль БАМа десятки лесозаготовительных и деревообрабатывающих предприятий. Возведение многих из них уже начато». — «Известия», 18.III.1983.

¹⁵ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 188.

Востока. «Создавать условия для обеспечения кадрами вновь вводимых в действие предприятий, особенно в районах Сибири и Дальнего Востока», — постановил высший форум нашей партии¹⁶. В одиннадцатой пятилетке запланировано вести в районах Дальнего Востока еще более высокими темпами строительство жилья, всего социально-культурного комплекса, постоянно улучшать снабжение населения товарами.

Коммунистическая партия Советского Союза, Советское правительство неустанно заботятся о том, чтобы труд советских людей протекал под мирным небом. В этом плане огромное значение имело выдвижение с трибуны XXVI съезда предложения о конкретных переговорах по мерам доверия между всеми заинтересованными странами. Дальний Восток, где соседствуют такие державы, как СССР, КНР, Япония, где расположено значительное число американских военных баз, безусловно нуждается в разработке и принятии специальных мероприятий, которые вели бы не только к восстановлению разрядки и укреплению взаимного доверия на региональном уровне, но и могли бы стать полезными для укрепления основ всеобщего мира.

Советский Союз неуклонно выступает за улучшение отношений со своим дальневосточным соседом — Китайской Народной Республикой. Хабаровчане активно поддерживают курс КПСС и Советского правительства на нормализацию советско-китайских отношений. Как отметил в своем выступлении на сессии Верховного Совета СССР член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко: «Советский Союз по-прежнему выступает за нормализацию на основе взаимности отношений с Китайской Народной Республикой, за поиск возможностей постепенного расширения двусторонних связей и контактов. Мы стоим за продолжение начавшихся советско-китайских политических консультаций и хотели бы, чтобы они привели к положительным результатам. Убеждены, что коренным интересам народов обеих стран отвечают нормализация и улучшение отношений между ними»¹⁷. Некоторые позитивные сдвиги, достигнутые в этой области, в частности открытые на Дальнем Востоке приграничной торговли между двумя странами, свидетельствуют о том, что деловое сотрудничество может принести взаимную выгоду. Трудящиеся Хабаровска и Хабаровского края своими трудовыми достижениями обеспечивают благоприятные перспективы такого сотрудничества.

Сегодня Хабаровск один из крупнейших административных, индустриальных и культурных центров Советского Дальнего Востока. Его предприятия выпускают более 2,5 тыс. наименований промышленной продукции, широко известной не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами, в сорока странах мира. Здесь — океанские корабли и станки с программным управлением, комбайны «Дальсельмаша» и товары повседневного спроса, электрооборудование и лекарственные препараты.

Город, отметивший свой 125-летний юбилей, красив и молод. Хабаровчане гордятся и Краеведческим музеем, который в свое время возглавлял выдающийся исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев, и парком над Амуром.

В Хабаровске одиннадцать высших учебных заведений, которые выпускают ежегодно более десяти тысяч дипломированных специалистов — инженеров, врачей, педагогов, работников культуры. Хабаровское книжное издательство одно из крупнейших в стране, публикуемая им литература многообразна, она пользуется заслуженным спросом. Дальневосточный научный центр Академии наук СССР располагает в Хабаровске тремя академическими институтами. Кроме того, в городе работают 56 научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций¹⁸.

Трудящиеся Хабаровска успешно решают стоящие перед ними задачи дальнейшего развития своего города и края в целом. С большим воодушевлением они восприняли решения июньского Пленума ЦК КПСС. К ним, как и ко всем труженикам нашей страны, обращены сказанные в речи на Пленуме слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова: «...Обеспечить хорошо отлаженный, бесперебойную работу всего хозяйственного механизма — это и потребность сегодняшнего дня, и программная задача на будущее. Это составная часть общего процесса совершенствования нашего общественного строя.

Главный путь к качественному сдвигу в производительных силах — это, конечно, переход к интенсивному развитию, соединение на деле преимуществ нашего социалистического строя с достижениями научно-технической революции. Причем ее самого последнего этапа, который сулит технологический переворот во многих сферах производства»¹⁹.

Для Советского Дальнего Востока, где рост производительных сил опережает темпы прироста населения, эти слова наполнены особо глубоким смыслом. Принимая их как программу дальнейшей работы, хабаровчане успешно трудятся над воплощением в жизнь своих самых дерзких и заветных мечтаний. Юбилей Хабаровска позволил не только подвести некоторые итоги достигнутого сегодня, но и увидеть замечательные перспективы дальнейшего расцвета одного из прекраснейших городов нашей страны.

¹⁶ Там же, с. 141.

¹⁷ «Правда», 17.VI.1983.

¹⁸ См.: «Известия», 28.V.1983.

¹⁹ «Коммунист», 1983, № 9, с. 7.

По поводу одной исторической истины

В первом выпуске «Вестника Уханьского университета (общественные науки)»¹ за 1982 г. опубликована статья китайского историка У Гуаняо, посвященная истории государства Си Ся, образованию его округов и областей. В данной публикации автор касается одной из своих работ, выдвигая концепцию, искажающую факты истории.

«Си Ся, — пишет У Гуаняо, — княжество, основанное под главенством дансянов, совместно с китайцами, тибетцами, уйгурами и татарами». Слово «княжество» («ванго») — единственная, так сказать, «терминологическая уступка», которую допускает автор в отношении государства Си Ся (982 — 1227 гг.). И хотя далее слово «государство» встречается на каждой странице его статьи, употребляется оно лишь в сочетании «наше государство», подразумевающим китайское государство.

Тангуты-дансяны, сообщает автор, — это ветвь их исторических предков цянов, проживавших в западных районах нашего (то есть китайского. — Е. К.) государства (с. 84), а территория тангутского государства Си Ся — «это территория, искони являющаяся одной из областей, где древние северо-западные народности нашего (китайского. — Е. К.) государства и китайцы длительное время проживали вместе, постепенно сливаясь воедино» (с. 85).

У Гуаняо убеждает читателя, что гунны, сяньби, цяны и другие народы, которые некогда проживали на границах с Китаем, являлись лишь народностями самого китайского государства и, следовательно, не было в истории ни гуннской державы, от которой Китай отгородился Великой стеной, ни государства сяньбийцев, ни независимого Тибета. История свидетельствует, поучает автор, что с древности народность цян (включая дансян) находилась в пределах районов, управлявшихся Китаем. Территория Си Ся, его население, его административные районы, указывает У Гуаняо, находились в пределах китайского государства — в Ордосе, в северной части провинции Шэньси и в Хэси, где под главенством ханьцев обшались различные народности Китая, постепенно сливаясь друг с другом. Цяны (включая дансянов), подчеркивает У Гуаняо, с самых ранних времен шли одним путем с китайцами.

Советский историк Е. И. Кычанов, сообщает далее У Гуаняо, в 1958 г. на заседании Восточной комиссии Географического общества СССР в представленной статье «Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина» «извратил историю», утверждая, что Си Ся было в свое время независимым государством и что «тангуты, именовавшиеся дансянами», «подчинились Китаю». В итоге китайский историк У Гуаняо обвиняет советского историка чуть ли не в подрыве национальной политики Китая, единства народов КНР.

Что же говорится в моей статье, опубликованной четверть века тому назад? В ней говорится: «В Китае и китайских исторических хрониках тангуты были известны под именем дансянов. В VI—VII вв. дансяны занимали территорию к югу от озера Куку-нор, в верховьях реки Хуанхэ. Теснимые тибетцами, они подчинились Китаю и частично были переселены китайским правительством на север, в излучину р. Хуанхэ»². В чем же здесь искажение исторической истины? В том, что, по словам У Гуаняо, дансяны названы «какими-то тангутами». Но это общепризнанный факт, в том числе и учеными в КНР. В одной из своих статей (1982) известный китайский специалист по Си Ся проф. Ван Цзинжу пишет, что при династии Тан народности севера называли дансянов тан-у (тангут)³. Что же касается карты тангутского государства, то она была составлена самими китайцами в XI в. На этой карте граница между государством Си Ся и Китаем проведена сплошной чертой и помечена иероглифом «цзе» — «граница». Выводы по моим исследованиям в области истории образования тангутского государства не расходятся с выводами и таких известных специалистов по древней истории тангутов, как проф. Окадзак Сэйро (Япония)⁴ и Поль Фридлэнд (США)⁵.

¹ Ухань дасюе сюе бао (шэхуй кэсюе бань), 1982, январь, ди и цзи.

² Е. И. Кычанов, Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. — «Страны и народы Востока», вып. 1. М., 1959, с. 204.

³ Ван Цзинжу. Си Ся юй нинь си даоянь. — «Миньцзу юйвэнь», 1982, № 2, с. 1.

⁴ См.: Сэйро Окадзак. Тангутто кодай си кэнкю. Киото, 1972.

⁵ In: Paul Fridland. A Reconstruction of Early Tangut History. University Microfilm International, Ann Arbor, Michigan, USA, 1980.

У Гуаняо уверяет, что предки тибетцев, тангутов, ряда других тибето-бирманских по языку народностей, а именно цяны «с самых ранних времен шли одним путем с китайцами». Не спорю, цяны действительно в те времена были западными соседями Китая, и, кстати, все районы, позже вошедшие в территорию Си Ся, как раз были исконными землями цянов. В середине I тыс. до н. э. или все⁶, или многие⁷ из западных соседей китайцев — жунов — были тибето-бирманскими предками западных цянов. В конце I тыс. н. э. в верховьях Хуанхэ и у озера Кукунор сложился западно-яньцзянский союз тибето-бирманских племен. Западные цяны вели кропопролитные войны с ханьским Китаем, который шаг за шагом отгеснял их с равнин Ганьсу на запад — на Тибетское нагорье и на юг — в горные районы южной западной части Сычуани⁸. С III в. н. э. с распадом Хань и началом периода Троецарствия натиск Китая на цянов ослаб и часть их возвратилась на земли Ганьсу и Шэньси, образовав там ряд государств, управляемых цянскими династиями. Цяны, населявшие кукунорские степи, в 310 г. частично были завоеваны сяньбийцами, основавшими в этом районе свое государство Тугухунь. Среди неподчинившихся тугухуням цянов, живших в Амдо, в IV—V вв. выделялись данчаны и дансяны — непосредственные предки тангутов Си Ся. Цяны, откочевавшие в глубь Тибетского нагорья, положили начало Тибетскому государству.

Что же значат слова У Гуаняо о том, что цяны и дансяны «проживали в западных районах нашего государства»? Если речь идет о современной территории КНР, то с этим можно согласиться. Но в первые века нашей эры основная масса цянских племен никогда не подчинялась Хань и не входила в состав ханьского государства. В VI в. и тибетцы и дансяны-тангуты, а в VII в. тибетцы и часть дансянских племен были для Китая «иностранцами», «внешней народностью». Эти факты засвидетельствованы в китайских официальных исторических документах. Что же касается тангутского государства Си Ся, то оно, бесспорно, являлось по отношению к Китаю «внешним государством», как бы некоторые китайские историки и ни пытались этого отрицать, рассматривая Си Ся как «китайскую местную отколовшуюся политическую власть»⁹. Корни, порождающие такие «концепции», явно лежат за пределами науки. Их авторы, по сути дела, превращают исторические исследования в инструмент тенденциозной политики.

Не может быть никаких сомнений в том, что с позиций марксистско-ленинского учения о государстве тангутское государство Си Ся следует рассматривать как независимое. Главой государства был император, и никакого иного титула главы государства в пределах Си Ся не употреблялось. То обстоятельство, что аппарат управления государством Си Ся в принципе был построен по китайскому образцу, не может быть доводом в пользу несамостоятельности тангутов. Это же относится и к принятию конфуцианской доктрины. Крупнейший специалист по средневековой истории Китая проф. Герберт Франке придерживается того же мнения, он пишет, что тангутское государство «пользовалось полной независимостью»¹⁰. «На протяжении более чем 200 лет в период Сун тангуты или Си Ся были одним из независимых государств в северном Китае. Как часть утверждения ими своей национальной независимости... тангуты изобрели свою собственную систему письма»¹¹ — таково мнение английского ученого-китаевода и тангутоведа Э. Д. Гринстеда. Известный американский синолог Л. К. Гудрич писал, что тангуты «создали империю в северо-западном Китае и восточной Монголии»¹², — империю, а не некую «отколовшуюся политическую власть».

Чем же объяснить столь упорное стремление некоторых китайских историков не признавать самостоятельности тангутского государства, — государства, существовавшего сотни лет тому назад? Видимо, поддержкой позиций великоханьской концепции «единого китайского государства во все времена», а это приводит, по сути, к отрицанию самостоятельного исторического развития нынешних национальных меньшинств в КНР.

Е. И. Кычанов,
доктор исторических наук

Ленинград

⁶ Ван Тунлинь. Чжунго миньцзю ши. Бэйпин, 1934, с. 18.

⁷ Ся Цзэню. Чжунго гудай ши. Бэйцзин, 1955, с. 56—57.

⁸ Ван Цзяньин. Цянжэнь фанькан Дун Хань фыньцзянь тунчжи ды доучжэн. — «Лиши цзяосюе», 1956, № 11, с. 8—9.

⁹ Хуан Чжэньхуа. Пин Сулянь цзинь саныши пиньды Си Ся сюе яньцзю. «Шэхуй кэсюе чжаньсянь», 1978, № 2, с. 313.

¹⁰ «The Bulletin of Sung-Yüan Studies», 1980, № 15, p. 109, 110.

¹¹ E. D. Grinstead. Tangut Fragments in the British Museum. — «The British Museum Quarterly», vol. XXIV, № 34, p. 83—84.

¹² L. C. Goodrich. Tangut Printing. — Gutenberg — Jahrbuch, 1976, p. 64.

Латиноамериканская литература в КНР

М. Ю. Ким

Литературы стран Латинской Америки, давшие миру целый ряд самобытных явлений, уже давно привлекают внимание как советских, так и зарубежных исследователей. Однако до сих пор нам было практически неизвестно, как воспринимаются эти литературы в Китае, хотя со времени первой публикации в этой стране первого перевода из латиноамериканской литературы прошло уже более полувека.

Один из первых латиноамериканских переводов в Китае — это стихотворение никарагуанского поэта-модерниста Рубена Дарио (1867—1916) «Вуаль королевы Маб», которое было опубликовано в журнале «Сяошо юэбао» в ноябре 1921 г. «Переводы произведений латиноамериканской литературы в «Сяошо юэбао» доставляли огромную радость китайскому читателю», — писал известный критик Чжоу Эрфу¹. В 1923 г. Мао Дунь напечатал юбилейную статью об аргентинском поэте Хосе Мариа де Огар, высоко оценив его литературное творчество. В этом же номере «Сяошо юэбао» писатель опубликовал в переводе с английского рассказ «Последний путь» бразильского писателя А. Азеведо².

Примерно в 1930—1935 гг. китайские читатели имели возможность познакомиться с произведениями наиболее читаемого кубинского романиста Карлоса Льовеяра (1882—1928) — его романами «Безирравственные» (1919) и «Генералы и доктора» (1920). Оба романа привлекли переводчиков, вероятно, потому, что в них затрагиваются проблемы эксплуатации трудящихся масс, критикуется атмосфера политиканства, а также создана панорама социальной жизни Кубы.

В эти же годы в Китае вышел перевод с английского языка сборника стихов чилийского поэта Андреса Белло (1731—1865) под названием «Золото для всех» и другие произведения³.

Переводы из латиноамериканской литературы были встречены китайским читателем с большим интересом. Но, как справедливо отмечала китайская критика (Мао Дунь, Чжоу Эрфу, Ван Янлэ), в 20—40-е годы XX в. они носили все же случайный характер и осуществлялись в основном с европейских языков — английского, немецкого, а не с языка оригинала. Лишь после образования КНР переводы из латиноамериканской литературы стали более систематическими, а выбор произведений — более тщательным. Латиноамериканский литературный вклад в современную художественную культуру Китая стал предметом научного изучения.

Это объясняется, на наш взгляд, прежде всего внешнеполитическим курсом в отношении латиноамериканских стран, формировавшимся в течение длительного времени.

Такая политика нашла свое отражение и в публикациях китайских писателей в 50—60-е годы, и в подборе латиноамериканских произведений для перевода.

В 1949—1958 гг. в стране царил атмосфера политической и творческой активности, латиноамериканской литературе тогда уделялось должное внимание. Этому способствовало расширение и укрепление советско-китайского литературного сотрудничества: в эти годы латиноамериканскую литературу часто переводили с русского языка.

В 50-е годы в Китае все шире популяризировалось мировое классическое наследие, в том числе и латиноамериканское. Расширение международных связей имело для китайской литературы большое значение: по существу, впервые не только узкая прослойка «европеизированной» интеллигенции крупнейших городов, но и народные массы получили возможность познакомиться (пока еще в ограниченных размерах) с духовными ценностями латиноамериканских народов, с художественными системами, стилями, отличными от китайских. Несомненно, эти связи оказывали весьма благотворное воздействие и на творческую практику, и на теоретическую работу китайских литераторов.

В 1949—1958 гг. при переводе явное предпочтение отдавалось произведениям с ярко выраженной антиамериканской тематикой. Такие произведения вошли, например, в сборники «Американцы, убирайтесь домой!» (переводчик Юань Шуйпо) и «Стихи поэтов стран Латинской Америки», выбранные для перевода из сочинений Х. Марти, Н. Гильена, Г. Мистраль, П. Неруды, К. А. Леона и др.

¹ «Шинзе вэньсюэ», 1960, № 6, с. 146.

² См.: «Сяошо юэбао», 1921, № 10—12.

³ См.: «Шинзе вэньсюэ», 1960, № 6.

Интерес к творчеству выдающегося кубинского поэта Х. Марти возник в Китае после образования КНР. Вышли отдельным изданием его избранные произведения, пять стихотворений, посвященных Испании, в переводе Е. Цзюньцзяна было напечатано в журнале «Ивэнь», появилось юбилейное издание к столетию со дня смерти поэта под названием «Памяти Х. Марти» (многие переводы выполнены с русского языка). В 50-е годы китайские переводчики рассматривали творчество Х. Марти преимущественно через призму советских литературных представлений, но иногда наблюдался и их собственный подход к наследию выдающегося поэта-революционера.

В тот же период в переводной литературе Китая рядом с Х. Марти появилась целая плеяда кубинских поэтов, различных по масштабу дарования и художественной манере, но объединенных глубокой внутренней связью с борьбой рабочего класса. Таков один из замечательных поэтов Кубы, представитель испано-африканской культуры Н. Гильен (1902—1978), стихи которого с их богатым жизненным содержанием отражают повседневный быт, радости и горести тружеников. Надо полагать, что именно это и делало Н. Гильена близким китайскому читателю. Н. Гильен сразу же после двух посещений Китая в начале 50-х годов написал несколько стихотворений: «Китайскую песню на два голоса», посвященную поэту и переводчику Сяо Саню (Эми Сяо), с которым его связывала многолетняя дружба, «Возвращение из Китая» и «Песню Ван Цзэю»⁴.

Поэтическим итогом творчества Н. Гильена 50-х годов можно считать его сборник «Голубь в полете», отразивший лучшие достижения поэта предшествующих десятилетий, в частности синтез народных и литературных традиций. Новации автора были отмечены китайской критикой в комментариях к переводам стихов. Для многих произведений сборника материалом послужили зарубежные впечатления поэта. Такова, например, «Гватемальская баллада», которая в 1957 г. появилась и на китайском языке в переводе Чэнь Юнсиня⁵.

Переводы из Гильена в 50-е годы были выполнены преимущественно с русского языка, а также с французского и английского.

Интернациональная тема звучала в Китае в этот период и в переводах П. Неруды (1904—1973), который был не только выдающимся поэтом, но и крупным деятелем международного коммунистического движения. Его стихи еще при жизни издавались более чем на сорока языках, в том числе и на китайском — в переводах известного поэта Юань Шуйпо⁶.

В начале 50-х годов П. Неруда посетил Китай, после чего был опубликован его поэтический сборник «Ветер в Азии» и стихи, посвященные КНР: «Полет к солнцу», «Парад», «Вручая медаль госпоже Сунь Ятсен», «Цикады» и др. Особенно было популярно стихотворение П. Неруды «Песни о китайской земле» (1957), переведенное на русский, китайский и многие другие языки:

Китайский человек создает свою землю,
И китайская земля создает человека,
Шлифует его терпеливые руки,
На лбу глубокие борозды чертит,
И ждет его, ждет терпеливо,
Чтобы он пришел к ней, как семя к пашне.
(Перевод Л. Осповата)

Закономерно также внимание китайской критики к творчеству выдающейся чилийской поэтессы Габриэлы Мистраль (1880—1957) — первого в Латинской Америке лауреата Нобелевской премии (1954), поэтессы удивительной человечности, простоты и глубины⁷.

Венесуэльская поэзия в Китае была представлена переводами произведений одного из крупнейших поэтов современной латиноамериканской литературы Карлоса Аугусто Леона (род. в 1914). Они появились в «Сборнике стихов современных латиноамериканских поэтов», в который вошли также произведения выдающихся представителей поэзии Гайяны, Гватемалы, Кубы.

Тема революции в первой половине 50-х годов нашла свое отражение не только в собственной литературе КНР, но и в выборе латиноамериканских произведений. Так, в Китае были переведены романы о революции бразильского писателя Ж. Амаду «Луис Карлос Престес» (перевод Ван Ичжу), известных мексиканских писателей М. Асуэлы «Те, кто внизу» (перевод Ду Цзяна) и Х. Мансисидора «Роза ветров» (перевод Юань Сеншэна) и др.⁸ Романы о революции представляли большой интерес для китайских читателей, так как в них отражалась подлинная история побед и поражений, через которые прошел латиноамериканский народ в борьбе за свои права.

Китайские критики дали высокую оценку роману Асуэлы «Те, кто внизу», такая оценка понятна в Китае в 1949—1958 гг., когда был создан ряд собственных литера-

⁴ Н. Гильен. Стихи. М., 1957. с. 152—156.

⁵ См.: «Ивэнь», 1958, № 11, с. 74.

⁶ См. там же, с. 77—79; П. Неруда. Сборник стихов. Пекин, 1954; его же. Пусть проснется лесоруб. Пекин, 1958.

⁷ См.: «Ивэнь», 1957, № 4, с. 198—200.

⁸ Ж. Амаду. Луис Карлос Престес. Пекин, 1953; М. Асуэла. Те, кто внизу. Пекин, 1954; Х. Мансисидор. Роза ветров. Шанхай, 1956.

турных произведений о борьбе и противоречиях в китайской деревне, бурных переменах в общественных отношениях.

Вполне закономерно внимание китайских переводчиков в этот период к латиноамериканским романам на тему о деревне, земле: «Бескрайние земли» (перевод У Ляо) и «Дороги голода» (перевод Чжэн Юнниня) Ж. Амаду, «Пучина» Х. Э. Ривера (перевод У Яня) и др. Можно с уверенностью сказать, что выбор произведений, переведенных на китайский язык за 1949—1958 гг., был отнюдь не случайным. Он диктовался и познавательной, и эстетической ценностью произведений, их политической направленностью.

Период 1959—1964 гг. стал кульминационным в отношении популяризации латиноамериканской литературы в Китае. Особую активность китайские писатели и переводчики проявили в период образования Республики Куба. В 1963 г. о Кубе было написано множество стихотворений, среди них «Я спросил» Тянь Цзяня, «Гневный клич» Цзан Кэцзя, «Фидель, Фидель» Го Сяочуаня, «Стальной остров, железное мужество» Гуан Вэйминя, «Мое сердце бьется на Кубе» Чжу Цзиня, «Борись, Куба» Чжан Чжиминя⁹.

В том же 1963 г. в журналах «Ивэнь» и «Шинце вэньсюэ» появился ряд общих работ китайских критиков о латиноамериканских литературах. Наиболее содержательные из них «Литература Азии, Африки и Латинской Америки в Китае» Ван Юнниня, «Китайские переводы из латиноамериканской литературы» Ван Янлэ, «Литературные связи между Китаем и Латинской Америкой» Чжоу Эрфу¹⁰, а также известный сборник Чжоу Эрфу под названием «Факел», посвященный поездке китайских писателей в страны Латинской Америки. В 60-е годы в Китае был издан двухтомник «По странам Латинской Америки», содержащий корреспонденции китайских писателей и журналистов, посвященные в основном Кубе.

В 60-е годы произведения латиноамериканских романтиков широко популяризовались на китайском языке. Среди них Кастро Альвис (1847—1871, Бразилия), Антонио Гонсалвеш Диас (1823—1864, Бразилия), Хосе Эриандес (1834—1886, Аргентина), Андрес Бельо (1781—1865, Чили), Фернандо Каледерон (1809—1845, Мексика), Рубен Дарио (1867—1916, Никарагуа)¹¹.

Много внимания китайские переводчики в этот период уделяли творчеству Х. Марти. Переводы сборников «Исмаэлильо», «Цветы изгнания», «Свободные стихи» знакомили китайских читателей со взглядами Х. Марти на общественно-воспитательную и социальную функции литературы и искусства. Китайский критик привел следующее признание Х. Марти: «Ни одно стихотворение не вышло у меня подогретым, надуманным, вымученным. Мои стихи, подобно слезам, брызгущим из глаз, фонтану крови, брызжущему из раны. Они написаны не чернилами, а моей кровью»¹².

Венесуэльская поэзия в Китае первой половины 60-х годов была представлена произведениями популярного в Латинской Америке поэта Карлоса Аугусто Леона. В частности стихами «На плечах негритянских», «Бросим в море печаль», «Под игом бога», «Цветочница индианка» и другими, переведенными Е. Цзюньцзянем. И латиноамериканские, и китайские критики неоднократно отмечали, что стихи К. А. Леона музыкальны, лаконичны и в то же время содержательны, неслучайно они нашли многочисленных читателей не только в Латинской Америке, но и в Китае.

Антиамериканская тема остро прозвучала для китайского читателя в стихотворениях панамского поэта К. Ф. Чангмарина «Янки, убирайтесь из зоны канала» и «Я хожу вблизи канала».

1959—1964 годы были самыми плодотворными в развитии литературных связей между Китаем и Латинской Америкой (разумеется, с учетом политического подтекста). Каждый год этого бурного пятилетия характеризовался своими особенностями. Например, в 1959 г. наблюдался рост числа переводов латиноамериканской романтической литературы и одновременно снизилось число переводов реалистических произведений. С 1966 г. вулгарный социологизм лишил современную китайскую культуру едва ли не всех связей с лучшими национальными и мировыми образцами, поставил ее в условия полной изоляции. Это уже была прелюдия «культурной революции».

Во второй половине 60-х — начале 70-х годов китайская литература испытала гибельный удар «культурной революции». Именно этому периоду китайской истории Пабло Неруда посвятил свою статью, где написал следующее: «Нной раз мы не можем удержаться от смеха, видя проявления мистической наивности в «культурной революции». Но чаще мы испытываем чувство стыда за то, что такие заблуждения и преступления против культуры могли иметь хотя бы отдаленное социалистическое происхождение»¹³.

Впоследствии конец 60-х — начало 70-х годов афористически точно определила сама китайская печать: «Деспотизм в области культуры»¹⁴.

⁹ См.: «Шинце вэньсюэ», 1964. № 9.

¹⁰ См. там же, 1963, № 6.

¹¹ См.: Ван Янлэ. Латиноамериканская литература. Пекин, 1963.

¹² Ван Янлэ. Латиноамериканская литература, с. 129; Х. Марти. Избранное, М., 1978, с. 87.

¹³ «Известия», 18.VII.1968.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 31.V.1980.

Общественная атмосфера, сложившаяся в Китае к середине 70-х годов, не способствовала ни творческой, ни переводческой деятельности литераторов. В 1978 г. популяризация латиноамериканской литературы вновь активизировалась. В переводе Ван Янлэ вышел сборник «Современные латиноамериканские одноактные пьесы»¹⁵, в котором представлены произведения Освальдо Драгуна (Аргентина, род. в 1939), Энрике Буэнавентура (Колумбия, род. в 1925), Серхио Водановика (Чили, род. в 1936), Франклина Домингеса (Доминиканская Республика, род. в 1939), Деметрио Агилера Мальта (Эквадор, род. в 1909), Карлоса Солосано (Мексика, род. в 1922), Бернардо Рока Рея (Перу, род. в 1918). Среди различных направлений, наметившихся в китайской литературе того времени, пожалуй, самым прогрессивным стало возрождающееся критическое направление, поэтому неудивительно, что пьесы, выбранные Ван Янлэ для перевода, принадлежат именно к этому направлению: «История Папичито Гонсалеса» Освальдо Драгуна, «Учительница» Энрике Буэнавентура, «Тигр» Деметрио Агилера Мальта и др.

Пьесы Бернардо Рока Рея «Смерть Атауальпы» (Перу) и Карлоса Солосано «Крусификадо» (Мексика) посвящены борьбе индейских племен с испанскими завоевателями. Обращение переводчика к исторической тематике, всегда высоко ценимой в Китае, тоже не случайно: в том же 1978 г. в Пекине вышла книга мексиканского писателя Хосе Лопеса Портильо и Пачеко «Кетсалькоатль» в переводе Нинси, связанная с историей Мексики. Китайских читателей все больше интересует не только собственное прошлое, но и прошлое других народов. В переводе У Цзянхэна была издана книга чилийского критика Артуро Торрес Риносеко «Краткая история латиноамериканской литературы» (1978).

Важной вехой в культурной жизни Китая 1979 г. явился IV Всекитайский съезд работников литературы и искусства, на котором была отмечена необходимость активизировать художественное творчество, укреплять и расширять международный культурный обмен, устанавливать и развивать дружественные связи и контакты¹⁶.

В КНР после долгого перерыва была опубликована первая оригинальная работа о латиноамериканской литературе — статья Кун Линсэня «Чилийская поэтесса Габриэла Мистраль»¹⁷. В ней возрождаются некоторые правильные положения из предыдущей китайской критики.

Знаменательными событиями 1980 г. можно считать также изданные в Пекине на китайском языке роман гватемальского писателя М. А. Астуриаса «Сеньор Президент», «Сборник рассказов писателей стран Азии, Африки и Латинской Америки» и «Сборник мексиканских повестей и рассказов». Роман «Сеньор Президент» завоевал огромную популярность не только на Латиноамериканском континенте. В 1952 г. он получил международную премию «Клуба французской книги» как лучшее произведение иностранного автора. Фрагменты романа уже публиковались на страницах китайских литературных журналов в 60—70-е годы.

В «Сборник рассказов писателей Азии, Африки и Латинской Америки» вошли латиноамериканские произведения, опубликованные в журнале «Шинце вэньсюэ» в 1979 г.: популярные рассказы «Дни больших перемен» Хуана Рульфо (Мексика, перевод Цзян Чжифана), «Пианино» Монтейро Мачадо (Бразилия, перевод Ян Цзинюаня), «Предостережение» Хулио Рамона Рибейро (Перу, перевод Линь Гуаня), «На грани жизни и смерти» Сесаря Вальехо (Перу, перевод Ло Ваньхуа), «Свобода негра» Драги Люсеро (Аргентина, перевод Чжу Цзиндуна) и др.

В предисловии к сборнику говорится, что «публикация этих произведений поможет понять современную обстановку в данных странах и будет способствовать дальнейшему взаимопониманию». Автор предисловия отметил, что «при отборе и редактировании этих литературных произведений учитывались тематика, идейность, художественные особенности, а также национальная специфика».

Летом 1980 г. редакция журнала «Вэньбао» провела два совещания по вопросам творчества на деревенскую тематику. Интерес к этой теме, вполне естественный для такой крестьянской страны, как Китай, нашел отражение и в выборе латиноамериканских произведений для перевода на китайский язык. Например, в «Сборник мексиканских повестей и рассказов» вошли произведения популярных писателей прежде всего на деревенскую тему: в переводе Сан Яня и Си Цзяо: «Вьюк его превосходительства» и «Потерянная ослица» Висента Рива Паласио (1832—1896), «Мексиканский военнопленный» Хуана де Диаса Пессы (1852—1910), «Завещание» Рафаэля Дельгадо (1853—1914), «Почему Хуан заплакал» и «Воспоминания полковника» М. Асуэлы (1873—1952), «Расстрелянный» Хосе Васконселоса (1882—1959), повесть «Земля» Грегорио Лопеса Фуантеса (1895—1966), рассказы «Страсть» Хосе Ревуэльтаса (род. в 1914), «Северная дорога» и «Равнина в огне» Хуана Рульфо (род. в 1912) и др.

Переводчики отмечали, что при отборе рассказов их интересовал «социальный облик Мексики в разные исторические периоды, например во время революции 1910 года». В сборнике приводятся биографические сведения об авторах и даются краткие аннотации на их произведения — популярные в Мексике рассказы, переведенные на многие языки. Таковы произведения Висенте Рива Паласио, разоблачающие

¹⁵ Современные латиноамериканские одноактные пьесы. Пекин, 1978.

¹⁶ Чжоу Ян. Творчески продолжать начатое, развивать литературу и искусство нового периода социализма. — «Жэньминь жибао», 20.XI.1979.

¹⁷ «Жэньминь жибао», 17.VI.1979.

инквизицию колониального периода, рассказы Рафаэля Дальгадо о буржуазно-помещичьей Мексике с живописными деталями ее патриархального быта, местных нравов и обычаев.

В китайской периодической печати начала 80-х годов также широко публикуются переводы латиноамериканских произведений. Например, второй, февральский, номер журнала «Вайго вэньсюэ» за 1980 г. целиком посвящен Латинской Америке. В нем опубликованы рассказы популярнейших писателей Латиноамериканского континента: «Раздел нашей земли» Хуана Рульфо (Мексика, род. в 1919) в переводе Ли Аня, «Комната ведьмы» Хосе Рафаэля Пакатерры (Венесуэла, 1890—1955) в переводе Ван Чжигуаня, «Рассказ барабанщика» Мануэля Бейнголеа (Перу, 1875—1953) в переводе Ли Кэгуна, «Осенняя белка» Эрико Вериссимо (Бразилия, 1906—1975) в переводе Сунь Чэнао и др. Тематика их довольно разнообразна, но подчинена одной идее — показать неприглядную правду жизни в латиноамериканских странах.

В третьем номере журнала «Шичзе вэньсюэ» за 1980 г. появились стихи П. Неруды с вступительной статьей известного переводчика латиноамериканской литературы Ван Юнцзяня. Автор подробно изложил биографию поэта, отметив, что тот дважды — в 1951 и 1967 гг. — посетил Китай, и охарактеризовал его наиболее популярные стихотворные сборники: «Двадцать поэм любви и одна песнь отчаяния», «Местоожительство — земля», «Всеобщая песнь», «Простые оды», «Селитра», «Шестое», «Объяснение» и другие, в которых поэт поднял важные общественные проблемы, в частности рассказал о своей жизни и борьбе в Мадриде во время войны 1937 г. Это была первая публикация о Пабло Неруде после долгого молчания в период «культурной революции». В следующие годы популяризация творчества известного чилийского поэта продолжается. В журнале «Вайго вэньсюэ» (1981, № 2) появились заметки о его творчестве и ранние стихи «Шестое» (1924) и другие в переводе Цзян Чжифана.

Интересные публикации появились в 1980 г. в журналах «Илинь» (№ 3), «Дандай вайго вэньсюэ» (№ 1), «Бэйцзин вэньсюэ» и др. Здесь представлены произведения известных писателей Бразилии, Перу, Чили, Парагвая. Среди них рассказы «Искренний человек» Жозе Монтейро Лобато (1882—1913) в переводе Лу Чжигуаня, «Жизнь индейца не стоит денег» Хулио Рамона Рибейро (род. в 1929) в переводе Линь Ианя, «Дьявольская шахта» (настоящее название «Пост № 12», Бальдомеро Лильо (1867—1923), «Гром среди листьев» Аугусто Роа Бастоса (род. в 1917) и др.

В этих произведениях отражены вечные, трудно разрешимые проблемы латиноамериканской деревни: страшное запустение, материальное и духовное убожество, вымирание, на которое обречены миллионы пеонов. Хулио Рамон Рибейро в своих рассказах пытается выступить в защиту коренного населения Латинской Америки — индейцев. Чилиец Бальдомеро Лильо остро ставит в своем творчестве проблему социального неравенства и классового угнетения (например, в рассказе «Пост № 12» описана драма восьмилетнего ребенка, попавшего на работу в штольню), парагваец Роа Бастос в сборнике рассказов «Гром среди листьев» по-своему обращается к народному мифологии. «Гром низвергается и остается среди листьев; звери пожирают листья и свирепеют; люди пожирают людей и начинают рычать, словно гром», — так представляет Роа Бастос круговорот насилия и жестокости в природе и обществе.

По-видимому, 1980 год был для КНР в какой-то степени переломным в отношении популяризации зарубежной культуры. Этому вопросу посвящен специальный номер журнала «Вайго вэньсюэ яньцзю» — № 11 за 1981 г. В нем отмечалось, что в настоящее время иностранной литературе посвящено около 40 журналов: «Шичзе вэньсюэ», «Вайго вэнь», «Илинь», «Сулянь вэньсюэ», «Э су вэньсюэ», «Сулянь вэнь», «Вайго вэньсюэ», «Дандай вайго вэньсюэ» и др. В исследовании иностранной литературы важнейшее место занимают «Вайго вэньсюэ яньцзю» (Хань) и «Вайго вэньсюэ яньцзю изикань» (Пекин). Кроме того, КНИИ иностранной литературы издает ежемесячный бюллетень. Переводы зарубежных произведений печатаются в более чем 80 журналах. Заметно расширилось и число специалистов, работающих в области исследований и переводов иностранной литературы.

В 1981 г. в китайских журналах появились произведения известных современных прозаиков Мексики: «Новая жена», «Договор с дьяволом» Арреолы в переводе Фэн Янцзиня, «Запах золота» Энрике Делано в переводе Мао Цуя, а также произведения прозаиков Бразилии: рассказ «Одноглазая женщина» Жуана Лопеса Альмейды, «Добротелетная вдова» неизвестного автора в переводе Ван Цзэняня. Вышли отдельные издания романов писателей Чили и Мексики.

1982 год является самым активным в развитии литературных связей Китая и Латинской Америки после периода «культурной революции». Так, в журнале «Дандай вайго вэньсюэ» (№ 1) опубликованы главы из известного социального романа перуанца Хулио Рамона Рибейро «Стервятник» в переводе Сюй Хэлинь и три рассказа из сборника «Немой» (1973) в переводе Бай Фэнлиня. В этих произведениях Рибейро выступает в защиту коренного населения Латинской Америки — индейцев.

В следующем, втором, номере журнала опубликован рассказ гватемальского писателя Альвара Мартинеса (1884—1975) «Человек, подобный слону и коно» в переводе Ван Янля. В предисловии к этой публикации переводчик довольно подробно знакомит китайских читателей с творчеством Мартинеса, подчеркивая, что «он известен как создатель произведений, в которых причудливо переплетаются реальность, фантастика, психопатология и политическая аллегория». Правильно отмечено, что в основе многих рассказов А. Мартинеса лежит «гсория», названная им самим «психозоологической»,

согласно которой человек воплощает в себе психологию и повадки определенного вида животных.

Третий номер журнала «Вайго вэньсюэ» за 1982 г. почти целиком посвящен Латинской Америке. Он открывается рассказом популярного аргентинского писателя Х. Кортасара (род. в 1914) «Южное шоссе» (1966), переведенным Линь Чжиму. Творчество прогрессивного перуанского писателя Марио Варгаса Льосы (род. в 1936) представлено рассказом «Пришелец», переведенным Сюй Шаоцзюнем. В нем в центр внимания выдвинута «индейская проблема», точнее целый комплекс проблем, вытекающих из положения коренных обитателей страны, которые подвергаются жестокому гнету, но упорно сопротивляются, восстают, а в отношениях между собой пытаются руководствоваться обычаями древних инков. Этот рассказ как бы дополнен одним из самых свежих произведений пуэрто-риканского писателя Хосе Луиса Гонсалеса — рассказом «Победитель» (1980 г., перевод Яньюи), в котором воплощена социально-критическая тенденция, выражены глубокое презрение к установившемуся порядку вещей и скрытая ненависть к тем, кто воплощает этот порядок.

Из мексиканской прозы опубликован рассказ Х. Ревуэльтаса (1914—1976) «Ночь на континенте», отмеченный, по словам переводчика Лю Силаня, печатью фатализма и мистицизма, но привлечший его внимание своеобразием фантастики, богатством научных сведений. Мексиканская поэзия представлена в журнале новыми стихами известного поэта Октавио Паса (род. в 1914) «Тусклая жизнь», «Весенние дни в будущем», «Летняя ночь» и другими в переводе Цзян Чжифана, который справедливо считает, что О. Пас «наделен мощным метафористическим даром, использует напряженные ритмы», но не без основания упрекает поэта в том, что его произведения выражают чувства заброшенности и одиночества.

В этом же номере журнала напечатаны стихи чилийского поэта Висенте Ундобро (1893—1948) — представителя «новой» поэзии, связанного с послевоенной европейской, преимущественно французской, литературой. Он много занимался теорией стихосложения и писал в основном авангардистские стихи. Стихотворения «Ты и я», «Мы оба» и «Сокровища», переведенные Юй Фэнчуанем, относятся к позднему периоду творчества поэта, когда он особенно усиленно экспериментировал в области формы. На примере этой и других публикаций видно, что многие литераторы Китая используют произведения латиноамериканских поэтов для ознакомления китайских читателей с модернизмом или авангардизмом. Интересна статья писателя Чжоу Эрфу «Латиноамериканский талант», посвященная бразильскому писателю Эуклидасу де Кунья.

В целом можно сказать, что в начале 80-х годов наиболее пристальное внимание китайских переводчиков латиноамериканских произведений направлено на мексиканскую и чилийскую литературы.

О переписи населения в КНР

Е. С. Баженова

Китай — страна с самым большим в мире числом жителей. В последнее десятилетие демографическое развитие КНР привлекает все более пристальное внимание ее руководства. Значение демографического фактора для Китая подчеркнуто в отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана XII съезду КПК, проходившему в сентябре 1982 г. «Проблема народонаселения, — отметил он, — всегда была исключительно важной проблемой социально-экономического развития Китая. Планирование семьи является основой политики нашего государства. Необходимо бороться за то, чтобы к концу нынешнего столетия численность населения в нашей стране не превышала 1,2 млрд. человек. Чрезмерно быстрый рост численности населения отрицательно скажется не только на повышении доходов на душу населения, но и на удовлетворении потребностей в зерне и жилье, в получении образования и трудоустройстве. Это может стать серьезной проблемой и даже отразиться на социальной стабильности. Поэтому ни в коем случае нельзя ослаблять работу по планированию семьи, особенно в деревне»¹.

Летом 1982 г. проводилась общенациональная перепись населения КНР. Эта перепись привлекла внимание демографов всего мира, поскольку от наличия данных о населении этой страны, составляющем $\frac{1}{5}$ населения земного шара, зависели оценки и прогнозы населения огромного региона Азии и мира в целом, а отсутствие этих данных создавало множество проблем для специалистов в области статистики.

Не удивительно, что к осуществлению и финансированию переписи 1982 г. большой интерес проявили международные организации. Так, Фонд ООН для деятельности в области народонаселения (ЮНФПА) оказал Китаю помощь в размере 14 млн. долл. на подготовку и проведение общенациональной переписи населения, масштабы которой были весьма внушительны. Для учета населения, который проводился 18 лет назад, в 1964 г., было отобрано и подготовлено более 5 млн. счетчиков², а для переписи 1982 г. значительно больше, так как в ее задачу входило и получение дополнительной информации — о тенденциях рождаемости и миграционной подвижности населения.

В июне 1980 г. проводилась пробная перепись населения в городе и уезде Уси (провинция Цзянсу), которая также финансировалась ЮНФПА. Это дало возможность опробовать современное оборудование для обработки данных и отработать организацию учета населения для получения наиболее точных результатов. Деятельность ЮНФПА состояла в основном в организации работы национального и провинциальных вычислительных центров, в предоставлении консультантов для оказания помощи при переписи, в организации поездок для ознакомления с методикой переписи в других странах, в обучении китайских статистиков за границей.

Перепись 1982 г. рассматривалась руководством Китая как один из основных элементов создания надежной статистической базы для планирования социально-экономического развития страны, проведения научно обоснованной демографической политики.

Подготовительная работа по проведению Всекитайской переписи осуществлялась с конца 1979 г., сама перепись проводилась по состоянию на 0 часов 1 июля 1982 г.

Данные переписи 1982 г., опубликованные ЦСУ КНР, показали, что население 29 провинций и автономных районов материкового Китая составило 1 008 175 288 человек³.

Согласно положению Госсовета КНР о методах проведения третьей Всекитайской переписи населения, основным объектом переписи являлись лица, проживающие на территории КНР, то есть переписью не были охвачены хуацяо — китайцы, проживающие за рубежом.

По сравнению с результатами второй Всекитайской переписи 1964 г. — 694,6 млн. человек, население 29 провинций и автономных районов КНР за 18 лет увеличилось на 313,6 млн. человек, или на 45,1 %⁴. Средний прирост населения составлял 2,1 %, или 17,4 млн. в год.

¹ «Жэньминь жибао», 8.IX.1982.

² In: "Population" UNFPA Newsletter. New York, 1980, vol. 6, № 7.

³ In: "China Daily", 28.X.1982.

⁴ Здесь и далее данные переписи приводятся по «Гуанмин жибао», 20.X.1982.

Для структуры населения по полу, как и прежде, характерно превышение числа мужчин (519,4 млн., или 51,5 %) над числом женщин (488,7 млн., или 48,5 %), на каждые 100 женщин приходится 106 мужчин.

Характеристика национального состава населения показывает, что ханьцы составляют 93,3 % населения, другие 55 национальностей — 6,7 %.

По сравнению с переписью 1964 г. произошли некоторые изменения в культурном уровне населения: доля неграмотных и полуграмотных снизилась с 38,1 до 23,5 % и составляет 235,8 млн. человек (сюда включаются лица в возрасте старше 12 лет, не знающие или знающие очень мало иероглифов). Таким образом, $\frac{1}{5}$ населения Китая не умеет ни читать, ни писать. Очень невелика и доля лиц с высшим образованием — их насчитывается всего 4,4 млн. человек.

В городах Китая проживает примерно 207 млн. человек. Удельный вес городского населения в общей численности населения страны по-прежнему невелик — 20,6 % (по переписи 1964 г. он составлял 18,4 %). Очевидно, что рост городов происходит в основном за счет естественного прироста населения. Для Китая характерна концентрация городских жителей в крупных городских центрах, ряд которых входит в число крупнейших городов мира: в Пекине — 9,2 млн., Тяньцзинь — 7,8 млн., Шанхай — 11,9 млн. жителей.

За 30 с лишним лет существования КНР в демографической ситуации в стране произошли значительные изменения. Материалы переписи 1982 г. показали почти двукратное снижение коэффициента рождаемости по сравнению с периодом 50-х годов (20,9 % в 1981 г. и 38—40 % в первые годы народной власти) и значительное уменьшение коэффициента смертности, который, по китайским данным, находится на уровне 6,4 %. Соответственно коэффициент естественного прироста снизился к настоящему времени с более чем 2 до 1,46 % в год. Такое снижение рождаемости явилось результатом социально-экономических преобразований, осуществлявшихся в Китае в 50-х годах, и в определенной мере демографической политики, которая особенно активно проводится китайским руководством в последнее десятилетие.

Вслед за переписью Государственный комитет по планированию семьи при Госсовете КНР провел выборочное обследование рождаемости (в выборку попадала каждая из 1000 женщин по всей стране). Оно было начато 1 сентября 1982 г. и проходило четыре месяца. Это было первое общенациональное обследование рождаемости в Китае. В его задачу входило изучение работы последних лет по планированию семьи. Анкета состояла из 22 вопросов по различным аспектам вступления в брак, деторождения, ограничения числа детей в семье. Данные обследования предполагается использовать для подготовки демографических прогнозов, в целях планирования, разработки дальнейших направлений политики народонаселения⁵.

В связи с активным проведением демографической политики в последние годы в Китае значительно увеличился объем демографических исследований. Больше внимания стало уделяться изучению взаимосвязи между развитием народонаселения и народнохозяйственными проблемами. В китайских изданиях появился ряд статей теоретического характера, рассматривающих проблемы народонаселения Китая и их воздействие на развитие китайского общества. Расширяется изучение демографических проблем в различных научно-исследовательских центрах, увеличился объем прикладных исследований.

В последние годы образовалась целая сеть научно-исследовательских организаций и учреждений по подготовке кадров в области народонаселения в различных районах Китая.

Первую категорию (более 25) составляют центры в системе высшего образования. Институт исследований в области народонаселения Народного университета в Пекине стал основным центром демографических исследований и подготовки кадров в стране. Региональные центры первой категории охватывают территорию всего Китая, это университеты: Фуданьский (Шанхай), Пекинский и Цзилиньский (Чанчунь), Чжуншаньский (Гуанчжоу), Сычуаньский (Чэнду) и экономический факультет университета в Ланьчжоу.

Вторая группа научно-исследовательских центров в области народонаселения не входит в систему высшего образования. В 1979 г. в Академии общественных наук в Пекине были созданы сначала Институт социологических исследований, а вскоре — Центр по изучению проблем народонаселения. К осени 1980 г. 10 научно-исследовательских центров в области народонаселения были организованы в системе Академии общественных наук в городах Тяньцзинь и Шанхай в провинциях Шаньси, Гуандун, Сычуань, Ганьсу⁶.

Третья категория центров (научно-исследовательских и по подготовке кадров) включает специальные отделы по исследованию проблем народонаселения, которые созданы в Хэнаньском и Уханьском медицинских институтах и по меньшей мере в четырех провинциальных школах КПК для кадровых работников (в провинциях Хэбэй, Гуанси, Сычуань, Ляонин⁷).

⁵ In: "China Daily", 3.IX.1982.

⁶ См.: «Гуанмин жибао», 22.IV.1980; «Жэнькоу юй цзиньцзи», 1980, № 1.

⁷ In: "Population Index", vol. 47, № 4, 1981, p. 685.

Согласно уведомлению министерства образования КНР, с осени 1980 г. курс «Поздние браки и планирование семьи» в средних школах старшей ступени стал называться «Народонаселение»⁸. Учебным центром подготовки преподавателей этого курса стали Сычуаньский педагогический институт и еще 9 вузов⁹.

Вся эта деятельность показывает, что исследования в области народонаселения в Китае и подготовка кадров проводятся в значительных масштабах и в настоящее время расширяются как в системе высшего образования, так и за ее пределами. Достаточно обширна и проблематика демографических исследований.

В 1980 г. начал работу Центр информации в области народонаселения в КНР, в штате которого насчитывается около 30 человек. В его задачу входит составление каталогов, систематизация китайских и зарубежных книг и других печатных работ, координация деятельности с научно-исследовательскими институтами Китая в области народонаселения. В 1981 г. пять сотрудников этого центра собирали информацию и изучали деятельность в области народонаселения в Таиланде, США и Японии¹⁰.

Озабоченность китайского руководства проблемами народонаселения страны связана и с некоторым повышением рождаемости и естественного прироста населения в начале 80-х годов, несмотря на принимаемые меры, включая установку на переход к однодетной семье. Практика показывает, что если политика ограничения рождаемости опережает социальные и экономические мероприятия, которые формируют взгляды населения на вопросы семьи и деторождения, то она не приводит к желаемым результатам — быстрому снижению рождаемости и тем более к коренному решению демографических проблем.

Демографический фактор оказывает влияние на все стороны жизни китайского общества, поэтому руководство страны и уделяет столь значительное внимание проведению демографической политики.

Положения о планировании семьи нашли отражение в целом ряде государственных законов и постановлений. В статье 53 Конституции КНР (принятой на 2-й сессии ВСНП пятого созыва в марте 1978 г.) указывается, что «государство поощряет и оказывает поддержку планированию семьи»¹¹. С 1 января 1981 г. вступил в силу новый закон о браке, который предусматривает повышение возраста вступления в брак для мужчин с 20 до 22 лет, для женщин — с 18 до 20 лет и ряд положений относительно ограничения рождаемости; статья 12 гласит, что «долг супругов — осуществлять планирование семьи»¹².

Китайские ученые сделали ряд прогнозов численности населения в стране. Если начиная с 1980 г. каждая женщина будет иметь лишь одного ребенка, население Китая будет увеличиваться еще в течение 25 лет и к 2004 г. достигнет 1054 млн. человек; если в семье в среднем будет по 1,5 ребенка, рост населения будет продолжаться 47 лет, а его численность к концу XX в. составит 1125 млн.; при двухдетной семье население будет расти в течение 72 лет, и его численность в 2000 г. достигнет 1217 млн., а к столетию образования КНР (2049 г.) превысит 1,5 млрд. человек¹³. Если на каждую женщину в среднем будет приходиться по 2,3 ребенка (уровень рождаемости 1978 г.), то к концу века население достигнет 1282 млн., а при наличии трех детей (уровень 1975 г.) оно возрастет к 2000 г. до 1414 млн. человек¹⁴.

Вот почему сейчас, после многих лет непосредственного отношения к вопросам демографического развития страны, когда возникла проблема содержания более чем миллиардного населения, когда его огромная численность влияет на все аспекты социально-экономического развития страны, руководство Китая проводит жесткую демографическую политику, направленную на снижение рождаемости. Но результаты этой политики в экономической жизни КНР начнут сказываться лишь в конце нынешнего столетия.

⁸ См.: «Гуанмин жибао», 24.V.1980.

⁹ Подготовка преподавателей частично финансируется Комиссией по народонаселению ЭКАДВ. — «Гуанмин жибао», 5.VI.1980.

¹⁰ In: "Population Headliners" (Bangkok), December 1980, № 69.

¹¹ Чжунго цзинцзи няньцзянь 1981. Пекин, 1981, с. IV-213.

¹² Там же.

¹³ См.: «Жэньминь жибао», 15.IV.1980.

¹⁴ См. там же, 7.III.1980.

Воспоминания ради будущего*

Каждое поколение советских людей проходит через свое «открытие Китая» — знакомство с его своеобразной цивилизацией, необычной и трудной историей, богатой культурой, чарующим искусством, характером народа — величайшего и искуснейшего труженика и стойкого воина, с его бытом и языком, наконец с историей связей нашей страны и Китая, с историей совместной борьбы и созидания, рожденных Великим Октябрем и Освобождением 1949 г.

Пути к этому открытию множественны и своеобразны: от личного участия в событиях минувших десятилетий до постижения через литературу — публицистику (например, столь блистательно представленную в послевоенное время К. М. Симоновым), художественную литературу обеих стран, драматургию, советское искусство (из ранних произведений достаточно вспомнить балет Р. Глиэра «Красный цветок»), с помощью трудов советских ученых — историков, экономистов, географов, филологов. В минувшее десятилетие этому способствовали и десятки томов мемуаров, воспоминаний советских военных и дипломатов, общественных деятелей и специалистов, которые своим трудом непосредственно участвовали в становлении и укреплении дружбы великих народов СССР и Китая.

Поколения прошлых лет узнавали Китай отнюдь не по поверхностным дореволюционным популярным изданиям «с картинками». Молодежь 30—50-х годов «открывала» Китай в боевых строках нашей печати, страстных стихах Маяковского, очерках и книгах П. А. Мифа, А. Ивина, С. Третьякова, Р. Кармена, в публикациях журнала «Интернациональная литература», трудах русских ученых-китаеведов, а то и в книжках прогрессивных западных журналистов. Это был героический образ борющегося народа, сражавшегося за свободу, независимость, национальное достоинство, за Красный Китай. И не случайно многие затем пришли к профессиональному изучению мира Китая.

* О. Б. Рахманин. Из китайских блокнотов. О культуре, традициях, обычаях Китая. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1982, 112 с.

Сегодняшнее поколение нашей молодежи тоже неизбежно встречается с Китаем, но встречается иначе и с иным Китаем, с более сложным его образом, невольно сохраняя в памяти события, осложнившие ситуацию в мире социализма, международную обстановку, не вязавшиеся с тем образом страны, который много лет вызывал добрые и светлые впечатления солидарности и сотрудничества.

И вот выходит в свет книга, ярко и убедительно свидетельствующая о том, что недоброе и неправое, исказившее образ и облик этой страны, ее поведение в мире, — вовсе не «от природы», не историческая неизбежность, а полоса мрачного тумана, скрывшая на время истинное и необходимое в истории Китая, полоса, за которой — естественное, исторически закономерное очищение и, как мы надеемся, возврат к социалистическому характеру наших отношений.

Книга эта не мемуары, но и не сборник эссе, хотя содержит элементы и того, и другого с добавлением лаконичных, почти дневниковых записей. Но дело не в жанре. Не в нем суть, значение и роль этого издания. Главное — цель написания этой книги и связанная с этой целью ее живая актуальность.

Автор книги — один из ведущих советских китаеведов, профессор, доктор исторических наук, первый заместитель председателя Центрального правления Общества советско-китайской дружбы — получил всестороннее китаеведческое образование на родине, много лет провел в Китае, окончил Народный университет в Пекине, представлял ВОКС в КНР, был советником посольства СССР в Китае, много ездил по этой стране, встречался с выдающимися представителями китайской культуры, политическими и общественными деятелями страны.

«Мне, отдавшему около 40 лет жизни Китаю, захотелось написать не только о политических событиях в этой стране, что мне уже не раз приходилось делать, но рассказать о других сторонах жизни трудолюбивого и замечательного китайского народа, которого, как я уверен, ждет лучшая судьба, в том числе дружба и сотрудничество со своими соседями, друзьями, которые никогда не оставляли этот народ в

бед». Автор, характеризуя задачу, цель своей книги, выражает надежду на возрастание у читателей, в том числе, конечно, у нового поколения, «интереса к Китаю, его народу, истории, обычаям», «желания изучить поглубже специфику этой необычной страны», «для многих еще загадочной» (с. III), прежде чем они обратятся к фундаментальным исследованиям советских ученых, охвативших едва ли не все многообразие китайского исторического бытия. Поэтому предметом авторского внимания являются не разрозненные портреты деятелей культуры, театральные жанры или отдельные приметы быта и традиций. И не произвольно все это воспроизвелось в памяти. За кажущейся калейдоскопичностью — строгий замысел, точнее, два плана этого замысла: намерение, во-первых, воссоздать действительные, народные по характеру ценности китайской цивилизации, непреодолимое, фундаментальное в жизни КНР, очищенное от случайного, наносного, химерически искусственного, хотя и имеющего конкретные, частные социально-исторические корни, а во-вторых, в этом непреодолимом показать органически присущие китайской культуре, национальному сознанию заветы и традиции дружбы с советским народом, организующую связь с советской культурой.

Об этом свидетельствует все содержание книги О. Б. Рахманина: глубинные корни этой связи (и не только в области культуры) не истребят никакие исторические лихолетья и субъективные ухищрения, тем более что с советской стороны не было недостатков в свидетельствах доброй воли и желания возродить отношения дружбы с КНР. «КПСС и Советское государство, — заявил Ю. В. Андропов на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, — искренне хотят развития и улучшения отношений со всеми социалистическими странами. Обоюдная добрая воля, уважение к законным интересам друг друга, общая забота об интересах социализма и мира должны подсказывать правильные решения и там, где по разным причинам все еще нет нужного доверия и взаимопонимания».

Это относится и к нашему великому соседу — Китайской Народной Республике». Идея, сформулированные Леонидом Ильичом Брежневым в его выступлениях в Ташкенте и Баку, сделанный им «упор на здравый смысл, на необходимость преодолеть инерцию предрассудков, выразили убеждение всей нашей партии, ее стремление смотреть вперед. И мы с большим вниманием относимся к каждому позитивному отклику на это с китайской стороны»¹.

Об этом свидетельствуют многочисленные встречи и беседы, исследования и непосредственные наблюдения автора начиная с 1946 г., со времени пребывания его в «Освобожденном районе Маньчжурии».

Первые же страницы «Китайских блокнотов» вводят читателя в чрезвычайно интересную эпоху становления и развития

русско-китайских связей. Проследивая внимательно этот непрерывный процесс, автор знакомит читателя с галереей незаурядных личностей, истинных подвижников науки и искренних сторонников русско-китайского культурного сближения, которые отдавали изучению Китая больше душевных сил, чем предписывали им официальные обязанности или формальные функции, коль скоро таковые существовали. Имена Н. Я. Бичурина, П. И. Кафарова, В. П. Васильева и других стали, как показал автор, гордостью отечественной науки в целом.

Их труды, а порой и жизненный подвиг послужили основой для того расцвета китаеведения в нашей стране, который наступил после Великого Октября, победы над германским фашизмом и японским милитаризмом и последовавшим в результате этих событий решающим успехом освободительного движения в Китае. Новый, марксистско-ленинский этап в развитии отечественного китаеведения представлен В. М. Алексеевым, С. Л. Тихвинским, Н. Т. Федоренко, М. И. Сладковским, М. С. Капицей и многими другими учеными. В этом почетном ряду наиболее значительных имен — место и имени автора рецензируемой книги. О. Б. Рахманин справедливо подчеркивает, что результатом их труда было не просто развитие страноведения как «информативной» научной дисциплины, а содействие сохранению и упрочению советско-китайской дружбы, взаимообогащение культур, развитие исторической традиции сближения и взаимопонимания двух соседних народов, советского и китайского, обеспечение их совместного выдающегося участия в мировом революционном процессе, в борьбе за торжество коммунизма.

О. Б. Рахманин отмечает также, что в новейшее время развернулся и встречный процесс — неуклонный рост живого интереса китайского народа, деятелей китайской культуры, китайских коммунистов к культуре нашей страны, успехам нашей революции (вплоть до прямого участия в ней), опыту созидания нового мира и нового человека. Не говоря уже о научном освоении достижений Страны Советов, сам дух общественного творчества, цели непримиримой борьбы с угнетением всех видов глубоко разделялись нашими китайскими друзьями. Тем самым с обеих сторон, соображая свершалось величественное деяние XX века — советско-китайская дружба как всемирно-историческая, по сути, закономерность. Раскрывая этот процесс на примере сюжета «Горький — Китай», автор лаконично и убедительно демонстрирует упорные этой исторической связи, рисуя образы и дела замечательных пропагандистов русской и советской культуры в Китае, выдающихся борцов за китайско-советское единение: Цюй Цюбо, Мао Дуня, Лао Шэ, Сяо Сая, Сюй Бэйхуна. Не Эра, Мэй Ланьфаня и многих других. Книга пронизана твердой уверенностью, что никакие случайные и даже роковые обстоятельства не могут нарушить это историческое движение народов и культур навстречу друг другу.

¹ «Коммунист», 1982, № 17, с. 20.

Примечательно, что, как справедливо указывает автор, все выдающиеся деятели китайской культуры, все истинные патриоты своей страны продемонстрировали существенную сторону своей души и своего творчества — глубокое чувство дружбы и уважения к Советскому Союзу, к нашей культуре. Замечательный китайский прозаик Мао Дунь (Шэнь Яньбин), первый министр культуры КНР, председатель Союза писателей, отмечал: «Советская литература... усиливает наше мужество и вселяет в нас уверенность, помогая выполнять стоящие перед нами задачи». И далее: «Китайский народ и китайские писатели осваивают бесценный опыт созидательного труда и побед Советского Союза. Отныне и навсегда мы, писатели Китая, рука об руку с писателями Советского Союза оружием литературы будем бороться за мир, против поджигателей войны» (с. 19, 20).

Повествуя о различных судьбах деятелей китайской культуры, О. Б. Рахманин увидел в этом многообразии общее, главное — осознанное, убежденное тяготение к дружбе с советским народом. Трагически погибший в 1966 г. Лао Шэ, с которым автор имел немало дружеских бесед в 50-е годы, так выразил тогда свои чувства: «Каждая поездка в Советский Союз доставляет мне такую же радость, какую испытывают в Китае во время встречи Нового года» (с. 26).

Автор вводит нас и в волшебный мир китайского театра, с его своеобразным синтетическим характером, оригинальной символикой, театра, представленного драматургами и исполнителями зачастую трагической судьбы, активными проводниками идей дружбы с родиной Октября, родиной «Человека с ружьем», «Оптимистической трагедии», погонинской трилогии о Ленине, «Русских людей», вдохновляющих китайских деятелей театра и всех патриотов в их работе и борьбе.

Замечательные слова композитора и скрипача Ма Сыцуна приводит в своей книге О. Б. Рахманин: «...Я понял одно: у китайского и советского народов — единые идеалы, общие цели, поэтому-то наше понимание друг друга часто выходит за рамки языка. На этой общности и покоится крае-

угольный камень нашей дружбы» (с. 53).

Современный читатель многое узнает из книги О. Б. Рахманина о китайских вузах и о работе Дома культуры пекинского Общества китайско-советской дружбы, о десятках неизменных друзей нашей страны, энтузиастах и активистах сотрудничества с СССР в области литературы и искусства, спорта и образования. Автор повествует и об их прошлых встречах с советскими людьми, и о новейших мероприятиях Общества советско-китайской дружбы в 80-е годы.

Пейзажи и описания исторических памятников Китая, многочисленные иллюстрации оживляют книгу. Черты быта и нравов предстают как изящные элементы целого — китайской цивилизации, тепло и с пониманием описанные большим другом китайского народа, знатоком и ценителем его культуры.

Один из важнейших моментов в книге — «воспоминания в воспоминаниях». Это память китайского народа о годах совместной борьбы и труда, опровергающая скептицизм по поводу советско-китайских отношений в будущем.

Книга О. Б. Рахманина не только о прошлых впечатлениях. Она вводит читателя, быть может впервые «открывающего» для себя эту страну, в мир подлинного Китая, его подлинного будущего, которое, несомненно, на пути к социализму, а общий путь — это и общая совесть, и разделенный долг. «И нет сомнений в том, — заключает автор, — что в конечном счете между СССР и Китайской Народной Республикой восстановятся добрососедские и дружественные отношения, поскольку это отвечает не только коренным долговременным интересам китайского и советского народов, но и интересам мировой системы социализма, революционного, освободительного движения всех угнетенных народов, интересам укрепления всеобщего мира».

Книга готовит читателя к новой странице в наших отношениях, вселяет уважение и интерес к этому замечательному, героическому народу. Поэтому она — и воспоминание, и введение в грядущее.

Э. Ф. Дроздов

МНРП на современном этапе

Г осиздательством МНР издана книга Ж. Болдбатора «Возрастание руководящей роли МНРП в строительстве социализма»¹, посвященная комплексному анализу процесса возрастания руководящей роли Монгольской народно-революционной партии на современном этапе — этапе завершения строительства в МНР материально-технической базы социализма. Книга всесторонне раскрывает понятие «руководящая роль партии» на богатом фактическом материале, многочисленных примерах из жизни общества и практической деятельности МНРП. Такой подход позволил автору следующим образом сформулировать свою задачу: проанализировать закономерности возрастания руководящей роли МНРП на современном этапе и показать в целом механизм проявления этих закономерностей во всех сферах жизни монгольского общества (с. 5).

Ж. Болдбатор отмечает, что в настоящее время в МНР решается триединая задача: построение материально-технической базы социализма, совершенствование общественных отношений и воспитание нового человека (с. 26—27, 31). Убедительно и глубоко раскрыв сложный и многогранный процесс решения этой задачи (с. 47—66, 67—86, 87—105), автор приходит к выводу, что по мере углубления социалистического строительства еще более возрастают руководящая роль партии и ее значение как политического руководителя, воспитателя и организатора масс. В работе особое внимание уделено идейно-теоретической стороне деятельности партии, ее роли в разработке узловых проблем социально-экономического развития страны (с. 27—46).

Процесс возрастания руководящей роли партии Ж. Болдбатор рассматривает как важнейшую объективную закономерность развития социалистического общества. В то же время этот процесс тесным образом увязывается с организационно-политическим укреплением самой партии, постоянным совершенствованием и обогащением внутрипартийной жизни. Автор обстоятельно показывает механизм воплощения в обличье и деятельности МНРП ленинских принципов, на которых строится партия, форм и методов партийного руководства, основанных на творческом применении теории научного коммунизма. Партия монгольских коммунистов предстает в работе как живой политический организм, связанный многочисленными нитями с массами, чутко реагирующий на новые явления в жизни общества. Как подлинный марксистско-ленинский авангард монгольского народа, МНРП ставит во главу угла всей своей деятельности углубление связей с массами, дальнейшее сплочение с народом.

Одним из важнейших показателей повышения руководящей роли партии является

рост ее рядов, который рассматривается в тесной связи с вопросами подбора, расстановки и воспитания кадров. На ярком материале, конкретных цифрах и фактах автор прослеживает динамику роста партийных рядов, положительные изменения в социальной базе партии, ее половозрастной структуре, образовательном уровне коммунистов. Ныне МНРП представляют 76 тыс. коммунистов, то есть каждый десятый взрослый человек Монголии. Эта цифра говорит о почти двукратном росте рядов партии за последние двадцать лет, о больших успехах кадровой политики МНРП, огромном росте ее авторитета среди народа.

Автор приводит данные о работе партии по увеличению рабочей прослойки в своих рядах и подчеркивает роль ее как ядра партии. В 1981 г. рабочие составили уже 32,6 % всех членов партии. «В тех аймаках и городах, где особенно развилась промышленность,— отмечает автор,— удельный вес рабочих среди вступающих в партию достиг 60—70 %. Например, в Дархане рабочие составили около 70 % всех вступивших в партию в 1976—1978 гг.» (с. 108). Причину столь быстрого увеличения удельного веса рабочих в рядах партии Ж. Болдбатор видит во все возрастающей роли рабочего класса в процессе индустриализации страны, его количественном и качественном росте; в усилении общественной и политической активности рабочих; в повышении авторитета партии, в ее неослабной целенаправленной работе по расширению своих рядов и качественному улучшению, совершенствованию состава.

Отметив факт продолжающегося численного роста членов сельскохозяйственных объединений в рядах партии, автор указывает на снижение их удельного веса среди всех коммунистов. Если в 1966 г. они составляли 21,8 % партийного состава, то в 1981 г.— 17,5 %. Помимо главных причины этого снижения, связанной с общим сокращением удельного веса членов сельскохозяйственных объединений в составе всего населения, в книге отмечаются недостатки в работе некоторых партийных организаций по приему в партию аратов-объединенцев, на которые указал в свое время IV пленум ЦК МНРП (1978). Автор пишет, что задача увеличения критика в партию кооперированных аратов приобретает все большее значение. Что касается служащих и интеллигенции, то на долю их представителей приходилась четвертая часть всех вступающих в партию в 1980 г. (с. 109). Доля коммунистов, имеющих высшее и среднее образование, составляет сейчас 71,3 % (с. 115). Автор показал быстрый рост удельного веса женщин в партии. Они ныне составляют 27 % ее состава. В книге приводятся также примеры конкретных мероприятий партии по вовлечению в свои ряды значительной части молодежи. Между XVII и XVIII съездами МНРП 85,7 % всех вступающих в ряды партии были лица до 35 лет. Средний же возраст коммунистов — 44 года (с. 110). При-

¹ Ж. Болдбатар. Социалист байгуулагтайд МАХН-ын удирдах роль өсөн нэмэгдэж байгаа нь. Ред. Б. Лигдэн, Улаанбаатар, Улсын хэвлэлийн газар, 1982, 158 с.

лечение большого числа фактических данных, статистических материалов позволило автору убедительно показать динамику изменения облика партии, ее кадрового резерва, углубить научное обоснование выводов. Кадровую политику МНРП автор рассматривает через повседневную работу партии по подбору, обучению, расстановке кадров, их воспитанию и систематическому контролю за претворением ими в жизнь решений партии, через ее критерии оценки деятельности каждого коммуниста.

Большинство поднятых в книге вопросов касается непосредственно воплощения в деятельности МНРП основных черт ленинского стиля партийного руководства. Этому посвящена специально и заключительная глава книги, в которой автор делает вывод, что неуклонное совершенствование стиля работы партии является важнейшим условием обеспечения ее руководящей и направляющей роли в современных условиях (с. 116).

Осуществляя свою руководящую роль в обществе, МНРП проводит ее прежде всего через хуралы, профсоюзы, ревсомол и другие общественные организации. Партия не подменяет эти организации, а, как особо подчеркивает автор, проводит в них свою линию, в первую очередь через коммунистов, работающих в этих организациях (с. 136). Руководящая роль партии здесь сказывается, во-первых, в выработке научно обоснованного курса деятельности этих организаций (с. 134), во-вторых, в кадровой и воспитательной политике (с. 135), в-третьих, в контроле и проверке исполнения при широком участии коммунистов — членов массовых организаций (с. 136).

Немало страниц книги отведено вопросам обобщения и распространения передового опыта, в том числе в массовых организациях, повышения авангардной роли коммунистов. В то же время Ж. Болдатор отмечает встречающиеся еще в практике пар-

тийных и других организаций случаи волокиты, зажима критики, формально-бюрократического подхода к делам. Автор подчеркнул важное значение решений X (1975), III (1977), IV (1978), VII (1980) пленумов ЦК МНРП, указавших на необходимость тщательного анализа коммунистами имеющихся недостатков с целью их исправления (с. 121).

В книге поднята важная тема, к тому же рассмотренные в ней вопросы освещены в свете решений состоявшегося в 1981 г. XVIII съезда МНРП — важного форума монгольских коммунистов. Главное достоинство книги Ж. Болдатора — ее комплексность, рассмотрение актуальных проблем развития МНРП и общества в их переплетении и взаимосвязи, в увязке этих проблем с международными факторами: с процессами интернационализации общественной жизни МНР, СССР и других братских социалистических стран (с. 42—46), с последовательной и систематической борьбой МНРП с буржуазной идеологией, с любыми проявлениями всякого рода оппортунизма (с. 157).

К сожалению, небольшой объем книги определил очерковый, по существу, характер освещения некоторых из этих масштабных проблем. Поэтому представляется, что отдельные вопросы автор освещает слишком фрагментарно. Так, например, вопрос о том, является ли возрастание роли партии только закономерностью строительства социализма или это одновременно закономерность развития и самой партии, рассматривается автором несколько умозрительно, без увязки с монгольской действительностью (с. 22—25). Вместе с тем отмеченные недостатки не умаляют то новое и интересное, что несет в себе содержательная книга монгольского ученого.

А. С. Железняков

Торговые монополии в Японии

Вопросы, связанные с особенностями монополизации внутренней и внешней торговли, с развитием и деятельностью торговых монополий Японии, пока еще не получили достаточного освещения в советских исследованиях по проблемам послевоенного развития монополистического капитала Японии. Между тем именно торговые монополии играют исключительно важную роль в организации и развитии внешнеэкономической экспансии Японии. На девять ведущих из них приходится более половины экспортно-импортных операций страны. По степени монополизации это значительно выше, чем в других развитых капиталистических странах. Например, в США аналогичный объем экспорта приходится на 300 крупнейших корпораций.

Столь большое значение японских торговых монополий в национальной, международной, в том числе в советско-японской, торговле делает необходимым изучение их положения и деятельности на внешних рын-

ках как контрагентов и конкурентов советских внешнеторговых организаций. Анализ их формирования, организации и деятельности позволяет также яснее представить место монополистического торгового капитала в структуре финансового капитала.

Известный пробел в освещении этих вопросов и призвана восполнить книга А. А. Одицова «Торговые монополии в Японии»*, в которой автор исследует тенденции и уровень финансово-экономического развития торговых монополий, их место и роль в структуре финансовых групп, связи с промышленными и банковскими корпорациями по линии кредита, владения акционерным капиталом, сбыта, участия в производстве, их роль и значение в государственно-монополистической системе. Особое внимание в работе уделено анализу места, роли, форм и

* А. А. Одицов. Торговые монополии в Японии. М., «Наука», 1982, 190 с.

методов деятельности торговых монополий в сфере внешнеэкономических связей.

«Эволюция современного крупного торгового капитала Японии рассматривается на примере деятельности десяти крупнейших по объему оборота торговых монополий, которые занимают господствующие позиции во внешней и внутренней (оптовой) торговле страны: «Мицубиси сёдзи», «Мицуи бусан», «Марубэни», «Итою сёдзи», «Ниссё-Иван», «Сумитомо сёдзи», «Тоё Мэнка», «Нитимэи дзингё», «Канэмацу-Госё» и «Атака сангё». В связи с тем что в 1977 г. компания «Атака» была поглощена более крупной — «Итою сёдзи», данные за последние годы приводятся по девяти монополиям» (с. 10—11).

В условиях обострения проблемы сбыта в капиталистических странах в последние десятилетия особое внимание уделяется вопросам совершенствования организации торговли, в том числе развитию так называемых систем маркетинга, внедрению в торговлю последних достижений научно-технического прогресса, укреплению связей между торговлей и промышленностью. Одно из важных средств решения этой проблемы современного капитализма видит в дальнейшем усилении монополизации сферы сбыта.

Если в одних странах, например в США, где промышленный капитал с момента своего зарождения выступает господствующей силой, преобладает тенденция к монополизации торговли промышленными корпорациями с помощью организации собственных сбытовых систем, то в других (ФРГ, Япония) монополизация торговли идет преимущественно по линии концентрации и централизации торгового капитала и образования торговых монополий.

«Если в ФРГ и других капиталистических странах, — отмечает А. А. Одинцов, — процесс концентрации и формирования монополий торгового капитала относится в основном к послевоенному периоду... то в Японии торговые монополии в силу исторических особенностей развития японского капитализма сложились и явились господствующей формой организации внутренней и внешней торговли еще задолго до второй мировой войны» (с. 16).

Главную причину этого явления автор справедливо усматривает в экономической отсталости довоенной Японии, позже других развитых государств вступившей на путь капитализма. Это обусловило большую роль торгово-ростовщического капитала в развитии как домонополистического, так и монополистического капитализма в Японии. Именно торгово-ростовщический капитал (наибольшие денежные средства были сосредоточены в руках торговых домов Мицуи, Сумитомо, Ясуда, Симода и др.) послужил основой для формирования крупнейших монополистических объединений «дзайбацу», которые в период между двумя мировыми войнами приобрели форму многоотраслевых концернов замкнутого семейного характера. В этих концернах в силу их купеческого происхождения и особых экономических условий в конце XIX — начале XX в. сложились и играли важную роль крупные торговые, а также банковские компании.

После второй мировой войны, особенно в 60-х годах, Япония, покончив с характерными для нее в прошлом чертами социально-экономической отсталости, вступает в период бурного экономического развития и превращается в мощную индустриально развитую страну. «Однако, — приходит к выводу А. А. Одинцов, — и в новых условиях институт торговых монополий не утратил своего значения» (с. 22). Этому способствовало, по мнению автора, сохранение в промышленной структуре страны огромного количества мелких и средних предприятий, не обладающих возможностями для организации самостоятельного сбыта и нуждающихся в торговых посредниках, а также традиционно большая роль оптового звена в системе товарного обращения страны. Усиление господства торговых монополий А. А. Одинцов связывает с процессом формирования и консолидации послевоенных монополистических объединений — финансовых групп. «Формирование этих групп сопровождалось сращиванием торговых монополий с ведущими банковскими и промышленными монополиями и превращением их в важную составную часть в структуре этих групп. Это обеспечивало им мощную финансово-экономическую базу и способствовало утверждению в качестве крупнейших торговых предприятий страны» (с. 24).

В результате многочисленных слияний и поглощений к концу 60-х годов сложилась сравнительно стабильная группа особо крупных торговых монополий из 10 фирм (перечисленных ранее), называемых «сого сёся» — универсальные торговые компании. В рецензируемой книге обстоятельно анализируется рост финансово-экономического могущества «сого сёся», по ряду показателей вышедших на уровень ведущих промышленных концернов страны; диверсификация их деятельности, укрепление собственной материально-технической базы, инвестиционная деятельность и т. п. Особо рассматривается А. А. Одинцовым место торговых монополий в структуре финансового капитала и финансовых групп.

«К настоящему времени, — пишет автор, — в Японии сложилось шесть наиболее четко выраженных и могущественных финансовых групп: Мицубиси, Мицуи, Сумитомо, Фуё (Фудзи), Дайити-Кангин (Дайити-Кангё — Ю. Е.) и Санва. Первые три из них образовались на основе консолидации связей между соответствующим банком и компаниями, входившими в довоенные дзайбацу... три другие, так называемые «новые группы» — путем объединения отдельных самостоятельных промышленных и других компаний вокруг банков Фудзи, Дайити-Кангё и Санва» (с. 50—51).

Выделение вопроса о финансовых группах представляется вполне обоснованным, так как образование могущественных группировок крупных корпораций, банков и торговых фирм, связанных воедино интересами извлечения монополистических прибылей, — одна из существенных характеристик монополистической структуры Японии. В отличие от довоенных дзайбацу с их строгой иерархической структурой с централизованным контролем, финансовые группы не имеют

специальных органов контроля и управления с юридическим статусом. Внутригрупповые отношения характерны многосторонними связями, взаимным владением акциями, преимущественным финансированием корпораций «своим» банком, переплетающимися директоратами, поставками и товарообменом, техническим сотрудничеством и персональными связями. Ведущие позиции универсальных торговых фирм в финансовых группах объясняются в первую очередь их господством в сфере товарного обращения, особенно в области внешней торговли. Они также выполняют важные хозяйственные функции распределения внутри групп экономических ресурсов, прежде всего импорт и продажу промышленного сырья, а также организацию сбыта продукции на внутреннем и внешнем рынках. В процессе послевоенного развития универсальные фирмы превратились в центры зарубежного маркетинга и крупнейшие информационные центры. Однако «место торговых монополий в финансовых группах», — отмечает автор, — определяется не только их деятельностью как торговых предприятий. В послевоенный период произошло также усиление их роли и в качестве предприятий по организации общегруппового предпринимательства» (с. 74). Еще более важное значение приобретают их организационные функции, в том числе — по организации крупномасштабных проектов внутри страны и за рубежом. На убедительных примерах компаний «Мицубиси сёдзи», «Мицубиси буссан» и других А. А. Одинцов показывает, что широкая организационная деятельность и ведущая роль в экспорте капитала превращают торговые монополии в проводника японской экономической агрессии.

В главе «Роль торговых монополий во внешней торговле Японии» автор проследивает процесс концентрации внешней торговли страны, сопровождавшейся усилением роли торговых монополий, здесь же рассматривается товарная структура и географическое распределение внешнеторговых операций торговых компаний и расширение в последние годы функций и организаторской деятельности торговых монополий в области внешнеэкономических связей.

А. А. Одинцов приводит многочисленные данные, характеризующие высокий уровень концентрации внешнеторговых операций в Японии (с. 95—98). Среди внешнеторговых фирм с оборотом свыше 10 млрд. иен выделяется небольшая группа торговых компаний, внешнеторговый оборот которых исчисляется в триллионах иен. К их числу в первую очередь относятся универсальные торговые монополии, лидирующие во внешней торговле еще в довоенной Японии. Однако роль их неоднозначна. «Главенствующие позиции среди девяти монополий занимают первые шесть, которые в 1979 г. сосредоточили в своих руках около 48 % импорта и 42 % экспорта» (с. 99). Это уже

знакомые «Мицубиси сёдзи», «Мицубиси буссан», «Марубэни», «Итою сёдзи», «Ниссё-Иван». Путем сравнительного анализа автор показывает, что достигнутый уровень концентрации внешней торговли в Японии значительно выше, чем в других странах.

Укрепление позиций торговых монополий в качестве ведущих внешнеторговых предприятий страны сопровождалось усилением их роли и в экспорте капитала. Крупнейшие торговые монополии значительно превосходят по объему капиталовложений и числу зарубежных предприятий стоящие за ними в списке компаний — экспортеры капитала промышленные компании. Так, «занимающая первое место торговая компания «Мицубиси буссан» по сумме своих капиталовложений более чем в 3 раза превосходит один из крупнейших электротехнических концернов, «Мацусита дэнки», и в 4,5 раза — ведущую текстильную монополию «Торэй», которые в 1979 г. имели наибольший объем зарубежных инвестиций среди промышленных фирм» (с. 139).

Главенствующие позиции торговых монополий в зарубежных инвестициях отражают их большую роль и влияние в системе финансового капитала и государственно-монополистического капитализма. С помощью торговых монополий и под их организующим началом осуществляется коллективная внешнеэкономическая экспансия японских промышленных компаний и банков на уровне финансовых групп.

«Сложившиеся в Японии торговые монополии по уровню концентрации капитала, по масштабам операций, по положению и влиянию в структуре финансовых групп, по многообразию деятельности — явление специфическое, характерное именно для этой страны», — пишет, заканчивая исследование, А. А. Одинцов (с. 179). Система крупных универсальных торговых компаний Японии начинает привлекать к себе все большее внимание деловых кругов других капиталистических стран, в частности США, Франции и ФРГ, с точки зрения возможности заимствования японского опыта в организации подобных компаний у себя. Не исключает автор и определенной практической ценности японского опыта и для Советского Союза. «Не все применяемое в практике капиталистических стран приемлемо для нас, — совершенно справедливо заключает А. А. Одинцов. — Однако анализ новейших тенденций в развитии организационных форм и методов ведения торговли капиталистическими фирмами и критический отбор всего положительного могут принести определенную пользу при осуществлении мероприятий по дальнейшему совершенствованию советской торговли» (с. 6).

Подобный анализ и проведен в интересной написанной и весьма содержательной книге А. А. Одинцова «Торговые монополии в Японии».

Ю. Е. Евгеньев

Японцы: национальный характер как социальный феномен

Выход в свет книги В. А. Пронникова и И. Д. Ладанова¹ — заметное событие в советском японоведении, и не только потому, что она посвящена интересной и важной теме. Мы постепенно как-то свыклись с тем, что исследования национального характера зачастую играют лишь вспомогательную роль, служат хотя и неординарным, но все-таки лишь отправным пунктом для выводов, которые касаются экономических и политических, гораздо реже — социальных феноменов. Рецензируемая работа не оставляет сомнения в том, что такие исследования могут иметь и самостоятельное значение, не только не утрачивая при этом своей ценности, но в чем-то даже и выигрывая. Чаще всего этот выигрыш — в активизации внимания читателя, в побуждении его к размышлениям об истинности содержащихся на страницах книги положений, к раздумьям о его собственных поведенческих установках.

Оценочные описания национального характера того или иного народа обычно с трудом записывают признание. С аналогичной ситуацией сталкивается нередко экономист, оперирующий средними величинами. Когда он в интересах исследования использует обобщенную модель того или иного явления или оперирует среднестатистическими данными, то нередко оказывается объектом критики, указывающей на «стирание» полюсов, различий, контрастов и т. д. Не исключено, что подобные упреки будут адресованы и авторам рецензируемого труда.

«В японском национальном характере, — пишут они, — рельефно выделяются: а) общенациональные черты — трудолюбие, сильно развитое эстетическое чувство, любовь к природе, приверженность традициям, склонность к заимствованиям, этноцентризм, практицизм; б) черты группового поведения — дисциплинированность, преданность авторитету, чувство долга; в) обыденно-жизненные черты — вежливость, аккуратность, самообладание, бережливость, любознательность» (с. 31).

Несомненно, многие и многие лица японской национальности полностью или частично не укладываются в рамки таких характеристик. Но в том и состоит главная трудность такого рода исследований, чтобы в огромной массе индивидуальных черт, особенностей, отклонений, проявлений увидеть важнейшие общие закономерные, детерминирующие, существенные качества. Удалось ли это В. А. Пронникову и И. Д. Ладанову? На наш взгляд, содержание книги позволяет дать утвердительный ответ.

¹ В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. Японцы. Этнографические очерки. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983, 270 с.

По мере углубления в книгу довольно рыхлый агломерат разнородных элементов, каким представляется национальный характер, обретает зримые контуры. При этом сквозь хитросплетения факторов, формировавших этот характер на протяжении веков и продолжающих работу свою и поныне, явственно проступает одно, вероятно, решающее обстоятельство. Речь идет о способности японцев адаптироваться к любым, самым резким изменениям внешней среды, об их восприимчивости к любым новым веяниям в различных сферах материальной и духовной жизни. Примечательно, что эти качества свойственны японскому национальному характеру, несмотря на присущий ему же традиционализм, к которому неустанно (иной раз, возможно, с чрезмерной настойчивостью) привлекается в книге внимание читателей.

Традиционализм географически обособленных и расово гомогенных народов всегда отличался повышенной устойчивостью. В Японии к этому в течение длительного времени добавлялась и политико-экономическая изоляция, возведенная на уровень основополагающей государственной доктрины. Тем не менее примерно за 80 лет (с 1868 по 1945 г.) общественное сознание в стране с относительной легкостью абсорбировало два могучих вала «вестернизации», которые, казалось, должны были вызвать катастрофические, необратимые нарушения в его структуре. Кризисы, однако, не наступали, ибо массированное вторжение «нового» не сопровождалось бесповоротной ликвидацией «старого».

Обе волны «нового» (первая — после реставрации Мэйдзи, вторая — после окончания второй мировой войны) насаждались на «старое», сохраняя его в жизнеспособном состоянии. Возникающий симбиоз исключает ностальгию по нередко идеализируемым атрибутам ушедшего прошлого и обеспечивает бесперебойное включение в жизнь нации атрибутов современности, к которым нередко сплошь и рядом относятся с настороженностью или подозрением, если вообще не отбрасывают их. Книга насыщена иллюстрациями этой противоречивой гармонии. Возможно, самые красочные из них показывают вплетение в ткань современной жизни — с типичными для нее высокими скоростями, сутолокой, стандартизацией, монотонностью, обезличкой — многочисленных древних обычаев, ритуалов и церемоний, которые «накладывают печать на все стороны существования японцев», которыми «пропитана история нации и жизнь любого индивида», которые «проявляются внутри японского образа жизни, в праздники и в будни» (с. 124). Авторы рассказывают о серии красочных действ, которые организуются из месяца в месяц на протяжении всего года и привлекают на роли активных участников или

по крайней мере заинтересованных наблюдателей целые локальные общества.

Беглый и далеко не полный их перечень включает приуроченное к встрече Нового года сооружение бамбуковых ворот, украшенных сосновыми ветвями, февральское изгнание злых духов, мартовский праздник кукол, вывешивание в мае надувных изображений карпа в честь мальчиков, июльские встречи и проводы душ предков, сентябрьско-октябрьское любование луной, ноябрьский фестиваль малышей и т. д. Это подлинная театрализация быта, воплощенные стремления людей, давно вышедших из детского возраста, к использованию игровых элементов в своей жизни, что укрепляет хрупкую связь времен, скрепляет межличностные узы, помогает снять накопленные стрессы. Не беда, если многие обычай лишаются изначального смысла, своего порою мистического ореола. Японцы с готовностью мирятся и с более или менее удачными суррогатами, лишь бы сохранить гибкий альянс «старого» и «нового».

Так, во вполне современных городских квартирах появляются комнаты или просто уголки, оборудованные в первозданно национальном стиле: с циновками — «татами», подушками — «дзабутонами» — для сидения на полу, с домашними алтарями — «токонома». Так, и на мелких полукустарных предприятиях, и в гигантских фирмах насаждается атмосфера, позволяющая им выполнять в нынешних условиях функции эквивалентов феодальных семей-кланов «иэ», институт которых в послевоенной Японии остался без былой правовой основы и которые уступили пальму первенства нуклеарным семьям (с. 50, 51).

Приметы этого авторы видят и в том, что в токонома, «всегда предназначавшаяся для картины, красивого букета», ставят, когда теснота, что называется, берет за горло, телевизор (с. 108). И в том, что чайная церемония, классические каноны которой требуют окруженного тенистым садом небольшого павильона, ведущей к нему каменной тропы, старого, чуть свешившего фонаря, камня-колодца для омовения рук и полоскания рта, проползания в низкий дверной проем, сидения на пятаках, тщательного подбора посуды, сложнейшего, веками выверенного порядка заварки зеленого порошкового чая, кипячения воды на углях из сакуры, угощения, наконец, беседы, имеет ныне «облегченный» вариант. «Облегченная» церемония часто проводится в обычных помещениях, в комнатах даже ставятся столы и стулья (с. 197—198).

В. А. Пронников и И. Д. Ладанов связывают высокую адаптивность японского национального характера с воздействием различных форм социальной регуляции. Важнейшей из этих форм являются религии.

Религиозный плюрализм японского народа настолько уникален, что не вписывается в привычный шаблон представлений о вероисповедании. Пытаясь объяснить

ситуацию, в которой, по словам известного русского исследователя Японии Г. Востокова, синтоистский храм может наградить человека именем при рождении, буддийские бонзы — проводить его в последний путь, а в промежутке между этими событиями он с завидной легкостью может временно побывать в лоне христианства, одни специалисты приходят к выводу об индифферентности японцев к религии, об их атеизме, другие — об их необычайной веротерпимости.

Можно согласиться с мнением авторов о неточности первого вывода (с. 59). Трудно оспаривать, что религиозность японского народа носит куда менее выраженный, чем, допустим, в Италии или Испании, характер. Что же касается их взгляда на японскую веротерпимость как на категорию избирательную, распространяющуюся лишь на «те религии, которые не ломают местных религиозных традиций» (с. 89), то он представляется недостаточно обоснованным.

Христианство, например, если не считать протестантской трудовой этики, перекликающейся с соответствующими конфуцианскими поучениями, несомненно, чуждо, скорее, враждебно местным религиозным традициям. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с хорошо изложенными В. А. Пронниковым и И. Д. Ладановым концепциями синто. Согласно этим концепциям 1) мир появился самостоятельно (а не в результате волевого усилия демурга), он хорош и совершенен (а не погряз в скверне); 2) первое сексуальное обличение произошло между богами, то есть о первородном грехе нет и речи; 3) в природе нет деления на живое и неживое, в каждом человеке живет божество — «ками», и сам человек может стать им; мир камей един с миром людей, и искать спасения в ином мире не нужно; 4) число божеств огромно; 5) боги породили не все народы, а только японцев (с. 62—63).

Коренные различия двух религий, таким образом, налицо. Тем не менее христианство, насчитывающее в Японии не более миллиона приверженцев, тихо и мирно уживается с другими религиями, а его догматы вместе с догматами синто и буддизма входят составной частью в доктрины так называемых новых религий — «синко сюкё». Давние преследования христиан по продолжительности и интенсивности не идут ни в какое сравнение с европейскими религиозными конфликтами.

Добавим к этому, что буддизм, особенно его классический вариант, диаметрально расходится с синто в отношении к материальному миру, призывая к уходу от него в nirvanu. Трудовая же этика конфуцианства выглядит стойкой антитезой безмятежному буддийскому созерцанию, обращению вовнутрь, в себя, без внешних симптомов какой бы то ни было деятельности. Веротерпимость японцев выражается в том, что они, не испытывая неудобств, находят возможным одновременно черпать из всех названных религиозно-философских систем (к

ним необходимо присовокупить еще даосизм да и народные верования) взаимодополняющие поведенческие нормы.

Между прочим, многими и весьма поучительными примерами здравого подхода к религиозной практике снабжают наблюдателей народные верования, фасадный примитивизм которых отнюдь не должен заслонять их глубокого внутреннего смысла. Судя по этим примерам, вера в священность некоторых видов фауны и даже божеств из буддийского пантеона абсолютно не мешает поклоняющимся торговаться с ними, а то и прибегать к неприкрытому шантажу.

Больные вылавливают в прудах священного брюхоногого моллюска — «таниси» и обещают камн этого пруда выпустить пленника «только после выздоровления». Охотники заворачивают священную рыбешку — «окодзэ» в бумагу, обещая развернуть лист и дать ей увидеть солнечный свет, если она пошлет им удачу. «Когда рыбаки попадают в беду, они обещают камн моря принести в дар окодзэ, если тот смыслится и спасет их» (с. 67). «Во дворе одного из храмов в Токно можно увидеть статую Дзидзо (популярный буддийский святой. — Авт.), опутанную соломёнными веревками... если у человека похищают какие-то ценности, он связывает Дзидзо и обещает освободить при обнаружении пропажи» (с. 70).

К анализу поведенческих норм, замещённых из указанных религиозно-философских систем, В. А. Пронников и И. Д. Ладанов возвращаются в своей книге неоднократно и с полным на то основанием: слишком специфичны они сами по себе, слишком велики более или менее жестко контролируемые ими зоны жизнедеятельности, слишком многозначительны последствия их «эксплуатации».

Специфика поведенческих традиций заключается прежде всего в том, что они образуют густую сеть вертикально и горизонтально направленных норм, которые определяют каждый шаг японцев. В зарубежной литературе иногда приходится сталкиваться с точкой зрения, согласно которой бремя подобного рода норм сковывает маневренность индивида, суживает его интеллектуальный кругозор, глушит инициативу. Точка зрения эта ошибочна, что убедительно подтверждается материалами рецензируемой книги.

Негативный эффект поведения, запрограммированного бескомпромиссными правилами, мог бы представлять собой сложную проблему преимущественно при условии их искусственного включения в уже сформировавшееся общественное сознание или при условии их очевидной всем скомпрометированности, вызывающей к ним циничное отношение, несмотря на показное соблюдение.

Но нормы поведения («гири», «ниндзэ», «он»), о которых со знанием дела повествуют авторы (с. 113—122), можно считать давным-давно впечатанными в гены японцев, угнездившимися в самых сокровенных уголках их подсознания. Для них пра-

вила эти незаметны, но жизненно необходимы, и японцы поступают в соответствии с ними автоматически, мгновенно реагируя на сигналы той или иной ситуации. Критика некоторых норм молодежью не выходит за пределы столь свойственного ей в послевоенные годы фрондерства, которое исчезает тем раньше, чем быстрее молодые люди сознают, что они, независимо от собственной воли, все-таки придерживаются если не буквы, то, во всяком случае, духа этих норм.

В послевоенные годы потенциал традиционных норм поведения был мобилизован в интересах форсирования быстрого экономического развития, явился одним из столпов механизма трудовой мотивации. Акцент на моральные обязательства перед «своей» фирмой, перед «своим государством» помог пропагандистской машине в максимально возможной степени стимулировать личные факторы повышения производительности труда, что во многом способствовало выходу Японии на позиции второй экономической державы капиталистического мира, на позиции азиатского центра империализма.

В то же время тот же самый потенциал в прошлом использовался, причем небезуспешно, для одурманивания масс шовинистическим, милитаристским угаром, для вовлечения их в кровавые зарубежные авантюры, которые завершились тяжелой трагедией для японского народа. Нельзя упускать из виду: следуя кодексу «бусидо», построенному на верности долгу, то есть тем же моральным обязательствам, многие японцы в свое время вступали в отряды смертников — «камикадзе». Подобная довольно свободная «поворачиваемость» из стороны в сторону кодекса норм, управляющих поведением японцев, внушает известные опасения. «Вряд ли можно думать, — пишут В. А. Пронников и И. Д. Ладанов, — что дух камикадзе уже на свалке истории. Реакционные силы еще не раз могут делать на камикадзе свои последние ставки» (с. 146). Целесообразно указать и на обнадеживающие обстоятельства. Так, печально знаменитая попытка «путча в одиночку», предпринятая писателем Ю. Мисима, который призвал страну повернуть вспять, к воинствующему тэнноизму, не нашла в Японии отклика. По сообщениям печати, солдаты, к которым непосредственно обратился Ю. Мисима, перед тем как совершить харакири, попросту потешались над ним.

Авторы рецензируемой книги впервые подробно рассказывают в ней о доктрине «дзэн». Читатель получает разностороннюю информацию об этом феномене, суть которого — в положении о том, что предельная концентрация внимания или, напротив, полное расслабление генерируют элементы вдохновения. Как пишут В. А. Пронников и И. Д. Ладанов, «приверженцы дзэн утверждают, что сущность дзэн можно только почувствовать, ощутить, пережить, ее нельзя понять разумом (тем более — формализовать посредством сло-

весных определений. — Авт.)» (с. 150). Зато конечные результаты применения методики «дзэн» известны. Идеальную их разновидность авторы характеризуют как отключение сознания, растворение «самости» и погружение в общий поток конкретной ситуации, внутреннее слияние индивида с объектом его внимания (с. 158, 160).

Миллионы японцев систематически или от случая к случаю, самостоятельно или с посторонней помощью выполняют медитационные упражнения, разработанные еще основателями доктрины «дзэн», и извлекают из них немалый положительный эффект. Специалисты называют в этой связи и повышение жизненного тонуса, и стабилизацию нервной системы, и формирование воли, и усиление интеллектуальных способностей, и перестройку темперамента, и преодоление барьеров межличностной несовместимости, и возникновение особой трудовой настроенности (с. 162—163).

Создается впечатление, что теория и практика «дзэн» сильно сказываются и на характере общения японцев, обуславливая прежде всего его сдержанность, коль скоро коммуникантами не являются «свои». Вся концепция сокрытия истинного («хоннэ») за камуфлирующим каркасом показного («татамаэ») связана, разумеется, не с врожденным двуличием или лицемерием, которыми, надо сказать, не раз огульно награждали японский народ поверхностные или пристрастные наблюдатели, а с желанием японцев оградить свой внутренний мир от грубого внешнего вторжения. Такое желание тем сильнее, чем большую роль в жизни индивида играет этот самый внутренний мир, и у тяготеющего к самоуглублению японца оно реализуется в естественной норме поведения, которая выражается различными средствами, четко передаваемыми авторами.

Среди них и гримасы (техника запечатления которых, между прочим, обернулась целым жанром высокого искусства изготовления масок), и улыбки, и смех, и жесты, и позы, и взгляды, и речевые обороты. Невозмутимость лица, скрывающая кипение эмоций; неопределенность улыбки, уводящая собеседника от сугубо личных переживаний; деланность смеха, выигрывающая время для подавления собственного замешательства; умеренность жесты, подчеркивающая исполненную достоинства отчужденность и предупрежда-

ющая фамильярность; смиренность позы, облегчающая растворение в группе себе подобных; отведенность взгляда, амортизирующая неловкость первых фаз личного контакта; расплывчатость речи, сохраняющая свободу маневра и запас ресурсов для продолжения дискуссии, — все это легко узнаваемые признаки, которые многими своими корнями уходят в доктрину «дзэн» (с. 201—227). Знание этих особенностей и тщательный учет их могут служить важным подспорьем при анализе явлений японской действительности, при встречах с японцами.

Мы коснулись только магистральных направлений исследования японского национального характера, предпринятого В. А. Пронниковым и И. Д. Ладановым. Но развернутая ими панорама объемна. Она имеет и вторые и третьи планы с внушительными блоками интересной информации.

Это небольшие очерки об этногенезе японцев, об истории изучения их социальной психологии, о процессах социализации подрастающего поколения, о семейных порядках, об обуви, банях, японских поселениях и о многом другом. Вплотную к ним примыкают приложения, в которых даются любопытные сведения о японской кухне, игре «го», выращивании карликовых деревьев — «бонсай», о восточной системе знаков Зодиака и физиогномике, а также извлечения из книги «Хагакурэ» («Скрытый под листьями»), в которой были сформулированы главные идеи кодекса рыцарского поведения «бусидо».

На первый взгляд известная часть попавшего в эти разделы материала может показаться несколько случайной, имеющей довольно отдаленное отношение к основному объекту анализа. К тому же, и это надо поставить в упрек авторам, ряд положений и описаний не единожды повторяется в тексте. Однако постепенно читатель проникается убеждением, что каждый информационный бит «работает» эффективно, дополняя мозаичное панно, придавая ему новый колорит, высвечивая некоторые оставшиеся в тени участки.

Хорошую и нужную книгу написали В. А. Пронников и И. Д. Ладанов. Недавно она стала библиографической редкостью, едва успев выйти в свет.

В. Б. Рамзес,

В. Н. Хлынов

Милитаризм: цифры и факты

Милитаризм — орудие, которое эксплуататорские классы всегда использовали для сохранения и укрепления своего господства, захвата новых территорий, порабощения чужих стран и народов. В последние десятилетия милитаризм достиг в капиталистическом мире небывалого распространения и развития, пишут авторы

книги, подготовленной группой ученых Института мировой экономики и международных отношений АН СССР* (с. 3). Ав-

* В. В. Борисов, В. П. Васютович, П. Л. Иванов и др. Милитаризм: цифры и факты. Под общ. ред. Р. А. Фарамазяна. М., Политиздат, 1983, 255 с.

торы отмечают, что «экономические и политические корни современного милитаризма лежат в самой природе империализма». Империалисты дважды ввергали человечество в пучину кровопролитных мировых войн, в которых число погибших составило 65 млн., а искалеченных — 110 млн. человек. Миллионами исчисляются жертвы более чем 120 войн и военных конфликтов, имевших место со времени окончания второй мировой войны по настоящее время. «Невиданная по своему размаху гонка вооружений, осуществляемая империализмом в последние годы, привела к созданию на нашей планете таких мощных арсеналов орудий смерти, что применение их привело бы к подрыву самих основ существования человеческого общества, — констатируют авторы рецензируемой книги. — Но и это не останавливает империалистов, продолжающих гонку вооружений. На рубеже 80-х годов милитаристские процессы в США и других странах, входящих в агрессивные военные блоки, усилились. Гонка вооружений вступила в свой новый виток. Особый упор делается на модернизацию и массовое обновление всех видов вооружений на качественно новой основе» (с. 3).

Сегодня вопрос о войне и мире превратился в кардинальную проблему, стоящую перед человечеством. Вокруг нее ведется острая политическая и идеологическая борьба. Последовательно проводимая странами социалистического содружества во главе с СССР борьба за мир, за разоружение требует неустанный разоблачения современного милитаризма, его опасности для дела мира.

В рецензируемой книге на конкретных цифрах и фактах показана огромная опасность, которую несет современный милитаризм человечеству. Ее авторы дают характеристику сущности современного милитаризма и особенностей его развития в империалистических странах, приводят данные о колоссальных затратах людских, материальных и финансовых ресурсов на войны и продолжающуюся сейчас гонку вооружений. В книге содержатся сведения об агрессивных военно-политических блоках и их арсеналах вооружений, о размещении военных баз, о международной торговле оружием. Представляя интерес данные, показывающие социально-экономические последствия гонки вооружений. Авторы используют богатый материал, наглядно показывающий борьбу народов против милитаризма, за мир и разоружение, характеризуют основные общественные и государственные организации, созданные специально для этих целей.

Как справедливо отмечается в книге, «развитие милитаризма в наше время происходит прежде всего под флагом антикоммунизма и антисоветизма» (с. 7). Вместе с тем военная сила широко используется империалистическими государствами, особенно США, в качестве орудия проведения политики неокolonизма, подавления национально-освободительного движения народов, ликвидации прогрессивных

режимов, сохранения и укрепления своих экономических, политических и военно-стратегических позиций в развивающихся странах. США и другие империалистические государства продолжают вооружать и обучать военные, полувоспальные и полицейские силы для сохранения реакционных и диктаторских режимов в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки. В книге убедительно показано, что США являются центром современного милитаризма.

Одним из важнейших направлений империалистической стратегии США является расширение ими своего военного присутствия за рубежом, создание там цепи военных баз. По официальным данным, американские вооруженные силы имеют в настоящее время примерно 2500 баз и военных объектов в 114 странах мира, где дислоцировано около полумиллиона военнослужащих (с. 16). Американские базы используются для подготовки войны против СССР и других социалистических стран, для борьбы против национально-освободительного движения, для вмешательства во внутренние дела других государств. Если мы вспомним недалекое прошлое и только перечислим основные локальные войны и вооруженные конфликты, связанные или спровоцированные в Азии империализмом в 1945—1978 гг., то и это будет достаточным подтверждением агрессивности милитаристских сил империалистического мира, возглавляемого США:

Первая колониальная война Нидерландов против Индонезии (1945—1948). Объявление Индонезии экономической блокады. Предоставление США кредитов и военных займов Нидерландам. Военная поддержка Нидерландов Великобританией.

Колониальная война Франции во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже (1945—1954). Оккупация территории этих стран французскими войсками. Экономическая блокада освободившихся районов.

Вторая колониальная война Нидерландов против Индонезии (1948—1949). Индонезии навязана выплата Нидерландам колониального долга в 1,1 млрд. долл.

Колониальная война Великобритании в Малайе (1948—1955). Помощь Великобритании со стороны США, Австралии и Новой Зеландии.

Империалистическая агрессия США и их 15 союзников против КНДР (1950—1953). Массированные бомбардировки городов и временная оккупация части территории КНДР.

Третья и четвертая колониальные войны Нидерландов против Индонезии (1956 и 1958—1962).

Вооруженные провокации США в Тайваньском проливе (1958). Расширение США военной и экономической помощи Тайваню.

Вооруженная агрессия США в Юго-Восточной Азии (1964—1973). Оккупация Южного Вьетнама. Военные действия на территории СРВ, Лаоса и Камбоджи, бомбардировки городов и сел. Прямая военная и экономическая поддержка местных марионеточных режимов.

В период наиболее интенсивных военных действий США использовали в Южном Вьетнаме около 68 % численности своих сухопутных сил, 60 % морской пехоты, 32 % тактической и 50 % стратегической авиации. Общая численность экспедиционного корпуса США и пяти других капиталистических стран, воевавших против Вьетнама, составила 600 тыс. человек. Помимо этого, американцы подготовили и вооружили для борьбы с патриотами марionеточную армию, насчитывавшую более миллиона человек. Империалистическая агрессия вызвала огромные разрушения на территории Вьетнама. Только с 1965 по 1974 г. было разрушено или полностью уничтожено 9 тыс. деревень (из 15 тыс.), опустошено 10 млн. га земель, занятых под рисом и другими продовольственными культурами, уничтожено около 1,5 млн. голов крупного рогатого скота, 50 лесных массивов общей площадью 5 млн. га, $\frac{2}{3}$ площади манговых лесов, каучуковых плантаций и кокосовых рощ. За годы войны американские империалисты сбросили на территорию Вьетнама 7,9 млн. бомб, применяли химическое оружие и различные современные виды боевой техники. Уже к концу 1967 г. общий вес сброшенных США во Вьетнаме бомб превысил вес бомб, которые были сброшены за всю вторую мировую войну в Европе (с. 82—83).

В книге показывается, что большой угрозой миру и безопасности народов являются империалистические блоки. «Блоковая политика империализма противоречит объективным потребностям исторического развития человечества», — делают вывод авторы. В настоящее время под ударами национально-освободительного движения, поддерживаемого другими революционными силами современности, усилились кризисные явления в системе агрессивных пактов, созданной империализмом в послевоенные годы. В 70-х годах практически все военные блоки (кроме НАТО), созданные империализмом в различных районах земного шара, либо распались (СЕАТО, СЕНТО), либо испытывали серьезные трудности в своей деятельности.

Представляется необходимым вкратце охарактеризовать проимпериалистические агрессивные блоки, деятельность которых охватывала или охватывает ныне обширные районы Азии и Тихого океана.

СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии) — агрессивный военно-политический блок, созданный в 1954 г. по инициативе США и включивший США, Великобританию, Францию, Австралию, Новую Зеландию, Таиланд, Филиппины, и Пакистан. Блок был создан для проведения политики «сдерживания коммунизма» в ЮВА. Основная его цель состояла в борьбе против национально-освободительного движения в странах Азии и бассейна Тихого океана. Большинство стран — членов СЕАТО участвовало в агрессии США в Индокитае. Однако успешная борьба прогрессивных сил стран

ЮВА с империализмом и реакцией в регионе привела к тому, что СЕАТО с 1 июля 1977 г. официально прекратила свое существование, хотя продолжает действовать политическая основа блока — Манильский пакт (с. 104).

СЕНТО (Организация центрального договора) — агрессивный военно-политический блок на Ближнем и Среднем Востоке. Образование его началось с подписания в феврале 1955 г. военного договора между Турцией и Ираном, получившего название «Багдадский пакт». В том же году к нему присоединились Великобритания, Пакистан и Иран. В июле 1959 г. в связи с выходом Ирака из Багдадского пакта блок был переименован в Организацию центрального договора. США, формально не являясь членом СЕНТО, активно участвовали в ее деятельности и были представлены во всех его основных руководящих органах. В марте 1959 г. США заключили с Турцией, Пакистаном и Ираном двусторонние соглашения, предусматривающие возможность использования вооруженных сил США на территории стран — членов блока для отражения «прямой или косвенной агрессии» и «проведения совместных оборонительных мероприятий». После падения шахского режима новое правительство Ирана в марте 1979 г. объявило о выходе Ирана из СЕНТО. Одновременно с Ираном о выходе из блока заявил Пакистан. Это привело к фактическому самороспуску блока (с. 105).

АНЗЮС (Тихоокеанский пакт безопасности) — замкнутая военно-политическая организация, образованная в 1951—1952 гг. и объединяющая США, Австралию и Новую Зеландию. Была создана в связи со стремлением США укрепить свои позиции в ЮВА и юго-западной части акватории Тихого океана в борьбе против национально-освободительного и антиимпериалистического движения в этом регионе. Верховного командования, объединенных вооруженных сил, регулярно действующего аппарата и постоянной штаб-квартиры АНЗЮС не имеет. Регулярно проводятся маневры военно-воздушных, военно-морских и сухопутных сил стран — членов блока. США придают большое значение деятельности этого блока и всячески способствуют его активизации.

АНЗЮК — военно-политический союз в составе Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Малайзии и Сингапура, основанный в 1971 г. Блок создан по инициативе Великобритании в первую очередь для защиты ее политических и экономических интересов и борьбы против национально-освободительного и антиимпериалистического движения в ЮВА. В соответствии с соглашением в случае возникновения вооруженного конфликта с участием стран — членов блока Великобритания не несет военных обязательств перед своими союзниками. До 1975 г. существовали объединенное командование и вооруженные силы блока,

размещенные на территории Малайзии и Сингапура. С 1 января 1975 г. объединенные вооруженные силы блока упразднены, а военные контингенты Австралии, Великобритании и Новой Зеландии перешли под непосредственное командование Малайзии и Сингапура. Военные советники АНЗЮК продолжают работать в штабе этой военной группировки. Регулярно проводятся учения и маневры вооруженных сил стран — членов блока (с. 108).

АЗПАК (Азиатско-Тихоокеанский совет) — региональная политическая организация, созданная в июне 1966 г. Ее участниками были первоначально Австралия, Новая Зеландия, чанкайшестский режим на Тайване, Таиланд, Филиппины, Южная Корея, Япония, Малайзия и Южный Вьетнам. Штаб-квартира находилась в Сеуле. В 1973 г. от участия в деятельности АЗПАК отказалась Малайзия, в 1975 г. в связи с победой сил освобождения из организации выбыл Южный Вьетнам. Официально организация была образована по инициативе южнокорейского режима, а практически — под эгидой США.

Формально АЗПАК создан с целью усиления сотрудничества стран ЮВА и Дальнего Востока в экономической, культурной и социальной областях. Фактически же это политический союз, тесно связанный с системой агрессивных военных блоков империализма и направленный против азиатских социалистических стран и национально-освободительного движения в этом регионе. Все члены АЗПАК связаны двусторонними военными соглашениями с США и Великобританией. АЗПАК не имеет объединенного военного командования и объединенных вооруженных сил. На территории участников блока размещено большое число военно-морских и военно-воздушных баз США. Контингенты вооруженных сил — членов АЗПАК принимали участие в агрессии США во Вьетнаме.

В 70-х годах АЗПАК, как и почти все другие проимпериалистические блоки, переживал острый кризис. В настоящее время его деятельность практически парализована, многие страны-участницы высказываются за его реорганизацию или роспуск (с. 108—110).

Агрессивные круги империализма во главе с США, сознавая, что созданные ранее военные блоки и пакты дышат на ладан, пытаются либо реанимировать их, либо создать действенную замену развалившимся блокам. Они всячески поощря-

ют оживление деятельности такого блока, как АНЗЮК, рассчитывают в перспективе объединить двусторонние союзы с Японией, Южной Кореей и военные связи с Тайванем в единый блок — Организацию договора Северо-Восточной Азии (НЕАТО). С этой целью они навязывают Японии расширенное толкование американо-японского «договора безопасности». Кроме Японии, в зону действия этого договора США предполагают включить Южную Корею, где имеются американские базы и войска, и Тайвань.

Реакционные империалистические круги, прежде всего в США и Японии, пытаются столкнуть с мирного пути АСЕАН (Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии, включающую Таиланд, Сингапур, Малайзию, Индонезию и Филиппины), созданную в 1967 г. для содействия экономическому и социальному развитию каждого из государств-членов. Как видно из материалов рецензируемой книги и сообщений, поступающих из-за рубежа, сегодня одним из главных звеньев военно-политической стратегии США на Дальнем Востоке является их стремление усилить свое военное присутствие в этом регионе, сколотить опасный для дела мира военный альянс: Вашингтон — Токио — Сеул, превратив Японию и Южную Корею в плацдарм американского империализма на Дальнем Востоке. Пентагон имеет 32 крупные военные базы в Японии и 40 в Южной Корее, численность американских войск на Дальнем Востоке доведена почти до 150 тыс. человек. Тихоокеанское командование США располагает 7 авианосцами, десятками других военных кораблей, в том числе ядерными подводными лодками, а также крупными авиационными соединениями, насчитывающими в своем составе более тысячи самолетов.

В опасный для мира и безопасности народов Азии фактор превращаются милитаристские поползновения определенных кругов Японии.

Рецензируемая книга представляет собой полезное издание, которое на основе фактов разоблачает современных милитаристов, наглядно показывает, что историческая тенденция в мире состоит в необходимости роспуска всех агрессивных блоков, прекращения гонки вооружений, что позволит освободить колоссальные материальные и финансовые средства для улучшения жизни народов.

В. Н. Усов,

кандидат исторических наук

«Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 3, 192 с.

Технический редактор Серкина О.

Сдано в набор 14.07.83. Подписано в печать 30.08.83. А-13622. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага тип. № 1.
Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 16,8 Уч.-изд. л. 19,05 Кр.-отт. 16,8
Тираж 16135 экз. Изд. № 37673 Заказ 1990
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета
Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Москва, 119021, Zubovskiy
bulvar, 17

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области